МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

Институт языка, литературы и истории
– обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр Российской академии наук»

На правах рукописи

Чебаковская Александра Вячеславовна

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ В КАРЕЛИИ В 1918 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х гг.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторический наук
О. П. Илюха

Петрозаводск – 2021

Оглавление

Введение 3

Глава I. Проблема сиротства и беспризорности детей в Советской России и Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг. 36

§ 1. Социально-экономическая ситуация как фактор положения детей 36

§ 2. Основные категории несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи 59

Глава II. Система социальных учреждений для беспризорных в Карелии и деятельность общественности 79

§ 1. Управление сферой охраны детства в Карелии как часть системы государственного регулирования в 1918–1935 гг. 79

§ 2. Вклад советской общественности в решение проблемы детской беспризорности 109

Глава III. Жизнь воспитанников детских домов Карелии 162

§ 1. Социальный портрет ребенка в контексте обобщенной биографии: сирота, беспризорник, правонарушитель 162

§ 2. Материальная база детских домов и система жизнеобеспечения детей в 1918 – первой половине 1930-х гг. 195

§ 3. «Государственный ребенок» и его социализация в детских учреждениях. 250

Заключение 292

Список сокращений 301

Список использованных источников и литературы 304

Приложение 331

Введение

Актуальность темы. На рубеже XX–XXI вв. история детства оказалась в числе быстро развивающихся направлений исторических исследований. Спектр изучаемых проблем в данной области на сегодняшний день достаточно широк, к этой сфере научного знания относится и история социальной защиты детей. Охрана детства подразумевает систему государственных и общественных мер, направленных на обеспечение полноценной жизни, здоровья, воспитания и всестороннего развития ребенка. Особое внимание исследователи уделяют изучению конкретных групп детей, которым из-за отсутствия родительской заботы требовалась социальная помощь и поддержка со стороны государства или общественности. Эти группы включают детей-сирот, беспризорных детей[1], детей-инвалидов, несовершеннолетних правонарушителей и др. Интерес к истории решения «детского вопроса» возрастает в связи с обострением проблемы социального сиротства[2] в современном российском обществе.

Одними из важнейших государственных стратегических приоритетов в Российской Федерации объявлены семейная и демографическая политика, защита прав ребенка. Среди мер, направленных на защиту прав детей-сирот, главной является развитие семейных форм их устройства. Этот подход изложен в Концепции государственной семейной политики на период до 2025 г.[3] Главной целью государственной политики, ориентированной на защиту интересов сирот, является их деинституционализация[4]. Сокращение сети детских домов сопровождается расширением практики семейного воспитания детей-сирот. Вокруг вопроса о семейном устройстве детей разворачиваются дискуссии, что

---

[1] Беспризорный – ребенок, не имеющий постоянного места жительства или пребывания; безнадзорный – ребенок, не имеющий контроля за воспитанием, обучением и содержанием со стороны родителей или законных представителей.

[2] Социальное сиротство – социальный феномен, заключающийся в существовании в обществе детей, которые в силу экономических, социальных, политических, экологических и других причин не могут воспитываться биологическими родителями (родителем) и забота о жизнеустройстве которых требует вмешательства со стороны государства и общества.

[3] Концепция государственной семейной политики до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/16. (дата обращения: 01.09.2020).

[4] Бессчетнова О. В. Сиротство в России: от призрения к деинституционализации // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 108.

подтверждает отсутствие однозначного ответа на процесс деинституционализации социальной группы детей-сирот. При росте усыновлений, устройств под опеку или попечительство в приемную семью общее количество воспитанников детдомов в 2019 г. составило 43,7 тыс. человек, что на 46 % ниже показателей 2015 г. Количество детских домов соответственно также сократилось на 24 % и составило 1314[5]. По данным федерального банка о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, на 1 октября 2020 г. в России их насчитывается 42 607 человек[6]. Эта цифра меньше на 15 %, чем в конце 2017 г., что является результатом комплекса мер государства и общественных организаций, направленных на изменение статуса детей-сирот. В Карелии в 2019 г. 219 сирот находились в детских домах, 1788 человек устроены в семьи[7].

Специфической чертой современной России является высокая доля социальных сирот в общей численности детей, оставшихся без попечения родителей. Основными причинами социального сиротства в современном обществе являются лишение родительских прав и отказ от ребенка[8]. Проживание в семьях с доходами ниже прожиточного минимума, бродяжничество, различные формы девиантного поведения: алкоголизм, наркомания, преступность (в 2019 г. количество несовершеннолетних, совершивших преступления, составляло 41 548 человек[9]) – все это указывает на то, что проблема детской беспризорности и безнадзорности сохраняется. Точные данные о количестве беспризорных детей в стране не может предоставить ни одно ведомство, что связано с текучестью рассматриваемой группы. Текущие процессы актуализируют обращение к отечественному опыту складывания и функционирования системы социальных

---

[5] Число детей-сирот в России сократилось на 46 % за четыре года [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/943158/2019-11-14/chislo-detei-sirot-v-rossii-sokratilos-na-46-za-chetyre-goda. (дата обращения: 01.09.2020).

[6] Усыновите.ру [Электронный ресурс]. URL: http://www.usynovite.ru/statistics/2018/. (дата обращения: 01.10.2020).

[7] Доклад Министерства социальной защиты Республики Карелия «О положении детей и семей, имеющих детей, в Республике Карелия в 2019 году» [Электронный ресурс]. URL: https://social.karelia.ru/cms_data/usercontent/czneditor.pdf. (дата обращения: 20.09.2020).

[8] Горева О. М., Осипова Л. Б., Сербина Е. А. Проблемы социального сиротства в современной России // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18234. (дата обращения: 02.09.2020).

[9] Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart. (дата обращения: 20.09.2020).

учреждений для беспризорных детей. Важно изучить аналогичные явления в прошлом, критически осмыслить опыт, накопленный в условиях раннего советского общества, когда потребовались большие усилия для решения проблемы детской беспризорности, достигшей огромных масштабов. Критический анализ исторического опыта может быть полезным при выработке современных эффективных мер в решении спектра вопросов защиты детей. Именно на начальном этапе советской истории была подвергнута критике практика семейного воспитания, государство взяло на себя заботу обо всех нуждающихся детях, выступало гарантом благополучия детских учреждений и их воспитанников. В контексте изменений, происходивших в политике государства, в 1918 – первой половине 1930-х гг. в стране была создана новая система государственных органов охраны детства, заменившая сеть учреждений, существовавших в царской России.

Тема социальной защиты и поддержки несовершеннолетних в современной исторической науке изучается в различных хронологических и территориальных рамках. Изучение регионального опыта решения проблемы, введение в научный оборот данных по оказанию помощи беспризорным детям в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг. будет способствовать созданию общей картины социальной защиты детей и послужит основой для сравнительно-исторических исследований. Представляет интерес не только система социальных учреждений для беспризорных в Карелии, но и повседневная жизнь воспитанника в детском доме, выявление уровня его обеспечения, учебно-воспитательной работы и др. Всестороннее изучение проблемы детской беспризорности возможно в контексте исторического развития с учетом местной специфики и при использовании комплексного подхода в отношении разнообразных источников.

Объектом исследования представляется система государственных органов, учреждений и общественных организаций, занимавшаяся вопросами социальной защиты и поддержки нуждающихся детей в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг., а также дети как ключевые субъекты данной системы.

Предмет исследования – процесс складывания и функционирования системы государственных органов и общественных организаций, решавших проблему детей-сирот и беспризорников на региональном уровне в 1918 – первой половине 1930-х гг.

Целью работы является комплексное исследование истории создания и деятельности государственных и общественных институтов защиты детей-сирот и беспризорных в 1918 – первой половине 1930-х гг. на материалах Карелии. Для реализации цели были поставлены следующие взаимосвязанные **задачи**:

- определить особенности положения детей на фоне социально-экономической ситуации в России и Карелии;
- выявить основные категории детей, нуждающихся в социальной помощи;
- исследовать структуру государственных органов управления в сфере охраны детства в 1918–1935 гг., показав их задачи, функции, иерархию и соподчиненность;
- проанализировать деятельность советской общественности в решении проблемы детской беспризорности и преступности в Карелии;
- реконструировать социокультурные особенности социально неблагополучного ребенка методом создания обобщенной биографии;
- определить уровень жизнеобеспечения «государственного ребенка», сравнив нормативы и реальное положение воспитанников детских домов Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг.;
- изучить особенности социализации детей-сирот и беспризорных в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг., рассмотрев средства и методы воспитания «нового человека» в условиях детских домов.

Территориальные рамки исследования включают Карелию в административно-территориальных границах Олонецкой губернии (до 1920 г.), Карельской Трудовой Коммуны (КТК, 1920–1923 гг.), Автономной Карельской Советской Социалистической Республики (АКССР, 1923–1936 гг.). Границы Карелии претерпели изменения в результате административного деления

и придания территории того или иного статуса в составе государства. 8 июня 1920 г. Всероссийский Центральный Исполнительный комитет (ВЦИК) принял постановление об образовании в составе РСФСР Карельской Трудовой Коммуны. В административном отношении Коммуна первоначально состояла из трех уездов: Кемского, Олонецкого и Петрозаводского. Данная территория была населена преимущественно карелами, но наряду с карельскими волостями в коммуну вошли экономически тесно связанные с ними местности с русским населением. В 1922 г. в связи с упразднением Олонецкой губернии в состав КТК вошли Повенецкий уезд и часть Пудожского уезда. В 1923 г. 5 поморских волостей Онежского уезда Архангельской губернии были присоединены к Кемскому уезду. В 1924 г. к Карелии отошли Ладвинская и часть Шелтозерско-Бережной волости Лодейнопольского уезда Ленинградской губернии, большинство населения которой составляли вепсы. По постановлению ВЦИК РСФСР «О районировании Карельской АССР» от 29 августа 1927 г. вместо 7 уездов и 55 волостей было создано 26 районов. Все административно-территориальные изменения оказывали влияние на складывание и развитие сети социальных учреждений для беспризорных детей.

Хронологические рамки исследования охватывают 1918 – первую половину 1930-х гг., что позволяет рассматривать складывание системы социальных учреждений для беспризорных в ее развитии. Нижняя граница обусловлена тем, что в первые годы советской власти детская беспризорность в регионе, как и в целом по стране, в связи с социально-экономической ситуацией начала приобретать огромный размах и становиться чрезвычайно острой социальной проблемой. С этого же времени стала формироваться советская система социальных учреждений по вопросам защиты детей, создавались центральные и местные органы управления в сфере охраны детства. Организация специальных комиссий в начале исследуемого периода указывала на важность решения проблемы с опорой на государственную систему. Так, в 1918 г. в общероссийском масштабе начала работать Комиссия по делам несовершеннолетних (Комонес), в 1921 г. – Комиссия по улучшению жизни детей

при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете (Деткомиссия при ВЦИК). Стали регулярно проводиться съезды по охране материнства и младенчества, социально-правовой охране несовершеннолетних, различные всероссийские и региональные конференции, совещания, которые были посвящены проблемам воспитания, обучения и развития беспризорных детей. В этот период дети оказываются объектом пристального внимания со стороны советского государства, возобновляется интерес к ним со стороны педагогов, психологов, врачей, юристов и др. Определение верхней границы исследования связано с тем, что с принятием Постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»[10] последовало установление других типов детских учреждений и изменение их подчиненности ведомствам. В документе декларировалась ликвидация массовой детской беспризорности и безнадзорности в стране, следствием чего стало закрытие большинства организаций, деятельность которых была направлена на борьбу с детской беспризорностью и преступностью.

Степень изученности темы. Историко-хронологический метод и принцип выявления научной проблематики дают возможность проследить эволюцию взглядов представителей отечественной и зарубежной исторической науки и смежных дисциплин. В связи с тем, что предмет исследования находится на стыке интересов нескольких наук, наряду с исследованиями историков были привлечены работы по педагогике, психологии, медицине, юриспруденции и др. Историографию становления учреждений социальной защиты детей-сирот и беспризорных в Советской России и Карелии можно разделить на две группы: советскую и постсоветскую (современную). Внутри первой группы выделяются следующие этапы осмысления проблемы: первый охватывает 1920–30-е гг., второй – 1940–50-е гг., третий – 1960–80-е гг. В указанные периоды обозначились различные ракурсы рассмотрения вопросов, связанных с детской беспризорностью, исследователи использовали доступные им источники и в разной мере испытывали давление государственной идеологии.

[10] Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2002. С. 184–187.

Исследование ситуации в сфере охраны детства в СССР началось уже в 1920-е гг. Появление большого количества работ «по свежим следам» событий было связано с практической деятельностью тех, кто решал проблемы в деле защиты детей. Т. М. Смирнова называет эту часть исследований «синхронной литературой», подразумевая, что работы, написанные непосредственно в изучаемые годы, являются одновременно и научной литературой, и служат источниками для следующих поколений исследователей[11]. В публикациях 1920-х гг. делался акцент на достижениях советской власти в сфере охраны детства, в них прослеживается высокая степень реагирования авторов на существовавшие в обществе социальные проблемы, обращение к которым осуществлялось через критическое осмысление исторического опыта. Несмотря на специфику историографии данного периода, эти труды заслуживают внимания современных историков, так как в них авторы демонстрировали результаты усилий государства и успехи специалистов в сфере охраны детства[12]. Широкий спектр «синхронных научных исследований» определяется тем, что вопросами защиты детей занимались специалисты разного профиля: медики, педагоги, юристы и др. Они старались продемонстрировать свой опыт работы с определенными категориями детей, например с несовершеннолетними правонарушителями[13], предлагали собственные наработки в отношении воспитанников детдомов, описывали практики конкретных детских учреждений[14]. Данные работы внесли весомый вклад в осмысление проблем детской беспризорности, для диссертационного исследования они выступают в качестве источников знаний по конкретным вопросам. Например, медицинские работники 1920-х гг. проводили исследования, направленные на получение подробной характеристики условий жизни

---

[11] Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб., 2015. С. 18.

[12] Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью (сб. ст. и правительств. распоряжений) / под ред. С. С. Тизанова, М. С. Эпштейна. М., 1927 и др.

[13] Гришаков Н. П. Детская преступность и борьба с нею путем воспитания. Орел, 1923; Соколов П. Детская беспризорность и детская преступность и меры борьбы с этими явлениями с современной точки зрения. Саратов, 1924 и др.

[14] Беспризорные в трудовых коммунах. Практика работы с трудными детьми / под ред. В. Л. Швейцар, С. М. Шабалова. М., 1926; Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. М., 1925; Калинина А. Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. М., 1928; Шахуньянц Г., Кротков Ф. К трудовой коммуне. Опыт построения первой московской трудовой коммуны для беспризорных. М., 1926.

беспризорных детей, с целью разработки мер для улучшения их положения[15]. Специалисты обращались к изучению медицинского состояния детей и давали анализ мероприятий, направленных на охрану здоровья детей[16]. Особенно выделяются работы доктора Е. Н. Радина, в которых делается упор на изучении мер, предпринимаемых государством в области охраны здоровья детей в лице Наркомздрава РСФСР[17]. Тогда же появляются работы, посвященные детскому жизнеобеспечению. Доктора, используя зарубежные наработки, собственную практику в детских учреждениях, старались определить принципы правильного питания для детей[18].

Правоведов интересовало состояние нормативно-правовых актов своего времени в отношении нуждающихся детей. Нередко авторы в своих исследованиях публиковали тексты декретов, кодексов, инструкций или положений по изучаемой проблеме[19]. В центре внимания юристов также находились проблема численности беспризорных детей и масштабы их распространения по стране. Обращались к данной проблематике и исследователи русской эмиграции. Стоит выделить работы В. М. Зензинова и Б. Соколова[20], в которых представлен анализ состояния детской беспризорности в стране.

Одной из проблем, которой занимались исследователи в 1920–30-х гг., являлась система воспитания в детских учреждениях для трудных подростков. Авторы останавливались на изучении практики воспитательной работы с беспризорными и малолетними правонарушителями. Они старались акцентировать внимание на складывавшемся опыте работы в детских

---

[15] Соколов П. Беспризорные дети в г. Саратове. Саратов, 1925 и др.

[16] Арборе-Ралли Е. Мать и дитя в Советской России. М., 1920; Дурново А. С., Радин Е. П. Вопросы педологии в работе Наркомздрава по охране здоровья детей и подростков. М., 1928 и др.

[17] Радин Е. П. Охрана здоровья детей и подростков и социальная евгеника. Орлов, 1923; Радин Е. П. Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. Вятка, 1921 и др.

18 Гиндес Е. Я. Таблицы питания детей до 5-летнего возраста. Баку, 1933; Гуткин А. Я. Питание детей в школе: (Организация и постановка питания). Л., 1934; Данилевич М. Г. Вопросы питания детей. Л., 1925; Доброхотова А. И. Практическое пособие по питанию детей раннего возраста. М.; Л., 1933; Игнатов Н. К. Питание детей всех возрастов в связи с применением суррогатов и заменою одних продуктов другим. М., 1922; Исраэлян Л. Г. Основы питания детей. Тифлис, 1928; Попова А. В. Современное учение о питании малолетних детей. М.; Л., 1929 и др.

[19] Детская беспризорность и детский дом: сб. статей и материалов II Всероссийского съезда СПОН по вопросам детской беспризорности, детского дома и правовой охраны детей и подростков / под ред. С. С. Тизанова, В. Л. Швейцер, В. М. Васильевой. М., 1926; Копелянская С. Е. Социально-правовая помощь матери и ребенку. М., 1934; Несовершеннолетние правонарушители / под ред.: Я. П. Перель, А. А. Любимова. М., 1932 и др.

[20] Зензинов В. М. Беспризорные. Париж, 1929; Соколов Б. Спасите детей! О детях советской России. Прага, 1921.

учреждениях, системе воспитания в них. Например, Б. С. Утевский дает характеристику внутренней жизни Московского трудового дома для несовершеннолетних, отмечая, что предлагаемый очерк направлен на восполнение пробела в литературе о детской беспризорности и преступности, посвященной не общим вопросам, а практической работе в медико-педагогическом учреждении[21].

Во второй половине 1930-х гг. заметно снижение количества выпускаемой литературы по исследуемой теме, что связано с официальным заявлением власти в 1935 г. о ликвидации массовой детской беспризорности. В литературе подобные заявления появились раньше. Так, Б. С. Утевский уже в 1932 г., охарактеризовав достижения советской власти в сокращении численности беспризорных, рассмотрев основные формы и методы данного направления социальной политики, сделал вывод о полной ликвидации массовой уличной беспризорности детей[22]. Однако в этой политизированной работе за пределами внимания автора оказались дети, пострадавшие в процессе раскулачивания и вывод был явно преждевременным. Анализ историографии 1920-х гг. позволяет представить в целом политику советского государства в отношении беспризорных детей, обратить внимание на организационные основы всей социальной системы.

На следующем историографическом этапе (1940–50-е гг.) исследуемая проблема рассматривалась исключительно с точки зрения ведущей роли партийного руководства. Авторы журнальных и газетных статей подчеркивали значение государства в деле заботы о детях, освещали отдельные стороны деятельности государственных органов по защите детей и др. В это время проходят первые защиты диссертаций по истории охраны детства. В их числе исследование В. Я. Ионовой о борьбе с детской беспризорностью на примере Пензенского региона[23]. Публикуются работы о практиках конкретных детских учреждений с анализом их учебно-воспитательной работы, издаются

---

[21] Утевский Б. С. В борьбе с детской беспризорностью. Очерки жизни и быта Московского трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей. М., 1927. С. 10.

[22] Утевский Б. С. Борьба с детской беспризорностью / под. ред. Я. А. Перель, А. А. Любимова. М., 1932.

[23] Ионова В. Я. Борьба с детской беспризорностью в 1920-е – 1940-е гг. в России (на примере Пензенского региона): автореф. дис. … канд. пед. наук. Омск, 1950.

педагогические труды, в которых изучаемая тема трактуется в контексте проблем воспитания[24]. Исследователи, характеризуя работу с воспитанниками детдомов, старались не давать оценку эффективности системы социальных учреждений для беспризорных. На этом историографическом этапе заметно преобладание педагогических и правовых исследований, направленных на анализ воспитательных практик детских учреждений.

На третьем историографическом этапе (1960–80-е гг.) в центре внимания исследователей оставалась система государственных учреждений, практики конкретных детдомов, был поставлен вопрос об эффективности применяемых мер со стороны государства[25]. В 1964–1968 гг. появляются издания педагогической энциклопедии, в которой дается устоявшаяся в предыдущие годы положительная оценка деятельности государства по ликвидации детской беспризорности[26].

Проблемы преступности несовершеннолетних и меры борьбы с ней рассматривались с разных позиций[27]. Исследователи обращали внимание на трудности, с которыми столкнулась власть в борьбе с преступностью детей, описывали развитие детских учреждений для малолетних правонарушителей, выясняли изменения государственной политики по отношению к ним. Эти подходы формировали определенные стереотипы, используемые в советской художественной литературе для создания портрета ребенка-правонарушителя, беспризорника, которого советская власть «вывела в люди». В 1979 г. был издан статистический сборник «Дети в СССР», который содержал сведения о воспитании и обучении подрастающего поколения, об охране здоровья матери и

---

[24] Гончаров Н. К. Основы педагогики. М., 1947; Поталак П. В. Институт трудового воспитания «Новая жизнь» Наркомпроса РСФСР. Из опыта работы детского дома с особым режимом. М., 1940; Горохов В. М., Суворова К. Г. Кураловский детский дом. 1920–1945. В связи с 25-летием Кураловского детского дома. Казань, 1946.

[25] Беленовский К. И. Инспектирование детских учреждений интернатного типа: дис. … канд. ист. наук. М., 1976; Гербеев Ю. В. Гербеев Ю. В. Исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (историко-педагогическое исследование). М., 1969; Жукова Л. А. Государственные учреждения и общественные организации в борьбе за ликвидацию детской беспризорности в РСФСР (1917–1932 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1982 и др.

[26] Педагогическая энциклопедия: в 4 т. М., 1964–1968.

[27] Астемиров З. А. Трудовая колония для несовершеннолетних. М., 1969; Болдырев Е. В. Меры предупреждения, правонарушений несовершеннолетних. М., 1964; Кондаков А. В. Школа-коммуна. Опыт учебно-воспитательной работы коммуны Вятской губернии (1918–1925 гг.). М., 1961; Кривенко Т. Д. Специальные воспитательные учреждения и их роль в перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей. М., 1970; Чернышов А. И. Преступность несовершеннолетних и меры борьбы с ней в СССР. Томск, 1975; Шейнкман С. С. Куряжская быль. (Воспоминания о Макаренко и колонии им. Горького). Калинин, 1963 и др.

ребенка, однако информация о детях-сиротах в книгу не была включена[28], поскольку она не вписывалась в советскую концепцию «счастливого детства». В конце 1980-х гг. оценка политики советского государства в области охраны детства стала меняться в связи с новыми идеологическими ориентирами и переосмыслением истории России в целом.

Историография последних трех десятилетий демонстрирует рост интереса к исследованию проблемы детской беспризорности и преступности, что связывается с необходимостью изучения опыта прошлого для поиска возможных путей решения проблем детей в современном государстве. В историографии оформился ряд направлений и подходов в изучении этого вопроса, авторы трудов привлекают широкий круг опубликованных и неопубликованных источников разных видов. При этом основная часть исследований по-прежнему концентрируется на государственной политике в сфере защиты детства. На общем фоне выделяются работы А. М. Нечаевой[29], А. А. Славко[30], Т. М. Смирновой[31], охватившие достаточно широкую область исследуемой проблемы, начиная с определения причин детской беспризорности до складывания системы детских учреждений для детей-сирот, несовершеннолетних правонарушителей. Указанные работы отличаются комплексностью подхода к изучаемой теме. Так, А. М. Нечаева уделила внимание анализу государственных мер помощи детям-сиротам после 1917 г., представила историю детских учреждений для сирот и беспризорных в широком историческом контексте, что связано с необходимостью оценки эффективности государственных мер в указанной области. Исследователь А. А. Славко проанализировал механизм становления системы государственных учреждений и общественных организаций в деле ликвидации беспризорности,

---

[28] Дети в СССР: стат. сб. М., 1979.

[29] Нечаева А. М. Охрана детей-сирот в России: История и современность. М., 1994; Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000.

[30] Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005; Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Самара, 2011 и др.

[31] Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб., 2015; Смирнова Т. М. Советская «детская» политика и общество в 1917–1930-е гг. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2006/2007. М., 2007. С. 124–156; Смирнова Т. М. Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России. 1920–1930-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 259–278 и др.

изучил процесс функционирования детских учреждений для беспризорных детей открытого и закрытого типа. Т. М. Смирнова рассматривает соответствие между провозглашенной государством политикой в деле охраны материнства и детства и повседневными реалиями того времени. Исследовательница на основании новых архивных материалов демонстрирует «болевые» точки жизни детей в учреждениях и семьях, а также отводит государству роль фильтра общественных инициатив.

А. Ю. Рожков в статье «Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие» перечисляет ведомства и организации, которые занимались попечением беспризорных. Автор говорит о «мозаике “заинтересованных” лиц», которые мешали делу борьбы с этим «социальным пороком», утверждает, что основная тяжесть работы приходилась на местные органы народного образования, хотя и там было дублирование функций[32]. М. Р. Зезина считает, что государственная система социальной защиты детей-сирот к концу 1930-х гг. была направлена преимущественно на борьбу с отрицательными последствиями сиротства, а не на его предупреждение[33]. Е. А. Бендер проводит анализ законодательства, определяя основные направления государственной политики по борьбе с беспризорностью несовершеннолетних[34].

На современном историографическом этапе проявился интерес к табуированной в советские годы проблеме положения детей репрессированных групп населения: раскулаченных, спецпоселенцев, узников ГУЛАГа и др. Данное внимание выразилось в основном в публикации воспоминаний (в частности, на сайте «Прожито»[35]) и сборников документов[36], отличавшихся ценными

---

[32] Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 136.
[33] Зезина М. Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. 2000. № 3. С. 60.
[34] Бендер Е. А. Правовые основы борьбы с детской беспризорностью в РСФСР в 1920–1930-е гг. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 185.
[35] Прожито. Личные истории в электронном корпусе дневников [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/. (дата обращения: 20.01.2021).
[36] «Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг.: хрестоматия / сост.: Т. А. Катцина, О. М. Долидович. Красноярск, 2014; Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: сб. документов и материалов / сост.: Г. Е. Корнилов, И. А. Лаврова. Екатеринбург, 2009; Гнетнев К. В. Карельская голгофа: как строили Беломорканал. Петрозаводск, 2016; ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. / сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002; ГУЛАГ в Карелии. Сборник документов и материалов. 1930–1941 / науч. ред. В. Г. Макуров, сост.: А. Ю. Жуков и др. Петрозаводск, 1992; Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2002. Дети страны Советов: 1917–1941 гг. (антропологический аспект): хрестоматия /

подборками материалов, содержательностью и видовым разнообразием источников. Эти проблемы рассматриваются также в монографиях по более широкой социальной тематике.

В связи с интересом к девиантному поведению, значительное внимание в публикациях этого времени уделяется детской преступности и методам ее пресечения. Методологически значима в этом отношении работа Н. Б. Лебиной, выполненная в русле истории повседневности. В ней зафиксированы основные проблемы социологии отклоняющегося поведения[37].

В историографии постсоветского периода заметно постепенное смещение исследовательского интереса в сторону междисциплинарного анализа политики советского государства и практической педагогической работы с малолетними правонарушителями[38]. В работе В. М. Королевой представлены задачи и проблемы воспитания «социально-запущенных детей и подростков» в 1920–30-е гг., изучается формирование и функционирование учебно-воспитательных учреждений для детей и подростков с девиантным поведением[39]. В исследовании Н. А. Рябининой[40] рассмотрены вопросы, связанные с ликвидацией детской беспризорности и преступности в 1920-е гг. по материалам губерний Верхнего Поволжья. Автор отмечает, что усилия государства позволили значительно снизить показатели детской беспризорности к 1928 г. в отличие от преступности, которая сохранилась на высоком уровне. Некоторые ученые особое внимание уделяли вопросам ювенальной политики и развития законодательства в части

отв. ред. Е. Г. Пономарев. Ставрополь, 2010; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. документы и материалы / науч. ред.: Н. А. Ивницкий, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1991; Карелия в годы Первой мировой войны: сб. докум. и материалов / сост.: А. В. Антонов. Петрозаводск, 2014; Крестьянские дети в детских домах Коми области в 1930-е гг.: исследования, документы, воспоминания / авт.-сост. Г. Ф. Доброноженко, Л. С. Шабалова. Сыктывкар, 2008; Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг. / науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1997; Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. II.: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / сост. и науч. ред.: И. Р. Такала, А. В. Голубев. Петрозаводск, 2007; Frieson C. A., Vilensky S. S. Children of the GULAG. New Haven – London, 2012 и др.

[37] Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2016.

[38] Блясова И. Ю. Состояние профилактики преступности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 1 (255). Право. Вып. 31. С. 54–59; Маслова О. Б. Система правового воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в советской России в начале 1920-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 11. С. 96–101; Нестеров А. Ю. Советская концепция прав человека в отношении несовершеннолетних осужденных (и не осужденных), отбывающих наказание в системе ГУЛАГа (1918–1956 гг.) // Власть. 2015. № 6. С. 155–159 и др.

[39] Королева В. М. Социально-правовая охрана несовершеннолетних (20–30-е гг.). Ростов н/Д., 1996.

[40] Рябинина Н. В. Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы: (По материалам губерний Верхнего Поволжья). Ярославль, 1999.

уголовной ответственности несовершеннолетних в 1920–30-е гг.[41] В их статьях представлен анализ правовых документов, касающихся борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних, рассмотрены положительные и отрицательные стороны этих источников, а также показана советская правовая система защиты детей и подростков в целом.

Ряд работ отражает деятельность отдельных ведомств, которые занимались вопросами охраны детей. В основном, авторы анализируют местную специфику беспризорности и особенности борьбы с ней по материалам работы Комиссий по улучшению жизни детей[42]. О. П. Алексеева обратила внимание на деятельность таких объединений, как Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ), профсоюзы, общество «Друг детей» и др.[43] Некоторые исследования посвящены изучению совместной деятельности государственных и общественных организаций в вопросе охраны детства[44]. Обобщенному изучению всех общественных организаций СССР в рассматриваемый период посвящен труд Т. П. Коржихиной[45]. В статье В. В. Феонычева проведен анализ участия общественности в борьбе с беспризорностью в Советской России[46]. Автор отмечает, что государственные меры по борьбе с беспризорностью и общественная благотворительная деятельность привели к тому, что к началу

---

[41] Рыбак С. В. Государственно-правовая деятельность по преодолению беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних в советской России в 20–30-е годы XX века // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 5 (78). С. 10–15; Семина Н. В. Правовые основы борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в 1930-е гг. в России // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 969–973; Чечель Г. И., Долгополов К. А. История развития российского законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 49. С. 199–202 и др.

[42] Афанасова Е. Н. Работа Комиссии по улучшению жизни детей в борьбе с детской беспризорностью в 1920–1930-х гг. (На примере Иркутской области и Красноярского края) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2010. С. 235–238.; Маслова О. Б. К вопросу о деятельности Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК в условиях голода и возросшей беспризорности в 1921–1922 гг. (На примере Ставрополья и Терека) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 12-2. С. 59–64; Рябцева Р. Н. Московская городская детская комиссия: опыт инспекторской деятельности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2009. № 2. С. 64–73 и др.

[43] Алексеева О. П. Кто помогает детям? О работе благотворительных организаций. М., 1994.

[44] Бибанов Т. П. Опыт сотрудничества ленинского комсомола и Детской комиссии при ВЦИК // Исторический опыт ВЛКСМ: сб. науч. работ / под ред. В. К. Криворученко. М., 1988; Деканова М. К. «День, неделя, месячник…»: общественные кампании как способ решения социальных проблем в Среднем Поволжье в 1920-х гг. // Журнал исследований социальной политики. Т. 5. № 4. С. 497–518; Тевлина В. В. Система социальной помощи населению в период формирования советского государства (1918–1930-е гг.) // Благотворительность в истории России. СПб., 2000. С. 397–414 и др.

[45] Коржихина Т. П. Общественные организации СССР в 1917–1936 гг. М., 1981.

[46] Феонычев В. В. Участие общественных организаций в борьбе с беспризорностью в Советской России 20–30 гг. XX века // Научный вестник Технологического института. 2014. № 13. С. 457–467.

1930-х гг. благотворительность как социальное явление практически была ликвидирована[47]. Некоторые исследователи обратили свой научный интерес к изучению деятельности зарубежный организаций на территории советского государства, особенно выделяя поддержку, оказываемую Американской администрацией помощи[48].

Современные историки останавливаются на проблемах воспитания в детских домах и в целом на реализации государственной политики по воспитанию «нового человека» в учреждениях интернатного типа[49]. Е. М. Балашов провел всесторонний анализ возникновения и развития педологии в России, изучив вклад отдельных представителей этой науки и деятельность различных советских педологических учреждений[50]. В его трудах использован комплексный подход к изучению данной проблематики. Исследования Н. Л. Пушкаревой дают общетеоретические основы гендерного подхода в изучении повседневности, позволяют увидеть пути социализации ребенка в традиционной русской семье и их изменения в условиях социальной модернизации, выявляют гендерную составляющую в вопросах педагогических практик[51]. Автор останавливается на проблеме полового воспитания в раннее советское время, отмечая, что «молодая республика оказалась “полигоном” для испытаний целого спектра утопических концепций, в том числе – и связанных с новыми гендерными нормами и

---

[47] Феонычев В. В. Участие общественных организаций в борьбе с беспризорностью. С. 466.

[48] Аншакова Ю. Ю. Начальный этап работы Американской администрации помощи в Самарском округе во время голода 1921–1922 гг. (по материалам миссии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 7. № 2. 2005. С. 312–331; Макаров В. Т., Христофоров В. С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. 2006. № 5; Рябинина Н. В. Зарубежная помощь детям Советской России в начале 1920-х годов // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 3 (41). С. 19–23 и др.

[49] Бендер Е. А. «Формирование нового человека»: воспитательная работа в детских домах в 1920–1930-е гг. (по материалам Ленинграда и Ленинградской области) // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 4. С. 209–216; Мигачев А. В. Теория и практика воспитания «нового человека» в СССР в 1930-е гг. (на материалах Ставрополья) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2017. № 1. С. 99–103 и др.

[50] Балашов Е. М. Педология в России в первой трети XX века. СПб., 2012; Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003.

[51] Пушкарева Н. Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов, 2002. С. 65–83; Пушкарева Н. Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем / отв. ред. И. М. Семашко. М., С. 4–28 и др.

взаимоотношениями полов»[52]. М. В. Ромашова, давая характеристику работам по истории детей и детства в целом, отмечает, что за последние годы значительно возросло число трудов: опубликованы многочисленные статьи, монографии, сборники документов, проведены научные семинары и конференции, созданы лаборатории и постоянно действующие семинары, институционально поддерживающие детские исследования в России, привлекающие зарубежных коллег к диалогу[53]. Однако автор считает, что количественный прорыв в детских исследованиях не сразу несет качественные изменения.

Зарубежные исследователи – А. Болл, З. Вайтц, В. Голдман, К. Келли, Д. Рэнсел, Ш. Фицпатрик и др. – также обращались к проблемам, так или иначе связанным с охраной детства в России. Некоторые их выводы созвучны с результатами российских исследователей. Во взглядах многих зарубежных историков на проблему заметно влияние идей М. Фуко, рассматривавшего больницы, школы, казармы как дисциплинирующие механизмы и пространство принуждения индивидов. Детские учреждения интернатного типа оказываются в этом же ряду. В отечественной науке эти идеи получили развитие в работах И. С. Кона по истории и социологии детства[54], а также в публикациях по социальной политике в СССР Е. Р. Ярской-Смирновой и ее коллег[55].

Исследователь А. Болл[56] обращается к характеристике положения беспризорных детей в СССР в 1918–30-е гг., ориентируясь на российские и иностранные источники. Л. Бернштейн в своей статье о патронировании детей-сирот в Советском Союзе останавливалась на анализе государственной политики в отношении приемных семей[57]. Исследователь З. Вайтц[58] рассматривал вопросы

---

[52] Пушкарев А., Пушкарева Н. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920-х – 1930-х годов: идеология и повседневность. С. 200.

[53] Ромашова М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 2 (22). С. 109.

[54] Кон И. С. Ребенок и общество. М., 2003 и др.

[55] Советская социальная политика 1920–30-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2007.

[56] Ball Alan M. And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley, 1994; Ball Alan M. The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade // Slavic Review. 1992. Vol. 51, no. 2. P. 247–270.

[57] Bernstein L. Fostering the Next Generation of Socialists: Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // Journal of Family History. 2001. Vol. XXVI, no. 1. P. 66–89.

детской беспризорности и преступности в СССР и выделил этапы борьбы с ними. М. Галмарина изучает «дефективных детей», уделяя внимание их праву на помощь со стороны государства[59]. Известная исследовательница советского детства К. Келли[60] обращается к вопросу детской беспризорности 1920–30-х гг., успешно применяя в своей монографии подход, предполагающий сочетание методов институциональной истории, дискурсивного анализа, истории повседневности, культурной антропологии и т. д.[61] Ш. Фицпатрик[62] в своем труде останавливается на вопросах функционирования пенитенциарной системы и «перековки» личности подростка с помощью труда. Зарубежные исследователи активно включаются в работу дискуссионных площадок в России по исследуемой теме. В их числе – международный семинар при Российском государственном гуманитарном университете «Культура детства: нормы, ценности, практики»[63], позволивший продемонстрировать практику использования историками разных подходов в изучении истории детства. Результатом данного семинара стали труды по российской истории детства XX в., например, сборник воспоминаний, документов и детских сочинений «Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990)»[64], отражавший историю детства, воспитания, социализации нескольких поколений российских граждан. Авторами сборника предпринята попытка представить различные версии социально-педагогической истории детства в России в указанный период.

Интерес к истории детства не уменьшается и сегодня, являясь опосредованным результатом осознания современным обществом ценности категории детства, которая с наступлением эпохи постмодернизма стала

---

[58] Weitz Siegfried. Geschichte der Jugendverwahrlosung in der Sowjetunion. Marburg, 1990.

[59] Galmarini M. The right to be helped: welfare policies and notions of rights at the margins of soviet society, 1917–1950: Dissertation. University of Illinois at Urbana – Champaign, 2012.

[60] Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. London, 2007; Келли К. Дети государства, 1935–1953 // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2008. № 2. С. 37–68; Келли К. Об изучении истории детства в России XIX–XX вв. // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. ст. и материалов. М.; Тверь, 2008.

[61] Ромашова М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории. С. 110.

[62] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2008.

[63] Международный семинар «Культура детства: нормы, ценности, практики» при РГГУ. [Электронный ресурс]. URL: http://childcult.rsuh.ru/ (дата обращения: 20.10.2020).

[64] Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе» / под ред. В. Г. Безрогова, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротина. Ч. 1: 1890–1940. М.; Тверь, 2008.

утрачиваться[65]. Наличие внимания к исследуемой проблематике подтверждают также историко-демографические очерки, словари, посвященные детству в России[66]. На современном этапе исследования темы важным представляется изучение проблемы детской беспризорности по регионам. В начале XXI в. заметно увеличение количества защищенных диссертационных исследований, что свидетельствует об актуальности и востребованности данной тематики[67]. Чаще всего специалисты обращаются к анализу политики государства и педагогической практики в вопросах защиты детей на уровне регионов с выявлением местных особенностей. Наибольшее внимание уделено району Поволжья, тогда как Карелия в этом отношении пока остается неизученным регионом. Вместе с тем в Карелии сложилась своя традиция исследования проблем детства в широком плане[68], которая создает определенную научную базу для раскрытия темы.

Таким образом, историографический анализ отечественной и зарубежной литературы свидетельствует, что в советский и современный периоды появилось большое количество исследований по проблеме детской беспризорности в Советской России. Вне зависимости от того, что в последнее десятилетие отечественной и зарубежной историографией в сфере изучения данной проблемы были достигнуты значительные успехи, тема не теряет своей актуальности,

---

[65] Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М., 2018. С. 73.

[66] Борисов С. Б. Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. Шадринск, 2008. Т. 1; Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М., 2018; Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: историко-демографические очерки. М., 2018 и др.

[67] Афанасова Е. Н. История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920–1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007; Бендер Е. А. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920–1930-е гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015; Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015; Маслова О. Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в Советской России в 1920-е годы (на материалах Ставрополья и Терека): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010; Семина Н. В. Борьба с детской беспризорностью в 1920-е – 1940-е гг. в России (на примере Пензенского региона): дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2007; Феонычев В. В. Деятельность государственных и общественных организаций по ликвидации беспризорности в России в 1920-е гг. (на примере Пензенской, Самарской, Симбирской губерний): автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2017 и др.

[68] Литвин Ю. В. Зарождение системы социальной защиты внебрачных детей в Олонецкой губернии // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань. Рязань, 2014. Т. 2. С. 369–372; Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб., 2007; Кораблев Н. А. Традиции предпринимательской благотворительности в Олонецкой губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Рябининские чтения – 2007. Петрозаводск, 2007. С. 61–63; Намятова Е. С. Благотворители Олонецкой губернии в годы Первой мировой войны // Человек в истории: героическое и обыденное: материалы междунар. научно-практич. конф. Петрозаводск, 2012. С. 129–133; Тинькова Н. К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи (1926–1932). Петрозаводск, 1981; Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939). Петрозаводск, 2013 и др.

раскрываются все новые ее аспекты, не нашедшие должного отражения в исследованиях. При несомненном прогрессе в изучении данной темы одной из проблем отечественной историографии остается все еще недостаточное выявление региональной специфики в истории становления системы социальной защиты детей-сирот и беспризорных.

Источниковой базой исследования стали многочисленные документы, отражающие проблему беспризорности детей в стране и в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг.

Большое значение для всестороннего анализа проблемы имеют документы, хранящиеся в фондах *Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Карелии, Научного архива Карельского научного центра Российской академии наук, Архива Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Карелия.*

В *Государственном архиве Российской Федерации* были изучены следующие фонды:

– *фонд Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей Народного комиссариата просвещения РСФСР (Главсоцвос Наркомпроса РСФСР)* (Ф. А-1575) включает широкий спектр источников по исследуемой теме. Наибольший интерес с точки зрения изучения региона представляли материалы отдела Социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН) и Комиссии по делам несовершеннолетних при Наркомпросе РСФСР (Комонес при Наркомпросе РСФСР), содержавшие отчеты об их деятельности, которые предоставлялись в центр;
– *фонд Наркомата просвещения РСФСР* (Ф. А-2306) охватывает источники общероссийского масштаба и документы, связанные с Карелией, а именно переписку с местными отделами народного образования, сметы расходов на содержание и оборудование детдомов и др.;
– *фонд Комиссии по улучшению жизни детей при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете* (Ф. Р-5207) содержит переписку с местной Деткомиссией и Наркомпросом АКССР, протоколы заседаний комиссий,

докладные записки и отчеты председателя о деятельности комиссии, акты обследований детских учреждений инспекторами Центральной комиссии и др.;

– *фонд Общества «Друг детей»* (Ф. А-393), в котором отложились сведения о деятельности общества, уставы, планы, протоколы заседаний и информационные доклады;
– материалы *фонда Союза Красного Креста и Красного Полумесяца СССР* (Ф. Р-9501) включают сведения о состоянии детской беспризорности в СССР и мероприятиях по борьбе с ней, о международных организациях и их помощи и др.

Важный пласт источников хранится в *Национальном архиве Республики Карелия*, в исследовании использовались следующие фонды:

– *фонд Комиссии по улучшению жизни детей при Карельском Центральном Исполнительном комитете (Деткомиссия при КарЦИК)* (1923–1938) (Ф. Р-726);
– фонды Народного комиссариата просвещения АКССР и подведомственных организаций и учреждений: *фонд Олонецкого губернского отдела народного образования (Олонецкий губоно)* (1917–1922) (Ф. Р-2), *фонд Министерства образования Республики Карелия* (1923–1996) (Ф. Р-630), *фонд Карельского отдела народного образования (КОНО)* (Ф. Р-141), *фонд Олонецкого уездного отдела народного образования (Олонецкого УОНО)* (Ф. Р-458), *фонд Комиссии о несовершеннолетних правонарушителях* (Комонес) (1920–1927) (Ф. Р-282), *фонд Комиссии о несовершеннолетних правонарушителях при Повенецком УОНО* (1919–1927) (Ф. Р-788), *фонд Комиссии о несовершеннолетних правонарушителях при Олонецком уездном ОНО* (1919–1926) (Ф. Р-836), *фонд Калевальского (Ухтинского) детского дома* (1925–1936) (Ф. Р-1040), *фонд Детского дома «Дворец детей»* (1922–1927) (Ф. Р-212), *фонд Петрозаводского русского педагогического техникума* (1920–1930) (Ф. Р-393) и др.;
– фонды Народного комиссариата социального обеспечения АКССР: *фонд Олонецкого губернского отдела соцобеспечения* (1918–1922) (Ф. Р-446), *фонд Министерства социальной защиты РК* (1923–2002) (Ф. Р-673) и др.;

– фонды Народного комиссариата здравоохранения АКССР: *фонд Отдела здравоохранения Олонецкого губисполкома* (1918–1922) (Ф. Р-176), *фонд Отдела здравоохранения исполкома Олонецкого уездного Совета* (1919–1927) (Ф. Р-487), *фонд Народного комиссариата здравоохранения КАССР* (1923–1940) (Ф. Р-580), *фонд Отдела здравоохранения Олонецкого райисполкома* (1927–1963) (Ф. Р-2156) и др.

Самыми информационно насыщенными из представленных фондов являются *фонды Деткомиссии при КарЦИК* и *Наркомпроса АКССР*, в них содержится обширный материал, который отражает различные направления оказания помощи детям-сиротам и беспризорным. Документы этих фондов раскрывают задачи государственных органов в вопросах охраны детства, степень реагирования на возникавшие проблемы. Делопроизводственная документация дает возможность увидеть систему функционирования детских учреждений и ведомств, участвовавших в вопросах охраны детства. Фонды отдельных учреждений и организаций дополняют, например, сведения о внутреннем устройстве детдома, учебно-воспитательной работе с детьми, контингенте учреждений и др. Фонды комиссий по делам несовершеннолетних не только раскрывают их деятельность, но и представляют материал о личности малолетнего правонарушителя. Материалы Национального архива Республики Карелии позволяют глубже понять специфику регионального опыта социальной политики в советский период, проанализировать и сравнить методы и средства борьбы с детской беспризорностью в центре и регионе.

В *Научном архиве Карельского научного центра Российской академии наук* был рассмотрен *фонд 1 (Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН*), в котором содержатся источники по исследуемой теме. Например, в нем хранится дело педагога Ольги Андреевны Егоровой, которая принимала активное участие в создании дошкольных учреждений в г. Петрозаводске в 1917–1918 гг. К ее деятельности также относилась организация летней колонии для оздоровления детей в с. Деревянное, первой детской площадки для детей рабочих Александровского завода и др. В фонде сохранился доклад наркома просвещения

АКССР Ивана Андреевича Вихко, в котором этот государственный деятель уделяет особое внимание острому кадровому вопросу в регионе в первой половине 1930-х гг.

В *Архиве Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Карелия* была проведена работа по выявлению источников по теме исследования. Были изучены архивные дела с копиями распорядительных документов и указаний НКВД-ОГПУ-МВД СССР, а также приказы и распоряжения органов внутренних дел Карелии. В результате проделанной поисковой работы не было выявлено структурных подразделений органов внутренних дел Карелии, в функциональные обязанности которых входили вопросы борьбы с детской беспризорностью и преступностью. В отделениях специальных фондов Архива Информационного центра МВД по Республике Карелия документов, характеризующих состояние работы по борьбе с детской беспризорностью и преступностью, не обнаружено. Данная работа в архиве позволила конкретизировать ранее выявленные источники в фонде Наркомпроса АКССР Национального архива Республики Карелии. Так, *фонд 68 (приказы и циркуляры ВЧК)* архива МВД по РК содержит приказ УНКВД по АКССР «Об организации комиссии по приему детских учреждений от Наркомпроса АКССР, расположенных на территории Карельской АССР» от 29 июня 1935 г., *фонд 67 (приказы ГПУ АКССР, Управления НКВД по АКССР, НКВД КАССР и КФССР)* включает приказы о создании Деткомиссии при ВЦИК, о соглашении между правительством РСФСР и Американской Администрацией помощи, выписки из Уголовного кодекса РСФСР об определении наказания в отношении несовершеннолетних, инструкции о порядке задержания и дальнейшего направления беспризорных и безнадзорных детей за 1920–1935 гг. и др.

Особое внимание уделено источникам, которые отражают деятельность местных ведомств и организаций, советской общественности. Использование директивно-распорядительной и отчетной документации в качестве источниковой

базы позволяет изучать историю «детского вопроса» «сверху»[69], при этом необходимо рассмотрение истории детства в комплексе с другими источниками. Например, это наглядно видно при выявлении численности беспризорных детей или воспитанников детских учреждений в Карелии. Полученные данные достаточно противоречивы и не всегда полно отражают реальную картину в связи с отсутствием отлаженной системы учета, единой руководящей и контролирующей организации, с наличием постоянной миграции детей и др.

В работе наряду с архивными источниками используются опубликованные материалы центральных и местных советских органов, отдельных организаций, обществ, учреждений и др. По видам источники можно объединить в несколько групп. *Первая группа* – это *законодательные и нормативные акты, декреты, постановления и распоряжения*, издававшиеся в 1918 – первой половине 1930-х гг., занимающие важное место в группе опубликованных источников[70]. Данная группа материалов содержит сведения о становлении нормативно-правовой базы и организационной основы государственной политики по регулированию вопросов социальной помощи детей-сирот и беспризорных и др. Особое значение имеют такие издания, как «Собрание узаконений и распоряжений правительства РСФСР», «Декреты Советской власти»[71], дающие представление о государственной политике в отношении защиты нуждающихся детей и являющиеся основой в деле ознакомления с процессом формирования системы государственных и общественных организаций социальной охраны детства. Использование материалов советских кодексов[72], находившихся в постоянной

---

[69] Сальникова А. А. Детство как миф: некоторые аспекты изучения российско-советского детства в зарубежной историографии // CLIO MODERNA. Зарубежная история и историография: сб. науч. ст. Казань, 2002. Вып. 3. С. 117.

[70] Гидулянов П. В. Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейным комментарием / под ред. П. А. Красикова. Л., 1927; Детское право советских республик. Сборник действующего законодательства о детях / сост.: М. П. Кричевская, И. И. Курицкий. Харьков, 1927; Краткий сборник законодательных материалов по борьбе с детской беспризорностью. Воронеж, 1926–1927; Положения и инструкции по подготовке воспитанников детских домов к трудовой общеполезной деятельности. Новочеркасск, 1927 и др.

[71] Декреты Советской власти. М., 1957–1989. Т. 1–13; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943 и др.

[72] Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. 1918; Кодекс законов о труде РСФСР. 1918; Кодекс законов об браке, семье и опеке. М., 1927; Уголовный кодекс РСФСР: ред. 1926 г. М., 1926 и др.

доработке в исследуемый период, позволило полнее ознакомиться с правовой базой в отношении, например, несовершеннолетних правонарушителей.

Вторую группу источников составляют опубликованные *статистические материалы*[73], дающие возможность почерпнуть ценные сведения о демографической структуре населения, состоянии народного образования, сети детских учреждений и др. Статистические данные позволяют увидеть глубину проблемы детской беспризорности, соотнести и сравнить процессы, протекавшие на местном и общероссийском уровне[74]. Дополняют картину сведения, полученные в ходе переписи населения в 1920 и 1926 гг.[75]

В начале 1920-х гг. проводились всероссийские мероприятия по вопросам охраны детства, ликвидации детской беспризорности и преступности. Поэтому *третья группа источников* – это *материалы, постановления, резолюции съездов специалистов, совещаний и конференций*, посвященные этим вопросам в 1920–1930-е гг.[76] Так, в 1922 г. был опубликован сборник статей «Детская дефективность, преступность и беспризорность», подготовленный по материалам I Всероссийского съезда деятелей по борьбе с детской дефективностью[77], включавший выступления педагогов и врачей об обязательной организации подготовки кадров, о выпуске воспитанников из детских учреждений и их дальнейшем трудоустройстве и др. Эти документы позволяют не только оценить состояние детской беспризорности в стране, узнать о проблемах и достижениях

---

[73] Народное образование в РСФСР (по статистическим данным Наркомпроса на 01.04.1923). М., 1923; Статистический ежегодник. Состояние народного образование в РСФСР (без автономных республик) за 1924–1925 уч. год. М., 1926; Народное просвещение в РСФСР к 1926/1927 гг.: (отчет Наркомпроса РСФСР за 1925/1926 уч. г.). М., 1927 и др.

[74] Бюллетень. 1920 / Олонецкое губернское статистическое Бюро, Отдел общего управления. Петрозаводск, 1920; Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1928. Петрозаводск, 1929; Статистический ежегодник Карелии. 1922. Вып. II, часть 1. Петрозаводск, 1923; Статистический обзор АКССР, 1923–1924 гг. Петрозаводск, 1925; Статистический обзор АКССР, 1925 и 1926 гг. Петрозаводск, 1927 и др.

[75] Перепись 1920 г. / Карельско-Олонец. Стат. Бюро. Б. м., 1920; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928; Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года: Предварительные итоги по Карельской республике. Петрозаводск, 1927.

[76] Первый Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения 26 июня 1918 г. М., 1918; Социально-правовая охрана детей и подростков и детский дом (Материалы по второму Всероссийскому съезду 26-го ноября 1924 года). М., 1924; Борьба с беспризорностью: материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью 16–17 марта 1924 г. М., 1924; Материалы ко второму Всероссийскому съезду социально-правовой охраны детей и подростков и детских домов. М., 1924; Резолюция Всероссийского совещания Деткомиссий и обществ «Друг детей». М., 1930 и др.

[77] Детская дефективность, преступность и беспризорность: по материалам I Всероссийского съезда, 24.06.–1.07.1920 г. / ред. Бюро мед.-пед. консультации Наркомпроса. М., 1922.

в вопросах ее ликвидации, но и познакомиться с планами, намеченными в области воспитательной работы с нуждающимися детьми, с процедурой принятия решений по отдельным вопросам. *Труды специалистов*, работавших в 1920–30-е гг. по вопросам проблемы охраны детства, раскрывают разные направления в этой области и относятся к *четвертой группе источников*. Детская беспризорность как явление социальной жизни и государственной политики, направленной на ее сокращение, изучалась в 1920–30-х гг. историками, правоведами, врачами. Исследования М. Н. Гернета, М. И. Левитиной (Маро), П. И. Люблинского, В. И. Куфаева, Е. С. Лившиц[78] фиксируют разнообразные сведения и показывают реальную картину ликвидации детской беспризорности в стране. Авторы анализировали текущие события, останавливались на причинах детской беспризорности, государственных мерах по ее ликвидации и др. О проблемах воспитания бывших беспризорников писали общественно-политические деятели исследуемого периода, высказывались руководители Коммунистической партии и советского государства. Неоднократно нарком просвещения А. В. Луначарский выступал с докладами о роли правительства в деле воспитания ребенка, «нового человека» советского государства[79]. Он считал, что, приложив усилия в воспитании беспризорных детей, можно будет ими в дальнейшем гордиться[80]. Отдельного внимания заслуживают работы Н. К. Крупской, в которых значительное место занимают вопросы ликвидации беспризорности детей[81]. Н. К. Крупская была уверена, что основные причины беспризорности связаны с колоссальными разрушениями общественных связей, произошедшими в ходе Первой мировой войны и революции. «Раз беспризорность вызвана разрушением общественных связей, то и ликвидировать

---

[78] Гернет М. Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России. М., 1924; Куфаев В. И. Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. М., 1927; Куфаев В. И. Юные правонарушители. М., 1929; Левитина М. И. (Маро). Беспризорные. М., 1925; Лившиц Е. С. Детская беспризорность и новые формы борьбы с нею. М., 1924; Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. М., 1925; Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: социально-правовые очерки. М., 1923; Люблинский П. И. Охрана детства и борьба с беспризорностью. Л., 1924 и др.

[79] Луначарский А. В. Воспитание нового человека. Л., 1928; Луначарский А. В. Речь о воспитании. Пг., 1918.

[80] Луначарский А. В. Доклад Наркомпроса // Народное просвещение. 1924. № 9–10. С. 28.

[81] Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 6 т. М., 1958 Т. 2, 6; Крупская Н. К. Практика социального воспитания. М., 1924.

ее должна организованная общественность»[82]. В работах П. П. Блонского, А. С. Макаренко, В. Н. Сорока-Росинского, С. Т. Шацкого и др.[83] отражены педагогические взгляды своего времени на педагогику перевоспитания беспризорников. Педагоги выступали против широко распространенного отношения к беспризорным как к «дефективным» детям и «антисоциальным элементам», нуждавшимся в размещении в закрытых исправительных учреждениях[84]. Идеи педагогов легли в основу концепции воспитания «нового человека», отвечавшего требованиям социалистического строя, и нашли отражение в организации учебно-воспитательной работы в детских домах в 1920–1930-х гг.

Таким образом, материалы различных конференций и съездов по вопросам защиты детей, труды педагогов, психологов, работников детских домов позволяли увидеть проблему детской беспризорности «снизу», ведь многие авторы докладов и сочинений непосредственно участвовали в практике реализации государственной политики по социальной защите нуждающихся детей, работали в детских учреждениях. Статьи и речи государственных и политических деятелей, имевшие программный характер, показывали возможность решения исследуемой проблемы «сверху».

К *следующей группе источников* относится *периодическая печать*, которая включает материалы *центральной* (официального вестника «Сборник по вопросам охраны детства», методических изданий «Вестник просвещения», «Детский дом», «На путях к новой школе», «Народное просвещение», литературно-общественных журналов «Женский журнал», «Педологический журнал» и др.) и *местной прессы* (газет «Красная Карелия», «Комсомолец» «Народное здоровье», «Трудовая жизнь», журналов «Вестник Карело-

---

[82] Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 2. С. 167–170.

[83] Блонский П. П. О так называемой «моральной дефективности» // На путях к новой школе. 1927. № 2; Макаренко А. С. Общение с трудными детьми. М., 2014; Макаренко А. С. Педагогические сочинения: в 8 т. М., 1983. Т. 1; Сорока-Росинский В. Н. Педагогические сочинения. М., 1991; Сорока-Росинский В. Н. Школа Достоевского. М., 1978; Шацкий С. Т. Избранные педагогические сочинения. М., 1980. Т. 1–2; Шульгин В. Н. О воспитании коммунистической морали. М., 1930 и др.

[84] Афанасова Е. Н. Детская беспризорность в отечественной историографии 1920-х – 1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. С. 451.

Мурманского края», «В помощь просвещенцу» и др.). Народный комиссариат просвещения АКССР с 1927 по 1932 г. издавал журнал «Бюллетень», освещавший деятельность ведомства и публиковавший материалы в том числе и для сотрудников детских учреждений интернатного типа. Работа с газетами и журналами показала, что в них часто публиковались материалы дискуссий по наиболее актуальным проблемам детства. Статьи центральных газет и журналов чаще посвящены деятельности конкретных детских учреждений, теории и практике работы с трудными детьми, съездам по вопросам социально-правовой охраны несовершеннолетних, дискуссиям по вопросам воспитания детей и др. Местные газеты, выступая каналом информации, контролером и координатором работы разных детских учреждений, представляли обзор деятельности как государственных, так и общественных организаций в деле социальной помощи детям. В целом анализ периодики позволил не только почувствовать «дух эпохи», но и почерпнуть богатый фактический материал, который отражает линию советского государства в решении вопроса защиты детей.

Источники личного происхождения[85] малочисленны. Среди них можно выделить воспоминания – опубликованные источники, и письма – как опубликованные, так и неопубликованные. Ведение дневниковых записей воспитанниками детских домов или их сотрудниками не получило распространения в Карелии. Материалы личного характера помогают реконструировать некоторые аспекты, касающиеся жизни беспризорных детей на улице или в детских учреждениях. В о*тдельную группу* следует выделить такой специфический источник, как *художественная литература*[86]. Художественные произведения не дают надежных фактов, но они раскрывают психологические основания поведения беспризорников и сирот, многомерно характеризуют среду их жизни. Из литературных произведений можно почерпнуть большой материал

---

[85] Злобина В. Растоптанные идеалы: канадская девочка за железным занавесом. Хельсинки, 2019; На фронте мирного труда: воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920–1940. Петрозаводск, 1976; Рассказы беспризорных / под ред. А. Гринберг. М., 1925 и др.

[86] Абрамович А. Ф. Петербургский приют. Сталинград, 1935; Белых Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД. Петрозаводск, 1979; Глатман Л. Г. Пионер – на борьбу с беспризорностью. М., 1926; Кожевников А. В. На улице. М., 1925; Лопатина С. Как Степка беспризорный стал пионером. М., 1925; Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М., 1988; Макаренко А. С. Флаги на башнях. М., 1950; Шульгин А. Г. Гримасы улицы. М., 1925 и др.

о методах и формах борьбы с детской беспризорностью, о воспитании и обучении воспитанников детдомов. Художественная литература 1920-х гг. и воспоминания передают нам реалии быта и атмосферу детских домов, уличной жизни детей.

Таким образом, в процессе написания работы был привлечен широкий круг неопубликованных и опубликованных материалов, сопоставление и комплексный критический анализ которых позволил воссоздать объективную картину формирования системы институтов защиты детей-сирот и беспризорных в 1918 – первой половине 1930-х гг.

Методологическая база исследования. Исследование велось на основе *междисциплинарного подхода*, с применением наработок не только исторической, но и педагогической науки, социальной и политической истории, психологии, юриспруденции и др. Так, тема детской преступности находится в поле зрения правоведов, социологов, врачей. Привлечение их трудов способствует применению комплексного подхода к источнику для составления полной картины происходившего. В исследовании используются сочетания *институционального и антропологического подходов*, которые позволяют выявить не только декларации и иную деятельность государственных институтов в отношении детей, но и реальное положение нуждающегося ребенка, его оценку разного рода ситуаций. Применение антропологического подхода дает возможность изучить ребенка как субъект воспитания, провести анализ положения детей, оказавшихся на попечении государства, с их собственных позиций. Этот подход расширяет рамки социокультурной характеристики ребенка-сироты, беспризорника, правонарушителя, выявляя региональные особенности и специфические черты «портрета» в контексте обобщенной биографии. Использование двух подходов позволяет выявить, как происходило влияние институтов на формирование общественных норм для детей, педагогов, воспитателей, проследить их реализацию и социальные результаты. С*истемный подход* делает возможным рассмотрение социальных институтов, ведомств, учреждений сферы охраны детства как взаимосвязанных отдельных структур общей системы. С помощью данного подхода определяется место ребенка в системе социальных учреждений.

При анализе источников необходимо использовать научные методы, соответствующие решению поставленных задач. Исследование опирается на совокупность разнообразных методов: *историко-сравнительного, историко-типологического, историко-системного, статистического и др. Историко-сравнительный метод* применяется при проведении анализа между процессами борьбы с беспризорностью в центре и на местах, при выявлении общего и особенного в деятельности центральных и местных комиссий, при сопоставлении различных сведений о социальном положении нуждающегося ребенка в исследуемый период. *Историко-системный анализ* позволяет выявить причинно-следственные связи между событиями и процессами, получить цельную картину социального положения детей, становления и функционирования системы социальных учреждений для беспризорных в Карелии 1918 – первой половины 1930-х гг. В процессе реализации данного метода происходило выделение нуждающихся детей из единой социально-демографической системы социума. *Аналитический метод* первоначально используется в выявлении и систематизации новых источников и позволяет в дальнейшем ограничить рамки проблематики. С помощью данного метода определяются особенности деятельности государственных органов и общественных организаций Карелии. *Синтетический метод* применяется для нахождения их места в системе защиты детства в стране. *Историко-генетический метод* дает возможность установить причинно-следственные связи в появлении беспризорности детей в России и Карелии в частности. *Проблемно-хронологический метод* позволяет обеспечить соблюдение временно́й последовательности при рассмотрении различных аспектов деятельности органов государственной власти и советской общественности в центре и регионе. Использование *историко-типологического метода* в исследовании способствует выделению категорий детей, нуждающихся в социальной помощи, типологии правонарушений детей через выявление условий жизни детей-сирот, беспризорных. В работе применяются *статистический, количественный и качественный методы*, употребляемые для обработки, анализа и сравнения различных параметров исследуемой темы.

Исследование основывается на общепринятых принципах исторического познания, которые предполагают изучение процессов и явлений в системности, динамике и взаимодействии. В исследовании используются следующие принципы: *историзма, объективности, конкретности, всесторонности, системности, историографической традиции, опоры на исторические источники.*

Научная новизна работы заключается в том, что диссертация является первым комплексным исследованием, системно, на основе сочетания институционального и антропологического подходов раскрывающим деятельность государственных и общественных организаций в вопросах охраны детства в Карелии и результаты их работы. Впервые дается целостный анализ путей решения проблем в регионе, связанных с детской беспризорностью и преступностью в 1918 – первой половине 1930-х гг. В процессе работы в научный оборот введено большое количество неопубликованных источников и малоисследованных материалов, а также на их основе сделаны аналитические обобщения, способствующие расширению научных знаний в области отечественной истории.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в возможности использования материалов и выводов диссертации для создания трудов по теории и практике истории социальной работы, а также для разработки лекционных курсов и учебных пособий по социальной истории и истории детства, а также в процессе преподавания дисциплин «История России», «История Карелии», при подготовке спецкурсов по историческим, историко-правовым, педагогическим и социологическим дисциплинам.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. В социальной политике, направленной на решение проблем нуждающихся детей в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг., выделяются следующие этапы: 1918–1925 гг., 1925–1929 гг., первая половина 1930-х гг. Они обусловлены как изменением общих условий жизни детей, так и становлением системы

учреждений по охране детства. Произошел постепенный переход от действий в парадигме «спасение детей» от голода, болезней и т. д. к их комплексной социализации в детских учреждениях.

2. Беспризорные дети составляли сложную в социальном плане группу. Выявленное на основе официальных документов распределение нуждающихся детей по категориям (дети, лишенные родительского или государственного попечения; несовершеннолетние правонарушители; дети-инвалиды; дети, достигшие предельного возраста и работавшие на предприятиях) на практике было затруднено размытостью границ внутри этих групп, поскольку ребенок мог находиться одновременно в нескольких категориях. В реальности чаще всего именно беспризорники попадали в категорию нуждающихся.

3. Основные функциональные обязанности в системе социальной защиты беспризорников в качестве контролера, координатора, исполнителя в Карелии, как и в других регионах страны, легли на Деткомиссию при КарЦИК, опиравшуюся в решении практических вопросов не только на Наркомпрос АКССР, но и на общественные организации, такие как местные ячейки общества «Друг детей», комсомол, пионерию. Их взаимодействие влияло на изменение форм общественной заботы о детях.

4. Помещение нуждающихся детей в детские дома являлось основной формой государственного решения проблемы беспризорности на местах. В Карелии детские дома делились по национальному принципу: для русских детей, для карелов и финнов, для смешанных групп. Несмотря на имевшиеся проблемы в функционировании и развитии детских домов Карелии (дефицит профессиональных кадров и приспособленных зданий, неустойчивое снабжение), сложившаяся сеть учреждений смогла осуществлять социализацию детей в интересах государства, решать задачу воспитания «нового человека» через систему образовательно-воспитательных и медико-санитарных мер.

5. Обобщенный тип социально неблагополучного ребенка выявлен на основе анализа комплекса источников (статистические и опросные листы, протоколы задержания и допросов несовершеннолетних, постановления инспекторов отдела

уголовного розыска и комиссий по делам несовершеннолетних и др.) и биографических сведений. Это беспризорный мальчик-сирота школьного возраста, бросивший учебу для поиска средств существования, занимавшийся попрошайничеством, либо преступной (в редких случаях трудовой) деятельностью. Состояние его здоровья, образовательный и воспитательный уровни имели значительный разброс характеристик, связанных с конкретными условиями жизни.

6. В 1918 – первой половине 1930-х гг. в Карелии происходило постепенное нарастание репрессивной составляющей в практике работы с несовершеннолетними правонарушителями, что не соответствовало декларируемой государством заботе о создании благоприятных условий для воспитания и социализации советских детей. К середине 1930-х гг. расширяется круг полномочий НКВД в работе с трудными подростками, в частности, в его ведение передаются приемные пункты и детские дома, ранее принадлежавшие компетенции Наркомпроса; представители данного ведомства вводятся в комиссию по борьбе с детской беспризорностью и преступностью в крае.

7. Сложившаяся государственная и общественная система социальной помощи нуждающимся детям в определенной степени смягчала негативные последствия сиротства и беспризорности в Карелии, однако в области их профилактики работа оказалась осложнена комплексом социально-экономических факторов.

Апробация результатов работы. Основные положения диссертации нашли отражение в 21 научной публикации (объем 12 п. л.), в том числе в 5 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ, одна из указанных статей относится к изданиям, входящим в систему цитирования Scopus. Материалы исследования были апробированы на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: Всероссийской научной онлайн конференции памяти В. Г. Безрогова «Дети и детство в истории культуры: современные междисциплинарные исследования» (Москва, 2020), Международной научно-

практической школе-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2019–2020), Международной научной конференции «Сотворение “нового человека”: научные и художественные эксперименты (Россия – СССР, 1900–1939)» (Санкт-Петербург, 2019), Всероссийской конференции «Лаборатория историка: деловой документ» (Москва, 2018), XI ежегодной конференции «Конструируя “советское”? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» (Санкт-Петербург, 2017), X–XIII научных конференциях «Краеведческие чтения» (Петрозаводск, 2016–2020) и др.

Структура диссертации. Структура работы обусловлена проблемным принципом и состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка сокращений, списка источников и использованной литературы, приложения, состоящего из двух частей: схем и таблиц.

Глава I. Проблема сиротства и беспризорности детей в Советской России и Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг.

§ 1. Социально-экономическая ситуация как фактор положения детей

В условиях острой социально-экономической нестабильности в послереволюционный период крайне неблагоприятно складывалась ситуация с самой уязвимой категорией общества – детьми. Под влиянием процессов, происходивших в советском государстве в 1918 – первой половине 1930-х гг., состояние детей в России и Карелии, в частности, претерпело значительные изменения. В рамках этого периода произошел всплеск детской беспризорности и преступности. В эти же годы осуществлялись широкие меры социального обеспечения со стороны государства и общественности, направленные на защиту нуждающихся детей. Происходил усиленный рост институционализации детства, увеличивался охват государственной помощью нуждающихся детей.

С учетом социально-экономической и демографической ситуации в Карелии в пределах рассматриваемого периода можно выделить три этапа, каждый из которых имел свои особенности в социальном положении детей и осуществлявшейся в их отношении политике (I этап – 1918–1925 гг., II этап – 1925–1929 гг., III этап – 1930–1935 гг.).

Первый этап отмечен последствиями таких событий, как Первая мировая и Гражданская войны, интервенция. В Карелии указанные события сыграли значительную роль в экономическом развитии региона, изменении демографического, в т. ч. половозрастного, состава населения и др. На рубеже 1910–20-х гг. регион находился в разорении, промышленность, сельское хозяйство и транспорт – в состоянии упадка, население голодало. Посевные площади сократились более чем на треть, наполовину уменьшились доходы от промыслов[87]. Потери населения России в Первой мировой войне почти полностью приходились на ее европейскую часть и составляли 5,5 млн человек,

[87] История экономики Карелии. Кн. II. Петрозаводск, 2005. С. 11.

увечных насчитывалось не менее 1 млн[88]. Именно эти районы вынесли на себе основные тяготы войны. Ввиду острой нехватки продовольствия люди уезжали в «хлебные места»: в Сибирь, на Северный Кавказ, в Туркестан.

Войны, а затем и иностранная интервенция ухудшили соотношение полов и оказали отрицательное влияние на возрастной состав населения Карелии, еще более понизив долю населения трудоспособного возраста. В Олонецкой губернии погибли на войне не менее 2,4 тыс. жителей, более 1,4 тыс. оказались в плену[89], значительная часть оставшихся в живых стала инвалидами.

В результате войн, а также под воздействием серьезных изменений в миграции населения непрерывно менялась и его возрастная структура. Детское население в послевоенное время составляло более трети всего населения страны. Большое количество детей и подростков по сравнению со взрослым населением типично для общества, которое, с одной стороны, едва вступило в стадию демографического перехода, а с другой – только что пережило войну[90]. По данным статистического обзора, в 1920 г. численность детей и подростков до 19 лет в Карелии составляла от 43 до 53 % жителей в зависимости от пола и характера местности[91]. О высокой доле детского населения в Карелии свидетельствуют и сведения «Статистического ежегодника» за 1922 г., согласно которым численность детей была около 45,7 % от общей численности населения[92]. Таким образом, на территории Карелии дети составляли около половины жителей региона.

Правовед П. И. Люблинский писал, что Первая мировая и Гражданская войны породили «миллионы сирот, обездолили миллионы семей, согнали с мест постоянного жительства массу беженцев с малолетними детьми, расстроили правильное обучение детей в школах, подорвали здоровье детского населения длительными лишениями, вовлекли десятки тысяч детей разного возраста

---

[88] Население России в XX веке. Т. 1. М., 2000. С. 105.
[89] Карелия в годы Первой мировой войны. С. 4.
[90] Население России в XX веке. С. 154.
[91] Статистический обзор АКССР, 1923–1924 гг. С. 26.
Верхний порог определен возрастом 19 лет, потому что данные возрастные рамки представлены в переписи.
[92] Сведения подсчитаны автором на основе данных из источника: Статистический ежегодник Карелии. 1922. Вып. II, ч. 1. Петрозаводск, 1923. С. 7–8.

в непосильный для них труд»[93]. В целом по России около 20 млн человек были мобилизованы на войну и оборонные работы, из них 17,6 млн – в вооруженные силы[94]. Более 50 тыс. крестьян Олонецкой губернии были призваны на военную службу – деревня лишилась почти половины мужского населения[95]. Многие дети остались без родителей и крова, пополнили ряды беспризорных, разбросанных по всей территории страны. Дети ютились на станциях железных дорог, в ночлежных домах, подвалах разрушенных домов, различных притонах, где перенимали признаки девиантного поведения через «пьянство, разврат, игру в карты» и пополняли ряды «социально-опасных групп»[96].

Одним из опасных последствий беспризорности детей была преступность среди несовершеннолетних, количество детских правонарушений активно возрастало с началом войн. Это наблюдалось не только в России, но и в других воевавших странах. С окончанием войны наблюдался спад правонарушений детей везде, кроме России[97]. По мнению исследователя Алана Болла, в начале 1920-х гг. брошенные дети заполнили основное пространство нового советского государства[98]. Оказываясь на улице, беспризорные дети зачастую пополняли ряды несовершеннолетних правонарушителей. В этих условиях именно дети становились «жертвами социализации», с чем связан широкий спектр действия социальной виктимизации. Как отмечает исследовательница И. В. Синова, характерная для детей повышенная виктимность определяется их социальными ролями в семье и обществе в целом и связана с их психофизическими особенностями – зависимым положением, легкой внушаемостью, доверчивостью, неспособностью приспосабливаться к сложным жизненным обстоятельствам[99].

---

[93] Люблинский П. И. Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет // Право и жизнь. 1927. № 8. С. 28.
[94] Население России в XX в. С. 80.
[95] История экономики Карелии. С. 11.
[96] Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью. С. 44.
[97] Плюснин Б. А. Правонарушения несовершеннолетних и их причины // Народное просвещение. 1924. № 9–10. С. 51.
[98] Ball Alan M. And now my soul is hardened. Berkeley etc.: Univ. of California press, 1994 [Электронный ресурс]. URL: https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress. (дата обращения: 15.11.2020).
[99] Синова И. В. Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 226.

Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Карелии, как и в целом по стране, находилась в критическом состоянии. В дореволюционный период земская медицина Олонецкой губернии добилась высоких достижений: шло снижение смертности населения, ликвидированы крупные эпидемические вспышки, формировалась сеть врачебных участков, фельдшерско-акушерских пунктов, земство успешно вело санитарно-профилактическую работу[100]. Однако в условиях войны массовые заболевания, рост эпидемий, нехватка медикаментов и отсутствие систематического медицинского контроля отбросили край в прошлое, что привело в конце 1910-х гг. также к росту детской смертности.

Установление точных сведений о рождаемости и детской смертности в Карелии в условиях военного времени осложнено отсутствием полных и достоверных данных с мест. Однако определенные выводы можно сделать на основе статистики церковной регистрации, по которой за 1916–1917 гг. младенческая смертность составляла около 30 % от общего числа смертей всего населения (таблица № 1)[101]. Младенческая смертность являлась преобладающей среди общей смертности детей[102]. Примерно 50 % от общего количества смертей приходилось на возраст до года. Таблица «Детская смертность в Карелии по возрастным группам по городам и сельским местностям в 1923–1925 гг.» (таблица № 13) демонстрирует преобладание смертности среди детей в возрасте до 4 лет, особенно в сельских местностях[103]. Смертность детей объяснялась причинами экзогенного характера, а именно: недостатком питания, истощением и слабостью детей, отсутствием отопления и одежды, антисанитарией в детских учреждениях и связанным с ней массовым распространением инфекционных заболеваний. По сведениям исследовательницы И. П. Покровской, детская смертность в 1918–1926 гг. в Карелии составляла 18–29 %[104]. Автор отмечает, что по сравнению с дореволюционным периодом на указанном этапе наметились

---

[100] Баданов В. Г. Земские учреждения Олонецкой губернии (1867–1918 гг.). Петрозаводск, 2017. С. 273.
[101] Таблица составлена на основе сведений из источника: Статистический ежегодник. Карелии. 1922. Вып. II, ч. 1. С. 18.
[102] Там же. С. 28–30.
[103] Покровская И. П. Население Карелии в 1920–1969 гг. // 50 лет Советской Карелии. С. 288.
[104] Там же. С. 288.

некоторые положительные сдвиги. В демографической политике в исследуемый период были избраны два ведущих направления, осуществляемых на государственном уровне: охрана материнства и детства и борьба со сверхсмертностью населения, прежде всего от эпидемий и инфекционных заболеваний[105].

В конце 1910-х гг. эпидемии сыпного и брюшного тифа, натуральной оспы в условиях военных действий уносили многие жизни в Олонецкой губернии. С установлением советской власти принимаются постановления о борьбе с эпидемиями («О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом» от 28 января 1919 г., «Об обязательном оспопрививании» от 10 апреля 1919 г. и др.). 6 июня 1922 г. Исполнительный комитет КТК утвердил Постановление «Об обязательном оспопрививании на территории Карельской Трудовой Коммуны»[106].

В 1921–1923 гг. жизнь местного населения сопровождалась эпидемиями брюшного и сыпного тифа, что было вызвано усилением миграции людей и антисанитарными условиями в транспорте и городах. В 1922 г. в отчетах отдела здравоохранения КТК отмечалось широкое распространение сыпного и возвратного тифа, которому способствовали громадное скопление воинских частей в пределах г. Петрозаводска и его уезда и передвижение воинских частей в связи с военными действиями[107]. Из-за недостатка чистой питьевой воды и отсутствия канализации в эти годы происходило распространение холеры, а с 1924 г. – туберкулеза[108]. «Малярия и чесотка, венерические болезни и трахома, брюшной и сыпной тифы – вот далеко не полный перечень тяжелых заболеваний, которые были настоящим бичом трудового населения Карелии»[109].

Общие санитарные условия проживания детей в семьях и детских учреждениях в Карелии находились в неудовлетворительном состоянии.

---

[105] Жиромская В. Б. Основные проблемы отечественной демографической политики в 1920-е годы // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 394.
[106] Левин С. М. Охрана народного здоровья в Карелии. Петрозаводск, 1972. С. 55.
[107] Статистический ежегодник. Карелии. 1922. Вып. II, ч. 1. С. 123.
[108] Колесьянкина И. И. Быт населения Карелии в 1920-е гг. (по материалам газеты «Красная Карелия») // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации. Петрозаводск, 2000. С. 136.
[109] Зелинская А. И., Левин С. М. Здравоохранение Карельской АССР за 50 лет Советской власти // Здравоохранение Карельской АССР: сб. ст. Вып. VII. Петрозаводск, 1970. С. 5.

По результатам жилищно-санитарного обследования в 1922 г. следовало, что все города края переживали тяжелый жилищный кризис, в особенности г. Петрозаводск: на одного человека приходилась 1/6 куба воздуха в помещении; крыши домов протекали в 74 % случаев, печки нуждались в ремонте; в 93 % владений требовался ремонт, в основном капитальный[110]. Подавляющее большинство домов в г. Петрозаводске представляли собой 1–2-квартирные деревянные постройки. В период с 1917 по 1920 г. в городе не было построено ни одного нового здания[111], наибольшее количество помещений было непригодно для жилья. В деревнях ситуация с жильем была намного лучше. Значительно осложняло жилищную проблему постоянно происходившее перемещение населения, что приводило к падению и без того низкого уровня жизни. В целом эпидемиологическая обстановка в послереволюционный период как по всей стране, так и по Карелии в частности была крайне неблагоприятной.

На этом фоне ухудшились все показатели здоровья детей: увеличилась общая заболеваемость, особенно инфекционными болезнями, многие от постоянного недоедания отставали в физическом развитии[112]. Самыми распространенными причинами смерти, по официальным данным, в 1921 г. в Карелии являлись «врожденная слабость и прочие болезни новорожденных», «болезни органов пищеварения», дизентерия, воспаление и туберкулез легких[113]. Вопрос борьбы с желудочно-кишечными заболеваниями ставился передовыми врачами еще в дореволюционный период и не получал своего разрешения[114], превращаясь в одну из ведущих проблем. После 1921 г. случаи смерти из-за дизентерии в Карелии стали уменьшаться, а из-за сыпного и возвратного тифа, наоборот, увеличиваться[115]. В отчете отдела здравоохранения КТК фиксировалось, что дизентерия дала в 3 раза меньше заболеваний, а корь и коклюш «совсем сошли на нет», также резко уменьшились случаи заболевания малярией – 24 вместо

---

[110] Статистический ежегодник. Карелии. 1922. Вып. II, ч. 1. С. 124.
[111] Колесьянкина И. И. Быт населения Карелии в 1920-е гг. С. 130.
[112] Альбицкий В. Ю. Истоки и становление государственной системы охраны здоровья детей в Советской России (1917–1930 гг.). М., 2018. С. 51.
[113] Статистический обзор АКССР, 1925 и 1926 гг. С. 5.
[114] Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. М., 1973. С. 44.
[115] Статистический обзор АКССР, 1925 и 1926 гг. С. 5.

100[116]. После окончания Гражданской войны началась огромная работа по восстановлению разрушенного народного хозяйства, в том числе по развитию здравоохранения[117]. В первые годы советской власти в основу охраны здоровья детей был положен метод диспансерных наблюдений, предусматривающий проведение широких профилактических осмотров детского населения, в первую очередь поступающего в детские учреждения[118].

Здоровье детей в исследуемый период было подорвано отсутствием всех необходимых питательных элементов, поскольку в стране были трудности, связанные с продовольственным кризисом. Олонецкая губерния традиционно обеспечивала себя хлебом только на полгода и существенно зависела от поставок продовольствия из центра[119]. Неурожай 1921 г. был в значительной степени обусловлен разорением деревни в результате войны. С прекращением подвоза хлеба из других губерний в регионе остро стал ощущаться голод. В условиях голода Советы вынуждены были пойти на чрезвычайные меры в борьбе за хлеб: стали создаваться продовольственные отряды, которые занимались конфискацией продовольствия[120]. Вводилась карточная система, горожане делились на пять категорий снабжения, и дети относились к низшей. В многодетных семьях, особенно крестьянских, в условиях голода старшие по возрасту дети заботились о себе сами, поэтому добровольно вступали на путь беспризорничества в поисках более сытной жизни и свободы[121]. Многие дети и подростки оказывались снова на улице не только в результате расформирования детдомов, но и бежали оттуда из-за голода, плохих условий, под влиянием сверстников и др. В местной газете Карелии отмечалось, что детская беспризорность в крае достигала внушительных размеров, причинами ее роста являлись «бандитизм и неурожайные годы»[122].

В источниках встречаются весьма противоречивые данные о численности голодавших, что связано с использованием разных критериев в определении

---

[116] Статистический ежегодник. Карелии. 1922. Вып. II, ч. 1. С. 123.
[117] Зелинская А. И., Левин С. М. Здравоохранение Карельской АССР за 50 лет Советской власти. С. 6.
[118] Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. С. 16.
[119] История экономики Карелии. С. 14.
[120] Там же. С. 15.
[121] Славко А. А. Детская беспризорность. С. 37.
[122] Поляков Н. На помощь беспризорным детям // Красная Карелия. 1925. № 156. С. 4.

числа пострадавших, а также данных, отличающихся по времени и по территории. Непосредственной причиной смерти были заболевания, возникшие или обострившиеся в результате голода: цинга, дизентерия, тиф[123]. По неполным данным, число голодающих и физически вымирающих детей по стране к этому времени доходило до 7,5 млн, а число нуждающихся в неотложной помощи – до 6 млн[124]. По данным, которые приводит исследовательница Венди Голдман, голод и болезни в конце 1910-х гг. уничтожили 90–95 % детей в возрасте до 3 лет и почти треть тех, кто был старше[125].

В целях частичного решения проблемы продовольственного обеспечения применялась эвакуация голодающих детей в благополучные, хлебородные районы. В 1919 г. из Олонецкой в Харьковскую губернию были эвакуированы воспитанники 5 детских приютов в количестве 252 детей и 36 человек персонала[126]. Условия, в которых оказывались дети во время эвакуации, были не менее тяжелые, чем на родине, поэтому к концу 1921 г. представители некоторых местных комиссий по улучшению жизни детей выступали за немедленное прекращение эвакуации как меры, не только не спасающей детей, но и представляющей серьезную опасность для их жизни[127]. Критически обстояло дело с реэвакуацией «детей Севера», которая растянулась на несколько лет и выполнялась крайне не организованно. Из-за неправильного планирования и координации системы эвакуации и реэвакуации детей они не получали продовольствия в пути, поэтому многие умирали, не добравшись до места[128].

В то же самое время, когда из Карелии отправляли детей в «более сытные» районы, КТК выступала в качестве принимающей стороны нуждающихся детей, что говорит об отсутствии необходимой координации и определенном хаосе в этой сфере. Так, в 1922 г. для детей из Поволжья открылся детский дом

---

[123] Население России в XX веке. С. 133.
[124] О борьбе с детской беспризорностью. Утвержденное коллегией НКП постановление V всероссийского съезда Зав.ОНО // Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью. С. 35.
[125] Wendy Z. Goldman. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. P. 67.
[126] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 673. Л. 7.
[127] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 165.
[128] Wendy Z. Goldman. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. P. 69.

в г. Повенце на 30 человек[129]. «Принимающая» сторона не была подготовлена к приезду голодающих детей. Организация только одного детского учреждения создала проблему в обеспечении продовольствием местных детей. В докладе особоуполномоченного Олонецкого Губисполкома от 27 апреля 1922 г. отмечалась невозможность ввоза новых групп детей Поволжья в Карелию из-за отсутствия на местах лиц, готовых взять их на содержание, поскольку «в противном случае они [дети] перемрут здесь также, как и там, на месте»[130]. В целом по стране за 1921–1922 гг. из голодающих губерний было вывезено 121 018 детей, всего эвакуация охватила примерно 1 млн человек[131]. В Карелии данная практика не получила широкого распространения.

Войны, массовые заболевания, голод и высокая смертность повлияли на половой состав населения Карелии: произошло заметное сокращение и без того низкой доли мужчин. Особенно низкий процент мужчин отмечался в молодом трудоспособном возрасте. Так, в возрасте 20–24 лет мужчины составляли лишь 31,6 %, в возрасте 25–29 лет – 37,6 %[132]. В результате мобилизации и последующих призывов 1914–1917 гг. из Карелии в действующую армию ушла половина всего трудоспособного мужского населения (28 тыс. человек)[133]. В годы войны отсутствие необходимого количества трудоспособного населения мужского пола потребовало активного вовлечения в производство женщин[134]. Введение в 1918 г. всеобщей трудовой повинности повлияло на положение многих детей, оставшихся без присмотра или вынужденных работать[135]. Если в 1913 г. на предприятиях Карелии женщины и подростки составляли 21 % работающих, то в 1916 г. – 36 %[136]. Данные о возрастной структуре самозанятого населения показывают, что среди занятых довольно много было 10–15-летних

---

[129] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 834. Л. 22.
[130] Там же. Л. 20об.
[131] Население России в XX веке. С. 133.
[132] Статистический ежегодник. Карелии. 1922. Вып. II, ч. 1. С. 8.
[133] Кораблев Н. А., Дубровская Е. Ю. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическую жизнь населения Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 30.
[134] Там же. С. 34.
[135] Славко А. А. Детская беспризорность. С. 39.
[136] Никулина Т. В. Пролетариат Европейского Севера России в годы империалистической войны // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С. 73.

подростков (14,1 %), вместе с молодежью от 16 до 30 лет они составляли 53 %, т. е. больше половины всех работающих.

Вовлечение женщин в производство повлекло за собой увеличение количества беспризорных детей. Семьи распадались под тяжестью борьбы за выживание, тысячи детей становились сиротами или брошенными[137]. В Карелии трудовая занятость имела свои особенности, поскольку до революции женский труд применялся в незначительных размерах на немногочисленных предприятиях Олонецкой губернии. Среди промышленных рабочих края в начале века женщины составляли всего 14 %, тогда как в крупной промышленности России доля женщин равнялась 25 %, а за годы Первой мировой войны достигала 40 %[138]. Для удержания женщин на производстве и облегчения положения уволенных работниц в 1922–1924 гг. государство приняло законы, которые защищали их права. Так, например, запрещалось увольнять по сокращению штата находящихся в отпуске беременных и кормящих работниц, создавались льготные очереди на биржах труда для одиноких матерей[139].

С ростом числа женщин на производстве в начале 1920-х гг. связано и расширение сети детских дошкольных учреждений края. Усилиями администрации, профсоюзных организаций, самих женщин-работниц создавались детские сады и ясли при крупных предприятиях: Онежском заводе, Сорокском, Кемском, Сунском, Медвежьегорском лесопильных заводах и др.[140] Работа указанных учреждений не всегда отвечала необходимым нормативам и требованиям медико-санитарного и педагогического характера. Отсутствие приспособленных помещений, подготовленных кадров, а также задержки с бесперебойным обеспечением продовольствием являлись не единственными проблемами, с которыми встречались многие дошкольные учреждения.

В условиях разрушения семейного быта и естественного уклада жизни бездомный ребенок рано включался в уличную борьбу за выживание при

---

[137] Wendy Z. Goldman. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. P. 60.
[138] Тинькова Н. К. Массовое вовлечение женщин в промышленность Карелии // Промышленные рабочие Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 66.
[139] Там же. С. 67.
[140] Там же. С. 85.

отсутствии воспитательной помощи взрослых и нормальной детской среды[141]. Не только смерть мужчин в результате войн приводила к росту количества неполных семей, но и внесенные изменения в семейное законодательство способствовали данному росту, поскольку упрощенная схема получения развода привела к резкому их увеличению[142]. В первые годы советской власти политика государства была направлена на ослабление ценностей семейного воспитания и разрушение семейного пространства. Произошло заметное повышение нестабильности брачных союзов, чему способствовали принятые еще в декабре 1917 – октябре 1918 г. законы о семье и браке, одновременно заложившие основу для расторжения брака[143].

Кризис традиционной семьи и деформация системы семейных ценностей определили нуждающегося ребенка под опеку государства, которое объявило своей главной задачей заботу о детях. Все это привело к деградации семьи как института воспитания и эмоциональной поддержки, превращению неполной и неблагополучной семьи в социальную норму, углублению морального кризиса российского общества[144]. В условиях коренных изменений российского общества и нестабильности брака менялось отношение населения к браку, семье и детям. В обществе произошла существенная трансформация брачно-семейных ценностей, особенно это коснулось женщин, вовлеченных в учебу, производственную и общественную работу. На протяжении первого этапа государство декларировало приоритет общественного воспитания над частным. Произошли изменения в нормативно-правовой базе в отношении детей и их родителей, закрепившие за государством ведущую роль в воспитании «нового человека».

Таким образом, в 1918–1925 гг. в Карелии, как и в целом по стране, основной причиной попадания детей в категорию нуждающихся являлась потеря родителей

---

[141] Маслова О. Б., Линец С. И. «Государство, а не семья определяет минимум необходимый для ребенка образования, ухода, благополучия». Утилитаризм советской государственной политики в отношении детства в 1920-х гг. // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2015. С. 297.

[142] Ball Alan M. And now my soul is hardened. Berkeley etc., 1994 [Электронный ресурс]. URL: https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress. (дата обращения: 15.11.2020).

[143] Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в. С. 47.

[144] Самсонова С. А. Политика и социальная практика преодоления детской беспризорности на Ставрополье и Тереке в 20-е – 30-е гг. XX века: автореф. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2012. С. 18.

не только в результате их смерти, но и в связи с увеличением их занятости на производстве, когда дети, оставаясь одни, пополняли ряды беспризорных. Были случаи, когда в сложной экономической обстановке родители не могли справиться с выполнением своих обязанностей и отдавали детей в детдома. По данным исследовательницы Ш. Фицпатрик, родители отказывались от детей из-за нищеты или переезда с места на место[145]. Если в дореволюционной России детей старались подкидывать к домам богатых купцов и мещан, то в годы нэпа подкидышей обнаруживали «в самых неожиданных местах»[146].

К факторам, оказавшим влияние на положение детей в послереволюционный период, относились последствия войн, голода, безработицы и экономического кризиса. Все это сказалось на уровне рождаемости и смертности детей, показатели которых менялись на протяжении изучаемого периода. С 1919 г. началась полоса жесточайших эпидемий, в особенности сыпного и возвратного тифа, затем последовал неурожай 1921 г., который привел Карелию к голоду. Под влиянием социально-экономических процессов произошло увеличение доли детского населения в противовес взрослому, наблюдался рост сирот и беспризорных детей, в том числе входивших в ряды подростков с девиантным поведением. Вышеперечисленные факторы определили невозможность полноценного развития ребенка, поэтому государству необходимо было принять решительные меры по оказанию помощи нуждающимся детям страны.

В 1925–1929 гг. (II этап) продолжались некоторые процессы, возникшие на предыдущем этапе, однако появились и новые факторы, влиявшие на положение детей. В письме Наркомпроса РСФСР о борьбе с детской беспризорностью от 6 января 1926 г. говорилось, что «рожденная войнами и голодом и питаемая еще в значительной степени и сейчас материальной нуждой городской и деревенской бедноты детская беспризорность» продолжала оставаться огромным общественным бедствием[147].

---

[145] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. С. 182.
[146] Кузнецова Л. «Забота о детях составляет всегда задачу особого внимания…» // Эхо веков. 2008. № 1. С. 90.
[147] Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью. С. 32.

Во второй половине 1920-х гг. санитарно-эпидемиологическое положение Карелии улучшилось, в том числе уменьшилось число эпидемий, за счет расширения сети медицинских учреждений, увеличения количества медицинских работников, изменения материального положения детских учреждений, введения гигиенических норм на практике и др. Немаловажную роль в борьбе с эпидемиями играла просветительская работа профилактического отдела Наркомздрава АКССР. С 1925 г. во всех детских учреждениях страны стали систематически проводиться профилактические осмотры, позволявшие предупреждать заболевания, выявлять их симптомы на ранних стадиях, бороться с хроническими болезнями[148].

Профилактика и лечение «заразных заболеваний» оставались одними из острых проблем в указанный период, однако были заметны определенные положительные сдвиги. В отчетах Наркомздрава АКССР за 1925 г. фигурируют следующие наименования болезней, явившихся причиной смерти среди населения региона: болезни органов пищеварения (самые распространенные), врожденная слабость новорожденных, воспаление и туберкулез легких, прочие болезни органов дыхания[149]. Врачам не всегда удавалось справиться с эпидемиями таких детских болезней, как скарлатина, коклюш. В деревне умирали до 25 % детей грудного возраста[150]. По масштабам распространения в 1925 г. в Карелии выделялись такие заразные заболевания, как туберкулез, коклюш, «бугорчатка (туберкулез) прочих органов», корь и др.[151] Очаги эпидемий удавалось уменьшить в результате вакцинации населения. На фоне снижения заболеваемости тифом и оспой почти в 50 раз возросло количество больных туберкулезом, который особенно свирепствовал в г. Петрозаводске и в рабочих поселках Карелии в середине 1920-х гг.[152] Плохое питание, а также недоброкачественная вода

---

[148] Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в. С. 55.
[149] Статистический обзор АКССР, 1925 и 1926 гг. С. 5.
[150] НА РК. Ф. Р-580. Оп. 4. Д. 50. Л. 6.
[151] Статистический обзор АКССР, 1925 и 1926 гг. С. 37.
[152] Колесьянкина И. И. Здравоохранение в Карелии в период нэпа // Вопросы истории Европейского Севера. Проблемы развития культуры: вторая половина XIX – XX в.: сб. науч. ст. Петрозаводск, 2002. С. 140.

служили причиной распространения цинги, по преимуществу в северных районах Карелии.

Дефицит медицинских работников являлся острой проблемой на протяжении 1920-х – первой половины 1930-х гг. Квалифицированный медперсонал из крупных университетских городов не желал ехать на периферию, в частности в Карелию[153]. Подобная проблема наблюдалась и на региональном уровне: многие врачи из-за неудовлетворительных бытовых и материальных условий не хотели ехать на работу в сельскую местность и оставались в г. Петрозаводске или уездных городах. Тем не менее количество медицинских работников в Карелии постепенно росло: в 1926 г. докторов насчитывалось 87 человек, фельдшеров – 180, акушерок – 59, а также 3 фармацевта и 15 зубных врачей[154]. За период с 1921 по 1925 г. в Карелии увеличилось число врачей в 5 раз, среднего медицинского персонала – почти в 2,5 раза[155]. Врачебно-педагогический кабинет и детская амбулатория функционировали только в г. Петрозаводске. В 1926 г. в Петрозаводске был открыт пункт охраны материнства и младенчества, который в дальнейшем реорганизовался в два самостоятельных учреждения – детскую консультацию и женскую консультацию. Детская консультация стала началом дифференцированного медицинского обслуживания детей[156]. В 1929 г. учреждения по охране здоровья детей по-прежнему имелись только в г. Петрозаводске, в детской профилактической амбулатории проводились профосмотры и лечение детей[157]. Кроме того, детскому населению г. Петрозаводска оказывали медицинскую помощь три школьных санитарных врача. В районах Карелии обслуживание детей осуществлялось врачами больниц, совмещавшими данные обязанности с основной работой.

В демографическом отношении регион постепенно восстанавливался. Сопоставление данных переписей 1920 и 1926 гг. показывает, что доля детей

---

[153] Там же. С. 132.
[154] Справочная книжка автономной Карельской социалистической Советской республики /сост. И. М. Никольский. Петрозаводск, 1929. С. 202.
[155] Колесьянкина И. И. Здравоохранение в Карелии в период нэпа. С. 132.
[156] Гуткин К. А. Из воспоминаний врача // На фронте мирного труда: воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920–1940. С. 302.
[157] Некоторые данные о работе Карельского правительства. Петрозаводск, 1929. С. 61.

в возрасте до 5 лет увеличилась с 12,3 до 14,5 %, а доля населения в трудоспособном возрасте – с 47,7 до 53 %[158]. Вместе с тем приток населения в города Карелии обострил социальные проблемы. В частности, в 1926 г. в г. Петрозаводске безработными являлись 7 % самодеятельного населения[159]. Остро ощущалась безработица и среди подростков, которые выпускались из детских учреждений и без определения на производство не могли самостоятельно найти работу. Жилищная проблема являлась чрезвычайно острой для всей страны: средняя норма жилой площади для человека в СССР в 1928–1929 гг. составляла около пяти квадратных метров[160]. В Карелии к этому времени в связи с быстрым ростом населения и медленными темпами жилищного строительства средние нормы жилой площади также были низкими[161], в 1926 г. в различных населенных пунктах республики на одного человека приходилось от 2 до 6 квадратных метров площади[162]. Детские учреждения для нуждающихся детей требовали частичного, а зачастую и капитального ремонта.

В целом, причинами вспышек заразных заболеваний являлись сохранявшийся жилищный кризис, нарушение правил гигиены, проблемы с питьевой водой, недоброкачественные продукты, в городах и рабочих поселках – неочищенные улицы, задержка с вывозом нечистот, недостаток общественных уборных, бань, отсутствие прачечных и др.[163] Во второй половине 1920-х гг. стали уделять больше внимания благоустройству и улучшению санитарного состояния улиц и жилых домов, строительству общественных бань, прачечных.

Хлебозаготовительный кризис 1925–1926 гг. привел к сохранению трудностей с поставкой продовольствия в Карелию, ощущавшую товарный голод. Вслед за введением карточек на хлеб (1929 г.) появляются карточки на мясо и на другие основные продукты питания[164]. Иная ситуация была в деревнях, где вплоть до коллективизации происходило качественное изменение питания населения.

---

[158] Покровская И. П. Население Карелии в 1920–1939 гг. С. 288.
[159] История экономики Карелии. С. 49.
[160] Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940 гг. С. 260.
[161] Там же. С. 260.
[162] VIII Всекарельский съезд Советов. Петрозаводск, 1929. С. 44.
[163] Колесьянкина И. И. Здравоохранение в Карелии в период нэпа. С. 141.
[164] История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 516.

Крестьянин питался лучше горожанина, на его стол попадало в 1,5 раза больше молока и масла, в 5 раз – картофеля, в 2 раза – овощей и ржаного хлеба[165].

Во второй половине 1920-х гг. усиливались миграционные процессы, обусловленные высокими темпами развития экономики края. В регионе быстро увеличивалась доля «пришлого населения»: если в 1920 г. родившиеся вне Карелии составляли только 8,6 % всех ее жителей, то в 1926 г. – 14,4 %, в 1933 г. – 32,8 %[166]. Увеличение миграционных потоков в Карелию повлекло за собой не только рост численности населения, но и появление новых беспризорных детей, зачастую пополнявших либо местные детские дома, либо преступные группы подростков. Миграция детского населения происходила иногда без участия взрослых. Так, из ближайшего экономического и культурного центра страны – г. Ленинграда – систематически осуществлялись побеги воспитанников детских домов по Мурманской железной дороге в Карелию. Чаще всего дети отправлялись в Карелию в поисках родителей[167].

Советские теоретики детской политики в середине 1920-х гг. пришли к выводу, что успешная борьба с беспризорностью и вытекающими из нее социальными проблемами возможна лишь при условии восстановления ценностей семейного воспитания[168]. Во второй половине 1920-х гг. начинается постепенное возвращение к семейным ценностям. Также необходимо было «разгрузить» детские учреждения ввиду передачи их обеспечения на местный уровень при слабости местных бюджетов. С этой целью восстанавливалась система усыновления, развивалось патронирование и продолжала реализовываться практика установления опеки над беспризорными детьми. В условиях «разгрузки» детских домов, проводимой по всей стране в срочном порядке, развитие патронирования приобрело характер очередной кампании[169]. К числу нуждающихся в социальной помощи в данный период стали относиться и дети, которые воспитывались в распавшихся семьях, число коих росло с каждым годом.

---

[165] Там же. С. 476.
[166] Покровская И. П. Население Карелии в 1920–1939 гг. С. 276.
[167] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 196. Л. 15.
[168] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 312.
[169] Там же. С. 308.

Разводы родителей в большинстве случаев отрицательно сказывались на детях. Число женщин, возглавивших семьи, постоянно росло, что стало отчасти следствием женской эмансипации в российском обществе[170].

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. социально-экономическая ситуация в стране стала более благоприятной, что связано с развитием медицины, изменением материальных условий жизни, возвращением семейных форм устройства детей. Однако указанные достижения не решали полностью проблему беспризорности и преступности по стране и в Карелии в частности.

На III этапе, в первой половине 1930-х гг., положение детей определялось рядом новых обстоятельств, связанных с преобразованиями, осуществляемыми советской властью. Ход и первые результаты таких масштабных событий, как форсированная индустриализация, коллективизация с раскулачиванием и насильственным перемещением населения, голод 1932–1934 гг., политические репрессии, во многом определили особенности протекавших в стране и регионе социальных и демографических процессов.

Партийные и советские органы отчитывались об улучшении в сфере медицинского обслуживания. Действительно, осуществлялось развитие медицинской сети и санаторно-курортного обслуживания, по некоторым показателям шло повышение жизненного уровня населения[171]. В 1932 г. в Карелии работало 173 врача, среднего медицинского персонала – 557 человек, прочих – 313 человек[172]. В этом же году в Карелии произошло создание государственной санитарной инспекции, что повлекло за собой перестройку всей санитарной службы региона. Особую роль в улучшении санитарно-эпидемиологического положения в Карелии сыграла пропаганда санитарно-медицинских знаний среди населения: проводились лекции, беседы, работали медицинские автопередвижки, организовывались обследование и премирование лучших детских учреждений. Медицинская сеть опережающими темпами стала расти в сельской местности: если в городах число медицинских учреждений

[170] Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в. С. 49.
[171] Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940 гг. С. 269.
[172] Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1932–1933. С. 170.

выросло в 2–3 раза, то в деревне – в 5–6 раз. В 1934 г. смертность населения в Карелии снизилась на одну треть, заболеваемость цингой уменьшилась в 10 раз, от таких детских болезней, как скарлатина и дифтерит, уносивших множество детских жизней, умирали в 5–6 раз меньше, чем в начале 1920-х гг.[173] Тем не менее спорадически возникали вспышки инфекционных заболеваний, самым распространенным среди которых оставался туберкулез. При несомненном улучшении санитарно-эпидемиологической обстановки качество медицинского обслуживания оставалось низким, причинами этого являлись нехватка медперсонала и недостаток специальных помещений для медицинских учреждений. Строительство новых зданий для лечебных нужд на протяжении указанного периода велось медленно. В 1935 г. на X Всекарельском съезде Советов было принято постановление, в котором уделялось большое внимание вопросам повышения квалификации врачей, борьбе с социальными и эпидемическими заболеваниями, а также новому строительству стационарных лечебных учреждений[174].

Основными направлениями демографической политики рассматриваемого периода становились борьба со смертностью детей и укрепление детского здоровья, для чего старались развивать санаторное лечение, производить регулярную вакцинацию и профилактические осмотры детей[175]. Так, в Карелии были созданы детские противотуберкулезные и общеоздоровительные санатории в деревнях Уя, Видлица, Судалица[176]. В 1931 г. в Олонце открыли профилактический детский санаторий на 20 коек[177]. В 1933 г. дополнительно открыли ночной санаторий для школьников Олонецкого района на 20 коек[178]. К 1934 г. почти все население было охвачено оспопрививанием.

В исследуемый период продолжала оставаться высокой детская и младенческая смертность, хотя, по сравнению с предыдущим периодом, было

---

[173] Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940 гг. С. 269.
[174] Левин С. М. Охрана народного здоровья в Карелии. С. 21.
[175] Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в. С. 72.
[176] Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940 гг. С. 268.
[177] Крылова Ф. В. Забота о детях // На фронте мирного труда: воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920–1940. С. 305.
[178] Там же. С. 305.

заметно ее снижение с 25–30 до 20–21 на тысячу родившихся, а в некоторых районах Карелии – до 12–13 человек[179]. Однако эти усредненные цифры не дают всей полноты картины. Большинство населения Карелии ощутило продовольственный кризис, обострившийся осенью 1930 г. Дешевый черный хлеб стал единственным продуктом, который государство относительно стабильно выдавало горожанам[180]. Особенно трудное положение было у детей, находившихся вместе с родителями в трудовых поселках для спецпереселенцев. Именно в этих местах наблюдалась высокая детская смертность, главной причиной которой являлось плохое питание. В июле – августе 1931 г. на Нивастрое[181] умерло более 20 % всех детей, в том числе в возрасте до 3 лет[182]. Исследовательница О. А. Никитина приводит статистику: в июне – июле 1931 г. на Нивастрое умерло 85 человек, из них 62 – дети в возрасте до трех лет, в августе – 109, из них детей в возрасте до 14 лет – 96, в сентябре – 111, из них дети – 104 ребенка. За пять месяцев 1931 г. умер 371 человек, в том числе 318 детей[183]. Неблагоприятными являлись и условия проживания данной категории детей: они жили в быстро построенных бараках, где была большая скученность людей. Все это приводило к развитию эпидемий. Так, все дети на Нивастрое переболели корью, многие – коклюшем, а в сентябре 1930 г. был зарегистрирован сыпной тиф.

С отменой в 1935 г. карточной системы значительно улучшилось снабжение трудящихся Карелии продовольствием и промышленными товарами[184]. Развитие системы общественного питания касалось и детей. Так, в обозначенный период в г. Петрозаводске активно работала детская столовая, отпускавшая завтраки для школ и детских площадок, обеды «для неимущих детей, детей низкооплачиваемых и многосемейных рабочих и служащих»[185]. В 1934 г.

---

[179] НА РК. Ф. Р-689. Оп. 5. Д. 185. Л. 52.
[180] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 516.
[181] Спецпоселок Нивастрой находился в Кандалакшском районе.
[182] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 517.
[183] Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. Петрозаводск, 1997. С. 113.
[184] Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940 гг. С. 265.
[185] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.

в столовой ежедневно обедало до 700 детей, за один месяц отпускалось 74 088 завтраков и 14 922 обеда[186].

К началу 1930-х гг. коммунальное хозяйство и благоустройство оставались еще на низком уровне, хотя к этому времени началось строительство общественных бань, прачечных, в основном в г. Петрозаводске. Изменения стали заметны к 1935 г., когда вступила в строй первая очередь городского водопровода и увеличилось количество общественных бань. В 1930-х гг. в Карелии развернулось довольно интенсивное государственное и кооперативное жилищное строительство[187]. Однако его темпы отставали от темпов роста городского населения. В 1933 г. на одного жителя в г. Петрозаводске приходилось 5,3, а в районах – 4,8 квадратного метра жилой площади; в 1935 г. эти показатели составляли соответственно 4,9 и 4,6 квадратного метра[188]. В 1930-е гг. в деревнях при значительной помощи колхозов и кредитной кооперации продолжалось строительство индивидуальных крестьянских домов. В целом жилищный вопрос для Карелии оставался одним из самых «животрепещущих».

Начавшийся экономический подъем, сопровождавшийся активизацией миграционных процессов, отразился на положении детей. В начале 1930-х гг. почти треть жителей Карелии являлась выходцами их других районов страны и частично из-за границы[189]. В ходе переселенческой политики за 1931–1935 гг. из других районов страны в Карелию мигрировало около 14 тыс. человек, в том числе детей. Для привлечения высококвалифицированных рабочих власти Карелии пригласили на работу трудящихся преимущественно финской национальности из США и Канады. За 1931–1935 гг. в Карелию переехало около 6 тыс. североамериканских финнов, треть из них составляли женщины и дети[190]. Многие финны были недовольны условиями труда и жизни[191]. Около четверти завербованных в США и Канаде переселенцев уехали обратно, не проработав

---

[186] Там же.
[187] Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940 гг. С. 260.
[188] Бюджет Карельской АССР на 1936 г. С. XCIV–XCV.
[189] Покровская И. П. Население Карелии в 1920–1939 гг. С. 276.
[190] Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: сб. ст. Петрозаводск, 1999. С. 169.
[191] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 521.

в Карелии установленного трудовым соглашением двухлетнего срока. Жилищный и продовольственный вопросы являлись самыми болезненными. Многие приехавшие сразу начинали болеть из-за недоброкачественной и непривычной пищи, среди переселенцев развивалась цинга, фиксировались смертельные случаи от желудочно-кишечных заболеваний[192]. Особенно страдали дети. По воспоминаниям, приведенным в монографии А. В. Голубева и И. Р. Такала, Мириам Ноусиайнен, приехав с семьей в Карелию в 1932 г., впервые попробовала в столовой «отвратительную на вкус недоваренную ржаную кашу», которую отказалась есть. «Спустя три дня отец избил восьмилетнюю дочку, пытаясь заставить ее есть советскую пищу»[193]. Постепенно положение переселенцев менялось: продовольственное снабжение стало осуществляться по более высоким нормам, для них были открыты специальные магазины, столовые, им был разрешен беспошлинный ввоз товаров из-за границы[194].

Широко применялись насильственные перемещения людей на север, осуществляемые в ходе проводившегося в 1930-х гг. процесса раскулачивания. Всего в 1931 г. в Карелию были выселены 1095 человек, из них около трети – дети[195]. Спецпереселенцы имели право передавать своим родственникам или знакомым на воспитание и иждивение детей в возрасте до 14 лет, однако на практике возрастной ценз был понижен до 10 лет. Дети старше 10 лет оставались при родителях, перенося совместно с ними все тяготы жизни в спецпоселках: голод, бытовую неустроенность, отсутствие медицинского обслуживания. Беспризорным сиротам социальная помощь должна была оказываться местными органами Наркомздрава, Наркомпроса и Наркомсобеса[196]. Плохое питание, тяжелые жилищные условия, нравственные и физические страдания в спецпоселках вели к высокой смертности среди вынужденных мигрантов[197]. В докладной ГПУ КАССР от 4 декабря 1931 г. о состоянии труда и быта

---

[192] Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. СПб., 2019. С. 111.
[193] Там же.
[194] История экономики Карелии. С. 76.
[195] Там же. С. 81.
[196] Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. С. 109.
[197] История экономики Карелии. С. 55.

спецпереселенцев фиксировалось, что «снабжение детей продуктами питания неудовлетворительное, ощущается недостаток в жирах и молоке, которое выдается только больным»[198]. Остро стоял вопрос и с медицинским обслуживанием: врачей и медикаментов в поселках не хватало, почти все дети болели корью и коклюшем[199]. Поселки для рабочих не были подготовлены для детей, поэтому они служили источником беспризорности. Во второй половине 1933 г. в Карелии был отмечен рецидив детской беспризорности, вызванный «большим наплывом населения (рабсилы) как в организованном порядке, так и частично самотеком»[200].

В 1930-х гг. голод и процесс раскулачивания оказывали воздействие на состояние семейных связей и отношений. Росло число детей, насильно разлученных с родителями и отправленных в детские дома. Так, о порядке распределения беспризорных детей кулацких семей говорилось в Инструкции Карельской республиканской комиссии по ликвидации кулачества от 16 июля 1931 г., по которой малолетние члены семьи ликвидированных кулацких хозяйств, оставшиеся по каким-либо причинам беспризорными, подлежали направлению в конкретный детский дом Карелии[201] (таблица № 21).

Таким образом, в первой половине 1930-х гг. появились новые факторы, усложнявшие жизнь детей Карелии, связанные с проводившимися государством мероприятиями по борьбе с кулачеством и по использованию дополнительной рабочей силы из других районов страны или из-за границы. Раскулачивание выступило в качестве одной из причин неблагополучия детей, поскольку за данным процессом часто следовали либо гибель родителей, либо распад семей. Дети оказывались на улице на самостоятельном обеспечении или определялись в детские дома Карелии. Большой наплыв рабочего населения в указанный период вызвал рецидив детской беспризорности, справляться с которой приходилось органам Наркомпроса АКССР. В целом же санитарно-эпидемиологическое,

---

[198] Из истории раскулачивания в Карелии. С. 241.
[199] Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. С. 111, 114.
[200] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.
[201] Из истории раскулачивания в Карелии. С. 160.

медицинское, жилищное, продовольственное состояние в регионе постепенно улучшалось.

Выделенные три этапа в 1918 – первой половине 1930-х гг. позволили увидеть, какие факторы являлись основополагающими в определении социального положения детей. Прежде всего, социально-экономическая ситуация накладывала свой отпечаток на жизнь детей. Общая санитарно-эпидемиологическая обстановка в регионе находилась в тяжелом состоянии, особенно на первом из рассматриваемых этапов. При том что происходили существенные улучшения в сфере медицинского обслуживания детского населения, полного решения проблемы охраны здоровья детей к концу III этапа добиться не удалось. Сложности с питанием, жилищный кризис, зачастую неблагоприятная внутрисемейная обстановка сказывались на состоянии здоровья детей, а иногда являлись причинами смерти ребенка. Последствия войн сказались не только на экономическом развитии региона, но и на изменении семейных отношений. Процесс вовлечения женщин в производство повлек за собой увеличение количества детей, оставленных без присмотра. Подростки, оказавшиеся в рядах трудящихся, наоборот, были лишены возможности почувствовать родительскую заботу и брали на себя обязанности кормильцев семьи, что ускоряло их социальное взросление. На социализацию детей в Карелии оказывали воздействия многообразные факторы виктимизации. На протяжении исследуемого периода система семейных ценностей подвергалась определенным изменениям: если в начале I этапа большее значение придавалось общественному воспитанию детей, то со II этапа наметился возврат к семейным ценностям через развитие семейных форм устройства беспризорных детей. Ряд факторов (раскулачивание и миграция) оказал весомое воздействие на положение детей на III этапе. На протяжении всего рассматриваемого периода остро ощущались продовольственные и жилищные проблемы, решать которые приходилось чаще всего населению самостоятельно. Основания для рецидива детской беспризорности в начале 1930-х гг. были связаны также с миграцией рабочего населения в регион.

§ 2. Основные категории несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи

Положение детей в обществе является одним из важнейших показателей его состояния. В послереволюционный период проблема роста количества детей-сирот, беспризорных и безнадзорных, всплеск детской преступности имели особую актуальность. Советское государство провозгласило, что все дети без исключения являются предметом его заботы. Дети воспринимались как потенциальный трудовой и политический ресурс, но в то же время некоторые из них представляли возможную угрозу для стабильности и порядка в стране. В 1918–1935 гг. были предприняты различные меры институционального, правового характера для того, чтобы укрепить положение детей – будущих строителей нового социалистического общества. Полное обеспечение и воспитание требовались не только детям, лишившимся родителей, но и другим категориям несовершеннолетних. Государство старалось выработать меры оказания помощи и поддержки нуждающимся детям. Для этого необходимо было четкое понимание, кому эту помощь оказывать.

Базовым демографическим показателем для всех категорий детей являлся возраст: в правовом отношении период детства завершался с наступлением совершеннолетия, которое определялось 18-летним возрастом[202], с его достижением наступала полная дееспособность. Возрастные категории детей в советском законодательстве характеризовались категориями «малолетний» [дети в возрасте до 14 (иногда 16) лет], «подросток» (14–16 лет) и «несовершеннолетний» (16–18 лет). Однако границы возрастных периодов указанных категорий, а также рубеж перехода человека в совершеннолетие зачастую были размыты. В нормативных источниках заметно употребление понятий «малолетний», «несовершеннолетний» и в других возрастных границах.

[202] Гражданский Кодекс РСФСР. 1922 г. Ст. 7 [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901808921. (дата обращения: 15.12.2020).

Для данного исследования применимы все вышеперечисленные возрастные категории детей, используемые в нормативных документах.

Вопрос определения границ детства в Советской России в исследуемый период был дискуссионным и решался на основе разных подходов в зависимости от сферы правоприменения. Одни предельные сроки наступления совершеннолетия фиксировались при установлении порядка ответственности детей за содеянные ими правонарушения, другие – при защите их от преступных действий, третьи – при охране их труда и др.

Полная дееспособность определялась способностью лица своими действиями приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности. Несовершеннолетние, достигшие 14 лет, могли совершать сделки с согласия своих законных представителей, а также были вправе самостоятельно распоряжаться получаемой ими заработной платой и отвечать за вред, причиненный их действиями другим лицам[203]. В данном случае речь идет о частичной дееспособности, которой обладали дети 14–18-летнего возраста.

При определении возраста трудоспособности советское законодательство выделяло следующие возрастные границы: 14 и 16 лет. Согласно принятому в 1918 г. Кодексу законов о труде РСФСР для всех граждан страны, кроме лиц моложе 16 лет, старше 50 лет, нетрудоспособных вследствие увечья или болезни, устанавливалась трудовая повинность[204]. Постановлением Наркомтруда РСФСР от 3 июля 1919 г. «О применении труда малолетних» был подтвержден запрет принимать на работу детей до 16 лет. Исключениями являлись случаи, когда при острой материальной нужде подростков и невозможности их государственного обеспечения малолетних принимали на работу с 14 лет[205]. На протяжении 1920-х – первой половины 1930-х гг. в сфере охраны труда подростков не происходили серьезные изменения в определении возрастных границ. В нормативных

---

[203] Гражданский Кодекс РСФСР 1922 г. Ст. 9 [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901808921. (дата обращения: 15.12.2020).

[204] Кодекс законов о труде РСФСР. 1918 г. // Киселева И. Я. Трудовое право России. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm. (дата обращения: 15.10.2020).

[205] Постановление НКТ РСФСР от 2 июля 1919 г. «О применении труда малолетних» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_470.htm. (дата обращения: 15.10.2020).

документах[206] указанного периода подтверждался возраст приема на работу лиц не моложе 16 лет и фиксировались некоторые отступления для подростков с 14 лет.

В Советской России законодательной основой, определявшей возраст юридической ответственности, послужил Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «Об учреждении комиссии о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях»[207], согласно которому совершеннолетие в вопросах административной и уголовной ответственности наступало в 17 лет. Возраст привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности варьировался на протяжении 1918–1935 гг.: 1918 г. – 17 лет, 1920 г. – 18 лет, 1922 г. – 16 лет, 1926 г. – 14 лет, 1929 г. – 16 лет, 1935 г. – 12 лет[208]. Данные изменения были связаны, с одной стороны, с началом деятельности комиссий по делам несовершеннолетних (1918 г.), с другой – с внесением поправок в содержание Уголовного кодекса РСФСР. В уголовном законодательстве исследуемого периода не только понижался или повышался возраст наступления уголовной ответственности несовершеннолетних, но и менялись меры наказания по отношению к детям-правонарушителям. Например, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. не только изменил нижний предел уголовной ответственности с 18 до 16 лет[209], но и запретил применение расстрела к лицам, не достигшим в момент преступления 18-летнего возраста. В 1929 г. возраст наступления уголовной ответственности был повышен с 14 до 16 лет, было запрещено применение общих наказаний к подросткам моложе 16 лет, а также было предписано помещать

---

[206] Постановление НКТ РСФСР от 24 декабря 1920 г. «О труде подростков» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_807.htm. (дата обращения: 15.10.2020); Постановление НКТ РСФСР от 19 июня 1923 г. «О труде малолетних в возрасте от 14-ти до 16-ти лет» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1686.htm. (дата обращения: 15.10.2020); Постановление НКТ РСФСР от 12 июля 1933 г. «Об условиях труда малолетних и подростков, занятых на киносъемках» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3910.htm. (дата обращения: 15.10.2020) и др.

[207] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 650. Л. 4.

[208] Данные составлены на основе нормативных документов исследуемого периода: Постановление СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях»; Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР»; Уголовный кодекс РСФСР: редакция 1926 г.; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении ст. 12 и 50 Уголовного кодекса и ст. 47 и 174 Исправительно-трудового кодекса РСФСР» от 30 октября 1929 г.; Постановление СНК СССР, ЦИК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» и др.

[209] Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1338.htm. (дата обращения: 15.10.2020).

правонарушителей в возрасте от 14 до 18 лет (а в некоторых случаях до 20 лет) в особые трудовые дома[210]. По мнению исследовательницы М. О. Окуневой, такая не вполне обоснованная гуманизация законодательства имела свои последствия[211]. Так, борьба с антиобщественными действиями подростков в возрасте до 16 лет была возложена на комиссии по делам несовершеннолетних, которые могли применять меры исключительно воспитательного характера[212]. Однако комиссии не справлялись с возложенными на них новыми обязанностями.

В 1935 г. ужесточены возрастные ограничения, по которым несовершеннолетние, достигшие 12 лет, уличенные в совершении краж, причинении насилия, телесных повреждений, увечий, убийстве или попытке к убийству, привлекались к уголовному суду с применением всех мер наказания[213]. Современные исследователи связывают данное нововведение с увеличившимся количеством тяжких преступлений несовершеннолетних и отсутствием действенной системы наказаний[214]. Таким образом, в исследуемый период определение возрастных границ детства в России зависело от различных факторов: от момента совершеннолетия в юридическом смысле и появления полной дееспособности, от определения юридической ответственности за совершения противоправного деяния, от установления возрастных ограничений в области охраны труда подростков и др.

Вопрос о выявлении категорий детей, нуждающихся в социальной помощи государства, поднимался современниками, однако многие проблемы в области охраны детства исследователями не рассматривались. В рамках изучаемого вопроса можно условно выделить несколько основных категорий нуждающихся

---

[210] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении ст. 12 и 50 Уголовного кодекса и ст. 47 и 174 Исправительно-трудового кодекса РСФСР» от 30 октября 1929 г. [Электронный ресурс]. URL: http://museumreforms.ru/node/13990. (дата обращения: 15.10.2020).

[211] Окунева М. О. Субъект преступления в советском уголовном праве. Становление и развитие института в 1917–1941 гг.: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 185.

[212] Там же.

[213] Постановление СНК СССР, ЦИК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Собрание Узаконений 1936 г. № 1. Ст. 1 [Электронный ресурс] URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4044.htm. (дата обращения: 20.10.2020).

[214] Борисенок Ю., Мозохин О. «Ворую только в государственных учреждениях...». Как 12-летний пионер обокрал Наркомфин и дал Сталину повод отправлять своих ровесников в тюрьму // Родина. 2016. № 416 (4) [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2016/04/22/rodina – pioner.html. (дата обращения: 26.08.2020).

детей. Это, прежде всего, дети, лишенные родительского или государственного попечения (круглые сироты, полусироты, подкинутые, беспризорные, безнадзорные, потерявшие связь с родителями и родственниками и др.); несовершеннолетние правонарушители (дети, совершившие общественно-опасные деяния; дети с асоциальным поведением, «морально-дефективные» дети, трудновоспитуемые дети); дети-инвалиды и дети, достигшие предельного возраста и работавшие на предприятиях. Решение проблем каждой из групп детей определялось формами государственной помощи, которые менялись и дополнялись на протяжении 1918 – первой половины 1930-х гг. Периодически государство обновляло и расширяло категорию получателей социальной помощи среди детей, а также применяло новые формы ее организации. Рассмотрим четыре основные категории детей, признаваемых советским законодательством нуждающимися в помощи со стороны государства.

Дети, лишенные родительского или государственного попечения

Самой крупной по численности категорией являлись дети, лишенные родительского или государственного попечения. Поскольку они находились без присмотра, надзора, данная категория могла объединяться одним понятием «беспризорные». К ним относились сироты, потерявшие связь с родителями и родственниками, изъятые из семьи «вследствие преступной или порочной жизни их родителей»[215], подкинутые и др. К категории сирот относились дети, лишившиеся родителей в результате их смерти, среди них выделялись круглые сироты и полусироты. Также к категории «беспризорные» были причислены дети, ставшие таковыми из-за тяжелой болезни, инвалидности или временного отсутствия родителей. В докладной записке С. Е. Копелянской о категориях беспризорных детей, их правовой защите и социальной помощи говорилось, что «беспризорные дети – это дети государства, они нуждаются в государственном обеспечении»[216]. В период с 1917 г. до начала 1921 г. четкого определения

[215] Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР // Краткий сборник законодательных материалов по борьбе с детской беспризорностью. С. 1.
[216] «Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг. С. 84.

понятия «беспризорный» не существовало. Отсутствие единого понимания этого слова не давало возможности определить точный характер государственной политики по преодолению проблемы детской беспризорности и преступности. Долгое время отсутствовало разделение между такими понятиями, как «беспризорный» и «безнадзорный» ребенок. В состав беспризорных, по определению, входили и безнадзорные дети, однако такого понятия долгое время не существовало ни в политическом, ни в социальном языке[217]. Это вызывало трудности в работе государственных органов, поскольку одни считали, например, что к числу беспризорных относились и «беспризорные матери», нуждающиеся в помощи, другие сужали категорию беспризорных до «уличных детей», то есть до той части, которая находилась вне семьи и детских учреждений[218].

Исследователи первого десятилетия советской власти обращались в своих трудах к характеристике понятия «беспризорность», говоря о том, что беспризорные – это «брошенные, несчастные [дети], лишенные самого дорогого в жизни – ухода, ласки и любви»[219]. Так, М. Н. Гернет считал беспризорным всякого ребенка, находящегося в таких условиях, которые не гарантировали ему определенного минимума для развития в физическом и нравственном отношениях[220]. С. В. Познышев определял беспризорность как особое положение ребенка в обществе, при котором несовершеннолетний оказывался лишенным того руководства и попечения, которые ему были необходимы[221]. Правовед П. И. Люблинский, особо выделяя роль беззащитности детей в качестве фактора беспризорности, устанавливал следующие ее формы: беспризорность – сиротство, беспризорность – нужда, беспризорность – заброшенность[222].

В 1921 г. в резолюции конференции по вопросам социально-правовой охраны несовершеннолетних в г. Москве вместо юридического определения

---

[217] Самсонова С. А. К вопросу о понятии «детская беспризорность» // Вестник ТГУ. Вып. 12 (80), 2009. С. 359.
[218] Шахова Е. С. Историко-правовой анализ борьбы с детской беспризорностью первых лет советской власти // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 11.
[219] Соколов П. Н. Детская беспризорность и детская преступность и меры борьбы с этими явлениями с современной точки зрения. С. 4.
[220] Гернет М. Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России. М., 1924. С. 51.
[221] Познышев С. В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М., 1926. С. 7.
[222] Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. С. 61–78.

беспризорности были перечислены отдельные ее виды. Эта резолюция представляла собой почти дословное повторение первой статьи закона о беспризорных детях, выработанной в 1913 г. на Первом съезде деятелей детского суда, с той лишь разницей, что вместо термина «малолетние» использовался термин «несовершеннолетние» и прибавлялась категория детей, занимающихся спекуляцией[223]. В данном проекте закона беспризорными признавались:

1. Малолетние, оставленные без надлежащего приюта их родителями, опекунами и лицами, у которых они состояли на воспитании, в обучении или услужении и находились в условиях, имевших пагубное влияние на их нравственность или здоровье.

2. Малолетние, занимающиеся нищенством, или проституцией, или бродяжничеством.

3. Малолетние, в отношении которых родители или опекуны или лица, их заменяющие, злоупотребляли своей властью, принуждая или склоняя их к преступной или порочной жизни, к нищенству или разврату и т. п.

4. Малолетние, с которыми родители или лица, имеющие о них попечение, обращались жестоко, лишая их необходимого количества пищи, крова, одеяния или подвергая их наказаниям, превышающим разумные исправительные меры.

5. Малолетние, родители которых отбывали наказание лишением свободы, которые не находились на попечении своих родственников или благонадежных лиц.

6. Малолетние, нравственность или здоровье которых подвергались явной опасности вследствие преступной жизни, пьянства, порочных привычек, проституции или общения с преступными, порочными людьми, родителями или лицами, на попечении которых они состояли[224].

Исследователи 1920-х гг. разрабатывали различные классификации беспризорных детей. Практика работы педагогов с трудными детьми

---

[223] Нищенство и беспризорность / под ред. Е. К. Краснушкина, Г. М. Сегала, Ц. М. Фейнберг. М., 1929. С. 131.
[224] Гернет М. Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России. С. 131.

демонстрировала следующее деление беспризорных по категориям: первая – дети, которые нуждались и хотели получить от государства материальную и воспитательно-педагогическую помощь, они охотно шли в учреждения социального воспитания; вторая – дети, которые свыклись с уличной и бродячей жизнью, проявляя большую, нежели первая, самостоятельность, субъективно не нуждаясь в государственной помощи. Дети второй категории не проявляли желания пойти в учреждения и чаще всего избегали их[225].

П. И. Люблинский и С. Е. Копелянская выделяли группы малолетних, которым требовались особая охрана и попечение со стороны органов власти[226]. К ним относились не только дети, «находящиеся в родной семье, подвергающиеся в ней жестокому обращению, нравственной порче или чрезмерной эксплуатации их труда», но и дети, «стоявшие на опасном пути», а именно «все малолетние независимо от условий их домашней обстановки, окруженные вредными социальными влияниями, успевшими выработать в них привычку социально-опасного характера»[227].

Обращаясь к нормативным документам детских учреждений, можно увидеть, кого в них принимали. В инструкции о приеме детей в детские дома 1920 г. выделялись следующие группы детей, которым обеспечивалось место в учреждении: «в первую очередь принимаются круглые сироты и дети красноармейцев, если отец на фронте, а мать умерла. Полусироты, оставшиеся без присмотра: дети красноармейцев, ушедших на фронт, при живой матери; дети, по отношению к которым родители или лица, их замещающие, злоупотребляют своей властью, подвергают детей истязанию, склоняют к совершению преступления, к занятию нищенством; дети многосемейных; дети малосемейных»[228]. По инструкции Наркомпроса 1925 г. прием в детские дома школьного типа производился специальной комиссией. В первую очередь принимались круглые сироты, во вторую – полусироты, в третью – дети

[225] Беспризорные в трудовых коммунах. С. 5.
[226] Люблинский П. И., Копелянская С. Е. Охрана детства и борьба с беспризорностью. Л., 1924. С. 11.
[227] Там же.
[228] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 470. Л. 56.

многосемейных малоимущих родителей. Также во время приема обращали внимание «на классовый отбор и национальный момент»[229].

Проблема в определении понятия «беспризорный» продолжала существовать до марта 1926 г. Именно в это время государством были выработаны меры охраны, помощи и воспитания в отношении беспризорных, не достигших 16 лет, находящихся в условиях, опасных для их физического или общественно-трудового развития[230]. Меры назначались в соответствии с характером и степенью беспризорности детей. К числу беспризорных, нуждающихся в полном обеспечении и воспитании, относились дети: круглые сироты, а также не имеющие братьев и сестер, которые были бы обязаны и могли бы принять на себя заботу о них; потерявшие связь с родителями и родственниками; изъятые постановлением суда или комиссией по делам о несовершеннолетних из семьи вследствие преступной или порочной жизни их родителей или лиц, у которых они воспитывались, либо вследствие злоупотреблений в отношении их родительскими правами; подкинутые[231]. Нуждающимися в охране, мерах временной или частичной помощи и воспитания признавались дети: оказавшиеся беспризорными вследствие тяжелой болезни или инвалидности, лишающей полной трудоспособности, родителей или лиц, у которых они воспитывались, в тех случаях, когда последние не пользовались пособием от государства, а также дети, находящиеся на попечении одной только матери, лишенной всякого заработка и не получающей материальной поддержки от мужа, родственников или других лиц; оказавшиеся беспризорными вследствие временного отсутствия их родителей или лиц, на содержании которых они находились и воспитывались[232]. Несовершеннолетние, находящиеся фактически на иждивении родственников или посторонних лиц, имеющих о них заботу, обеспечивались только мерами охраны[233].

---

[229] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 57.
[230] Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР // Краткий сборник законодательных материалов по борьбе с детской беспризорностью. С. 2.
[231] Там же.
[232] Там же.
[233] Там же.

В исследуемый период наблюдалось подкидывание детей, в основном раннего возраста. Эта категория детей, т. н. подкинутые, пополняла ряды беспризорных детей. Будучи составной частью общегосударственной проблемы, ликвидация беспризорности маленьких детей выражалась в предотвращении, профилактике подкидывания детей и в их устройстве[234]. Под «профилактикой подкидывания» понималось выявление нуждающихся, находящихся в бедственном положении беременных женщин или женщин, имеющих грудных детей, оказание им помощи в трудоустройстве, устройстве ребенка в детское учреждение, взыскание алиментов на его содержание[235]. На протяжении 1920-х гг. фиксировались случаи подкидывания детей в дома ребенка Наркомздрава АКССР, что подтверждало существование нерешенной проблемы[236]. Позже на Президиуме Верховного Суда РСФСР (28 мая 1933 г.) будет поднят вопрос об усилении ответственности за подкидывание детей[237], а райисполкомы и горсоветы обяжут расширить практику передачи указанной категории детей в семьи[238].

В Постановлении СНК РСФСР от 14 апреля 1928 г. были прописаны мероприятия по оказанию помощи детям беднейших семейств, которой могли пользоваться все дети, не достигшие 16 лет. В документе особо выделялись дети, находящиеся на иждивении и попечении одинокой матери, лишенной средств к существованию; дети, испытывающие острую материальную нужду вследствие безработицы, болезни, инвалидности или временного отсутствия родителей или лиц, их замещающих; дети из многодетных семей, лишенных необходимых средств к существованию[239].

В первой половине 1930-х гг. группа беспризорных дополнялась детьми, которые оказались в тяжелой жизненной ситуации в связи с резким изменением материального положения их семей. Так, начавшийся в начале 1930-х гг. в стране

---

[234] Нечаева А. М. Правовая охрана детства. С. 23.
[235] Там же.
[236] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.
[237] Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 46.
[238] Там же. Л. 42.
[239] Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 44. С. 330.

процесс раскулачивания повлек за собой пополнение категории «беспризорных» «детьми раскулаченных семей» («дети кулаков», «кулацкие» дети, «дети спецпоселенцев», «дети спецпереселенцев»), которые зачастую оказывались либо в малопригодных для жизни условиях вместе с родителями, либо брошенными на воспитание родственникам, либо в детском доме. В результате раскулачивания на территории Карелии появились специальные поселки, в которые по решению «троек» высылались кулацкие семьи[240]. В инструкции ЦИК СССР «О конфискации имущества, выселении и расселении кулаков» от 4 февраля 1930 г. отмечалось, что члены семей выселяемых кулаков могли «при своем желании и при согласии на это районных исполнительных комитетов оставаться временно или постоянно в прежнем районе»[241]. В этот же период был принят закон, по которому раскулаченные лишались избирательных прав («лишенцы»), однако оговаривалось, что если дети раскулаченных отказывались от своих родителей, то гражданских прав они не утрачивали[242]. В 1933 г. начинается восстановление детей в избирательных правах с момента достижения ими совершеннолетия. Это делалось для того, чтобы отлучить детей от родителей[243]. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 декабря 1935 г. дети спецпоселенцев, окончившие среднюю школу, принимались на общих основаниях в специальные среднетехнические и высшие учебные заведения[244]. Данное решение показало начало распространения основных социальных гарантий на детей спецпоселенцев наравне с остальным населением.

Стоит отметить, что категория детей, лишенных родительского или государственного попечения, была достаточно обширной. Исследователи 1920-х гг. давали разные определения понятию «беспризорный ребенок», отмечали

---

[240] Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. С. 106.
[241] Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Кн. I. М., 2005. С. 63.
[242] Лопатина Н. Л. Социокультурные последствия репрессивной политики в советской деревне // Евразийский Союз Ученых. 2018. № 4 (49). С. 49.
[243] Дранникова Н. В. «Нас везли целый месяц в телячьих вагонах»: воспоминания потомков спецпереселенцев в повествовательной традиции архангелогородцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 3 (180). С. 9.
[244] Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск, 2013. С. 90.

определенные категории или свойственные им черты, однако во всех предложенных формулировках прослеживалось наличие главного критерия – это отсутствие должного внимания за ребенком со стороны родителей или государства вследствие различных обстоятельств.

Несовершеннолетние правонарушители

Рост беспризорности в послереволюционный период приводил к увеличению детской преступности, поэтому следующей категорией нуждающихся детей являлись несовершеннолетние правонарушители. Максимальный рост детской преступности по стране пришелся на 1921–1922 гг., когда через комиссию по делам несовершеннолетних прошли за 1921 г. 54 906 человек, за 1922 г. – 53 374[245], при том что не все правонарушения регистрировались и раскрывались. На протяжении исследуемого периода использовались разные формулировки к определению несовершеннолетних, совершивших преступление. В начале 1920-х гг. понятие «несовершеннолетний преступник» стали заменять на определение «несовершеннолетний правонарушитель». Смягчение терминологии подчеркивало воспитательное начало в борьбе с антиобщественными действиями несовершеннолетних, привлекало внимание не только к содеянному, но и к личности подростка[246]. На Всероссийской конференции по борьбе с детской дефективностью в 1921 г. предлагалось заменить термин «морально-дефективный» на понятие «несовершеннолетний, обвиняемый в асоциальных поступках»[247]. В 1924 г. на II Всероссийском съезде социально-правовой охраны детей и подростков докладчики говорили о борьбе с самим наименованием «юный преступник», выступали против содержания детей в тюрьме совместно со взрослыми преступниками[248].

Исследователи 1920-х гг. предлагали классифицировать несовершеннолетних правонарушителей по определенным критериям. Так, Е. Лившиц останавливался

---

[245] Левитина М. И. (Маро). Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. С. 25.
[246] Ашин А. А. Воспитательная колония: история и современность. Владимир, 2008. С. 64.
[247] Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. С. 99.
[248] Материалы ко второму Всероссийскому съезду социально-правовой охраны детей и подростков. С. 17.

на следующем делении всех «обвиняемых в асоциальных поступках»[249]: нуждающиеся в медико-педагогическом воздействии и нуждающиеся в усиленном педагогическом воздействии. С точки зрения доступности для педагогического воздействия всех трудных детей предлагалось делить на следующие категории: дети, трудная воспитуемость которых обусловлена, в основном, причинами «внутрибиологического характера»; дети, трудная воспитуемость которых обусловлена, в основном, их внешней, т. е. социальной средой[250]. В целом, понятие «трудные дети» объединяло самых «разнородных детей», среди которых встречались «труднообучаемые и трудновоспитуемые», «дети с нормальным и недостаточным интеллектом», «дети, психически аномальные», «дети, близкие к норме, но с теми или иными особенностями характера», «дети с физическими недостатками и аномалиями»[251].

На протяжении 1920-х гг. на уровне всероссийских конференций обсуждался вопрос «детской дефективности». Утверждалось, что существовала не только физическая и психическая, но и «моральная дефективность», выражавшаяся в нарушении норм поведения в обществе. «Моральная дефективность» обозначала категорию детей, «страдающих нарушениями характера и эмоционально-волевой сферы», и «детей, склонных к агрессивному и противоправному поведению, педагогически запущенных и т. п.»[252]. Под «моральной дефективностью» понималось явное отклонение от общепринятых норм поведения, однако такая трактовка была неоправданно широкой, поскольку объединяла на основании внешних поведенческих проявлений разнородные группы детей.

В работах педагогов и психологов 1920-х гг. было показано, что причинами «моральной дефективности» являлись внешние условия жизни ребенка, недостатки воспитания и т. п. Обозначенный круг причин не позволял выделить конкретную категорию детей, а наоборот, смешивал разнородные группы, такие

---

[249] Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. С. 100.
[250] Детская беспризорность и детский дом. С. 76.
[251] Озерецкий Н. И. Трудные дети // Основные проблемы педологии в СССР (по тезисам Первого Всероссийского педологического съезда. 27.12.1927 – 03.01.1928 г.). С. 131.
[252] Степанов С. С. Дефектология: словарь-справочник. М., 2007. С. 96.

как трудновоспитуемые, беспризорные, правонарушители. В 1924 г. в резолюциях II Съезда по социально-правовой охране несовершеннолетних была отмечена недопустимость подразделения детей на нормальных и «морально-дефективных». Психолог П. П. Блонский отмечал, что «моральную дефективность трактовали как слабую степень нравственного помешательства, но, поскольку нет никакого фактического материала, подтверждающего существование нравственного помешательства, не существовало и моральной дефективности»[253]. Теория «моральной дефективности» являлась научно необоснованной и должна была быть устранена из педагогической практики, потому что, по утверждению П. П. Блонского, она давала «возможность апеллировать к строгой дисциплине и наказанию вместо того, чтобы более тщательно и вдумчиво взвесить все обстоятельства проступков детей и так организовать их жизнь, чтобы устранять всякую возможность проступков»[254].

П. И. Люблинский также выделял группу детей, нуждающихся в особом попечении. К ним относились «психопатические и дегенеративные дети», не обладавшие явными умственными и физическими дефектами, однако «в силу тяжелой наследственности, психической травмы или неблагоприятных условий раннего детства» у них обнаруживалась «резко выраженная наклонность к антисоциальным поступкам»[255]. Правовед останавливался на использовании понятия «морально-дефективные дети» и обращал особое внимание на то, что коренной дефект заключался «не в извращении их моральных понятий, а в ненормальном реагировании на раздражители социальной среды, в их конституционной неспособности приспособиться к тем нормальным требованиям, которые предъявляются обществом к каждому здорово развивающемуся ребенку»[256]. А. Д. Калинина писала о таких детях, как «о приобретших социально-вредные навыки, то есть уже захваченных преступным миром в свою среду»[257].

---

[253] Лившиц Е. С. Детская беспризорность и новые формы борьбы с нею. С. 11.
[254] Борьба с беспризорностью: материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью. С. 43.
[255] Люблинский П. И., Копелянская С. Е. Охрана детства и борьба с беспризорностью. С. 11.
[256] Там же.
[257] Калинина А. Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. С. 13.

На 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью О. Л. Бем отметила, что «основным дефектом по борьбе с беспризорностью является смешение детской беспризорности с детской дефективностью»[258]. Автор указывала на необходимость исключить использование термина «морально-дефективный», устраняющего из поля зрения социально-экономические условия, которые порождали и обуславливали детские недостатки, что сводило все к акцентированию внимания на прирожденных качествах ребенка.

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. среди исследователей велись дискуссии вокруг определения понятия «дети, совершившие общественно-опасное деяние». Наметившаяся в первые годы советской власти тенденция на смягчение терминологии изменилась в первой половине 1930-х гг., когда стала нарастать репрессивная составляющая в практике работы с данными детьми. В нормативно-правовой базе и отчетной документации рассматриваемого периода стали использоваться такие понятия, как «несовершеннолетний преступник», «несовершеннолетний рецидивист», «социально-запущенные дети». Так, в 1935 г. были определены дети, которые направлялись в учреждения НКВД. К их числу, например, относились несовершеннолетние рецидивисты, уличенные в совершении нескольких преступлений; трудные дети, с которыми не могли справиться педагоги детских домов.

Дети-инвалиды («Дефективные дети»)

К отдельной категории нуждающихся детей относились дети-инвалиды. Обращение к данной группе детей связано с тем, что многие родители отказывались от детей-инвалидов, которые пополняли ряды беспризорных, воспитанников учреждений социальной защиты. Согласно Декрету СНК от 17 января 1918 г., при Народном комиссариате призрения был образован Отдел дефективных детей, который в первую очередь принял меры к «извлечению несовершеннолетних из тюрем и размещению их по приютам». При отделе была создана коллегия, в которую вошли известные психиатры, педагоги и юристы для

[258] Бем О. Л. Детская беспризорность // Борьба с беспризорностью: материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью. С. 18.

выработки норм государственной опеки, воспитания и образования детей. На места рассылались инструкции по реорганизации воспитательно-исправительных заведений для «нравственно-дефективных» детей[259].

В 1919 г. были согласованы функции Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомсобеса РСФСР в деле воспитания и охраны здоровья дефективных детей[260]. Выделялись следующие группы детей: «нервно и психически больные», «умственно отсталые», «телесно-дефективные» (глухонемые, слепые, калеки) и «морально-дефективные» дети[261]. По распределению функций ведомств «нервно и психически больные дети» воспитывались в соответствующих учреждениях Наркомздрава (школы-санатории, школы-лечебницы и т. п.), «умственно отсталые дети» – во вспомогательных школах Наркомпроса, «телесно-дефективные» – в специальных учреждениях Наркомпроса, «морально-дефективные» несовершеннолетние – в соответствующих учреждениях Наркомздрава и Наркомпроса (наблюдательно-распределительных пунктах, лечебно-воспитательных колониях и т. п.)[262].

Врач-психиатр В. П. Кащенко проводил успешное изучение и практику воспитания, обучения и социальной защиты таких детей, отмечая, что «исключительные (дефективные) дети делились на физически-исключительных, куда относились дети-калеки, слепые, глухонемые и т. п., и психически-исключительных: дети с недостатками психического развития, трудновоспитуемые, нервные, запущенные и беспризорные»[263]. Именно ему принадлежали многочисленные работы и предложения по созданию специальных лечебно-педагогических заведений для данных детей[264]. В. П. Кащенко настаивал, что все формы «детской дефективности» могут быть описаны как «недостаточность», и утверждал значимость «дефектологии» как новой

---

[259] Щербинин П. П. «Физически-дефективные дети» и их призрение в первой трети XX века: региональный аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 24, № 178. Тамбов, 2019. С. 140.
[260] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 675. Л. 2.
[261] Там же.
[262] Там же.
[263] Кащенко В. П., Мурашев Г. В. Исключительные дети. Дети нервные, трудные и слабоодаренные. Их изучение и воспитание. М., 1926. С. 52–53.
[264] Щербинин П. П. «Физически-дефективные дети» и их призрение в первой трети XX века. С. 140.

медицинской, психологической и педагогической науки, способствующей компенсации разного рода недостаточностей и реабилитации любых аномальных детей. П. И. Люблинский выделял «умственно и физически дефективную» группу малолетних детей: те, кто не был в состоянии оберегать самих себя от таких опасностей, с которыми сравнительно легко справлялись обычные дети, и те, которые требовали особых, специально для них «приноровленных методов воспитания и обучения». Эти дети, в силу своей беспомощности, чаще всего становились прямыми подопечными государства, помещавшего их в специальные школы, осуществляя над их содержанием постоянный надзор[265].

В 1926 г. был принят Декрет СНК РСФСР об учреждениях для глухонемых, слепых и умственно-отсталых детей и подростков. Создание специальных учреждений было связано с необходимостью подготовки данной группы детей к общественно-полезной трудовой деятельности через школу. Дети могли быть определены в следующие учреждения: «детские дома для дошкольного возраста, школы живущих и приходящих для детей школьного возраста, школы живущих и приходящих с профессионально-техническим уклоном для подростков, школы живущих и приходящих смешанного возрастного типа с соответствующими отделениями и вспомогательные группы для умственно-отсталых детей и подростков при школах для нормальных детей»[266]. В 1927 г. Наркомздраву РСФСР предлагалось увеличить количество коек для следующих групп детей: «для психо-невротиков, эпилептиков и душевнобольных детей из беспризорных и правонарушителей»[267].

А. Д. Калинина выделяла среди беспризорных и безнадзорных детей «физически дефективных», к ним относились все те, кто в силу своего физического состояния не мог справиться с теми заданиями, которые сравнительно легко выполнялись нормальными детьми, поэтому нуждались

---

[265] Люблинский П. И., Копелянская С. Е. Охрана детства и борьба с беспризорностью. С. 11.

[266] Декрет СНК РСФСР от 23 ноября 1926 г. «Об учреждениях для глухонемых, слепых и умственно-отсталых детей и подростков» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3134.html. (дата обращения: 10.09.2020).

[267] Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 июня 1927 г. «О плане борьбы с детской беспризорностью» [Электронный ресурс]. URL: http://www.alppp.ru/law/zakonodatelstvo-o-seme/ohrana-semi-i-materinstva/15/postanovlenie-vcik-snk-rsfsr-ot-20-06-1927.html. (дата обращения: 10.09.2020).

в постоянной систематической помощи («слепые, глухие, калеки, туберкулезные, венерики, эпилептики, паралитики»)[268]. Считалось, что умственно-отсталые подростки, не получившие достаточного воспитания и не приспособленные к трудовой жизни в силу дефекта интеллекта и воли, представляли собою наиболее социально-опасный элемент[269].

В 1929 г. деление учреждений для «морально-физически дефективных и умственно-отсталых детей» было следующим: учреждения для физически-дефективных детей (школы (детские дома) и институты для слепых, школы (детские дома) и институты для глухонемых); учреждения для трудновоспитуемых детей (приемники (распределители), медико-педагогические учреждения (изоляторы), ночлежные дома, дома для правонарушителей, трудовые коммуны, реформатории (трудовые дома), институты социального перевоспитания); учреждения для умственно-отсталых детей (школы интернаты, школы для приходящих (экстернаты), вспомогательные школы)[270].

Таким образом, к концу 1920-х гг. в стране выделялись следующие группы детей-инвалидов: физически-дефективные, трудновоспитуемые и умственно-отсталые дети[271]. Хоть в названии вышеуказанного документа использовался термин «морально-дефективные дети», учреждения для них не были выделены. Не стоит забывать, что были и другие дети, которым требовалось лечение. К «условно» физически-дефективным детям относили тех, кто болел серьезными социально опасными заболеваниями (сифилис, туберкулез и пр.)[272].

Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. были выделены группы детей-инвалидов, а именно «физически-дефективные» и «глубоко умственно отсталые». Эти дети находились на содержании в детских домах Наркомсобеса РСФСР, а детские учреждения Наркомздрава РСФСР принимали детей, которым требовалось длительное лечение[273]. В Карелии сеть детских учреждений для

---

[268] Калинина А. Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. С. 13.
[269] Богуславский М. С. Дети улицы. М., 1927. С. 64.
[270] О рабочем дне в учреждениях для морально-дефективных и умственно отсталых детей // Бюллетень Наркомпроса Карельской АССР. 1929. № 3. С. 37.
[271] Там же. С. 37.
[272] Щербинин П. П. «Физически-дефективные дети» и их призрение в первой трети XX века. С. 144.
[273] Дети ГУЛАГа. С. 333.

детей-инвалидов получила развитие только к середине 1935 г., это связано с организацией Ладвинского детского комбината. Указанное учреждение состояло из отделений для «глубоко умственно отсталых, идиотов и физически-дефективных детей»[274], данное членение демонстрировало существовавшие группы внутри категории детей-инвалидов.

Дети, достигшие предельного возраста и работающие на предприятиях

Еще одной категорией нуждающихся детей являлись те несовершеннолетние, которые выпускались из детских учреждений и определялись на работу. В документах они фиксировались как «переростки», «дети работоспособного возраста» или «дети, достигшие предельного возраста». Этот возраст менялся на протяжении изучаемого периода, но в основном подразумевались 16–18-летние подростки. Например, каждый несовершеннолетний, который находился на воспитании в трудовой коммуне, не позднее чем с 16-летнего возраста должен был быть зарегистрирован на Бирже труда для получения с ее помощью рабочего места[275]. Не позднее 18-летнего возраста участник трудовой коммуны выходил в самостоятельную жизнь, поступал или на службу, или на работу на производство, вступал в трудовые сельскохозяйственные, ремесленные и промысловые артели и т. д. Указанных детей можно отнести к нуждающимся, поскольку, выпускаясь из детского учреждения, несовершеннолетние часто не имели жилья и не были обеспечены обмундированием и продовольствием.

Выделенные категории нуждающихся детей характерны для всей страны и для Карелии в частности. Эти группы пересекались, четкую границу между ними определить сложно, ведь тот же круглый сирота легко мог оказаться и правонарушителем, и «физически-дефективным» ребенком. Дети, попадающие под характеристику «моральной дефективности», находились на стыке категорий правонарушителей, трудновоспитуемых, беспризорных и детей-инвалидов. В ходе анализа нормативно-правовой базы и трудов исследователей 1920-х гг. удалось определить характеристики и зафиксировать принятые в то время классификации

[274] НА РК. Ф. Р-673. Оп. 2. Д. 146. Л. 51.
[275] Беспризорные в трудовых коммунах. С. 171.

каждой категории нуждающихся детей. На протяжении изучаемого периода менялась терминология, вводились новые понятия по определению беспризорных детей, несовершеннолетних правонарушителей и др. Уже в первые годы советской власти было заявлено, что государство берет на себя обязанность заботиться обо всех детях. Выявление групп нуждающихся детей позволяет проследить, какие меры были направлены государством на профилактику, поддержку и оказание им социальной помощи.

Таким образом, в 1918 – первой половине 1930-х гг. в Карелии, как и в целом по стране, возникла сложная социально-экономическая ситуация, требовавшая пристального внимания государства к нуждающимся детям всех категорий. Выделение этапов внутри исследуемого периода и категорий нуждающихся детей позволило подробнее изучить вопрос их социального положения, отметить факторы, оказавшие серьезное влияние на состояние детской беспризорности и преступности в регионе, охарактеризовать на основе нормативно-правовой базы и трудов исследователей 1920-х гг. существовавшие классификации. На положение детей в Карелии, как и в целом по стране, оказывали воздействие санитарно-эпидемиологическая обстановка (наличие массовых заболеваний в связи с отсутствием необходимых медицинских кадров и ресурсов), проведение демографической (из-за факта высокой младенческой и детской смертности) и экономической политики государства, наступление кризиса традиционной семьи. Для каждого фактора влияния характерна определенная степень воздействия на конкретном этапе, что связано с постепенным улучшением или ухудшением обстановки в регионе. В Карелии дополняли ряд существовавших проблем продовольственный и жилищный кризисы. Постепенно государство принимало меры, направленные на профилактику, поддержку и оказание социальной помощи нуждающимся детям, однако некоторые политические решения органов власти аннулировали положительные результаты данной работы. Например, такие факторы, как миграция и раскулачивание, способствовали росту детской беспризорности и преступности, борьбу с которыми осуществляли через размещение детей в детские дома.

Глава II. Система социальных учреждений для беспризорных в Карелии и деятельность общественности

§ 1. Управление сферой охраны детства в Карелии как часть системы государственного регулирования в 1918–1935 гг.

В послереволюционный период в стране была создана новая система государственных органов охраны детства. Несмотря на сложную экономическую обстановку в начале 1920-х гг., под контроль государства планировалось взять все вопросы, связанные с устройством детей, их обеспечением и воспитанием. Созданная система защиты детей включала не только государственные, но и общественные организации, разного рода объединения и институты, участвующие в заботе о здоровье детей, организации их быта и жизни, в том числе искоренении и профилактике детской беспризорности, безнадзорности и преступности. В ходе этой деятельности не только нарабатывался управленческий опыт, но и было принято немало поспешных решений, в результате чего движение вперед шло зачастую «методом проб и ошибок». Особый интерес представляет реконструкция структуры органов управления в сфере охраны детства в Карелии как части системы государственного регулирования в 1918 – первой половине 1930-х гг. с определением ее задач, функций, иерархии и соподчиненности с учетом тех типов детских учреждений, которые находились под ведомственным контролем.

Наркомат социального обеспечения АКССР в деле оказания социальной помощи нуждающимся детям

Начало советского строительства в первые месяцы своего становления было связано с упразднением старого дореволюционного аппарата государственной власти и созданием новых органов управления. В течение октября 1917 г. – первой половины 1918 г., в силу военной обстановки, экономической разрухи и политического кризиса, формирование институтов советской власти только

началось[276]. В январе – феврале 1918 г. в Карелии были распущены прежние губернские учреждения, а дела их переданы в отделы губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов (губсовета)[277]. В начале января 1918 г. при губсовете были созданы комиссариаты, в том числе занимавшиеся вопросами охраны детства, такие как комиссариаты здравоохранения, просвещения, социального обеспечения и др. Так, 20 февраля 1918 г. при Олонецком губернском исполнительном комитете был образован комиссариат государственного призрения, который на основании Декрета СНК РСФСР от 5 мая 1918 г. был переименован в комиссариат социального обеспечения, а позже (1 сентября 1918 г.) – в отдел социального обеспечения Олонецкого губернского исполкома (Олонецкий губернский отдел соцобеспечения – Олонгубсобес). Именно данный отдел стал проводником политики государственного социального обеспечения и организатором социальной работы, а также медико-социального обслуживания детского населения.

В губернском отделе социального обеспечения были созданы подотделы (таблица № 4), связанные в том числе и с вопросами охраны детства, а именно: подотдел социального воспитания и охраны материнства и младенчества, подотдел по делам наследования, по опекунскому, семейному и брачному праву, бюро по обследованию материального положения нуждающихся в социальной помощи. На местах были созданы уездные отделы социального обеспечения, деятельность которых определялась инструкциями и положениями из центра. 1 декабря 1918 г. Петрозаводский уездный отдел соцобеспечения влился в ведение Олонецкого губсобеса.

Подотдел охраны детства при Олонецком губсобесе начал функционировать с октября 1918 г.[278], в его ведение вошли 9 приютов с 262 воспитанниками, один из них был приютом для больных эпилепсией. Эти приюты находились «в крайне

---

[276] Тевлина В. В. Система социальной помощи населению в период формирования советского государства (1918–1930-е гг.) // Благотворительность в истории России. СПб., 2008. С. 397.
[277] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 367.
[278] НА РК. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

печальном положении» и представляли из себя «жалкие казармы»[279]. С притоком детей в приюты выявилась необходимость увеличения количества детских домов, которых к 1 августа 1919 г. по губернии насчитывалось 14 с 608 воспитанниками, включая дом матери и ребенка и приют-ясли[280].

В создании государственных органов сказывалась неопытность новой власти. В первые месяцы советской власти наблюдался последний «всплеск» деятельности общественных организаций и еще продолжавших работать государственных учреждений дореволюционной эпохи, связанных с осуществлением различных форм социальной работы[281]. Государство заняло лидирующее место в контроле и инициативах в области социальной помощи нуждающимся детям. Упразднение старых органов власти и создание новых учреждений социального обеспечения детей шло по всей территории Карелии. Нехватка грамотных и опытных сотрудников в новых советских учреждениях вынуждала губернских комиссаров привлекать к работе, кроме «самых лучших», рабочих с предприятий, прежде всего из числа большевиков и левых эсеров, также некоторых бывших чиновников старых учреждений и учителей[282]. Не имевшие опыта новые руководители принимались за составление различных постановлений, инструкций, которые вначале никем не исполнялись, уездные и волостные советы считали себя независимыми от губернской власти. В созданных органах и учреждениях не были определены четко их полномочия, в связи с этим в начальный период их деятельности отсутствовала система соподчинения, обостряемая внутренним произволом и ведомственной разобщенностью.

Одной из проблем к началу 1920 г. являлось дублирование деятельности комиссариатов, поэтому возникла необходимость в разграничении функций, полномочий и направлений работы различных ведомств. Декретом СНК РСФСР от 9 марта 1920 г. охрана материнства и младенчества была передана в ведение Народного комиссариата здравоохранения, поэтому на местах с этого момента

---

[279] Там же.
[280] Там же. Л. 40.
[281] Тевлина В. В. Система социальной помощи населению в период формирования советского государства. С. 397.
[282] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 368.

функции, связанные с охраной материнства и младенчества, перестали находиться в ведении отдела соцобеспечения и были переданы в ведение губернского отдела здравоохранения. Решение вопросов предоставления помощи несовершеннолетним детям, в первую очередь беспризорным и правонарушителям, оказалось в ведении Народного комиссариата просвещения[283], поэтому все детские дома (приюты) были переданы из ведения губернского отдела соцобеспечения в ведение губернского отдела народного образования. Эти изменения были связаны в том числе и с Постановлением СНК РСФСР «О согласовании функций Народных комиссариатов просвещения и здравоохранения в деле воспитания и охраны здоровья дефективных детей» от 10 декабря 1919 г., которое разграничило компетенции отдельных органов, отвечающих за защиту детей[284]. Специальные детские учреждения для слепых, глухонемых и так называемых «морально-дефективных», находившиеся ранее в ведении Наркомата социального обеспечения, были переданы в ведение Наркомпроса и Наркомздрава РСФСР. Аналогичные изменения коснулись и детских учреждений Карелии.

1 октября 1920 г. аппарат Олонецкого губсобеса в связи с созданием КТК был разделен на два отдела: отдел соцобеспечения КТК (Карельский областной отдел соцобеспечения) и отдел соцобеспечения Олонецкой губернии. Карельский областной отдел соцобеспечения был подотчетен Карельскому исполкому и подчинен Наркомсобесу РСФСР. 7 сентября 1923 г. с созданием Управления социального обеспечения Карельской АССР Карельский областной отдел социального обеспечения был упразднен. Аналогичная ситуация произошла с отделом соцобеспечения Олонецкой губернии, который прекратил свое существование в связи с ликвидацией губернии. На протяжении 1920-х гг. Управление соцобеспечения АКССР разрабатывало и проводило мероприятия по борьбе с детской беспризорностью и нищенством. В первой половине 1930-х гг. началась активная типизация детских учреждений, и в 1932 г. в ведомство Наркомсобеса перешли учреждения для «физически-дефективных» детей,

[283] Ксенофонтов И. К. Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР. М., 1925. С. 20.
[284] НА РК Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 675. Л. 2.

«калек», имевших врожденные или приобретенные физические недостатки, и олигофренов (детей с умственной отсталостью). Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»[285] четко определило новые подходы к управлению сферой охраны детства (схема № 4): в ведении Наркомата социального обеспечения находились детские дома для детей-инвалидов (для «физически-дефективных» детей, «глубоко умственно отсталых» детей трудоспособных и «глубоко умственно отсталых» детей нетрудоспособных)[286]. Как отмечает исследовательница А. А. Карасева, типизация детский учреждений не была детально продумана, поэтому определение степени умственной отсталости для права перевода в детское учреждение Наркомсобеса проводилось на местах и было недостаточно профессиональным, подверженным влиянию субъективного фактора[287].

К 1935 г. в сети детских учреждений Наркомсобеса АКССР выделялся Ладвинский детский комбинат, состоявший из трех отделений: для «глубоко умственно отсталых, идиотов и физически-дефективных детей»[288]. Его появление означало усиление внимания государства к данной группе детей, а также их централизованное определение в специализированное учреждение, поскольку воспитанникам требовались постоянная медицинская помощь и контроль со стороны специалистов. Кроме выделенного комбината, дети попадали иногда в учреждения, предназначенные для взрослых, а именно: Муромский инвалидный дом для спецпереселенцев в Пудожском районе[289], Клименицкий центральный инвалидный дом в Заонежском районе, инвалидный дом для спецпереселенцев в Прионежском районе[290]. Во второй половине 1930-х гг. участились случаи переброски детей во время летних каникул из детских домов в инвалидные дома, где находились на обеспечении их родители[291]. Наркомсобес АКССР

[285] Дети ГУЛАГа. С. 184.
[286] Там же.
[287] Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов. С. 150.
[288] НА РК. Ф. Р-673. Оп. 2. Д. 146. Л. 51.
[289] Организован в 1932 г. и был передан Наркомсобесу из органов НКВД. Местонахождение: Пудожский район.
[290] Организован в 1931 г.
[291] НА РК. Ф. Р-673. Оп. 2. Д. 146. Л. 3.

неоднократно выступал с предложением увеличения отпускаемых средств на питание этих детей.

Таким образом, внутренняя структура Наркомсобеса АКССР претерпевала изменения, связанные с перераспределением полномочий данного ведомства и сменой наименований в связи с административно-территориальными переменами региона (схема № 1). Через год после создания комиссариата социального обеспечения произошло изменение функций ведомств, и большинство вопросов, связанных с защитой нуждающихся детей, перешло комиссариатам просвещения и здравоохранения. За комиссариатом социального обеспечения остались дела по наследованию, опекунскому, семейному и брачному праву. В первой половине 1930-х гг. в результате типизации детских учреждений расширились виды детдомов, находящихся в подчинении комиссариата социального обеспечения. На заседании Президиума ВЦИК от 20 февраля 1936 г. представитель Наркомсобеса отмечал, что данный комиссариат включился в работу по охране детства только в 1933 г., когда «было вынесено специальное постановление правительства об организации детских домов для инвалидов-детей»[292]. Количество детских учреждений Карелии к 1935 г. увеличилось, в том числе и за счет учреждений Наркомсобеса, а именно появления специализированного детского комбината, работа которого была направлена на обеспечение социальной помощью детей-инвалидов.

Наркомат здравоохранения АКССР как защитник нуждающихся детей

Еще одно ведомство, которое занималось охраной детства в 1918–1935 гг., – Наркомат здравоохранения. С 1918 г. именно этот комиссариат являлся координирующим и организационным центром в области медицины. Постановлением Олонецкого губисполкома от 29 января 1918 г. был образован Врачебно-санитарный комиссариат, переименованный 5 августа 1918 г. в Губернский отдел здравоохранения (Олонгубздравотдел)[293]. Олонгубздравотдел руководил уездными отделами здравоохранения в губернии. 17 мая 1918 г.

[292] XV лет работы по улучшению жизни детей: стенограмма заседания Президиума ВЦИК 20 февраля 1936 г. М., 1936 [Электронный ресурс]. URL: http://zt1.narod.ru/doc/15-let-detkomissii.doc. (дата обращения: 20.11.2020).
[293] НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 21. Л. 32.

на заседании Олонгубисполкома были созданы отделы: общий, финансово-учетный, военно-санитарный, санитарный и санитарно-статистический. Позже в каждом из них было выделено самостоятельное направление – охраны материнства и младенчества. По Постановлению СНК РСФСР от 10 декабря 1919 г. о согласовании функций ведомств в деле воспитания и охраны здоровья «дефективных детей» в компетенцию Наркомздрава были переданы вопросы, связанные с социальной защитой «нервно и психически больных» и «морально-дефективных» детей[294]. В марте 1920 г. отдел охраны материнства и младенчества было решено передать из Наркомсобеса в ведение Наркомздрава. Он ведал вопросами охраны детства, вел широкую профилактическую работу среди женщин губернии по вопросам материнства и младенчества.

12 октября 1920 г. был образован отдел здравоохранения Карельской Трудовой коммуны (Карздравотдел)[295], занимавшийся вопросами постановки и развития здравоохранения и организацией лечебно-санитарного дела в крае. Функции отдела были схожи с функциями Олонгубздравотдела.

По Декрету СНК РСФСР «Положение об охране здоровья подростков и детей РСФСР» от 15 сентября 1921 г. центром охраны здоровья детей и подростков являлся одноименный отдел Наркомздрава, имеющий соответствующие подотделы при губернских и уездных отделах здравоохранения[296]. В ведении Наркомздрава находились все профилактические, медико-педагогические и лечебные учреждения, в том числе и детские учреждения для грудных детей и детей в возрасте до 3 лет (дома ребенка). Перед попаданием в дом ребенка дети проходили приемники Наркомздрава, после трех лет воспитанники передавались в дошкольные детские дома Наркомпроса. В начале 1920-х гг. на территории Карелии из детских учреждений отдела здравоохранения КТК действовал дом ребенка на 20 человек и дом грудного ребенка на 15 человек[297]. Специальное учреждение для «дефективных» детей отсутствовало, но в 1921 г. работало

---

[294] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 675. Л. 2.
[295] Там же. Ф. Р-544. Оп. 1. Д. 96. Л. 44.
[296] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. С. 817–819.
[297] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 132. Л. 14.

отделение «дефективных» детей при психиатрической больнице. Чаще всего данная категория детей попадала в детские дома нормального типа, единичные случаи были связаны с отправкой детей Карелии в «дома для дефективных детей» г. Ленинграда. С 1925 г. стала функционировать детская амбулатория, обслуживающая до 26 990 обращений за год[298].

Олонецкий губернский отдел здравоохранения был ликвидирован 22 сентября 1922 г. в связи с упразднением Олонецкой губернии. Карельский областной отдел здравоохранения прекратил свою деятельность в 1923 г. в связи с образованием Народного комиссариата здравоохранения АКССР. Наркомздрав руководил делом охраны здоровья населения республики и подчинялся в своей деятельности КарЦИК, его Президиуму и СНК АКССР[299]. С 1923 по 1928 г. в структуру Наркомздрава АКССР входил отдел материнства и младенчества.

На местах осуществлялось сотрудничество Наркомздрава и Наркомпроса через вхождение представителей отдела здравоохранения в соответствующие коллегиальные органы народного образования с решающим голосом, участие их представителей в совещаниях школьно-санитарных врачей, вхождение врачей по охране здоровья детей в состав педагогических советов детских учреждений[300]. Дома ребенка Наркомздрава должны были принимать детей заключенных из сети исправительно-трудовых лагерей и колоний Главного управления лагерей (ГУЛАГ). Если у младенцев отсутствовали родственники, их размещали в яслях и домах ребенка в местах заключения, где они могли содержаться до 4 лет, а после передавались в детдома отделов народного образования. Организацией и обслуживанием яслей в местах заключения должен был заниматься Наркомздрав, а их содержанием – Народный комиссариат внутренних дел[301].

Вопросы профилактики и лечения заболеваний среди детей в первой половине 1930-х гг. стали активно решать через организацию санаториев. Наркомздрав осуществлял санаторное обслуживание через здравницы для детей:

---

[298] Статистический обзор АКССР, 1925 и 1926 гг. С. 38.
[299] НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 15. Л. 181.
[300] Чебаковская А. В. Система государственного управления сферой охраны детства в 1920–1935 гг. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 87.
[301] Карасева А. А. История функционирования. С. 206.

дневные, ночные и профилактические (для школьников)[302] – общей вместимостью около 90 человек. В 1933 г. в районах Карелии работало 14 врачей, осуществляющих обслуживание детских учреждений интернатного типа, функционировало два пункта охраны здоровья детей и подростков, профамбулатория в г. Петрозаводске и санаторный лагерь на 200 человек[303]. Воспитанников детских домов и дома ребенка отправляли на лечение в санатории, расположенные в с. Видлица[304], Уя, Ленинградской области и Крыму[305]. Все это способствовало улучшению медико-санитарного положения воспитанников детдомов. В 1934 г. на заседании Президиума Деткомиссии при КарЦИК было вынесено решение об изъятии всех больных детей, не подходящих для детских домов нормального типа, о проведении всех детей г. Петрозаводска через «психотехническое обследование и педологический кабинет»[306].

В первой половине 1930-х гг. типизация коснулась и детских учреждений Наркомздрава АКССР. С мая 1935 г. Наркомат здравоохранения отвечал за детские дома для ребят, которые нуждались в длительном лечении, и за дома малютки[307]. Детдома Наркомздрава АКССР обслуживали только больных детей, переведенных из детских учреждений Наркомпроса. Ребенок переводился в детский дом Наркомздрава, если у него диагностировалось тяжелое заболевание, например, «легочный туберкулез; активная форма туберкулеза костей и суставов; врожденные и приобретенные невропатические и психопатические состояния» и др.[308] Процесс перевода затянулся на несколько лет, иногда перемещались не только больные дети, но и целые детские учреждения. Например, во время типизации в ведение Наркомздрава был передан Олонецкий дошкольный детский дом, раннее находившийся в подчинении Наркомпроса АКССР[309]. Деятельность Наркомздрава АКССР в вопросе охраны детства была направлена, прежде всего,

---

[302] Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1933–1934. С. 255.
[303] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 8.
[304] Там же. Д. 801. Л. 40.
[305] Там же. Д. 800. Л. 92.
[306] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.
[307] Дети ГУЛАГа. С. 184.
[308] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 930. Л. 3.
[309] Там же. Д. 801. Л. 1.

на защиту здоровья детей. В связи с этим проводились эпидемические и санитарные мероприятия, а также оказание лечебной помощи нуждающимся детям. Охрана здоровья осуществлялась через привлечение врачебного персонала в детские учреждения, обращения в детскую амбулаторию, врачебно-педагогические кабинеты и определение в санатории. За исследуемый период данное ведомство проходило неоднократную реструктуризацию, и в отличие от Наркомсобеса Наркомздрав не утратил, а только приобрел дополнительные вопросы регулирования в деле защиты детей (схема № 2).

Народный комиссариат просвещения АКССР в деле охраны детства

Основным ведомством, непосредственно занимавшимся вопросами защиты детей в 1918 – первой половине 1930-х гг. в Карелии, являлся Народный комиссариат просвещения АКССР (Наркомпрос АКССР), подотчетный Наркомпросу РСФСР. В 1920-х гг. в его ведении, помимо учреждений системы образования, находилось большинство детских домов, приютов-распределителей и прочих детских учреждений закрытого типа с воспитанниками старше 3 лет, в том числе и специальные детские учреждения для слепых, глухонемых и так называемых «морально-дефективных», которые первоначально находились в ведении Наркомсобеса[310]. Исследователь А. Болл отмечает, что сторонники Наркомпроса подчеркивали важность обеспечения детей надлежащим образованием и воспитанием, а представители Наркомздрава утверждали необходимость медицинской помощи[311]. По Постановлению СНК РСФСР от 10 декабря 1919 г. воспитание «морально-дефективных» несовершеннолетних производилось совместно Наркомпросом и Наркомздравом в наблюдательно-распорядительных пунктах, лечебно-воспитательных колониях и т. п.[312]

7 января 1918 г. был создан Олонецкий губернский комитет просвещения, переименованный 5 августа 1918 г. в Отдел народного образования при Губисполкоме (Губоно), в 1920 г. – в Карельский отдел народного образования

---

[310] Чебаковская А. В. Система государственного управления сферой охраны детства в 1920–1935 гг. С. 84.
[311] Ball Alan M. And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918-1930. Berkeley etc., 1994 [Электронный ресурс]. URL: https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress. (дата обращения: 10.10.2020).
[312] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 675. Л. 2.

(КОНО), в 1923 г. – Наркомпрос АКССР. По методическим вопросам отдел народного образования руководствовался указаниями Наркомпроса РСФСР, в его ведении находилось управление делом народного образования (дошкольное, школьное и внешкольное). Поскольку в декабре 1919 г. произошла передача некоторых функций из одного комиссариата в другой, изменилась структура Отдела народного образования (ОНО), которому перешел из ведения Губсобеса отдел охраны детства, слившийся с подотделом социального воспитания. Сам отдел состоял из двух подотделов: детских домов-коммун с секциями (секция учреждений для нормальных, секция учреждений для «дефективных» детей и секция показательных учреждений) и правовой охраны детства (секция детской милиции, куда входили братья и сестры социальной помощи, первичные приемники и распределители; секция Комиссии для несовершеннолетних и связанных с ней учреждений; секция опеки и помощи на дому). В 1920 г. среди 14 подотделов имелся подотдел охраны детства с секциями детских домов и правовой защиты детей[313] (таблица № 6), при котором должна была функционировать Комиссия по делам несовершеннолетних правонарушителей.

Осенью 1920 г. при Карельском отделе народного образования была создана железнодорожная коллегия, которая ведала деятельностью культурно-просветительских учреждений Мурманской железной дороги на территории Карелии[314]. На содержании коллегии находились 8 школьных общежитий, детский дом, две детские колонии, два детских сада и две площадки[315].

Важным организационным событием в деле охраны детства в 1921 г. стало создание в составе Наркомпроса РСФСР Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей до 15 лет[316]. Оно было учреждено с целью защиты детства и контроля над воспитательной работой в широком плане. В его ведении находились детские дома, дошкольные и школьные учреждения и др. Вместо подотделов КОНО в 1921 г. были выделены

---

[313] Там же. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 2. Л. 20, 23; Оп. 1. Д. 19. Л. 4–8.
[314] Там же. Д. 6. Л. 3.
[315] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.
[316] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Отдел первый. М., 1921. № 12. С. 78 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_851.htm. (дата обращения: 10.11.2019).

управления, и за вопросы охраны детства стало отвечать управление социального воспитания. Так, в 1921 г. при Карельском отделе народного образования было создано Областное управление социального воспитания, которое, в свою очередь, делилось на отделение Единой школы с секцией детдомов школьного типа, Дошкольное отделение (в том числе и дошкольные детские дома) и отделение Социально-правовой охраны несовершеннолетних и воспитания дефективных[317]. Указанное управление руководило работой социального воспитания по всей Карелии[318]. Его основные функции были следующими: постановка дошкольного и школьного дела, организация правовой защиты детей, создание сети дошкольных и школьных учреждений и направление их работы согласно постановлениям и указаниям Главсоцвоса Наркомпроса РСФСР[319]. На местах подведомственными органами КОНО являлись уездные отделы социального воспитания, штат которых состоял из одного человека, совмещающего эту должность с обязанностями заведующего уездного ОНО. Перечисленные структуры ОНО имели прямое отношение к работе с бывшими беспризорными, поскольку нуждающиеся дети оказывались в подведомственных им детских учреждениях.

Целенаправленно для практической работы с беспризорниками 5 марта 1920 г. были созданы специальная детская милиция при Наркомпросе РСФСР и детские приемники при ней. Подчеркивалась необходимость скорейшей повсеместной организации бесплатного питания для беспризорников, а также создания детских приемников, потому что помещение детей в общие участки милиции оказывало негативное воздействие на ребенка[320]. Ранее, в 1919 г., из подотдела по борьбе с детской дефективностью при отделе охраны детства НКСО местным отделам социального обеспечения рассылалось распоряжение о срочном проведении мероприятий, направленных на борьбу с детской беспризорностью. Именно в этом документе изначально говорилось о немедленной организации специальной детской милиции, под которой

[317] НА РК. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 72. Л. 10–12.
[318] ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 1. Д. 464. Л. 1.
[319] НА РК. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 72. Л. 10–12.
[320] Славко А. А. Детская беспризорность. С. 48.

понимались особые приемные пункты для направления в них беспризорных детей, «нищенствующих, спекулирующих, проституирующих»[321]. 1 ноября 1920 г. Наркомпрос РСФСР отправил циркуляр местным органам народного образования об организации на железнодорожных вокзалах и пристанях дежурных пунктов детской инспекции[322]. Они должны были решать задачи приемных пунктов, а также препятствовать перемещению беспризорных детей по железной дороге. В Карелии организация специальной детской милиции с сетью детских приемников не получила должного воплощения. Все вопросы, связанные с малолетними правонарушителями, решали сотрудники Комиссии по делам несовершеннолетних и угрозыска, а за перемещением беспризорных детей по железной дороге отвечали инспекторы Детской социальной инспекции. В 1924 г. в отчете Наркомпроса АКССР перед Деткомиссией ВЦИК фиксировалось увеличение количества прибывавших беспризорных детей по железной дороге в г. Петрозаводск из г. Ленинграда. Несовершеннолетние отправлялись в Карелию «за поиском работы, под видом розыска родственников или просто без всякой цели, убегая из Ленинградских детских домов»[323]. Детей помещали в приемный (приемно-распределительный) пункт до выяснения всех обстоятельств, а позже отправляли их обратно на родину или оставляли в местных детдомах. Приемно-распределительный пункт в Карелии (созданный в 1920 г.) выполнял и функции детской милиции, поскольку малолетние правонарушители находились в нем до выяснения всех обстоятельств дела. Позже в штате приемного пункта стал работать педолог, выполнявший педологический контроль и обследование воспитанников детских учреждений[324].

В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 2 декабря 1920 г. «Об изъятии опеки из ведения Народного Комиссариата социального обеспечения» вопросы опеки и попечительства были переданы в ведение отдела охраны детства

---

[321] НА РК. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.
[322] Дети ГУЛАГа. С. 36.
[323] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 196. Л. 15.
[324] При Наркомпросе АКССР в конце 1920-х гг. функционировал школьно-педологический кабинет, руководящий программно-методической работой в области социального воспитания и педагогического образования массовых учреждений Соцвоса // НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 21. Л. 80.

Наркомпроса[325]. Наркомздрав и НКВД также были привлечены к вопросам опеки над «душевнобольными, расточителями и лицами, обнаруживающими такие свойства, которые делают опасным и невозможным оставление их без общественного попечения»[326]. Созданная Наркомпросом РСФСР в сентябре 1921 г. Детская социальная инспекция ставила своей задачей борьбу с детской беспризорностью, нищенством, проституцией, спекуляциями, правонарушениями, с эксплуатацией детей на предприятиях и в семье. Социальные инспекторы организовывали облавы на беспризорников, обследования условий содержания детей в учреждениях, в семьях, дежурства в местах скопления «подопечного контингента»[327]. В начале своей деятельности в Карелии социальная инспекция была учреждена только в Петрозаводске, Повенце, Пудоже и Олонце. При этом лишь в г. Петрозаводске работал опытный инспектор, в других городах обязанности сотрудников выполняли по совместительству работники детдомов или «добровольные помощники от Женотдела и комсомола»[328]. В Карелии работа инспекции выражалась в следующем: задержание нищих, правонарушителей и беспризорных; сопровождение правонарушителей в колонии, обследование жизни несовершеннолетних для оказания социальной помощи и др.[329]

В апреле 1922 г. при каждом местном органе народного образования создавались отделы Социально-правовой охраны несовершеннолетних. В состав таких отделов входили стол опеки, детский адресный стол, юрисконсультская часть и Комиссия по делам несовершеннолетних. Ранее Декретом от 17 января 1918 г. было определено, что именно в эти комиссии будут передаваться дела о несовершеннолетних до 17 лет, тогда как суды и тюремное заключение для малолетних упразднялись[330]. 4 марта 1920 г. СНК РСФСР принял новое Постановление[331], по которому повышался возраст несовершеннолетних с 17

---

[325] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 716 [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/42827. (дата обращения: 10.11.2020).
[326] Собрание узаконений и распоряжений. 1920. № 93. Ст. 506. С. 7.
[327] Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 95.
[328] ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 1. Д. 464. Л. 9об.
[329] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 66.
[330] Там же. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 55. Л. 23.
[331] Дети ГУЛАГа. С. 28.

до 18 лет. Высшим органом, направляющим, контролирующим и надзирающим за деятельностью местных комиссий, являлась Центральная комиссия по делам о несовершеннолетних. В круг ее обязанностей входили не только выработка и осуществление через соответствующие органы мероприятий, направленных на борьбу с правонарушениями несовершеннолетних, но и наблюдение за правильным функционированием местных комиссий и учет их работы[332].

Комиссия о делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных деяниях (в дальнейшем Комиссия по делам несовершеннолетних), в Карелии изначально действовала при Губернском отделе социального обеспечения[333]. Первое ее заседание прошло 21 декабря 1918 г., где были рассмотрены дела о 8 задержанных несовершеннолетних[334]. 31 декабря 1919 г. комиссия стала подчиняться комиссариату просвещения и находилась в 1920 г. при подотделе охраны детства КОНО[335] (в 1921 г. – при подотделе правовой защиты детей областного управления социального воспитания)[336], а через несколько лет – при отделе СПОН Наркомпроса АКССР. В ее состав входили представители Наркомпроса (председатель), Наркомздрава и Народного суда, совмещавшие свои обязанности с основной работой, из-за чего заседания комиссии проводились крайне редко. В 1922 г. рассмотрение дел малолетних правонарушителей в Карелии осуществляли две комиссии: областная Петрозаводская и уездная Олонецкая[337]. Постепенно комиссии были организованы во всех уездах Карелии. Затруднениями в их работе являлись нехватка вспомогательных учреждений, куда должны были помещаться дети-правонарушители, а также отсутствие штатных должностей, в виду чего сельские местности не обслуживались[338].

По официальным документам комиссия являлась медико-педагогическим учреждением, однако ее внешние формы работы неизбежно носили характер

---

[332] Кирсанов М. Ф. Руководство по производству дел в местных комиссиях по делам несовершеннолетних. М., 1927. С. 19–20.
[333] Комиссия о несовершеннолетних // Известия Олонецкого губернского исполкома Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. Петрозаводск. 1918. № 255. С. 3.
[334] Там же. С. 3.
[335] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 650. Л. 8.
[336] Там же. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 72. Л. 10–12.
[337] Статистический ежегодник. Карелии. 1922. Вып. II, ч. 1. С. 119.
[338] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 279. Л. 11.

правоохранительных органов. Комиссия рассматривала или принимала к сведению заявления граждан, протоколы милиции, опросные и статистические листы, документы следственного производства, постановления отдела уголовного розыска и др. Главной особенностью приговоров комиссий в 1920-х гг. являлся принципиально новый подход к несовершеннолетним правонарушителям. При самостоятельном определении решения по отношению к правонарушителю комиссия принимала меры «медико-педагогического» характера, какими являлись «беседа, разъяснение, замечание воспитателя; внушение и оставление на свободе под присмотром родителей, родственников и обследователей; определение на ту или иную работу; помещение в школу; отправка на родину; помещение в детский дом»[339] и др. Эти меры не подразумевались как наказания для детей, они ограждали их от свершения новых общественно-опасных действий и имели своей целью «достигнуть улучшения умственного, морального и физического состояния несовершеннолетнего посредством обычных приемов, практикуемых медициной и педагогикой»[340]. В Карелии в отношении несовершеннолетних правонарушителей применялись практически все вышеперечисленные меры «медико-педагогического» характера. В начале 1920-х гг. несовершеннолетние правонарушители Карелии определялись в несколько детских учреждений: временно – в приемно-распределительный пункт[341] (г. Петрозаводск), на продолжительный срок – в Космозерский детский дом для трудновоспитуемых, а также в любой детский дом нормального типа. Единичные случаи разрешения дел комиссией были связаны с отправкой малолетних правонарушителей в исправительные дома г. Ленинграда, отмечаемые в отчетах комиссии как «дома для дефективных детей».

Приемно-распределительный пункт включал два учреждения: приемник для обслуживания г. Петрозаводска и распределительно-наблюдательный пункт для

---

[339] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 937. Л. 15.

[340] Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. С. 255.

[341] В детские приемные пункты направлялись несовершеннолетние, задержанные за совершение проступков (общественно-опасного деяния), занимающиеся нищенством, проституцией, спекуляцией, задержанные по случайным причинам (заблудившиеся, потерявшие своих родителей, не имеющие пристанища и др.): ГА РФ. Ф. Р-788. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

всей Карелии. Пункт представлял собой место скорой социальной помощи и детскую милицию в одном лице. Обследование в пункте могло продолжаться около месяца, после чего малолетние правонарушители либо определялись в детдом, либо направлялись к родителям или лицам, их заменяющим. В 1923 г. учреждение имело возможность поместить до 35 мальчиков и 10 девочек[342] и было постоянно переполнено. В Космозерский детский дом, открытый в 1923 г. и рассчитанный на 40 человек, направлялись правонарушители и дети, «трудные в воспитательном отношении»[343], мужского пола от 8 до 18 лет. Таким образом, в первой половине 1920-х гг. сеть учреждений Комиссии по делам несовершеннолетних Карелии не была обширной и представляла собой два учреждения, которые не справлялись со всем количеством малолетних правонарушителей. В 1927–1928 гг. планировалось открыть детский дом для трудновоспитуемых девочек на 40 человек[344], но это не было реализовано.

8 марта 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР, по которому законодательно общее руководство по проведению в жизнь всех мероприятий возлагалось на Наркомпрос РСФСР. Соответственно на Наркомпрос АКССР возлагались задачи полного контроля и управления всеми мероприятиями по борьбе с детской беспризорностью в крае. В перечень основных мер по борьбе с беспризорностью входили следующие: передача детей родственникам или в семьи с оказанием материальной помощи, определение опеки, помещение в детские учреждения различных типов[345].

В связи с тем что по Циркуляру Наркомпроса РСФСР от 19 марта 1928 г. задача ликвидации уличной беспризорности приравнивалась к «боевому заданию»[346], началось активное изъятие беспризорников с улиц вначале в крупных городах и на узловых железнодорожных станциях, а потом и в других населённых пунктах. Их помещали не только в приемники, детдома, но и в

---

[342] Приемник для беспризорных перегружен // Красная Карелия. 1923. № 90. С. 3.
[343] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.
[344] Там же. Д. 279. Л. 11.
[345] Славко А. А. Детская беспризорность. С. 57.
[346] Кривоносов А. Н. Исторический опыт. С. 96.

специально созданные железнодорожные детские приемники[347]. К данной работе привлекались только сотрудники Объединенного государственного политического управления, милиции и угрозыска, в редких случаях – работники детской инспекции. Основной лозунг операции – «Ни одного беспризорника на улице»[348].

17 июля 1929 г. СНК РСФСР принял решение о возложении обязанностей по ликвидации детской преступности на органы милиции, которые в начале 1930-х гг. постепенно становились основными субъектами этой деятельности. Положение 1931 г. значительно расширило круг деятельности Комонес. Теперь данный орган превращался в учреждение, которое вело работу по профилактике детской беспризорности и безнадзорности, борьбе с правонарушениями несовершеннолетних, защите их прав и интересов, наблюдению за воспитанием детей, находящихся под опекой и на патронате.

В Карелии в первой половине 1930-х гг. сеть учреждений Комиссии по делам несовершеннолетних менялась в связи с типизацией детских учреждений и появлением нововведений в исправительно-трудовом и уголовном законодательстве. Как было отмечено выше, дети-правонарушители отправлялись и в детские дома нормального типа. Находясь там, они нарушали воспитательный и образовательный процесс детдома, оказывали негативное влияние на всех воспитанников учреждения. Поэтому в 1931 г. КарЦИК издал постановление о срочном изъятии из состава существующих детских домов трудновоспитуемых детей и перемещении их в специализированные учреждения[349]. В 1931 г. Повенецкий детский дом был переименован в трудовую коммуну, а в 1934 г. Палеостровский детский дом переорганизован в трудовую колонию. Изменения означали также смену состава воспитанников этих учреждений: теперь в них находились, в основном, несовершеннолетние правонарушители. Именно данная переорганизация позволила увеличить количество учреждений для детей-правонарушителей (таблица № 2). Эти детские учреждения были реорганизованы,

[347] ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 71. Д. 750. Л. 16об.
[348] Славко А. А. Детская беспризорность. С. 61.
[349] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 492. Л. 76.

в том числе в соответствии с Исправительно-Трудовым Кодексом РСФСР 1933 г.[350], с принятием которого началось формирование системы исправительно-трудовых колоний для несовершеннолетних. К 1935 г. в Карелии уже существовали три детских дома для трудновоспитуемых с 161 воспитанником.

В июне 1930 г. подразделение Главсоцвос было ликвидировано в связи с реорганизацией Наркомпроса и передано школьному сектору, в 1933 г. – управлению начальных и средних школ, детских домов, дошкольных учреждений Наркомпроса. В начале 1930-х гг. система интернатных учреждений в Карелии состояла из дошкольных, школьных и смешанных детдомов, отдельно выделялись детские дома для трудновоспитуемых, переименованные позже в трудовую коммуну или колонию. В большинстве детских учреждений отсутствовала типизация, что осложняло педагогическую работу в коллективе воспитанников и своевременное оказание медицинской помощи. В связи с этим в 1932 г. по стране была проведена частичная типизация детских учреждений по возрасту детей[351]. На 1 января 1934 г. по стране существовали следующие типы учреждений для нуждающихся детей: детские дома для нормальных детей, детские дома для трудных, детские дома для «физически-дефективных», приемники, изоляторы[352]. В 1935 г. в структуре Наркомпроса РСФСР снова произошли изменения: вместо существовавшего ранее Отдела охраны детства было создано Управление детскими домами. В Постановлении СНК СССР и ЦИК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»[353] была обозначена сфера ответственности каждого ведомства, их задачи по улучшению работы детских учреждений и организации воспитания советских детей. Самой масштабной сетью были детские учреждения Наркомпроса (схема № 4), Комонес были упразднены, их обязанности были возложены на правоохранительные органы. Как отмечает исследовательница К. Келли, «трудными» детьми, не нарушившими закон, должен был заниматься Наркомпрос, но вопрос о том, будет

[350] ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. С. 78.
[351] Карасева А. А. История функционирования. С. 143.
[352] Там же. С. 146.
[353] Дети ГУЛАГа. С. 187.

ли тот или иной ребенок передан правоохранительным органам, всякий раз решался случайным образом[354]. Главное управление Рабоче-крестьянской милиции было обязано проводить мероприятия по борьбе с беспризорностью и преступностью детей[355], а в отношении родителей принимались меры по усилению ответственности при совершении их детьми правонарушений. Органы Наркомпроса и милиции обязаны были доводить до сведения общественных организаций по месту работы родителей об отсутствии надзора с их стороны за поведением детей.

Наркомату внутренних дел передавались приемники-распределители, изоляторы и трудовые колонии, в которые направлялись несовершеннолетние рецидивисты, уличенные в совершении нескольких преступлений[356]. Иногда трудные дети, с которыми не могли справиться педагоги детских домов с «нормальными» детьми, могли быть переданы в трудовую колонию как рецидивисты. В ходе кампании по борьбе с детской беспризорностью, когда не хватало мест в обычных детдомах, беспризорников направляли в трудовые дома. Новым явилось расширение круга полномочий НКВД, в частности, передача в его ведение приемных пунктов, ранее принадлежавших компетенции Наркомпроса. Когда приемно-распределительные пункты были переданы в ведомство НКВД, изменился срок пребывания в них беспризорных – с трех до одного месяца. 23 июля 1935 г. также вводилась типизация трудовых колоний НКВД: трудовые колонии обычного типа для мальчиков и девочек в отдельности; трудовые колонии с особым режимом; изоляторы для подследственных в тюрьмах, которые находились в отделах мест заключения НКВД СССР[357]. В трудовых колониях теперь содержались несовершеннолетние преступники 12–16 лет и беспризорники 14–16 лет[358]. В органах внутренних дел предусматривалось выделение в аппаратах уголовного розыска специальных работников по борьбе с преступностью

---

[354] Келли К. Дети государства, 1935–1953 // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2008. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/deti-gosudarstva-1935-1953.html. (дата обращения: 10.01.2020).
[355] О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности // Комсомолец Карелии. 1935. № 76. С. 2.
[356] Дети ГУЛАГа. С. 187.
[357] Славко А. А. Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933–1952 годы. С. 141.
[358] Дети ГУЛАГа. С. 333.

несовершеннолетних, имевших оперативный стаж в опыте работы с детьми. Постановлением СНК СССР и ЦИК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. в структуре Главного управления Рабоче-крестьянской милиции были организованы детские комнаты милиции, что явилось началом деятельности подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних[359]. По приказу НКВД СССР № 115 от 28 июня 1935 г. в отделах милиции были образованы комнаты для привода детей[360].

В связи с данными изменениями 29 июня 1935 г. был издан Приказ УНКВД АКССР «Об организации комиссии по приему детских учреждений от Наркомпроса АКССР, расположенных на территории Карельской АССР»[361]. Была сформирована республиканская комиссия для приема детских учреждений от Наркомпроса АКССР в ведение НКВД[362]. 13 августа 1935 г. СНК АКССР принял решение «о передаче из ведения Наркомпроса АКССР Повенецкой детской трудовой коммуны и Палеостровской трудовой колонии в ведение отделом НКВД со всем личным составом, имуществом, инвентарем и средствами»[363]. Создание новых детских колоний во второй половине 1930-х гг. определялось необходимостью размещения увеличившегося числа несовершеннолетних правонарушителей среди нищенствующих детей в таких районах Карелии, как Медвежьегорский, Кемский, Сорокский и Кандалакшский. В докладной записке заместителя председателя Деткомиссии при КарЦИК в ЦИК КАССР «О нищенстве детей заключенных и трудпоселенцев» отмечалось: «Эти районы находятся на железнодорожной линии. На их территории находится много поселков трудовых поселенцев и лагерей заключенных. Если посмотреть состав нищенствующих детей, то можно смело сказать, что на 95 % примерно это дети трудовых поселенцев»[364]. Данный факт беспокоил местное население и

---

[359] Беженцев А. А. Историческое развитие государственных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2(50). С. 59.
[360] Лаврова И. А. Борьба с беспризорностью на Урале в 1929–1941 гг. С. 134.
[361] Архив МВД по РК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 011. Л. 112.
[362] Там же.
[363] НА РК. Ф. Р-689. Оп. 11. Д. 15. Л. 190.
[364] ГУЛАГ в Карелии, 1930–1941. С. 138.

ранее, в 1930 г., на заседании Бюро Кандалакшского райкома был заслушан доклад заведующего железнодорожной школой об организации колонии для трудновоспитуемых[365]. В докладе фиксировалось, что «обсудив предложение об организации в Кандалакше колонии для трудновоспитуемых, Наркомпрос считает данное мероприятие вполне целесообразным и со своей стороны принимает все меры по оказанию помощи в организации колонии»[366].

В связи с привлечением заключенных на строительство Беломорско-Балтийского канала (ББК) и организации комбината в этом районе увеличилось количество детей, отправленных вместе со своими родителями в специально созданные трудовые поселки. В декабре 1933 г. общее количество прибывших в район деятельности ББК составляло 7325 человек, из них 3048 детей[367]. Находясь в этих поселках, дети вливались в среду беспризорников и правонарушителей. В докладе заместителя председателя Деткомиссии при КарЦИК фиксировалось: «по имеющимся в ББК данным, по одному этому району имеется 130 круглых сирот, 214 детей-полусирот, занимающихся нищенством. К этому числу “учтенных” детей нужно еще прибавить 74 человека, задержанных милицией в г. Медвежьегорске за нищенство и переданных ББК, как дети трудпоселенцев. Это только по данным учета. В действительности же гораздо больше нищенствующих детей»[368]. Из зарегистрированных 130 детей-сирот 80 человек находились в Пиндушском детском доме, остальные 50 сирот оставались без попечения и продолжали беспризорничать[369]. Вопрос о нахождении детей в лагерной среде был поставлен на обсуждение, и в январе 1936 г. было принято решение: «Всех детей от 8-летнего возраста и выше, проживающих в лагере при родителях, отбывающих срок наказания, а также и не имеющих таковых, из лагеря изъять и передать в распоряжение начальника трудовой коммуны пос. Надвоицы для дальнейшего содержания в колонии. Детей до 8-летнего

---

[365] Фефелов В. Учреждения для трудновоспитуемых детей и несовершеннолетних правонарушителей в Республике Карелия // Краеведческие чтения: материалы XII научной конференции (14–15 февраля 2018 г.). Петрозаводск. 2018. С. 84.
[366] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 463. Л. 5.
[367] ГУЛАГ в Карелии. С. 99.
[368] Там же. С. 138.
[369] Там же. С. 139.

возраста передать в детские дома АКССР»[370]. Таким образом, дети школьного возраста находились под надзором НКВД, а дети младше 8 лет – под надзором Наркомпроса АКССР. Первая детская трудовая колония ББК НКВД явилась специально организованным отдельным лагерным пунктом в Надвоицах, в котором содержалось 1092 человек[371].

Обозначенная выше рекомендация о создании детской комнаты милиции не получила скорого воплощения на местах. В Карелии на заседании Президиума Верховного Совета КАССР 26 февраля 1940 г. слушался доклад о состоянии работы по ликвидации детской беспризорности, в котором говорилось, что на текущий момент в г. Петрозаводске отсутствует детская комната привода, а несовершеннолетние правонарушители доставляются в органы милиции[372]. По статистике 1939 г. таких случаев было зарегистрировано 567[373].

Таким образом, изменения внутренней структуры и функций Наркомпроса АКССР продолжались на протяжении всего исследуемого периода и окончательно оформились ко второй половине 1930-х гг. Разграничение полномочий в вопросах охраны детства позволило ведомствам не дублировать действия друг друга и работать слаженно. На 1 июня 1935 г. в список детских учреждений интернатного типа Карелии входили приемно-распределительный пункт и детские дома (дошкольные, школьные, смешанные) Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомсобеса АКССР (таблица № 23), а также переданные в дальнейшем в подчинение НКВД – трудовые колония и коммуна.

Комиссия по улучшению жизни детей как координатор в решении «детского вопроса»

Существовавшие до 1921 г. государственные органы, отвечающие за охрану жизни и здоровья детей, действовали разрозненно и не справлялись со своими функциями. Ситуация приняла к концу 1920 г. критический характер, и в этих условиях 10 февраля 1921 г. была создана Комиссия по улучшению жизни детей

---

[370] ГУЛАГ в Карелии. С. 117.
[371] НА РК. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
[372] Там же. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 75. Л. 4.
[373] Там же.

при ВЦИК[374]. Деткомиссия при ВЦИК являлась единым межведомственным чрезвычайным органом, который сосредоточил в своем ведении все вопросы обеспечения детей и защиты их интересов[375]. В ее состав входили представители комиссариатов просвещения, здравоохранения, продовольствия, ВЧК при СНК РСФСР) (до 6 февраля 1922 г., после была упразднена с передачей полномочий Государственному политическому управлению при НКВД РСФСР), рабоче-крестьянских инспекций, Всероссийского центрального совета профессиональных союзов[376]. В соответствии с Положением о Деткомиссии при ВЦИК должность ее председателя должен был совмещать председатель ВЧК. Чекистское покровительство, оказываемое комиссии, стало причиной того, что в обиходе ее именовали Детской Чрезвычайной комиссией[377]. Таким образом, дело защиты детей было поставлено под высочайший партийный и государственный контроль, и к нему были привлечены практически все основные ведомства. Все губернские, уездные, волостные, городские руководители ЧК получили циркулярные письма «О принятии срочных мер по улучшению жизни детей», о создании местных отделений Деткомиссии ВЦИК[378].

На Деткомиссию при ВЦИК возлагались следующие обязанности: организация помощи по снабжению продовольствием, жилищем и топливом учреждений, которые занимались охраной жизни и здоровья детей, в первую очередь беспризорных; наблюдение за выполнением постановлений центральных и местных органов управления, которые издавались для обеспечения детей всем необходимым; издание распоряжений, касающихся охраны жизни и здоровья детей[379]. К апрелю 1921 г. в составе Деткомиссии при ВЦИК было создано

---

[374] ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 95. Д. 45. Л. 121.

[375] Чебаковская А. В. Система государственного управления сферой охраны детства в 1920–1935 гг. С. 80.

[376] Декрет ВЦИК от 10 февраля 1921 г. «О Комиссии при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете по улучшению жизни детей» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_848.htm. (дата обращения: 20.11.2020).

[377] Маслова О. Б. К вопросу о деятельности Комиссии. С. 60.

[378] Семина Н. В. Борьба Деткомиссии ВЦИК с детской беспризорностью в Пензенском регионе в 1920-е гг. // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков: материалы XIX историко-краеведческой конференции / отв. ред. В. В. Назаров. 2010. С. 147.

[379] Декрет ВЦИК от 10 февраля 1921 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_848.htm. (дата обращения: 20.10.2020).

14 подкомиссий[380] с широкими полномочиями (схема № 3). Их деятельность можно сгруппировать по следующим направлениям: финансирование, снабжение, питание детей, постройка и ремонт детских учреждений. Отдельная подкомиссия отвечала за сбор статистических данных о численности детей на местах[381].

В регионах были созданы губернские и уездные Деткомиссии, которые опирались на исполкомы и местные органы Наркомпроса РСФСР. Их работа контролировалась и координировалась специальными уполномоченными Деткомиссии при ВЦИК. Инструкции и циркуляры обязали «местные исполкомы, парткомы, продкомы и профсоюзы оказывать всевозможную помощь в работе по улучшению жизни детей»[382]. Появление комиссий на периферии затянулось на несколько лет, такая же ситуация была и в Карелии. В АКССР, как в других автономиях страны, Деткомиссия существовала при Центральном Исполнительном комитете (Деткомиссия при КарЦИК). 23 октября 1923 г. Президиумом ЦИК АКССР уполномоченным по улучшению жизни детей была назначена М. Л. Хелле (заведующая Женотделом), которой поручалось создать и возглавить местную комиссию[383]. Только в январе 1924 г. была создана Деткомиссия при КарЦИК[384], в нее вошли представители от Наркомпроса АКССР, Наркомздрава АКССР, Профсовета, Рабоче-крестьянской инспекции, Отдела Работниц, комсомола и комитета крестьянской взаимопомощи. Все ее члены работали абсолютно бесплатно, кроме секретаря, который вел всю техническую работу и выполнял обязанности бухгалтера, кассира и агента. После создания Деткомиссии при КарЦИК стали организовываться уездные, а затем и волостные комиссии, во главе которых ставились уездные и волостные уполномоченные по улучшению жизни детей, в основном из учительской среды. Они отвечали за работу местной комиссии и должны были своевременно предоставлять разного рода отчеты в уездную комиссию. Организация комиссий на местах в Карелии продолжалась на протяжении 1920-х гг., некоторые

[380] Дети ГУЛАГа. С. 38.
[381] Там же.
[382] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 63.
[383] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[384] Там же. Д. 4а. Л. 1.

появились только в 1930 г.[385]. Активность со стороны местных комиссий проявлялась неравномерно, что было заметно по отчетам, которые отправлялись в Центральную комиссию Карелии. Например, в 1926 г. отмечалось, что в подчинении Петрозаводской уездной комиссии находилось около половины «нераскачавшихся волостных»[386].

В 1925 г. председатель Деткомиссии М. Л. Хелле в докладе о проделанной работе членам секции по народному образованию при Петрозаводском городском совете отмечала, что «в настоящее время в одной только Карелии по подведенному подсчету свыше 1200 человек беспризорных детей, нуждающихся в срочной помощи, кроме тех детей, которые в количестве 950 человек находятся в местных детдомах»[387]. Совместная деятельность Деткомиссии КарЦИК с Наркомпросом и Наркомздравом являлась недостаточной для устройства «этих несчастных брошенных детей»[388]. В обязанности Деткомиссии при КарЦИК входило: помогать в приеме в детдома, детсады и т. п.; устраивать детей-подростков на работу; оказывать содействие детям, потерявшим связь со родственниками; помогать в материальном отношении существующим учреждениям; выдавать денежные пособия неимущим семьям и др.[389]

До 1925 г. Деткомиссия работала на основе Декрета ВЦИК от 10 февраля 1921 г. 2 февраля 1925 г. было утверждено Положение о Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК[390], которое определило главной целью работы оказание помощи детям, и в первую очередь беспризорным. Для достижения цели Комиссия привлекала к делу советскую общественность, занималась организацией и руководством ее работы в этой области; искала средства для оказания помощи детям; определяла и координировала работу различных ведомств и учреждений, оказывая им организационное и материальное

---

[385] В 1927 г. уездные комиссии были переименованы в районные в связи с изменением административного деления Карелии.
[386] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.
[387] Там же. Д. 4а. Л. 1.
[388] Там же.
[389] Там же.
[390] Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. Отдел второй. 1925. № 8. Ст. 57 [Электронный ресурс]. URL: http://7law.info/ussr/act2i/u438.htm. (дата обращения: 10.11.2020).

содействие в данной работе. Согласно Положению, средства Деткомиссии поступали из следующих источников: добровольные пожертвования; доходы от организуемых Комиссией вечеров, спектаклей, кино и т. п.; денежные и материальные поступления от ячеек общества «Друг детей», государственные субсидии и др.[391] Следом за вышеуказанным положением были приняты аналогичные официальные документы на местах. Так, в Карелии данное положение было принято 21 апреля 1925 г.[392] и включало аналогичные цели, структуру и функции комиссии, как и у Деткомиссии при ВЦИК. Органами Центральной комиссии в Карелии являлись в г. Петрозаводске – Пленум и Президиум Деткомиссии при КарЦИК, в уездах – Деткомиссии, состоящие при Уездных Исполнительных комитетах[393]. Деткомиссия при КарЦИК ежегодно отчитывалась в своей деятельности перед Президиумом КарЦИК и в установленные сроки представляла отчеты в Деткомиссию при ВЦИК[394].

Осенью 1926 г. сменился состав Деткомиссии при КарЦИК, который столкнулся с большим количеством препятствий в своей работе: отсутствие практических указаний, положений о Комиссии, дезорганизация структуры имеющегося архива прежнего состава. «Самым больным местом в начинающейся работе явилась громадная задолженность, оставшаяся по наследству от старого состава»[395]. Новый состав Комиссии по улучшению жизни детей был выделен из 8 представителей организаций и двух заместителей к ним от НКВД[396], технический аппарат создан из двух человек. За пару месяцев работы нового состава был приведен в порядок весь архив старого созыва, выявлены инвентарь и марки Деткомиссии, определена задолженность в Центральной комиссии при ВЦИК, налажена письменная связь с уездными комиссиями и др. Деятельность Деткомиссии при КарЦИК в 1926 г. имела определенный результат, работа была «сдвинута с мертвой точки и дала решительный шаг вперед»[397]. В феврале 1927 г.

---

[391] Там же.
[392] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 19. Л. 9.
[393] Там же.
[394] Там же. Л. 10.
[395] Там же. Д. 9. Л. 22.
[396] Там же.
[397] Там же. Л. 22об.

Деткомиссия при ВЦИК отправила для проверки работы комиссий в Карелии инструктора О. Занегину, которая дала высокую оценку деятельности нового состава за 4 месяца.

20 июня 1927 г. было принято новое Положение о Деткомиссии при ВЦИК, которое подтвердило, что основной целью комиссий является общее руководство делом борьбы с беспризорностью в РСФСР, а также оказание помощи детям[398]. В 1930 г. председателем Деткомиссии при ВЦИК стал известный врач, партийный и государственный деятель Н. А. Семашко, который реализовал ряд радикальных мер, направленных на ликвидацию детской беспризорности[399]. Значительным импульсом к перестройке работы Деткомиссии послужило Постановление Президиума ВЦИК от 20 ноября 1930 г. о борьбе с детской беспризорностью, в котором были четко указаны обязанности различных ведомств, поставлен вопрос об улучшении работы детских домов. Работа Деткомиссии при ВЦИК и местных Деткомиссий с этого времени была направлена на осуществление таких задач, как «улучшение положения детдомов и организация правильного воспитания “трудных детей”»[400].

В 1930 г. встал вопрос о расширении состава Деткомиссии при КарЦИК для оживления ее работы. Было предложено включить в ее состав представителей «Петрозаводского Горсовета, общества “Друг детей”, Комиссии по улучшению жизни труда и быта женщин, Карколхозсоюза, рабочих Онегзавода, Лососинского комбината, станции петрозаводской железной дороги»[401]. С 1931 г. местные комиссии имели право издавать распоряжения в области охраны детей, которые носили обязательный характер[402]. В функции центральной и местных комиссий входило не только выявление беспризорных детей, но и определение их в детские учреждения, оказание материальной помощи, устройство на работу подростков в возрасте старше 14 лет, реэвакуация на родину детей, усыновление детей и

---

[398] Дети ГУЛАГа. С. 67.
[399] Микиртичан Г. Л. Роль Н. А. Семашко в строительстве советской системы охраны материнства и детства // История медицины. 2014. № 2. С. 65.
[400] XV лет работы по улучшению жизни детей: стенограмма заседания Президиума ВЦИК 20 февраля 1936 г. М., 1936 [Электронный ресурс]. URL: http://zt1.narod.ru/doc/15-let-detkomissii.doc. (дата обращения: 20.11.2020).
[401] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.
[402] Афанасова Е. Н. Работа Комиссии по улучшению жизни детей в борьбе с детской беспризорностью. С. 236.

установление опеки и др.[403] В феврале 1934 г. проводилось обследование работы комиссий в Карелии представителями Деткомиссии при ВЦИК, в ходе которой Комиссию по улучшению жизни детей в Карелии обязали организовать «единый эвакопункт[404] помощи детям и родителям с детьми, впавшим в нужду»[405]. Для его создания планировалось привлечение средств от государственных органов и общественных организаций, таких как Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомсобес АКССР, общество «Друг детей» и др.

Деткомиссия при КарЦИК являлась основным государственным органом в деле охраны детства в регионе. В руках ее сотрудников были важнейшие рычаги регулирования в сфере социальной защиты детей. Хотя Деткомиссия при КарЦИК являлась по определению единым межведомственным органом, в координации ее работы с государственными ведомствами чувствовалась разрозненность. Это проявлялось во вмешательстве других ведомств и организаций в деятельность Центральной комиссии, в отсутствии четкого понимания разделения функций между органами, занимавшимися вопросами охраны детства, подчиненности и др. Для того чтобы перестали существовать «параллелизм, распыление сил и средств», несогласованность работы в области развертывания профилактических мероприятий в вопросах борьбы с детской беспризорностью, между различными ведомствами и организациями устанавливались конкретные разграничения действий в вопросах борьбы с детской беспризорностью[406].

Работу по оказанию помощи нуждающимся детям в Карелии тормозили безответственное отношение к своим обязанностям некоторых местных комиссий, формальность в работе. При наличии проблем в деле организации системы государственного регулирования в вопросах социальной защиты детей-сирот и беспризорных в Карелии именно Деткомиссия при КарЦИК совместно с комиссиями на местах пыталась придать стройность системе управления делом охраны детства и навести в этой сфере единый общегосударственный порядок.

---

[403] Высшие органы государственной власти. С. 441–442.
[404] Эвакуационный пункт (эвакопункт) – совокупность учреждений, организованных для оказания помощи нуждающимся детям и родителям.
[405] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.
[406] Там же. Л. 46.

Таким образом, на протяжении 1918–1935 гг. в Карелии постепенно сформировалась система государственных органов управления, которые участвовали в сфере защиты детей. Из всех существовавших органов выделялась Деткомиссия при КарЦИК, главной задачей которой была координация работы по социальной защите детей в Карелии и оказанию им помощи. Именно Деткомиссия контролировала, согласовывала, проверяла действия ведомств и учреждений, тогда как другие государственные органы управления занимались не исключительно вопросами охраны детства. Решение «детского вопроса» являлось лишь частью широкого спектра задач Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомсобеса и НКВД АКССР. Только конкретные отделы, подотделы данных органов занимались социальной защитой детей, иногда дублируя действия друг друга. Отсутствие четкого разделения функций, опытных кадров и денежных средств в первые годы советской власти не способствовало успеху в работе по охране детства, которая к тому же осложнялась экономической разрухой и голодом. Эффективного решения проблем в области охраны детей невозможно было достичь при множественности органов, дублировании полномочий, отсутствии должного контроля и четкой системы организации. Ни одно ведомство в полной мере не справлялось с возложенными на него задачами, о чем говорят отчеты и докладные записки. Ситуацию усугубляли бесконечные реструктуризации, передача тех или иных функций от одного ведомства другому в попытках добиться улучшений в работе. С конца 1920-х гг. наметилось явное стремление упорядочить свою деятельность. При этом возрастала репрессивная составляющая в работе с беспризорниками и малолетними правонарушителями, все больше полномочий в этом вопросе передавалось органам НКВД. Проведенная в мае 1935 г. типизация детских учреждений позволила более четко разделить функции ведомств, способствовала оптимизации учебно-воспитательной работы и медицинского обслуживания воспитанников. В Карелии в ходе типизации были созданы детские учреждения для разных категорий детей, что позволило не отправлять нуждающихся детей в учреждения других регионов, а устраивать их на местах.

§ 2. Вклад советской общественности в решение проблемы детской беспризорности

Советское государство стремилось реализовать в области охраны детства принцип, при котором приоритет отдавался общественному воспитанию над частным. Хотя забота о детях провозглашалась обязанностью государства, привлечение общественности в борьбу с детской беспризорностью и преступностью в Карелии было заметно на протяжении всего рассматриваемого периода. Население проявляло активность в оказании помощи нуждающимся детям. Общественная инициативность различалась по регионам, временным периодам и по направлениям деятельности.

В условиях послевоенной разрухи и Гражданской войны власть была не в состоянии выполнить взятые на себя обязательства по материальному обеспечению и воспитанию детей[407]. Государство подчеркивало необходимость участия каждого гражданина в деле охраны детства, особенно в вопросе борьбы с детской беспризорностью и преступностью, поэтому некоторые функции были делегированы обществу. В 1921 г. общественность стала проводить большую работу по борьбе с детской беспризорностью и преступностью, однако эта деятельность не носила планового характера, а «была скорее стихийной, отвечающей особенностям того периода»[408]. Подобная характеристика деятельности общественности наблюдалась во многих местных отчетах, в том числе присылаемых из Карелии. Например, в телеграмме Наркомпросу РСФСР из г. Петрозаводска в г. Москву в 1921 г. фиксировалось слабое участие Женотделов, профсоюзов, комсомола и других организаций в вопросе оказания помощи нуждающимся детям[409]. Исследовательница Т. М. Смирнова отмечала, что первые послереволюционные годы обладали крайне противоречивым характером взаимодействия общества и власти в деле защиты детей: в одних

---

[407] Смирнова Т. М. Советская «детская» политика и общество в 1917–1930-е гг. С. 126.
[408] Кошелева Т. Из практики участия советской общественности в работе по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью // Детский дом. 1928. № 3. С. 30.
[409] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 54. Л. 3.

вопросах они находили согласие и взаимопонимание, в других, напротив, вступали в конфронтацию; в каких-то ситуациях население проявляло инициативу и настойчивость, в других же – полную апатию[410].

Деятельность населения, общественных организаций проходила в тесном сотрудничестве с органами народного образования и Деткомиссиями. В марте 1923 г. Деткомиссия при ВЦИК констатировала, что «размер общественной помощи сократился до минимума», поэтому появилась необходимость создать «фундамент к постоянной общественной помощи» детям[411]. В деле борьбы с детской беспризорностью выделялись следующие направления работы общественности: учет беспризорных; вовлечение беспризорных в производственную работу; организация учреждений для беспризорных и оказание им материальной поддержки; проведение культурно-просветительной работы среди беспризорных и др.[412] Оказание перечисленной помощи могло осуществляться как по личной инициативе граждан, так и с привлечением общественных организаций.

Особую роль в организации помощи детям играла периодическая печать, выступавшая не только каналом информации, но и контролером, координатором работы учреждений и организаций. Периодическая печать влияла на формирование общественного мнения по вопросам осуществления охраны материнства и детства[413]. Органы народного образования на страницах газет старались регулярно проводить кампании по ознакомлению населения с вопросами детской беспризорности и преступности и мерами помощи нуждающимся детям. Отдельно выделялась работа специального издательства охраны материнства и младенчества, которое регулярно публиковало листовки и плакаты органов, занимающихся данными проблемами[414].

---

[410] Смирнова Т. М. Советская «детская» политика и общество в 1917–1930-е гг. С. 126.
[411] Там же. С. 129.
[412] Деянова Н. Советская общественность в борьбе с детской беспризорностью // Народное просвещение. 1925. 1 янв. С. 7.
[413] Афанасова Е. Н. Материалы периодических изданий как источник изучения государственной политики в области охраны материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 1 (23). С. 73.
[414] Материалы агитационной работы представлены в работе: Конюс Э. М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917–1940). М., 1954. С. 159, 165–171, 192–193, 201, 206, 213.

Пресса изначально рассматривалась большевистскими идеологами как одно из наиболее важных средств пропаганды и агитации, поскольку именно она должна не только информировать, но и воспитывать граждан нового социалистического государства[415], вырабатывая у них определенное отношение к социальным вопросам. Активную агитационно-пропагандистскую работу вела не только центральная печать, но и местные газеты, которые публиковали статьи и заметки, посвященные острым проблемам в сфере защиты детей края.

С начала 1920-х гг. государственные структуры стали систематически проводить мероприятия, направленные на стимулирование общественной инициативы, например, «Неделя беспризорного и больного ребенка», «Трехдневник по охране материнства и младенчества», «кружечный сбор» в пользу голодающих детей, митинги, праздники и др. Если в ходе мероприятия осуществлялся целый комплекс действий различных органов власти и общественных организаций или кампания имела чрезвычайно большое значение, то их называли «Неделями», «Месячниками». Перед кампанией местные власти получали подробные инструкции из центра, в которых говорилось о целях планируемых мероприятий, сроках, рекомендациях по их проведению и др. Газеты выступали помощниками, призывавшими местное население проявить сознательность и инициативность в оказании помощи беспризорным детям, детским учреждениям посредством участия в данных мероприятиях. Многочисленные тематические «Дни», «Недели», «Месячники» являлись одной из организационных форм решения неотложных задач по конкретным социальным проблемам, в этом проявлялось сотрудничество государственных и общественных структур[416].

В Карелии в рамках реализации программ по охране детства проводилось несколько социальных кампаний: «Неделя ребенка», «Трехдневник Матери и младенчества», «Неделя охраны Матери и Младенца», «Международная детская неделя» и др. Тематическая кампания «Неделя помощи беспризорным детям»

---

[415] Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1985. P. 214.
[416] Деканова М. К. «День, неделя, месячник…». С. 499.

включала разные виды помощи со стороны населения. Это могли быть денежные отчисления (в начале июля 1923 г. в «Неделю помощи» в Ругозерской волости было собрано 457 рублей[417]) либо натуральная помощь (во время проведения кампании в мае 1924 г. местное население Карелии снабдило воспитанников детских домов молоком[418]). В октябре 1922 г. был назначен трехнедельник помощи ребенку, перед которым в газете было опубликовано обращение к местному населению: «Несите ребенку все, что можете дать, в виде ли денежной, продовольственной помощи, в виде ли одежды и обуви, или свой труд! Только не оставайтесь спокойны и безучастны!»[419].

Весной 1923 г. по стране была объявлена «Неделя беспризорного и больного ребенка», в ходе которой отчислялись денежные средства в пользу детей для открытия детских учреждений. Данная кампания проводилась по инициативе Деткомиссии при ВЦИК, комсомола и стала смотром ударности и мобилизации трудящихся на помощь детям[420]. В Карелии указанное мероприятие прошло и получило освещение в газете, которая призывала население принять активное участие в проводимой кампании путем добровольных пожертвований, отчислений от заработка и распространения билетов и марок. 23 марта 1923 г. в Карздравотделе состоялось первое организационное совещание по проведению «Недели беспризорного ребенка»[421], на котором намечался срок ее осуществления и определялись практические действия: произвести сбор средств, устроить ряд спектаклей и концертов в пользу «Недели», провести широкую агитацию о помощи беспризорному ребенку как в печати, так и через плакаты, лозунги и лекции. При Карельском Исполкоме стал работать Комитет по проведению недели беспризорного и больного ребенка, а все организации, предприятия и граждане призывались прийти ему на помощь[422]. Так, комитет по проведению «Недели» в г. Кемь наметил следующую работу: агитация; «стягивание средств;

---

[417] Помогли инвалидам и беспризорным // Карельская Коммуна. 1923. № 136. С. 2.
[418] Дайте детям молоко // Карельская Коммуна. 1923. № 86. С. 2.
[419] Вниманию граждан! // Карельская Коммуна. 1922. № 243. С. 4.
[420] Бибанов Т. П. Опыт сотрудничества ленинского комсомола и Детской комиссии при ВЦИК. С. 73.
[421] Неделя беспризорного ребенка // Карельская Коммуна. 1923. № 70. С. 3.
[422] Там же.

учет беспризорных и выявление нужд детучреждений; налаживание работы по СПОН и охране здоровья детей»[423]. Собранные средства во время кампаний шли на расширение сети детских учреждений, содержание детдомов, улучшение продовольственного обеспечения детдомовцев, их обмундирования и др.

В апреле 1923 г. в местной газете Карелии к очередной «Неделе беспризорного и больного ребенка» было опубликовано обращение Деткомиссии при ВЦИК «ко всем трудящимся СССР, Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну Молодежи, Межрабпому»[424]. Учитывая тяжелое положение большого числа детей, Деткомиссия обращалась «ко всем рабочим и крестьянам и всем трудящимся Советской Республики с горячим призывом прийти во время ее [Недели] на помощь детям»[425]. В обращении говорилось: «Не стесняйтесь ни формой, ни размером вашей помощи. Помните, что только общими объединенными усилиями широких рабоче-крестьянских масс мы можем выйти с честью из борьбы на этом тяжелом фронте детской беспризорности»[426].

В июне 1924 г. план проведения «Недели беспризорного ребенка», инициированный Деткомиссией при КарЦИК, включал агитацию в прессе, причем нескольким лицам было поручено систематически писать заметки по вопросу детской беспризорности, а особую статью посвятить организации общества «Друг детей», проведению карнавального шествия с привлечением всех организаций, «кружечного сбора», продаже цветов, постановке спектакля, а также о том, что в фонд беспризорного ребенка должны будут поступать отчисления с продажи вина и пива[427]. С 9 по 15 июля 1924 г. Наркомпрос АКССР проводил «Неделю беспризорного и больного ребенка», средства, вырученные от мероприятия, поступили на помощь детским домам[428]. 9 июля 1924 г. в газете «Красная Карелия» была помещена заметка «”Неделя” началась. Спасем “цветы жизни”!»[429]. Отмечалось, что задача каждого человека – принять активное участие

---

[423] Комитет по проведению «Недели» сообщает // Беспризорный ребенок. 1923. 13 мая. С. 1.
[424] К «Неделе беспризорного и больного ребенка» // Карельская Коммуна. 1923. № 71. С. 1.
[425] Там же.
[426] Там же.
[427] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 196. Л. 28.
[428] Неделя беспризорного и больного ребенка // Красная Карелия. 1924. № 150. С. 1.
[429] Спасем «цветы жизни»! // Красная Карелия. 1924. № 155. С. 1.

в проводимой кампании путем добровольных пожертвований, отчислений от заработка и распространения билетов.

В 1926 г. был проведен «Трехдневник по охране материнства и младенчества». Основные цели этой кампании были связаны с широким распространением санитарно-просветительских знаний среди масс и сбором материальных средств на содержание существующих учреждений по Охматмладу[430]. В клубах проводились беседы врачей, ставились «санитарные суды», была организована санитарно-просветительская выставка, по учреждениям проходил «кружечный сбор». На открывшейся ярмарке в г. Петрозаводске был устроен «показательный» ларек с продажей детских игрушек и литературы.

Через газетные публикации власть старалась не только организовать кампании помощи нуждающимся детям, но и проконтролировать их итоговые показатели, а в некоторых случаях направить деятельность населения на их совершенствование. На страницах местных газет печатались не только сведения о проведении различных кампаний для оказания экстренной помощи нуждающимся детям, но и призывы к населению участвовать в пополнении фонда для беспризорных. Например, в 1924 г. были помещены следующие заметки: «Хочешь помочь беспризорным детям – будь постоянным покупателем ларьков деткомиссии (пр. К. Маркса)»[431], «Распространяйте билеты на право звания “Друга детей”»[432] и др.

Авторы газетных публикаций не обошли стороной проблему голодающих детей, призывая сплотиться в деле оказания им помощи. Например, в марте 1922 г. в одной из таких статей автор описывал «ужасы Поволжья»: «Мать съела часть трупа своей дочери, и другую спрятала в сундук. Понимаете, спрятала в сундук, как прячут оставшуюся макушку хлеба в шкаф, чтоб, когда захочется есть, снова вынуть ее и съесть»[433]. Местным жителям предлагали сорганизоваться,

---

[430] Трехдневник по охране материнства и младенчества // Красная Карелия. 1926. № 58. С. 3.
[431] Хочешь помочь беспризорным детям – будь постоянным покупателем ларьков деткомиссии // Красная Карелия. 1924. № 124. С. 3.
[432] Распространяйте билеты на право звания “Друга детей” // Красная Карелия. № 154. С. 2. Стоимость билета на право звания «Друг детей» составляла 25 копеек, распространением занималась Деткомиссия при КарЦИК.
[433] Организуем приют для голодающих детей // Карельская Коммуна. 1922. № 52. С. 2.

чтобы оказать немедленную помощь в деле спасения детей. На съезде работников печати в г. Москве была высказана идея о создании «детских домов печати» для помощи голодающим, именно на этой форме поддержки предлагал остановиться автор статьи. Данная форма предполагала, что работники печати и читатели газет могли объединиться вокруг идеи помощи голодающим детям, собрать средства и взять на содержание один дом для 20–30 голодающих детей. Автор статьи призывал не оставаться равнодушными и объединиться вокруг указанной идеи местным газетам «Трудовая жизнь» и «Карельская Коммуна»[434]. Через месяц данная инициатива была поддержана Петрозаводской Карельско-Олонецкой кооперацией, которая согласилась целиком принять на себя содержание дома-приюта для голодающих детей[435]. Подобная идея была поддержана и другими учреждениями. В сентябре 1922 г. в г. Петрозаводске был открыт детский дом для поволжан. Большое участие в управлении и устройстве учреждения принимали «военком 19 Кардивизиона товарищ Гудожников и член Помгола Колясников»[436]. Они посещали детский дом и проверяли жизнь воспитанников, помогали «словом и делом». Еще один детский дом на 30 человек для детей голодающего Поволжья был организован в г. Повенец, «его содержание взял на себя Губвоенкомат»[437]. Не только помещение детей в заново организованные детские учреждения позволяло помочь голодающим детям Поволжья, но и временное размещение данных детей у частных лиц или в существовавших на местах детских домах[438].

С целью мобилизации внимания общественности Деткомиссия при КарЦИК на протяжении всего периода своей деятельности связывалась с комитетом радиовещания, редакциями газет «Красная Карелия» и «Комсомолец»[439]. Таким образом, в первой половине 1920-х гг. периодическая печать ощутимо вовлекалась в организацию помощи нуждающимся детям, что было вызвано потребностью государства использовать всевозможные средства пропаганды

---

[434] Там же.
[435] Приют для голодающих детей // Карельская коммуна. 1922. № 77. С. 3.
[436] На красную доску // Карельская Коммуна. 1922. № 196. С. 4.
[437] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 22.
[438] Там же. Д. 924. Л. 95.
[439] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 801. Л. 1.

и агитации. Через центральную и местную печать происходило информирование населения о существовавших проблемах в области охраны детства, а также постепенное воспитание граждан в сфере социальной защиты детей. Во второй половине 1920-х гг. публикации в газетах были посвящены деятельности новых общественных организаций, силы которых направлены на улучшение положения нуждающихся детей. В первой половине 1930-х гг. количество статей и заметок в местных газетах Карелии по данной проблематике уменьшилось, изменился характер публикаций. В основном статьи были направлены на информирование населения об успехах и достижениях в деле обеспечения защиты детей, о принятых новых постановлениях, распоряжениях, направленных на ликвидацию детской беспризорности и преступности. В этом заметна роль периодической печати в качестве транслятора государственной политики для формирования общественного мнения. Через материалы местной периодической печати прослеживаются все виды общественной заботы о детях, в том числе семейные формы устройства беспризорных детей. Остановимся на характеристике основных общественных структур и форм проявления общественной инициативы в вопросах оказания помощи нуждающимся детям в Карелии.

Общество «Друг детей»

Советское государство рассматривало привлечение общественности к борьбе с детской беспризорностью как первоочередную задачу[440], поэтому первая половина 1920-х гг. была связана с появлением новых организаций и определением направлений деятельности в данном остром вопросе. Особенно выделялась работа новой массовой общественной организации – общества «Друг детей» (ОДД). Первая подобная организация возникла осенью 1923 г. при Московской губернской деткомиссии[441], позже местные общества «Друг детей» были образованы при фабриках, заводах и различных учреждениях по всей стране, в том числе в Карелии. Весной 1927 г. общество «Друг детей», будучи

[440] Там же. Д. 405. Л. 3.
[441] Смирнова Т. М. Советская «детская» политика и общество в 1917–1930-е гг. С. 130.

местной организацией, существовало только в 30–35 губерниях[442]. К 1931 г. по стране насчитывалось 11 500 ячеек данного общества с более 1,2 млн человек[443].

По Уставу общество «Друг детей» являлось добровольным объединением трудящихся, ставившим перед собой цель «всемерного улучшения и оздоровления быта детского населения»[444]. Для этого были запланированы меры, направленные на предупреждение и борьбу с детской беспризорностью средствами общества и через взаимодействие с государственными органами, ведущими работу по улучшению жизни детей. Планировалось вовлечение широких трудящихся масс в данную деятельность[445].

В разных регионах страны создавались общественные организации, схожие по функциональным обязанностям с обществом «Друг детей»: «Общество Друзей Больного и Беспризорного ребенка» в г. Самаре[446], «Общество Помощи детям» в г. Свердловске[447] и др. Благодаря агитационной кампании с марта 1926 г. в Карелии также стали создаваться ячейки общества, инициированные Деткомиссией при КарЦИК. Прежде всего, ячейки организовывались для предупреждения и борьбы с детской беспризорностью. В 1925 г. в Карелии был утвержден Устав общества «Друг детей», определивший размеры взносов: вступительный составлял 25 коп., членский до 10-го разряда – 5 коп., членский до 14-го разряда – 10 коп., до 17-го разряда – 25 коп.[448] Постоянно проходила вербовка новых членов в ячейки общества «Друг детей». Членские взносы расходовались на оказание помощи беспризорным детям, организацию столовых, летних детских площадок и отправку детей в колонии, но не во всех ячейках общества платили взносы «аккуратно и вовремя», иногда они и вовсе не поступали.

Деткомиссия при КарЦИК возлагала большую надежду на данное общество в деле борьбы с детской беспризорностью, о чем неоднократно указывала

---

[442] ГА РФ. Ф. Р-9501. Оп. 1. Д. 150. Л. 97.
[443] Коржихина Т. П. Общественные организации СССР в 1917–1936 гг. М., 1981. С. 67.
[444] Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью. С. 69.
[445] Там же.
[446] ОДБР. Самара, 1925. С. 8.
[447] Устав Общества «Помощи Детям». Свердловск, 1928. С. 1.
[448] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

в отчётах о проделанной работе[449]. В февральском докладе 1925 г. Деткомиссии отмечалось предполагаемое количество участников открываемого общества (до 5000 человек)[450], однако данная цифра не была достигнута и через несколько лет. Осенью 1926 г. в г. Петрозаводске насчитывались 34 ячейки общества с численностью 905 человек[451], в конце 1926 г. существовало уже 40 ячеек с количеством 1569 человек, из них «аккуратными плательщиками» считалось 20 ячеек[452]. В письме председателя Центральной комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК от 7 января 1927 г. «Всем Деткомиссиям и обществам “Друг детей”» указывалось на весомую роль общества в деле борьбы с детской беспризорностью, ее предупреждении и оказании помощи детям[453]. Но отмечались и причины, тормозившие развитие деятельности общества: отсутствие типового устава и инструкций, общего руководства, нехватка связи между ячейками и др. Сеть ячеек общества была развернута, главным образом, в городских центрах, не охваченными оказывались села и деревни.

Деятельность членов ячеек общества была разносторонней: от простых отчислений взносов до участия в специальных комиссиях в качестве помощников. В июне 1927 г. совещание представителей петрозаводских ячеек общества «Друг детей» поручило совету общества совместно с Деткомиссией при КарЦИК организовать детскую площадку на 40 нуждающихся детей и отправить в летнюю колонию 20 слабых детей сроком на один месяц[454]. Местные ячейки общества распространяли билеты на право звания «Друга детей», например, в 1924 г. было заказано из центра 10 тыс. бесплатных билетов для продажи их местными Деткомиссиями[455]. В 1927 г. на основании Постановления ЦИК и СНК РСФСР было решено освободить от уплаты государственного промыслового налога и местных налогов заведения, открываемые обществом «Друг детей» (столовые,

---

[449] Там же. Д. 4а. Л. 2.
[450] Там же. Л. 3.
[451] ГА РФ. Ф. Р-9501. Оп. 1. Д. 150. Л. 101.
[452] Друзья детей – за работой // Красная Карелия. 1928. № 12. С. 3.
[453] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.
[454] Друзья детей – за работу! // Красная Карелия. 1927. № 126. С. 3.
[455] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

чайные, учебно-производственные мастерские, торговые заведения и др.)[456]. На заседании Президиума Деткомиссии при КарЦИК 17 марта 1928 г. докладывалось о функционировании 50 ячеек общества в г. Петрозаводске[457]. Деятельность некоторых ячеек была признана неудовлетворительной, но задолженностей по членским взносам в них не наблюдалось. В докладе о работе общества говорилось о необходимости «притока свежих сил в лице новых товарищей» для обновления Президиума совета общества, поскольку имевшиеся сотрудники были перегружены основной работой[458]. В 1928 г. по районам Карелии в местных ячейках числился 2571 человек.

Ячейки общества «Друг детей» собирали средства для открытия детских учреждений, организовывали митинги, лекции, выставки по проблемам охраны детства, занимались вопросами устройства детей в детские учреждения или на работу и др. В с. Кяппесельга Кондопожского района в 1928 г. по инициативе милиционера была организована ячейка общества «Друг детей». Работу ячейка начала вести с 6 членами, но спустя некоторое время ее участников насчитывалось уже 41 человек[459]. Деятельность ячейки была направлена на оказание нуждающимся детям материальной помощи и определение их в детские дома. В период проведения «Недели беспризорного ребенка» велась усиленная вербовка новых членов в общество[460].

2 января 1929 г. в Карелии была проведена конференция общества «Друг детей», на которой подвели итоги работы организации[461]. Председатель совета сообщал, что вопрос о создании общества «Друг детей» поднимался и в 1924 г., но окончательно оно сформировалось только в 1926 г. Выступавшие в прениях указывали на то, что общество недостаточно популяризировалось среди местного населения, редкие созывы совета не позволяли распланировать его деятельность. Неоднократно в местной газете публиковались призывы вступать в общество

---

[456] Там же. Д. 13. Л. 20.
[457] Там же. Д. 17. Л. 1.
[458] Там же.
[459] Помогаем детям // Красная Карелия. 1928. № 139. С. 2.
[460] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.
[461] Конференция общества «Друг детей» // Красная Карелия. 1929. № 6. С. 4.

«Друг детей», поскольку для проведения мероприятий требовалось много усилий инициативных членов данного общества.

В апреле 1930 г. карельскому совету общества «Друг детей» было разрешено устроить два вечера с благотворительной целью в клубах «Медикосантруд» и «Строители». Кроме установленной программы, разрешалось с 1 по 3 мая провести трехдневник «кружечного сбора» по продаже нагрудных бумажных значков в пользу совета[462], полученные средства направлялись на оказание помощи беспризорным детям.

Все проводимые государством мероприятия с привлечением сил общественности играли важную роль в общей ситуации борьбы с детской беспризорностью. Для привлечения общественного внимания применялись как однотипные, устойчивые, повторяющиеся сценарии, опробованные во многих акциях, так и весьма оригинальные[463]. Во второй половине 1920-х гг. большая часть нагрузки по проведению социальных кампаний стала находиться в руках общественных организаций, созданных ранее государством, о чем свидетельствует деятельность ячеек общества «Друг детей». Подобные организации в своей деятельности нередко применяли форму «Недель», «Трехдневников», «Месячников» и др. Постепенно кампании нашли свое место в структуре повседневной жизни, они стали распространенной практикой, обращение к которой уже не столько навязывалось властями, сколько стало своеобразной общественной привычкой, одной из удобных форм выражения социальных чувств[464].

22–30 мая 1930 г. в Москве проходило Всероссийское совещание Деткомиссии и общества «Друг детей», по которому была издана резолюция, определявшая общество одним из ближайших помощников и опорой Деткомиссии. В некоторых местностях общества уже сорганизовались в краевые, областные и республиканские объединения, а в других существовали лишь как окружные и городские. «И если некоторые из них, особенно Московское

[462] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.
[463] Деканова М. К. «День, неделя, месячник…». С. 514.
[464] Там же. С. 516.

и Ленинградское ОДД, превращаясь в массовые организации советской общественности, правильно усвоили свои задачи, правильно намечают свои действительно общественные методы работы, то удельный вес работы остальных ОДД еще мал»[465]. На совещании подчеркивалось недостаточное освещение в печати проблемы участия общественности в деле борьбы с беспризорностью, что подтверждалось фактом уменьшения количества публикаций в местных газетах Карелии.

23 июля 1930 г. Президиум ВЦИК постановил образовать Комитет по организации общества «Друг детей», которому поручались разработка проекта устава общества и проведение организационной работы по созыву Всероссийского съезда ОДД[466]. С этого момента общество «Друг детей» получило новые цели и задачи деятельности, а также изменило внутреннюю структуру, проводя свою работу через местные отделения и ячейки общества. Центральными органами ОДД являлись Всероссийский съезд, центральный совет и его президиум, ревизионная комиссия[467]. Через месяц вышло Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об организации Всероссийского общества “Друг детей”» (от 24 августа 1930 г.), в котором было определено образование общества путем объединения местных организаций «Друг детей»[468]. Цель общества – «мобилизация средств пролетарской общественности для улучшения быта и воспитания детей, борьбы с детской беспризорностью»[469]. Исследовательница Т. М. Смирнова отмечает, что его деятельность явилась типичным примером противоречивого симбиоза общественной инициативы и «направляющей» роли партийно-государственных структур[470]. 20–24 мая 1931 г. в Москве проходил I Всероссийский съезд общества «Друг детей», на котором обсуждали сведения о том, что «работа ОДД в прошлом на местах, начиная с руководителей ячейки на производстве, в колхозе и так далее и кончая краевым и областным советом ОДД,

---

[465] Резолюция Всероссийского совещания Деткомиссий и обществ «Друг детей». С. 5.
[466] Феонычев В. В. Участие общественных организаций в борьбе с беспризорностью. С. 461.
[467] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[468] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 26. Л. 23.
[469] Коржихина Т. П. Общественные организации СССР в 1917–1936 гг. С. 67.
[470] Смирнова Т. М. Советская «детская» политика и общество в 1917–1930-е гг. С. 140.

ограничилась формальными признаками: сбором членских взносов»[471]. До 1930 г. деятельность общества шла в тесном сотрудничестве с Деткомиссиями, которые определяли ее финансовую обеспеченность. На съезде была вынесена резолюция с программой деятельности общества, основное внимание обращено «на задачу содействия тем практическим мероприятиям, которые в совокупности составляют коммунистическое воспитание детей и подростков»[472]. Круг вопросов, находившихся в ведении данного общества, был обширен, поэтому для их решения необходимо было создать работоспособные ячейки. Средства общества «Друг детей» состояли из вступительных и членских взносов, из «кружечных сборов», издания и распространения литературы, значков, подписных листов и пр., из средств, собранных после устройства платных концертов, лекций, киносеансов и др.[473] Члены общества в Карелии принимали участие в массовых обследованиях детских домов[474], организовывали учебно-производственные мастерские[475], проводили благотворительные вечера[476], «кружечные сборы»[477]. На 1 марта 1931 г. по г. Петрозаводску действовало 46 ячеек общества «Друг детей» с численностью 1000 человек, из которых актив составляли 204 человека[478]. По Карелии было охвачено членством 12 районов из 19. В августе 1932 г. было запланировано проведение «Международной детской недели», в ходе которой были намечены беседы по школам и детсадам по вовлечению в члены юных участников общества «Друг детей»[479].

Характер деятельности местных ячеек общества менялся на протяжении первой половины 1930-х гг., это было замечено в докладной записке о работе областного общества «Друг детей» за 1934 г. Отмечалось, что в 1931–1933 гг. общество занималось исключительно изысканием денежных средств, развертыванием хозяйственных и торговых предприятий, уделяя мало внимания

---

[471] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 303. Л. 3.
[472] Общество «Друг детей»: сборник законодательных материалов. М.; Л., 1932. С. 5.
[473] Устав Всероссийского общества «Друг Детей». Пермь, 1932. С. 13.
[474] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.
[475] Там же. Л. 13.
[476] Там же. Д. 29. Л. 4.
[477] Там же. Л. 5.
[478] Там же. Д. 32. Л. 23.
[479] Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 29.

массовой воспитательной работе с детьми, общественному контролю и привлечению широких масс в члены общества[480]. В 1934 г. карельское общество «Друг детей» отступило от развертывания производственной и торговой деятельности как основной задачи и занялось, как фиксировалось в докладе, «своим делом». Ячейки общества обратили особое внимание на борьбу с детской беспризорностью, на организацию внешкольного досуга детей с привлечением для этого широких масс трудящихся путем создания новых ячеек и вербовку в них. Однако в вопросе организации досуга деятельность разворачивалась медленно из-за пассивного участия в этом деле «хозяйственных, кооперативных, профсоюзных, жактовских и других организаций», которые, в свою очередь, не имели четкого представления о новых формах и методах работы общества[481]. Например, рабочие предприятия, при котором находились ячейки, должны были знать жизнь детдома, его потребности, «настроение ребят, окружен ли детдом постоянным общественным контролем, вниманием и практической помощью»[482].

На 1 января 1934 г. членство по карельскому обществу «Друг детей» было определено в 11 тыс. человек, из которых 7 тыс. человек были прежними участниками, а 4 тыс. человек – новоприбывшими[483]. В докладе о работе общества за 1934 г. фиксировалась слабая инициативность ячеек на местах, в некоторых районах «работа совершенно замерла»[484], основная деятельность ячеек сосредоточилась в г. Петрозаводске. За 1934 г. по городу 1626 человек входило в 58 ячеек, а по районам – 425 (всего 2051 человек), из них 125 человек актива[485]. Установленные в начале года рекомендованные показатели членства по обществу в Карелии не были достигнуты. В целях привлечения внимания общественности к работе общества в конце 1934 г. был запланирован массовый конкурс на лучшую ячейку общества[486]. В апреле 1934 г. Центральный совет общества «Друг детей» разослал всем местным советам письмо, в котором предлагал в

[480] Там же. Д. 18. Л. 99.
[481] Там же.
[482] Там же. Л. 10.
[483] Там же. Л. 14.
[484] Там же. Л. 99.
[485] Там же. Л. 99об.
[486] Там же. Л. 101.

связи с предстоящим празднованием 1 Мая немедленно разработать мероприятия «по обслуживанию детворы в первомайские дни»[487]. Местным ячейкам общества предлагалось оказывать помощь в изъятии с улиц беспризорных детей, содействовать детдомам в украшении и оборудовании учреждения, улучшении питания детей, красочном проведении утренников и вечеров и др.

25 мая 1934 г. Президиум ВЦИК специальным постановлением признал работу общества неудовлетворительной[488], аналогичную оценку получали и местные ячейки общества. Так, в июне 1934 г. на Президиуме ЦИК Карельской АССР был заслушан доклад о работе областного общества «Друг детей», деятельность которого была признана слабой[489].

За 1934 г. члены общества вели обследование детских учреждений, нуждающихся семей, наблюдение за детьми, прикрепленными к мастерским для обучения, осуществляли проверку школьных завтраков, проводили медицинский осмотр детей, которых необходимо отправить в детские лагеря или на оздоровительные площадки и в санатории. На 1934 г. Наркомздравом АКССР было забронировано 120 детских путевок, общество смогло заключить договор только на 5 платных и 3 бесплатных путевки для нуждающихся детей[490]. Для оздоровительной работы использовалась лыжная станция, имевшаяся у общества «Друг детей». Во время зимних каникул детский досуг разнообразили использованием данного ресурса, в результате чего около 1000 детей смогли покататься на лыжах, коньках под присмотром инструктора[491]. Продолжалась вербовка новых членов общества, поэтому осуществлялась расклейка лозунгов и распространение значков, которых насчитывалось около 5000 за год[492].

В 1935 г. по г. Петрозаводску числилось 68 ячеек общества «Друг детей» в количестве 2172 членов[493]. Среди этих ячеек имелись те, которые показывали хорошие результаты работы. Например, ячейка ОДД при жакте № 6 добилась

---

[487] Там же. Л. 78.
[488] Кудряшев А. В. Общество «Друг детей» и преодоление детской беспризорности в 1920–30-е гг. С. 37.
[489] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 18. Л. 121.
[490] Там же. Л. 100.
[491] Там же.
[492] Там же.
[493] Оживить работу общества «Друг детей» // Красная Карелия. 1935. № 31. С. 4.

организации детской комнаты, члены ячейки активно боролись за превращение этой комнаты в образцовую. Ячейка американского городка, имевшая в своих рядах 250 членов, проводила большую работу по коммунистическому воспитанию детворы. Летом была создана интернациональная оздоровительная площадка, обслужившая 116 детей, проведено 4 субботника по заготовке и подвозке дров для детских яслей.

8 февраля 1935 г. прошла конференция Карельского общества «Друг детей», на которой были намечены конкретные мероприятия для развертывания повседневной внешкольной работы с детьми и привлечения внимания широких трудящихся масс к деятельности общества[494]. Однако через полгода (1 июля 1935 г.) общество было ликвидировано, что явилось проявлением возникавших в то время тоталитарных тенденций в управлении государством. Переход к реализации концепции «счастливого советского детства» диктовал контроль над имевшимися организациями в сфере охраны детства. Исследовательница Т. М. Смирнова отмечает, что причинами ликвидации общества являлись многочисленные злоупотребления его руководства[495], впрочем, весомую роль в продвижении основных задач общества играли участники низовых ячеек, которые бескорыстно проводили большую практическую работу для нуждающихся детей в городах и деревнях страны.

Таким образом, общество «Друг детей» имело несколько направлений работы в деле охраны детства. В основном оно вело работу по борьбе с детской беспризорностью, кроме этого, общество помогало налаживать внутреннее устройство детских домов, создавало при них мастерские, трудоустраивало взрослых беспризорных, шефствовало над детдомами и самостоятельно организовывало собственные детские учреждения[496]. Еще одним направлением деятельности общества являлась внешкольная работа в виде организации досуга школьников, к ним же относились и воспитанники детдомов.

---

[494] Там же.
[495] Смирнова Т. М. Государство или общественная инициатива? Опыт решения «детских проблем» в 1920–1930-е гг. для современной России. С. 303–304.
[496] Коржихина Т. П. Общественные организации СССР в 1917–1936 гг. С. 67.

Фонд имени В. И. Ленина

Еще одной общественной организацией, заботившейся о детях, являлся фонд имени В. И. Ленина. 25 июля 1924 г. Президиум ЦИК СССР принял Постановление «Об общесоюзном и местных фондах им. В. И. Ленина для организации помощи беспризорным детям»[497]. Фонд был образован с целью организации помощи беспризорным детям, а особенно жертвам Гражданской войны и голода. Идея создания фонда была поддержана Н. К. Крупской.

26 января 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Декрет «О фонде РСФСР имени В. И. Ленина при Президиуме ВЦИК для организации помощи беспризорным детям», в котором были определены размер фонда РСФСР и его составляющие, а также отмечена его неприкосновенность[498]. В это время был принят также документ, обязующий центральные исполнительные комитеты автономных республик, входящих в состав РСФСР, образовать фонды помощи беспризорным детям на местах. Общественный фонд имени В. И. Ленина определялся в размере 100 млн рублей[499], в РСФСР этот фонд составил 20 млн рублей[500]. Денежные средства в фонд поступали из различных источников: рабочие и служащие передавали свои заработки, школьники распространяли открытки и значки с изображением В. И. Ленина, его произведения, проводили субботники[501]. Средства шли из сборов со спектаклей, концертов, лекций, лотерей, из добровольных сборов, производимых профессиональными, жилищно-кооперативными и другими общественными организациями[502]. Собранные средства направлялись на ремонт детских домов, приобретение инвентаря, обмундирования и продовольствия для детей и др.

---

[497] Постановление Президиума ЦИК СССР «Об общесоюзном и местных фондах им. В. И. Ленина для организации помощи беспризорным детям» от 25 июля 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25894#09340620190273474. (дата обращения: 20.02.2020).

[498] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О фонде РСФСР имени В. И. Ленина при Президиуме ВЦИК для организации помощи беспризорным детям» 26 января 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2326.htm. (дата обращения: 20.02.2020).

[499] Детская беспризорность и безнадзорность и борьба с ними. М., 1929. С. 204.

[500] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1 Д. 4а. Л. 3.

[501] Феонычев В. В. Участие общественных организаций в борьбе с беспризорностью. С. 463.

[502] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 26 января 1925 г. «О местных фондах имени В. И. Ленина для организации помощи беспризорным детям» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2327.htm. (дата обращения: 20.02.2020).

2 февраля 1925 г. было принято Положение «О Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК», после которого началась реорганизация органов по созданию фонда на местах. После опубликования данного документа Деткомиссия при КарЦИК немедленно обратилась с соответствующим ходатайством в КарЦИК и Совнарком АКССР, и в феврале 1925 г. фонд был учрежден в Карелии[503], его размер определялся в 200 тыс. рублей[504]. С целью пополнения фонда Деткомиссией при КарЦИК организовывались вещевые лотереи. Местная пресса должна была систематически напоминать о подобных лотереях, публиковать заметки об их проведении со списками главных выигрышей, мест продажи билетов, а также в наиболее посещаемых населением местах развешивать информационные плакаты о лотереях. Продажа билетов была «общественной нагрузкой кассиров, театральных контролеров, вагоновожатых, буфетчиков и т. п.»[505]. Фонд искал разные источники пополнения, например, в 1928 г. в Карелии объем фонда увеличился благодаря реализации марок среди заграничных коллекционеров[506].

Во второй половине 1920-х гг. велась усиленная работа по созданию местных фондов с достаточной базой средств для обеспечения материальной помощью всех беспризорных детей. Для организации местных фондов предписывалось задействовать как средства бюджетных ассигнований исполкомов, так и средства от добровольных сборов и поступлений. В связи с этим рекомендовалось использовать все местные общественные и кооперативные организации. Для увеличения количества денежного сбора в 1929 г. Деткомиссия при ВЦИК выпустила значки «Ленин – друг детей» (цена значка – 50 коп.), весь чистый сбор от их продажи поступал на борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью[507]. Распространяли данные значки, прежде всего, пионеры.

В резолюции Всероссийского совещания Деткомиссий и общества «Друг детей» в 1930 г. отмечалось, что комиссии недостаточно уделяли внимание делу

---

[503] Помощь беспризорным детям // Красная Карелия. 1925. № 26. С. 1.
[504] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 4а. Л. 3.
[505] Там же. Д. 18. Л. 4.
[506] В помощь беспризорным // Красная Карелия. 1928. № 139. С. 4.
[507] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

организации местных фондов имени В. И. Ленина[508]. Общественность старались привлечь к созданию необходимых условий для роста детского коммунистического движения и детских организаций, считалось, что именно такие организации могут посодействовать в воспитании новых кадров квалифицированных рабочих[509]. В состав комиссии по фонду в Карелии входили представители ЦИК АКССР, СНК АКССР, Наркомфин АКССР, Областного комитета ВКП(б) и Деткомиссии при КарЦИК[510]. Карельский фонд имени В. И. Ленина просуществовал на протяжении всего исследуемого периода и послужил дополнительным ресурсом для сбора денежных средств в дело борьбы с детской беспризорностью.

Комсомол и пионерия

Такие молодежные идеологические структуры, как комсомол и пионерия, внесли свой вклад в организацию помощи и поддержки нуждающихся детей. Российский Коммунистический Союз Молодежи [РКСМ, с 1924 г. – Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (РЛКСМ), с марта 1926 г. – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи] ставил перед собой следующие задачи: помогать партии в воспитании молодежи в духе коммунизма, вовлекать ее в практическое строительство нового общества, готовить поколение всесторонне развитых людей, «которые будут жить, работать и управлять общественными делами при коммунизме»[511]. Коммунистическая партия возлагала на комсомол особые надежды в воспитании и обучении подрастающего поколения[512]. Комсомольцы проводили учебно-воспитательную, культурно-просветительную, спортивную работу среди беспризорников[513]. Один из основных лозунгов комсомольского движения 1920-х гг. гласил: «Каждая сотня комсомольцев должна содержать одного беспризорного». Н. К. Крупская писала, что «комсомольцы будут встречены беспризорниками с большим доверием, чем

[508] Резолюция Всероссийского совещания Деткомиссий и обществ «Друг детей». С. 5.
[509] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 31. Л. 5.
[510] Там же. Оп. 2. Д. 14. Л. 2.
[511] Дети страны Советов: 1917–1941 гг. С. 99.
[512] Бибанов Т. П. Опыт сотрудничества ленинского комсомола и Детской комиссии при ВЦИК. С. 70.
[513] Феонычев В. В. Участие общественных организаций в борьбе с беспризорностью. С. 461.

официальные лица, – ближе по возрасту, по привычкам»[514]. Деятельность коммунистического детского движения являлась одним из способов борьбы с детской беспризорностью, поэтому считалось необходимым вовлечение пионеров в активную борьбу с данной проблемой[515].

В работе пионерских и комсомольских организаций активную роль играла Деткомиссия при ВЦИК, которая с самого начала функционирования стала налаживать тесные контакты с общественными организациями для решения важнейших проблем подрастающего поколения. Комиссия обращалась к трудящимся с призывом оказать помощь детям. Так, в августе 1921 г. она обратила внимание общественности на необходимость поддержать голодающих детей Поволжья. ЦК РКСМ сразу же принял решение об участии комсомола в этой кампании и призвал комсомольцев «проявить самую энергичную деятельность по облегчению народного бедствия». Лозунг «Все на борьбу с голодом!» не сходил с повестки дня комсомольских ячеек[516]. В декабре 1921 г. ЦК РКП(б) предложил комсомольским ячейкам провести разъяснительную работу среди учащихся и активизировать сбор средств в фонд голодающих путем организации концертов, вечеров, привлечения родителей к данному делу[517].

Опыт сотрудничества комсомола с Деткомиссией при ВЦИК показателен в решении вопросов, посвященных борьбе с детской беспризорностью. В резолюции IV Съезда РКСМ отмечались конкретные формы деятельности комсомольских ячеек в деле борьбы с детской беспризорностью, а именно: агитация среди трудящихся с целью привлечения их к этой работе, оказание практической помощи отделениям Деткомиссии, детским домам[518].

В ноябре 1924 г. на II Всероссийском съезде социально-правовой охраны несовершеннолетних в тезисах ЦК РЛКСМ «Пионеры и беспризорность» в качестве одной из важнейших задач в общественно-практической работе пионеров определялась борьба с детской беспризорностью. На съезде отмечалось,

---

[514] Крупская Н. К. Пионердвижение // Педагогические сочинения в 6 томах. Т. 3. М., 1978. С. 114.
[515] Дети страны Советов: 1917–1941 гг. С. 151.
[516] Бибанов Т. П. Опыт сотрудничества ленинского комсомола и Детской комиссии при ВЦИК. С. 71.
[517] Там же.
[518] IV Съезд РКСМ: стенографический отчет. М., 1925. С. 210–211.

что «детское движение само по себе уже является формой, предохраняющей от развития детской беспризорности, и в то же время дает возможность уже организованных детей привлечь к борьбе с имеющейся беспризорностью»[519]. В тезисах говорилось, что «пионеры должны стать застрельщиками, инициаторами помощи беспризорным среди остальных детей»[520]. Представители РЛКСМ уделяли внимание не только общественно-политической работе с беспризорными детьми и воспитанниками детдомов, но и вовлечению их в пионерское движение. В первой половине 1920-х гг. деятельность комсомольцев с беспризорными детьми в данном направлении находилась на начальной стадии в отличие от работы с детьми, находившимися в детских учреждениях[521].

В детских учреждениях особое внимание обращалось на идейно-политическую и культурно-массовую работу. Бурный рост детского и юношеского коммунистического движения способствовал улучшению работы детских домов[522]. И пионеры, и комсомольцы были гостями, шефами детдомов, а с середины 1920-х гг. в учреждениях стали создаваться пионерские, а позднее и комсомольские организации. Пионерские отряды вели большую общественно-политическую работу, деятельность по самоорганизации, налаживанию внутренней жизни детдома и пр.[523] Так, 29 ноября 1925 г. пионерский отряд второй советской школы г. Петрозаводска при сотрудничестве с коллективом Промышленно-экономического техникума № 4 поставил спектакль в пользу беспризорных детей. Входная плата составила 10 коп., выручка – 11 руб.[524]. Сотрудничество общественности в деле оказания поддержки беспризорным детям часто происходило по инициативе пионеров.

Ближайшими задачами пионерской работы в детдомах являлись: организация воспитанников детских домов, еще не охваченных пионерским движением; организация и налаживание самоуправления; общественно-практическая работа

---

[519] Социально-правовая охрана детей и подростков и детский дом. С. 27.
[520] Там же.
[521] Деянова Н. Советская общественность в борьбе с детской беспризорностью // Народное просвещение. 1925. 1 янв. С. 111.
[522] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 13. Д. 139. Л. 1.
[523] Там же.
[524] Помощь беспризорным // Красная Карелия. 1925. № 278. С. 4.

воспитанников детских домов; налаживание учебы пионеров («имея в виду, что пионер должен быть примером для неорганизованных детей») и установление правильных взаимоотношений с работниками детдома[525]. Вовлечение беспризорных детей и воспитанников детских домов в пионерское движение являлось одним из направлений работы общественных организаций в деле охраны детства. Данное направление вносило разнообразие в досуг детей. В 1920-е гг. советская страна постепенно начала выходить из социальных потрясений, общество стало испытывать необходимость в физическом и духовном отдыхе, но в то же время изменившиеся условия привели к существенной трансформации самих представлений о свободном времени. В этом контексте досуг детей также все больше лишался личного характера и превращался в регулируемую государством сферу, которая была призвана способствовать идеологическому воспитанию, формированию «нового человека». Местные газеты Карелии призывали «оторвать детей от улицы»: «Посылайте детей в отряды юных пионеров!»[526]. В 1924 г. по г. Петрозаводску насчитывалось около 500 организованных ребят, по всей Карелии – примерно 1200 человек[527]. В докладе Наркомпроса АКССР за 1924/25 учебный год отмечалось, что воспитанники детдомов на 100 % являлись пионерами, однако пионерскую работу в учреждениях нельзя было назвать удовлетворительной, что было связано с отсутствием опытных и авторитетных руководителей[528]. Те, кто уже входил в пионерское движение, могли самостоятельно проявлять активность в вопросах борьбы с детской беспризорностью. Например, дети, носящие алые галстуки, являлись помощниками общества «Друг детей»[529], в их обязанности входило доведение до сведения взрослых прав и обязанностей членов общества, проведение спектаклей о жизни беспризорников, участие в неделях и месячниках помощи беспризорным, проведение с беспризорниками бесед и др.[530] В Карелии

[525] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 13. Д. 139. Л. 1.
[526] Посылайте детей в отряды юных пионеров! // Красная Карелия. 1924. № 124. С. 2.
[527] Там же.
[528] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 58.
[529] Детское коммунистическое движение к V Всесоюзной конференции ВЛКСМ. М., 1927. С. 11.
[530] Феонычев В. В. Участие общественных организаций в борьбе с беспризорностью. С. 462.

юные пионеры привлекались местным обществом «Друг детей» для проведения кампании «Красного цветка» по сбору средств для нуждающихся детей[531].

Одним из главных мест летней работы пионеров с беспризорниками являлись площадки, организуемые отделом СПОН Наркомпроса РСФСР. Прикрепленный к площадке пионерский отряд старался заинтересовать детей ее работой, устраивал на ней спортивные игры, читал книги, показывал кино[532]. Эта форма работы позволяла организовать свободное время детей, тем самым ограничить возможность беспризорного образа жизни или совершения правонарушений.

На комсомольских съездах неоднократно обсуждался вопрос борьбы с детской беспризорностью, который отмечался в качестве решающей задачи социально-политического и нравственного характера и стоял в центре внимания ячеек[533]. Комсомольские организации направляли культармейцев на работу в детдома Карелии. Комсомол привлекался к выявлению беспризорников и детей, чьи родители нуждались, после их обнаружения ставился вопрос об определении ребенка в детдом или назначении пособия[534]. Комсомольцы участвовали в пополнении фондов Деткомиссии, распространяя лотерейные билеты, подписные листы, проводя различные субботники, платные вечера, концерты, лекции и др. Например, в 1927 г. Коммунистический союз молодежи отмечал юбилей Октября Всесоюзным комсомольским субботником. Целью субботника являлось повышение роли и участия молодежи в социалистическом строительстве, а практическими лозунгами были объявлены в городах борьба с беспризорностью, в деревнях – конкретное общественно полезное дело[535]. Карельская организация ВЛКСМ активно включилась в проведение данного субботника, благодаря организационной и разъяснительной работе мероприятие прошло успешно. По данным отчетов 10 районов республики, в нем приняли участие свыше 3 тыс. человек, из них около 20 % составила несоюзная молодежь[536]. Помимо

---

[531] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.
[532] Феонычев В. В. Участие общественных организаций в борьбе с беспризорностью. С. 462.
[533] Бибанов Т. П. Опыт сотрудничества ленинского комсомола и Детской комиссии при ВЦИК. С. 73.
[534] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 2. Л. 7.
[535] Тинькова Н. К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи. С. 38.
[536] Там же. С. 39.

оплачиваемых работ, в селах было выполнено немало общественно полезных дел, таких как ремонт мебели в детдомах, участие в строительстве клубов, заготовка бревен для новых зданий, устройство красных уголков и др. Заработанные деньги во время субботника поступили в фонд борьбы с детской беспризорностью.

По инициативе комсомола воспитанникам детских домов, продолжавшим учебу на рабфаках, в техникумах и вузах, выдавались регулярные пособия, повышенные стипендии[537]. Данная практика была распространена и среди комсомольцев Карелии. Комсомол совместно с партийными и профсоюзными организациями создал общественный фонд всеобуча, средства которого поступали в том числе и на организацию в школах горячих завтраков, открытие интернатов, покупку обуви и одежды необеспеченным[538]. Комсомол выступал инициатором различных конкурсов, смотров детских учреждений, например, в первой половине 1930-х гг. его представители входили в конкурсную бригаду по премированию лучшего учреждения в Карелии[539]. Так, в 1932 г. был премирован второй Повенецкий детский дом для трудновоспитуемых за большие достижения в хозяйственно-санитарном вопросе и воспитательной работе[540].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. был принят целый ряд партийных, правительственных распоряжений об усилении роли комсомола, пионерской и других общественных организаций, а также рабочих коллективов в воспитании детдомовцев[541]. В апреле 1931 г. IV пленум обкома ВЛКСМ обсуждал вопрос «О работе Карельской областной организации по выполнению решений IX съезда о превращении комсомола в многомиллионную организацию»[542]. Пленум предложил усиленно вовлекать в комсомол будущих работников – учащихся школ, ФЗУ, пионеров. В 1932 г. в резолюции по докладу об общественно-политическом воспитании и пионерской работе давалась неудовлетворительная

---

[537] Бибанов Т. П. Опыт сотрудничества ленинского комсомола и Детской комиссии при ВЦИК. С. 74.
[538] Тинькова Н. К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи. С. 79.
[539] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 2. Л. 18.
[540] Там же.
[541] Смирнова Т. М. Советская «детская» политика и общество в 1917–1930-е гг. С. 146.
[542] Тинькова Н. К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи. С. 30.

оценка деятельности общественности в жизни детдомов Карелии. Отмечалось, что учреждения не находились «в должном производственном окружении, не были связаны с производственной жизнью, стояли в стороне от нее, замыкаясь в стенах детдома», что являлось причиной плохой постановки воспитательного процесса. Пионерские организации чаще всего не имели своего представителя в детском доме, поэтому воспитанники «плелись в хвосте беспартийных»[543].

На протяжении исследуемого периода пионеры и комсомольцы были вовлечены в дело борьбы с детской беспризорностью, однако их работа не могла охватить все направления по оказанию помощи детям и выражалась, прежде всего, в виде проведения различных мероприятий по сбору средств, вовлечения новых участников в организации, взятия шефства над детскими домами и вхождения в состав комиссий, решавших вопросы нуждающихся детей.

Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи

Еще одна массовая организация принимала участие в решении вопросов нуждающихся детей советской деревни – это крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ, кресткомы), образованные на основе Декрета СНК РСФСР от 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев»[544] (с февраля 1932 г. реорганизованы в кассы общественной взаимопомощи колхозов). Комитеты были созданы для оказания материальной помощи неимущим слоям деревни, в целях улучшения социального обеспечения крестьянства и семейств красноармейцев с необходимостью привлечения к этому делу широких крестьянских масс на началах взаимопомощи[545]. Советскими органами кресткомы рассматривались как форма сплочения бедноты и середняков, средство пробуждения их активности[546].

В Карелии крестьянские комитеты общественной взаимопомощи были созданы августе – октябре 1921 г., руководство которыми было возложено

---

[543] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 492. Л. 83–88.
[544] Собрание Узаконений. 1921. № 48. Ст. 236. С. 84.
[545] Там же. С. 85.
[546] Ходяков А. А. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи Новгородской губернии 1921–1927 гг. // Новгородский исторический сборник. 1993. Вып. 4 (14). С. 177.

на Карельский областной отдел соцобеспечения. Одной из задач комитетов являлось улучшение положения детей, что реализовывалось различными способами. 22 мая 1925 г. всем ККОВ и отделам народного образования было отправлено письмо от Наркомпроса РСФСР, в котором определялась необходимость привлечения всех общественных сил в дело борьбы с детской беспризорностью. Кресткомы, являясь «одной из мощных и авторитетных общественных организаций» в деревне, должны были поставить перед собой задание провести точный учет беспризорных и нуждающихся детей и наметить целый ряд мероприятий по борьбе с беспризорностью[547].

По поручению Наркомпроса РСФСР волостные кресткомы должны были участвовать в создании ячеек «Друг детей», привлекая туда весь крестьянский актив, членов сельсовета, клуба и др. При распределении средств волостных кресткомов необходимо было выделять фонд на организацию площадок для беспризорных детей на летнее время[548]. Для увеличения заинтересованности жителей деревни проблемой детской беспризорности волостные кресткомы созывали сходы крестьян, где включали на обсуждение доклады детских учреждений и общие вопросы о беспризорности детей. Нарком просвещения А. В. Луначарский отмечал, что только при напряженной поддержке объединений трудового крестьянства, а именно кресткомов, возможна организованная помощь детям крестьянской бедноты «с целью возвращения их в трудовую семью, где они станут полезными гражданами нашей республики»[549].

В отчете о состоянии работы отдела СПОН при Наркомпросе АКССР в 1924 г. отмечалось, что ККОВ не мог оказывать большой помощи в борьбе с детской беспризорностью из-за отсутствия материальных средств[550]. Поэтому основные меры поддержки комитета были представлены в виде выявления беспризорных детей и оказания временной материальной помощи до отправки их в распоряжение соответствующих УОНО. Поскольку от крестьянской бедноты

---

[547] Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью. С. 41.
[548] Там же. С. 42.
[549] Там же. С. 43.
[550] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 201. Л. 9.

поступала основная масса беспризорных детей, в Карелии во второй половине 1920-х гг. именно кресткомы, как наиболее близкие к этой категории населения организации, должны были вести в деревнях работу по борьбе с детской беспризорностью. Комитеты обязывались усилить помощь нуждающейся бедноте на местах, провести разъяснительные беседы для населения о значении детдомов и оказать детским учреждениям материальную помощь.

С 1926 г. сотрудничество Наркомпроса РСФСР с кресткомами осуществлялось по разработанному плану, который был включен в общий план после второго пленума ЦК КОВ, конкретизировавшего работу по беспризорности и безнадзорности в деревне[551]. Дополнительно в 1927 г. на места было отправлено инструктивное письмо. В результате совместной деятельности Наркомпроса и Центрального крестьянского комитета общественной взаимопомощи имелись определенные достижения, например, возросла активность в обсуждении вопросов о детской беспризорности на заседаниях ККОВ, в особенности среди крестьянок. На средства комитетов как в Карелии, так и в целом по стране организовывались детские дома, открывались новые детские площадки и лагеря. Кресткомы содействовали укреплению материальной базы детских учреждений социального воспитания[552], оказывали в сельских местностях натуральную помощь опекунам по содержанию детей-сирот[553]. Во второй половине 1920-х гг. при содействии кресткомов сельское население привлекалось к добровольному сбору средств на усиление фонда помощи беспризорным детям имени В. И. Ленина.

На совещании НКСО и Президиума Центрального комитета колхозных касс взаимопомощи 5 июня 1935 г. слушали решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 1 июня 1935 г. о ликвидации беспризорности и безнадзорности, после которого постановили провести следующие мероприятия: учитывать всех сирот и «детей, впавших во временную нужду»; взять на обеспечение всех нуждающихся детей;

---

[551] Кошелева Т. Из практики участия советской общественности в работе по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью // Детский дом. № 3. 1928. С. 33.
[552] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 21.
[553] Там же. Л. 171.

определить лучших ударников, колхозников, активистов, общественников касс взаимопомощи кандидатами в опекуны к детям-сиротам; контролировать и наблюдать за опекунами, за содержанием детей в семьях и учреждениях и др.[554]

В 1935 г. Деткомиссия при КарЦИК совместно с председателем карельского отделения ЦК КОВ наметили ряд конкретных мероприятий для обеспечения образцовой работы колхозных касс взаимопомощи[555]. По линии Центрального комитета были вызваны представители трёх районных отделений (Петровского, Кондопожского, Прионежского) с отчетами о проделанной работе по вопросу ликвидации детской беспризорности и по оказанию материальной помощи нуждающимся семьям колхозников. По представленным отчетам работа по оказанию помощи детям была признана неудовлетворительной[556], поэтому было решено написать письмо всем колхозным кассам взаимопомощи о налаживании их деятельности, а в конце 1935 г. провести радиоперекличку с районами по вопросу борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью.

В адрес Деткомиссии при КарЦИК в 1935 г. поступало «много жалоб от колхозников и колхозниц на отсутствие помощи со стороны касс взаимопомощи»[557]. После данных заявлений в декабре 1935 г. заместителем председателя ЦК КОВ АКССР была проведена работа по изучению деятельности отдельных колхозных касс общественной взаимопомощи в вопросах борьбы с детской беспризорностью[558]. Положительная работа касс общественной взаимопомощи в деле борьбы с детской беспризорностью выражалась в учете нуждающихся детей и в обследовании их условий жизни, организации патронирования детей и контроля нахождения детей в патронатных семьях, обеспечении денежными и материальными средствами. В 1935 г. по плану израсходования средств касс общественной взаимопомощи колхозов на обеспечение детей-сирот, полусирот и детей, чьи родители «временно впали в нужду», всего было определено 91 тыс. рублей от касс и 20 тыс. рублей

[554] Там же. Д. 22. Л. 4.
[555] Там же. Оп. 2. Д. 18. Л. 5.
[556] Там же.
[557] Там же. Д. 22. Л. 7.
[558] Там же. Л. 8.

от дотаций СНК[559]. Средства направлялись на патронирование сирот, обеспечение одеждой, обувью нуждающихся детей, выделение пайков в детдома, выплату единовременной помощи и стипендий ученикам школы. Кассы взаимопомощи колхозов не только выделяли средства на патронирование детей, но и контролировали семьи с патронируемыми детьми. Таким образом, оказываемая нуждающимся детям помощь со стороны кресткомов Карелии менялась на протяжении исследуемого периода и дополнялась новыми формами поддержки.

Заграничная помощь нуждающимся детям

В начале 1920-х гг. критическое внутреннее положение в стране заставило советское правительство обратиться за помощью к другим государствам. С лета 1921 г. стали поступать предложения от ряда стран о предоставлении продовольственной помощи. Размеры зарубежной поддержки не были четко определены. В вопросе оказания поддержки советскому государству наиболее значительную роль сыграла Американская администрация помощи (АРА)[560]. 20 августа 1921 г. было подписано соглашение между правительством РСФСР и Американской администрацией о помощи голодающим[561]. Американская администрация помощи, являясь неофициальной добровольной благотворительной организацией, решила оказать дополнительную помощь приблизительно для 1 млн детей Советской России[562].

21 сентября 1921 г. был подписан Приказ ВЦИК «О содействии работе Американской Администрации Помощи»[563], по которому признавалась деятельность АРА «чрезвычайно срочной и требующей придания ей характера боевой»[564]. Всем органам государственной власти было объявлено о необходимости рассмотрения всех дел по требованиям и ходатайствам АРА в течение 48 часов с момента поступления. В том же году при АРА был создан Российско-американский комитет помощи детям. Однако уже в октябре 1921 г.

---

[559] Там же. Л. 6.
[560] Американская администрация помощи (American Relif Administration) была создана в феврале 1919 г. с целью оказания продовольственной и иной помощи пострадавшим от войны народам Европы.
[561] Россия и США: экономические отношения 1917–1933. Сборник документов. М., 1997. С. 33–37.
[562] Там же.
[563] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. С. 826–827.
[564] Там же.

указанная организация встретила целый ряд обстоятельств, тормозивших ее работу, что получило отражение в письме полномочному представителю РСФСР при АРА А. В. Эйдуку[565]. Были выделены следующие трудности: замедления в транспортировке продовольствия, отсутствие помещений для персонала организации, сложности в деле организации Российско-американского комитета помощи детям и др. Исследователь В. А. Погромский считает, что деятельность АРА сопровождалась такими проблемами, как недееспособность инфраструктуры, разруха после Гражданской войны, дефицит квалифицированных кадров в Советской России, враждебность советской власти к представителям США и др.[566] Некоторые представители местных властей и само население с подозрением относились к деятельности АРА и ее сотрудников, пытаясь найти в ней признаки подпольной подрывной деятельности против советской власти, обвиняя в желании сбыть в Советскую Россию в качестве благотворительной помощи зерно, не покупаемое на других рынках мира[567]. Несмотря на это, помощь АРА в стране была значительной: благодаря работе данной организации были спасены сотни тысяч детей и взрослых, удалось пресечь эпидемии и были заложены основы успешной посевной кампании[568].

Деятельность АРА в РСФСР продолжалась с 28 сентября 1921 г. по 1 июня 1923 г.[569] Первоначально организация оказывала помощь только голодающим детям: открывала столовые, питательные пункты, но с 1922 г. ее поддержка стала распространяться и на взрослое население[570]. На пике своей активности (лето 1922 г.) АРА ежедневно обеспечивала продовольствием около 10,5 млн взрослых и детей[571]. Деткомиссия при ВЦИК в отчетах фиксировала следующие данные

---

[565] Россия и США: экономические отношения 1917–1933. С. 42–45. Эйдук А. В. – представитель советского правительства при АРА в 1921–1922 гг.

[566] Погромский В. А. Деятельность Американской администрации помощи в Царицынской губернии и прилегающих территориях в период голода 1921–1923 гг. // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2016. № 1 (5). С. 42.

[567] Савицкая О. Н., Сатарова А. П. Голод 1921–1923 гг. в Хоперском и Усть-Медведицком округах Царицынской губернии и Американская Администрация помощи (АРА) // Манускрипт. 2017. № 8 (92). С. 173.

[568] Погромский В. А. Деятельность Американской администрации помощи в Царицынской губернии. С. 42.

[569] Макаров В. Т., Христофоров В. С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. 2006. № 5 [Электронный ресурс] URL: http://vivovoco.astronet.ru/vv/journal/newhist/ara.htm#5. (дата обращения: 20.01.2020).

[570] Рябинина Н. В. Зарубежная помощь детям Советской России в начале 1920-х годов. С. 21.

[571] Аншакова Ю. Ю. Начальный этап работы Американской администрации помощи в Самарском округе. С. 321.

об охвате детей иностранной помощью: в начале 1922 г. – 1 млн 400 тыс. детей[572], к весне 1923 г. – 2 млн 306 тыс. 640 детей[573]. В докладе от 1927 г. о состоянии детской беспризорности в СССР и о мероприятиях по борьбе с ней говорилось, что в 1921–1923 гг. иностранными организациями обеспечивалось около 3,5 млн детей[574]. Американская администрация помощи оказывала поддержку не только в виде продовольствия, но также отправляла одежду, обувь, медикаменты для детей. АРА снабжала около 14 тыс. различных детских учреждений, в том числе детские дома[575].

В Карелии помощь АРА была представлена в виде обеспечения продовольствием и обмундированием воспитанников детдомов. Не оказались в стороне от данной помощи и дети, отправленные в 1919 г. из Олонецкой в Харьковскую губернию. В докладе о жизни Гиевской колонии детей Севера, в которой находились воспитанники из приютов Олонецкой губернии, говорилось о поддержке АРА в виде отправки в колонию материалов для белья и одежды: «тонкой бязи 9 кусков на 136 аршин в каждом и 20 аршин серого сукна»[576].

Заграничная помощь осуществлялась не только общественными организациями, но и по инициативе иностранных рабочих. Так, в 1922 г. финскими рабочими, эмигрантами из Америки, было выслано в Карелию «значительное количество продовольствия, ношенного белья, платья, одежды и обуви»[577], которое было распределено среди детей, в том числе и среди беспризорных. В 1924 г. рабочими из Швеции было прислано для детей Карелии «254 шт. верхней одежды и платья, 243 белья и ряд других мелочей»[578]. Доставка обмундирования из Швеции была осложнена высокой таможенной пошлиной, которую Деткомиссия при КарЦИК не в силах была оплатить[579]. Данный вопрос удалось решить только благодаря обращению в СНК РСФСР с ходатайством

---

572 ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 168. Л. 31.
573 Там же. Л. 60.
574 Там же. Ф. Р-9501. Оп. 1. Д. 155. Л. 24
575 Большая советская энциклопедия. 1926. Т. 3. С. 191.
576 НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 673. Л. 12. 1 аршин – 0,71 м. Тонкой бязи – 96,5 м в одном куске ткани, серое сукно – 14,2 м.
577 Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 174.
578 Там же.
579 Там же. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

о сложении с груза таможенной пошлины и выдаче его Деткомиссии при КарЦИК.

Еще одной формой иностранной помощи являлась эвакуация детей за границу. В первые же месяцы голода ряд иностранных государств и зарубежных общественных организаций обратились к советскому руководству с предложением принять на воспитание голодающих детей России[580]. В общей сложности предложения, поступившие от США, Германии, Великобритании, Голландии, Чехословакии, Польши, Болгарии, Турции и ряда других стран, позволяли эвакуировать несколько десятков тысяч голодающих детей, однако за рубеж было вывезены лишь около 2 тыс. детей[581]. Воспитанников детских домов Карелии эта форма помощи не коснулась, эвакуация местных нуждающихся детей осуществлялась только на территории края (летние колонии, детские площадки, санатории) и страны в благополучные, хлебородные районы.

К концу 1922 г. в связи с постепенным улучшением ситуации в стране продовольственная помощь зарубежных стран стала сокращаться, начался процесс реэвакуации детей, вывезенных за рубеж. В январе 1923 г. было принято решение о немедленном возвращении детей, имеющих родителей на родине и минимальной отсрочке для детей-сирот, что было продиктовано, главным образом, идеологическими соображениями, а не реальной возможностью обеспечить этих детей, особенно детей-сирот[582].

Вместе с тем полностью советское государство не отказалось от иностранной помощи и создало в конце 1923 г. постоянно действующий орган, координирующий работу в данном направлении, – Комиссию заграничной помощи при Президиуме ЦИК СССР, в задачи которой входила легализация деятельности зарубежных организаций[583]. Одним из основных направлений зарубежной помощи являлась ликвидация детской беспризорности. Деткомиссии при КарЦИК из фонда данной комиссии отправлялись денежные средства. Так,

---

[580] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 170.
[581] Там же.
[582] Рябинина Н. В. Зарубежная помощь детям Советской России в начале 1920-х годов. С. 22.
[583] Там же.

в феврале 1924 г. на «местные детские нужды» было отправлено 2 тыс. рублей[584], в марте 1924 г. для организации мастерских при детдомах и проведения сельскохозяйственной кампании от заграничной комиссии – 4 тыс. рублей[585].

В 1924 г. в проекте Главсоцвоса Наркомпроса РСФСР рассматривалось два направления по оказанию помощи от АРА: укрепление материального положения детдомов продуктами диетического питания и обмундирования; создание учреждений для оказания материальной и производственной помощи беспризорным детям[586]. Предлагалось развернуть сеть учреждений для оказания помощи нуждающимся детям. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 5 декабря 1924 г. Комиссия заграничной помощи была ликвидирована, ее полномочия были переданы соответствующим государственным органам.

Исследовательница Н. В. Рябинина отмечала, что историки, анализируя значимость и мотивы зарубежной помощи, приходили к разным выводам. В советский период авторы отталкивались от официально принятой точки зрения, которая менялась в зависимости от идейно-политической ситуации[587]. К зарубежным организациям в период оказания ими помощи было недоверие со стороны центральной и местной властей, в связи с чем представители других стран встречали на своем пути различные трудности. Современные исследователи подчеркивают значимость зарубежной помощи, отмечая в качестве недостатков лишь некоторые формы ее оказания, например, излишне строгий порядок работы учреждений АРА, нередко затруднявший реальную помощь детям[588]. Как и в целом по стране, в Карелии также встречались трудности в возможностях использовать заграничные ресурсы, например, долгий таможенный контроль не давал воспользоваться присланной помощью. Для Карелии зарубежная помощь не была масштабной, но она внесла свой вклад в обеспечение нуждающихся детей. Заметна роль иностранных рабочих, которые по собственной инициативе отправляли в Карелию обмундирование и медикаменты.

---

[584] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 196. Л. 8.
[585] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 4а. Л. 2.
[586] ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 6. Д. 224. Л. 26.
[587] Рябинина Н. В. Зарубежная помощь детям Советской России в начале 1920-х годов. С. 22.
[588] Там же.

Коллективное шефство

Важное место в вопросах охраны детства занимало коллективное шефство над детскими учреждениями. Пропагандистскую работу в этом направлении проводили Женотделы и работники Наркомздрава и Наркомпроса АКССР. В коллективном шефстве над детскими домами могли участвовать представители различных организаций и учреждений: кооперативных союзов, красноармейских частей, профсоюзов, предприятий, милиции, Женотдела и др. Их помощь осуществлялась в виде оказания материальной и финансовой поддержки детским учреждениям или проведения воспитательной и образовательной работы с воспитанниками детских домов.

Некоторые детские дома имели шефов в лице кооперативных союзов, оказывавших им материальную и финансовую помощь. Но не все кооперативы в силу своего тяжелого положения могли выделить средства на содержание детдомов. Например, Пудожская районная база Карело-Прионежского союза потребительских обществ, являвшаяся шефом Пудожского детского дома, «никакой помощи детдому не оказывала», руководство учреждения выражало желание отказаться от недобросовестных шефов-кооператоров и найти другую шефскую организацию[589]. Кооперативы совместно с органами просвещения участвовали в подготовке детей к трудовой жизни. Для этого открывали в детских домах кустарные мастерские, например, в Кемском детдоме – кузнечную мастерскую, в одном из петрозаводских детских домов – корзиночную мастерскую. Кооператоры занимались трудоустройством выпускников детдомов. Так, в 1925 г. Повенецкий союз кооперативов помог трудоустроить двух воспитанников Повенецкого детского дома: мальчик выучился и стал работать приказчиком, девочка была устроена в вязальную мастерскую Повенца. Социально-культурная деятельность кооперативных союзов способствовала социализации детдомовцев, введению их во взрослую жизнь.

Шефство могли брать различные государственные организации и учреждения, они же определяли собственные возможные пути оказания помощи

[589] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 197. Л. 167.

и поддержки детским домам. Например, на 1 ноября 1922 г. детские учреждения социального воспитания в г. Петрозаводске имели следующих шефов: Государственная экспортно-импортная контора (Госторг), Крайсоюз, Отдел Производств, Женотдел Каробласткома[590]. Взятые шефскими организациями обязательства подчас расходились с делом: например, в 1923 г. Ялгубский детдом дошкольников получил помощь от Внешторга, в результате которой помещение учреждения побелили и привели в порядок. У дошкольников данного учреждения также был шеф («Хлебопродукт»), который обещал «детдому много, а дал сущий пустяк»[591]. В 1923 г. Женотдел г. Петрозаводска оказывал энергичную помощь детдомам, которые сразу же ощутили результаты перемен[592]. Некоторые детские учреждения вовсе не имели шефов, среди них Второй детский дом имени Некрасова и Приемно-распределительный пункт.

Местное население Карелии не оставалось в стороне в вопросах оказания поддержки нуждающимся детям, проявляя инициативу в организации яслей и детских площадок на летнее время. Рабочие железнодорожной станции Петрозаводск в мае 1924 г. решили открыть на своей территории ясли для беспризорных детей[593], крестьяне Ялгубской волости бесплатно заготовили и привезли 150 бревен для постройки Ялгубского детдома[594]. Союз советских и торговых служащих (совторгслужащих) совместно с Наркомздравом АКССР в 1928 г. открыл детскую площадку, которая обслуживала 30 детей[595]. В 1925 г. шефские организации продолжали содействовать укреплению материальной базы детских домов и перевели 2517 рублей в бюджет учреждений, что было в два раза больше по сравнению с предыдущим годом (1924 г. – 1254 рубля)[596].

Участие красноармейских частей в этом вопросе было заметно не только на территории Карелии. В апреле 1922 г. на страницах газеты «Карельская Коммуна»

---

590 Помощь шефов детучреждениям социального воспитания в городе Петрозаводске // Карельская Коммуна. 1922. № 274. С. 3.
591 На словах все, на деле ничего // Карельская Коммуна. 1923. № 86. С. 2.
592 У ребят. Дети ждут помощи // Карельская Коммуна. 1923. № 86. С. 2.
593 На помощь беспризорным детям! // Красная Карелия. 1924. № 124. С. 2.
594 НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 43. Л. 72.
595 Открытие детской площадки // Красная Карелия. 1928. № 143. С. 6.
596 НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 21.

было помещено несколько писем воспитанников Казанского детдома, которые благодарили красноармейцев из Карелии, оказавших их учреждению большую помощь и поддержку в связи с голодом в Поволжье[597]. В письме дети сообщали комиссару полка, шефу детдома, что после отъезда красноармейцев они перестали получать внимание со стороны населения[598]. На территории Карелии красноармейские части, командный состав отчисляли денежные средства в пользу фонда беспризорных детей, выделяя примерно 2 % годовых[599].

С помощью установления шефства над учреждениями осуществлялась культурно-просветительная работа с беспризорными и воспитанниками детских домов. Дети получали книги, газеты, журналы, могли посещать спектакли[600]. Участие шефов в воспитательной жизни детских учреждений оказывало влияние на формирование сплоченного детского коллектива, а также развитие воспитанников, которые часто после совместных мероприятий ощущали привязанность к старшим товарищам. Так, особое отношение складывалось между воспитанниками детдома села Салменицы Сямозерского района и шефом третьего пограничного отряда комендатуры № 2[601]. В докладе на Президиуме Деткомиссии при КарЦИК от 24 октября 1928 г. отмечалось, что детский коллектив учреждения являлся «на редкость спаянным», что приписывалось шефу, который, помимо оказываемой материальной помощи, часто посещал детский дом, устраивал вечера, «спайки», брал воспитанников в пограничную часть на спектакли[602]. Местной газете было поручено опубликовать заметку об исключительных заботах шефа о детдоме и благоприятном влиянии на детский коллектив. Рабочие и работницы петрозаводских предприятий, подготовив программу первомайского праздника, приглашали к себе детей из подшефного Ладвинского детского дома[603]. Об этом говорилось в заметке местной газеты:

---

[597] Детские письма (Спасенные дети – товарищам красноармейцам) // Карельская Коммуна. 1922. № 88. С. 2.
[598] Там же.
[599] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 12. Л. 9об.
[600] Деянова Н. Советская общественность в борьбе с детской беспризорностью // Народное просвещение. 1925. 1 янв. С. 110.
[601] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 17. Л. 25об.
[602] Там же.
[603] Рабочие приглашают на праздник воспитанников детдомов // Красная Карелия. 1936. № 93. С. 4.

«Сменный мастер цеха очистки тов. Рогозина ждет к себе на праздник двух маленьких племянниц и девочку из Ладвинского детдома. Второй сменный мастер того же цеха тов. Анна Виролайнен берет к себе из детдома Грымзина Петю; он уже был у нее в Октябрьские дни и в ответ на приглашение на Первое мая обещал стать отличником учебы»[604]. Такая забота взрослых давала воспитанникам опыт общения и ощущение причастности к общему делу.

Шефство получило широкое распространение в начале рассматриваемого периода, но к середине 1920-х гг. оно стало осуществляться преимущественно в виде формального отчисления средств в пользу учреждения. В частности, в Карелии в пользу детей денежные средства жертвовались служащими Керетской лесозаготовительной дистанции «Северлес», предприятием «Хлебопродукт»[605] и др. Коллективы разных организаций проводили вечера, спектакли, «кружечные сборы» в пользу беспризорных. 27 мая 1923 г. В Кондопоге местными силами был поставлен спектакль в пользу беспризорного ребенка, чистый сбор от него составил 308 рублей, а «кружечный» – 411 рублей[606].

В июле 1928 г. в Постановлении Президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) «Об участии профсоюзов в работе по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью» выделялось участие профсоюзов в ликвидации детской беспризорности, проявившееся в особенности после принятия трехлетнего плана борьбы с беспризорностью[607]. Профсоюзы осуществляли контроль над положением воспитанников детских учреждений, использованием денежных средств, работой детдомов, содействовали трудоустройству выпускников учреждений и др. Культкомиссии и клубные правления проводили мероприятия по организации детского досуга, устраивали подвижные игры, занятия физкультурой, специальные детские утренники, киносеансы, спектакли с установлением тщательного контроля над подбором

---

[604] Там же.
[605] А они помогли детям // Красная Карелия. 1924. № 124. С. 3.
[606] Беспризорному ребенку // Карельская Коммуна. 1923. № 108. С. 2.
[607] Утевский Б. С. Борьба с детской беспризорностью. С. 33–35.

картин и пьес[608]. Как отмечает исследователь В. В. Феонычев, «все эти культурно-воспитательные мероприятия, в основном, касались детей членов профсоюзов и носили превентивный характер в профилактике беспризорности»[609].

В Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР о мерах к улучшению положения и работы детдомов от 3 сентября 1928 г. отмечалась необходимость организации постоянного шефства профессиональных и общественных организаций над детскими учреждениями[610]. В конце 1920-х гг. проявление общественной инициативы в вопросе охраны детства приобрело официальный характер в связи с участием в этом деле государства. Например, деятельность формально общественной организации Всероссийского общества «Друг детей» определялась специальными решениями ВЦИК и СНК РСФСР, шефство над детскими учреждениями шло в массовом порядке в соответствии с решением ЦК ВКП(б). По линии профсоюзов по реализации решений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. был составлен план практических мероприятий, профсоюзы приняли шефство над детскими домами и стали оказывать материальную помощь и поддержку в трудоустройстве родителям, «временно впавшим в нужду»[611].

Шефство над детскими домами, определенное государством, зачастую выполнялось в минимальном объеме. В актах обследования детдомов часто встречались заключения об отсутствии шефской поддержки в учреждении. Для развития шефской помощи детским учреждениям в первой половине 1930-х гг. было решено поощрять лучших шефов. В октябре 1935 г. Деткомиссия при КарЦИК обращалась с письмом к рабочим шефствующих предприятий, рассказывая «о примерах лучших стахановских отличниц по шефству над детскими домами»[612]. Коллективное шефство над детдомами Карелии являлось одним из важных направлений общественной помощи детям, однако постепенно это явление стало превращаться в нечто формальное, заключавшееся преимущественно в отчислении средств в пользу детских домов. Деткомиссия при

---

[608] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 889. Л. 101.
[609] Феонычев В. В. Участие общественных организаций в борьбе с беспризорностью. С. 465.
[610] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 18. Л. 92.
[611] Там же. Д. 35. Л. 2об.
[612] Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 5.

КарЦИК и Наркомпрос АКССР старались привлечь внимание различных организаций и учреждений, которые могли оказать нуждающимся детям не только материальную поддержку, но и участвовать во внутренней жизни детдомов. Многое зависело от инициативы местного населения, а иногда и руководителей, бравших на себя обязательства по шефской деятельности.

Отклик граждан на проблему беспризорности: семейные формы устройства детей

Советское законодательство менялось в исследуемый период в соответствии с новыми подходами к семейным формам воспитания детей-сирот. При советской власти происходит решительное государственное наступление на все иные – негосударственные – формы опеки над детьми, нуждающимися в помощи[613]. Государство отказывается как от традиционных форм призрения сирот (в основном, церковных), так и от частных форм. В начале рассматриваемого периода усыновление было запрещено в целях защиты интересов детей[614], государственная опека должна была занять весьма значительное место в системе воспитания детей, а патронатное воспитание в Семейном кодексе 1918 г. совсем не упоминалось. По мнению исследовательницы А. М. Нечаевой, доводом против существования усыновления послужила отмена в 1918 г. наследования[615]. По мнению Л. Бернштейн, в прошлом усыновление использовалось для придания законного статуса незаконнорожденным детям, Семейный кодекс 1918 г. стирал юридические различия между детьми, рожденными в браке и вне брака[616]. Применение опеки (попечительства) не всех устраивало, поскольку при передаче ребенка в семью опекуна (попечителя) сохранялась его связь с родителями[617]. Основу системы опекунства отныне составляла государственная опека в лице Наркомсобеса и отделов социального обеспечения при губернских советах[618]. Частная опека хоть и была разрешена, но в первые послереволюционные годы

---

[613] Идеалы и паллиативы в русской традиции и культуре / отв. ред., сост. О. В. Кириченко. СПб., 2018. С. 485.
[614] Кодекс законов о браке, семье и опекунстве 1918 г. Ст. 183 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_363.htm. (дата обращения: 20.02.2020).
[615] Нечаева А. М. Охрана детей-сирот в России. С. 39.
[616] Bernstein L. The Evolution of Soviet Adoption Law // Journal of Family History. 1997. Vol. XXII, no. 1. P. 205.
[617] Нечаева А. М. Охрана детей-сирот в России. С. 40.
[618] Смирнова Т. М. Советская «детская» политика и общество в 1917–1930-е гг. С. 134.

практически не применялась. Патронат, упраздненный в 1918 г., был возрожден в 1923 г. вначале в трансформированном виде и на первых порах как эксперимент[619]. Лишь в 1928 г. вернется прежняя форма патроната, но в виде, приспособленном к советской реальности[620].

Отличия двух действующих форм семейного устройства (патроната и опеки) в начале исследуемого периода проявлялись в добровольности и материальных выгодах. Среди населения предпочтение отдавалось патронированию в связи с возможностью при заключении договора получить выгодные льготы и материальную помощь. В случае же опеки опекун мог рассчитывать только на имущество опекаемого ребенка. Опека, в отличие от патронирования, являлась принудительной формой. Опекун ребенку назначался из числа лиц, способных выполнять эту должность, и каждый гражданин страны, назначенный отделом социального обеспечения опекуном, обязан был принять опеку[621]. Обычно опека устанавливалась среди родственников, что являлось еще одним отличием указанных форм. Современные исследователи считают, что усыновление являлось наиболее приемлемой формой устройства ребенка, лишившегося родительского попечения[622]. Оно позволяло не только полностью включиться ребенку в новую семью, но и давало ему возможность получить полное воспитание и вырасти полноправным и полноценным членом общества.

В начале рассматриваемого периода именно патронирование, в отличие от опеки, получило под давлением власти достаточно широкое распространение. Появилась мысль отдавать детей на воспитание в семьи в связи со сравнительно большой смертностью в домах ребенка, с «госпитализмом»[623] в закрытых учреждениях, их перегруженностью и невозможностью открытия новых учреждений[624]. Ранее данная мера полностью отвергалась из-за противоречия

---

[619] Нечаева А. М. Охрана детей-сирот в России. С. 60.
[620] Идеалы и паллиативы в русской традиции и культуре. С. 498.
[621] Букова О. Н., Склярова Т. В. Призрение детей в России: патронат, опека, усыновление // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2007. Вып. 3. С. 102.
[622] Там же. С. 105.
[623] Госпитализм – неблагоприятные психические условия больничной среды, в результате которых наблюдается психическая и физическая отсталость ребенка вследствие недостатка общения и дефицита воспитания.
[624] Павловский А. Опыт отдачи детей на патронат в гор. Москва // Труды III Всесоюзного Съезда по охране материнства и младенчества. М., 1926. С. 63.

«идее социалистического, коллективного воспитания» и печального опыта бывших воспитательных домов. До изжития всех недочетов домов ребенка предполагалось введение патроната как временной меры.

В 1922 г. в целях организации опеки и помощи на дому Наркомпросом РСФСР была запланирована разработка инструкции и положения по опеке применительно к местным условиям[625]. Опекунами в Карелии становились преимущественно рабочие, крестьяне, советские служащие, «не назначались торговцы как классово чуждые»[626]. Например, в 1923 г. среди детей г. Петрозаводска были следующие случаи определения в семьи: один ребенок находился у кустаря-портного, двое – у рабочих завода и один – у советского служащего. Семейный патронаж осуществлялся крайне редко и осторожно, до помещения детей в семью обследовались ее социально-моральные условия[627]. Постановка опекунского дела постепенно улучшалась, работа по частному патронажу расширялась за счет увеличения кадров детской социальной инспекции. За 1923 г. была установлена опека над 23 несовершеннолетними[628].

Первый опыт патронирования в Советской России относился к 1918 г., когда детей из бывших приютов и воспитательных домов пришлось временно, до открытия новых благоустроенных детских домов, раздать на воспитание крестьянам подмосковных деревень[629]. Деткомиссия при ВЦИК разработала специальные «Правила о размещении детей голодающих губерний у частных лиц», для того чтобы уменьшить негативные последствия патронирования. Для патронатных семей устанавливался контроль на весь период взятия к себе патронируемого. Система контроля за такими семьями не была качественно реализована на практике. В ряде губерний проводились обследования патронатных семей, в которых подтвердились случаи эксплуатации детей в крестьянских семьях: крестьяне заставляли своих воспитанников пасти скот, выполнять тяжелую домашнюю работу, дети оказывались без присмотра

[625] ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 1. Д. 478. Л. 18.
[626] Там же. Д. 464. Л. 13.
[627] Там же.
[628] Там же. Д. 463. Л. 52об.
[629] Смирнова Т. М. Советская «детская» политика и общество в 1917–1930-е гг. С. 134.

и обеспечения патронатными родителями[630]. Это получило распространение и в Карелии, где в первой половине 1920-х гг. от частного патроната в деревнях стали отказываться в связи с растущим числом эксплуатации детей, разрешалось отдать в патронат лишь в исключительных случаях[631]. Исследовательница Л. Бернштейн пришла к выводу, что возращение к практике патронирования детей в России означало огромное отступление Коммунистической партии от изначальной политики[632]. Во-первых, поворот к патронатному воспитанию означал признание того, что коммунистические мечты о ликвидации семьи вряд ли осуществляться в ближайшем будущем, и, во-вторых, это служило доказательством финансовой необеспеченности страны. Большевики были готовы доверить воспитание подрастающего поколения представителям социальных классов, считавшихся «непригодными» для воспитания детей[633].

Патронирование вело к «разгрузке» детских домов, особенно от воспитанников старшего возраста, и приводило к возможности приема новых кадров беспризорных детей с улицы, в первую очередь детей младших возрастов[634]. В 1922 г. на Петроградской областной конференции по правовой защите несовершеннолетних было принято решение о необходимости развития практики частного патроната и восстановления усыновления[635]. С этого момента усыновление было разрешено только по отношению к круглым сиротам, эвакуированным из голодающих губерний.

В марте 1924 г. Охматмлад приступил к осуществлению патроната в г. Москве, для чего была проведена агитация среди делегаток-работниц, вывешены во всех консультациях объявления о выдаче детей из домов младенца на воспитание за плату и помещены заметки об этом в периодической печати[636]. Опыт г. Москвы показал, что использование патроната возможно при условии

---

[630] Там же. С. 135.
[631] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 65. Л. 22.
[632] Bernstein L. Fostering the Next Generation of Socialists: Patronirovanie in the Fledgling Soviet State. 67.
[633] Ibid. P. 67.
[634] Вургафт Е. К вопросу о патронировании // Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью. С. 17.
[635] Люблинский П. И. Опека и детская беспризорность // Вестник просвещения. 1923. № 4. С. 200.
[636] Павловский А. Опыт отдачи детей на патронат в гор. Москва. С. 63.

тщательного контроля со стороны правильно устроенных консультаций[637]. Большинство патронатных детей, вначале резко отличавшихся от обычных детей, под конец наблюдения сравнивались с ними. Результаты оказались положительными и подтвердили мысль о том, что в патронате дети развивались лучше, чем в домах младенца. Поэтому на Третьем Всесоюзном Совещании по охране материнства и младенчества в 1925 г. была вынесена резолюция, в которой была признана организация патроната целесообразной и своевременной при соблюдении ряда условий: тщательное наблюдение за развитием и содержанием ребенка в семье; обследование семьи в отношении заболеваний; возраст детей, отдаваемых на патронат, должен быть не менее 3 месяцев; плата за содержание ребенка может колебаться от 15–30 рублей в месяц и др.[638]

На совещании работников Охматмлад прозвучала мысль о том, что именно патронирование являлось наиболее целесообразным и требовавшим меньших средств методом призрения детей раннего возраста[639]. Содержание ребенка в детском доме обходилось чрезвычайно дорого, поэтому по инструкциям центра был проведен первый опыт патронирования детей в г. Петрозаводске. Для начала было отдано в патронат пять детей, результаты данного опыта оказались положительными: дети быстро утратили грустный вид, а двое из них были усыновлены, взявшими их семьями[640]. После проведенного опыта дети отдавались на следующих условиях: в г. Петрозаводске патронатным семьям выдавалось пособие на приданное 25 рублей, на содержание ребенка в месяц – 25, а в уездах – 15 рублей[641]. Местные газеты привлекались к освещению данной кампании для популяризации идеи патронирования. В 1923 г. число детей, размещенных в четырех семьях, состоящих под патронатом в г. Петрозаводске, составляло 18[642].

С середины 1920-х гг. возвращались ценности семейного воспитания: были приняты меры к развитию институтов опеки и патронирования, восстановлен

---

[637] Там же. С. 68.
[638] Там же. С. 69.
[639] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.
[640] Там же.
[641] Там же.
[642] ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 1. Д. 464. Л. 13об.

институт усыновления. Например, усыновление допускалось только в отношениях малолетних и несовершеннолетних и исключительно в интересах детей[643], опека и попечительство устанавливались для защиты личности недееспособного, его законных прав и интересов, а также для охраны его имущества[644]. ВЦИК и СНК РСФСР приняли ряд постановлений, стимулирующих передачу детей на воспитание в крестьянские семьи[645]. На 1 апреля 1924 г. по всей АКССР состоялось 198 опекунских дел над 368 подопечными несовершеннолетними, учреждение опеки осуществлялось над сиротами и детьми, брошенными родителями[646].

Своевременное учреждение опеки над детьми, а также подбор ответственных опекунов давали возможность предупреждать беспризорность данных детей[647]. Чаще всего опека проводилась только над несовершеннолетними, которые не находились на попечении родителей. Но к опекунству могли прибегнуть не только в случае круглого сиротства детей, иногда опекунами назначали родственников, чтобы дети могли получать образование в другом населенном пункте. В 1925 г. опекунство в Карелии выглядело следующим образом: было рассмотрено 338 дел об определении 581 несовершеннолетнего под опеку (представлены данные не по всем уездам Карелии), из них 92 дела – в г. Петрозаводске, 67 – в Петрозаводском уезде, 61 – Кемском уезде, 55 – Олонецком уезде[648]. Как и раньше, опекунами становились крестьяне, рабочие и советские служащие. Так в 1925 г. из 324 случаев опекунами являлись 199 крестьян, 53 рабочих, 52 советских служащих, 13 педагогов, 3 ремесленника, 4 – другие[649]. При обследовании жизни опекаемых в городах отмечалось, что «97 % опекунов выполняли свои обязанности должным образом»,

---

[643] Гидулянов П. В. Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейным комментарием. С. 127.
[644] Там же. С. 145.
[645] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях по подготовке воспитанников детдомов к трудовой общеполезной деятельности» от 21 сентября 1925 г., «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» от 8 марта 1926 г., «О порядке и условиях передачи воспитанников детдомов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду» от 5 апреля 1926 г. и др.
[646] НА РК. Ф Р-630. Оп. 1. Д. 51. Л. 2
[647] Там же. Д. 98. Л. 58.
[648] Там же. Д. 98. Л. 58.
[649] Там же.

«взаимоотношения у опекунов и подопечных не хуже, чем в большинстве семей у родителей с детьми, и только 3 % относились нерадиво или к имуществу, или к самим подопечным»[650].

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 5 апреля 1926 г. вводились льготы для крестьянского двора, берущего к себе ребенка, а именно: на патронируемого выделялся земельный участок с освобождением его в течение первых трех лет от сельхозналога, определялись единовременные пособия крестьянскому двору и устанавливались дополнительные льготы по местным налогам и сборам[651]. Указанным документом и изданными за ним инструкциями обеспечивались и интересы несовершеннолетнего, передаваемого в крестьянскую семью. Данный ребенок со стороны ОНО обеспечивался первоочередным правом поступления в школу, бесплатным снабжением учебниками и учебными пособиями, со стороны органов здравоохранения – возможностью пользоваться врачебной помощью[652]. Крестьянскому двору, принимавшему беспризорного ребенка, выдавалось единовременное пособие, которое устанавливал местный исполком[653].

Во второй половине 1920-х гг. в местной газете «Красная Карелия» фиксировалось, что практику патронирования необходимо использовать в связи с появлением возможности регулярно отправлять сестер-обследовательниц в семью, принявшую ребенка, для обследования быта и жизни патронируемого. Отдел охраны материнства и детства Наркомздрава АКССР, признавая необходимым сокращение штатных коек в доме ребенка и переход к патронату в интересах здоровья детей, считал возможным приступить в г. Петрозаводске к осуществлению указанной практики и призывал семьи, желающие взять детей на воспитание, подать заявление в данный отдел[654]. В 1926–1928 гг. в детдомах по стране проводилась общероссийская кампания патронирования для «разгрузки» переполненных учреждений. Власть всячески поощряла граждан, решивших

---

[650] Там же. Д. 98. Л. 58.
[651] Вургафт Е. К вопросу о патронировании // Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью. С. 17.
[652] Там же. С. 18.
[653] Серебряный М. Льготы крестьянам за воспитание беспризорных. М., 1927. С. 4.
[654] Организуем патронат детей. Берите детей на воспитание! // Красная Карелия. 1926. № 51. С. 3.

усыновить детей или взять под опеку. Как отмечает Т. М. Смирнова, в регионах страны кампания патронирования проходила с неодинаковой интенсивностью и власти проводили ее через использование различных методов[655].

В 1927 г. Наркомпросом АКССР было выявлено 785 детей, нуждающихся в постоянной материальной помощи или помещении в детдом, из них было запланировано 120 человек устроить «в жизнь» путем усыновления, 72 – путем патронирования[656]. Наркомздрав и Наркомпрос АКССР преследовали по линии патронажа следующие цели: предоставление ребенку благоприятных условий для развития, а именно: «чтобы ребенок чувствовал себя как дома, где не было бы того военного подхода, который замечается у лиц совершенно нелюбящих детей и идущих служить к детям из-за материальных побуждений, где бы ему оказывалось больше ласки и внимания»; уменьшение затрат на обеспечение нуждающихся детей, поскольку патронаж обходился для государства гораздо дешевле, чем нахождение ребенка в детском доме[657]. В 1927 г. Деткомиссией при КарЦИК было проведено 14 усыновлений, 5 наложений опеки[658], в 1929 г. 34 воспитанника детских домов были «выпущены в крестьянские семьи»[659].

В июне 1929 г. на IV Всесоюзном съезде по охране материнства и младенчества была поставлена задача принять меры к массовому усыновлению детей сельскими семьями. По годовому отчету карельской Деткомиссии с 1928 по 1929 г. в г. Петрозаводске и в двух близлежащих районах усыновили 48 детей, до этого – 68, под опеку взяли 17[660]. В мае 1930 г. все местные Деткомиссии получили письмо от Центральной комиссии, в котором поднимался вопрос о предупреждении появления беспризорных детей в связи с раскулачиванием крестьянских семей, взявших ранее детей на патронаж. В письме говорилось, что наблюдались случаи, «когда кулак оставляет беспризорными, как детей, бывших у него на патронате, так и своих собственных детей. Так как на это не обращается

---

[655] Смирнова Т. М. Советская «детская» политика и общество в 1917–1930-е гг. С. 147.
[656] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.
[657] Там же. Л. 28.
[658] Там же. Д. 17. Л. 10.
[659] Там же. Д. 21. Л. 5.
[660] Там же.

достаточно внимания, то дети, оставаясь без крова и хлеба, бегут в город и пополняют кадры уличной беспризорности»[661]. Но Центральная комиссия подчеркивала, что не все дети кулаков должны были оказаться на государственном и общественном обеспечении, необходимо было организовать дело так, «чтобы дети не оставались на улице, а нашли себе приют в колхозах, середняцких хозяйствах, у родственников и т. п.»[662]. В начале 1930-х гг. «вал детской беспризорности захлестнул Урал и всю крестьянскую ссылку от Карелии до Сибири», скопление беспризорных и голодных детей провоцировало весь «букет эпидемий»[663]. В декабре 1930 г. состоялось совещание-конференция работников СПОН по вопросам патронирования, на котором выяснилось, что «крестьяне и деревенские общественные организации мало заботятся о детях-сиротах, отдаваемых на воспитание в крестьянские семьи»[664]. Дети, воспитывавшиеся в крестьянских семьях, не только не были подготовлены «к участию в социалистическом строительстве», но и не приобретали необходимых навыков для сельскохозяйственного труда.

В сентябре 1931 г. в 12 районах Карелии была проведена операция по ликвидации кулачества, в ходе которой было выселено 192 хозяйства в малопригодные для жизни места[665]. Из 944 членов раскулаченных семей около трети составляли дети (359 человек). Нетрудоспособных стариков и детей из выселяемых семей допускалось передавать на иждивение родственникам[666]. По сообщению ОГПУ АКССР, в ОГПУ ЛВО в Петровском районе односельчане выселяемых жалели стариков и детей: «Стариков и детей не следовало бы тащить, дать им умереть на месте, ведь дети не виноваты, что их родители кулаки»[667]. В сентябре 1931 г. на заседании Пряжинской районной «тройки» обсуждался вопрос об оставлении нетрудоспособных членов выселяемых семей

---

[661] Там же. Д. 26. Л. 1.
[662] Там же.
[663] Базаров А. Сирота Страны Советов // Родина. № 3. 2002. С. 83.
[664] Соловов Е. Больше внимания детям, отдаваемым на воспитание крестьянам // Детский дом. № 5. 1930. С. 164.
[665] Вавулинская Л. И. Коллективизация и ее социально-экономические последствия в Карелии 1930-е гг. // Вопросы истории Европейского Севера: сб. науч. ст. С. 85.
[666] Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. С. 94.
[667] Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг. С. 195.

у родственников[668]. Председатель и члены «тройки» постановили оставить родным на иждивение пятерых детей. Несмотря на письмо Деткомиссии при ВЦИК о предупреждении появления беспризорных среди раскулаченных детей, часто указанные ребята оказывались брошенными на произвол судьбы. В июле 1931 г. была принята инструкция Карельской республиканской комиссии по ликвидации кулачества районным «тройкам» о проведении выселения кулаков и конфискации их имущества, в которой оговаривался вопрос о порядке распределения беспризорных кулацких детей[669] (таблица № 21). По воспоминаниям Ю. Анненкова, одного из «кулацких» детей, проживавшего изначально вместе с родителями на спецпоселении в Белбалткомбинате, после смерти родителей он с братьями и сестрами (семеро детей) не сразу оказались под опекой государства. Дети не получали материальной помощи от властей, жили за счет того, что находили поблизости: собирали в лесу ягоды, на помойках очистки от картофеля, ловили рыбу и др.[670] Старшие сестры Ю. Анненкова позже трудоустроились, а остальные братья и сестры вместе с ним примерно через год были определены в детский дом Медвежьегорского района[671].

Еще одним фактором, который сказался на увеличении количества беспризорных детей, являлся рост числа осужденных в стране. Данный вопрос государство также старалось решить, поэтому в апреле 1933 г. в Постановлении Президиума Верховного суда РСФСР было определено, что опека назначалась над детьми, которые остались одни вследствие осуждения лица, на обязанности которого лежало их содержание[672]. В Карелии ситуация обострилась в первой половине 1930-х гг., когда матери вместе с детьми приезжали навестить заключенных отцов в лагере, находившемся в Медвежьегорском районе. После визита многие матери оставляли детей, а в некоторых случаях и сами отцы укрывали их у себя в лагере[673]. Осенью 1935 г. указанных детей по одному только

---

[668] Там же. С. 201.
[669] Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг. С. 159–161.
[670] ГУЛАГ в Карелии. С. 198.
[671] Там же.
[672] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 6. Л. 45.
[673] Там же. Оп. 1. Д. 35. Л. 3об.

отделению в Повенце насчитывалось 16 человек[674]. Районная Деткомиссия поднимала вопрос о необходимости устройства данных детей в местные детдома, а также организации детского учреждения по линии Белбалткомбината[675].

В первой половине 1930-х гг. была разработана инструкция кассам взаимопомощи колхозов по организации и проведению патронирования сирот в семьях колхозников[676]. В случае смерти одного родителя касса оказывала поддержку другому путем организации трудовой помощи, помещения детей в ясли, выдачи денежного и натурального пособия. Если ребенок оставался сиротой, то в качестве опекуна назначали родственников, а в случае их отсутствия могли выделить колхозника или колхозницу, «пожелавших взять сирот в опекунство и на воспитание»[677]. Следовало избегать передачи детей на патронирование в многодетные семьи, поскольку это не могло обеспечить надлежащий уход и надзор за патронируемыми детьми.

Патронирование в Карелии осуществлялось под контролем сразу нескольких ведомств и организаций, занимало иногда лидирующую позицию в общей системе семейных форм устройства детей-сирот. Чаще всего дети были под опекой у родственников, а помощь, оказываемая, например, от колхозных касс взаимопомощи, была недостаточной[678]. В 1934 г. в плане работы Деткомиссии при КарЦИК выделялось как недостаток в ее деятельности отсутствие работы по патронированию детей[679], аналогичное замечание фиксировалось и в плане за 1935 г.[680] Руководство комиссии требовало усилить работу в данном направлении.

Таким образом, семейные формы устройства детей в Карелии получили свою реализацию через установление опеки, усыновления или патронирования. Каждая форма развивалась неодинаково в связи с изменениями, происходившими в советском законодательстве и в социально-экономической сфере Карелии.

---

674 Там же.
675 Там же. Л. 5.
676 Там же. Д. 41. Л. 39.
677 Там же.
678 Там же. Д. 42. Л. 6.
679 Там же. Оп. 2. Д. 12. Л. 10.
680 Там же. Л. 19.

Государственные организации были инициаторами привлечения советской общественности к решению проблем охраны детства. В Карелии, как и в целом по стране, выделяются этапы развития общественной деятельности в борьбе с детской беспризорностью. Для первого этапа характерна увеличившаяся роль местной периодической печати в освещении проблем нуждающихся детей, газета стремилась выступать проводником государственной политики, поэтому являлась не просто каналом информации, но и координаторам работы различных учреждений и организаций. Важное место занимала деятельность шефских организаций, помогавших детдомам Карелии. Зарубежная помощь, выраженная в отправке продовольствия, обмундирования и медикаментов для нуждающихся детей Карелии, хотя была и незначительной, также получила свое развитие на первом этапе. Со второй половины 1920-х гг. (второй этап) в стране проводилась кампания по «разгрузке» детских учреждений для детей-сирот и беспризорных, освобождение мест в детдомах Карелии происходило и через семейные формы устройства детей. Патронирование, опека, усыновление являлись основными формами, при которых ребенок мог оказаться в семье. Хотя официально многие общественные организации и фонды были образованы на первом этапе, становление их в Карелии произошло только во второй половине 1920-х гг. Например, ячейки общества «Друг детей», фонд имени В. И. Ленина получили свое развитие на местах благодаря деятельности Деткомиссии при КарЦИК, которая сделала их своими помощниками в деле охраны детства. Похожую роль играли пионерская организация и комсомол, стремившиеся включиться в дело борьбы с детской беспризорностью различными способами. Такие формы общественной помощи сиротам и беспризорным, как патронирование или коллективное шефство, развивались, главным образом, под давлением государства либо благодаря усилиям отдельных энтузиастов из числа педагогов и воспитателей детских учреждений, а также работников местных Деткомиссий.

Для третьего периода характерны ослабление деятельности местных ячеек общества «Друг детей» в деле борьбы с детской беспризорностью и полная их ликвидация в 1935 г., что связано с усилившейся тенденцией контроля со стороны

государства при реализации концепции «счастливого советского детства». Сбору дополнительных денежных средств помогал созданный ранее местный фонд имени В. И. Ленина, финансировавший вопросы обеспечения детских домов и пр. Комсомольцы и пионеры также были активно вовлечены в дело борьбы с детской беспризорностью, но в основном их деятельность была связана с проведением различных мероприятий по сбору средств или привлечением новых участников в организации. Обеспечению нуждающихся детей или семей помогали крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, которые не только выделяли денежные средства, но и контролировали их использование. В первой половине 1930-х гг. кресткомы стали участвовать в устройстве детей в семьи и отслеживании жизни патронируемых. Шефство над детскими домами продолжалось, но по отчетам Наркомпроса АКССР следовало, что зачастую оно выполнялось в минимальном объеме. Постепенно шефство над детскими домами стало заключаться в простом отчислении денежных средств в пользу учреждения. Таким образом, на протяжении исследуемого периода оказываемая помощь нуждающимся детям со стороны общественных структур Карелии менялась и дополнялась новыми формами поддержки.

В 1918 – первой половине 1930-х гг. в Карелии получила развитие система социальных учреждений для беспризорных детей, процесс складывания которых занял достаточно продолжительное время, встретив на своем пути различные трудности. Созданная система государственных органов управления изменила существовавший ранее порядок оказания помощи и поддержки детям и семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Через публикации в периодической печати Карелии государство призывало местное население улучшить работу созданных органов и учреждений. Деятельность государственных органов и общественных организаций в Карелии в работе по вопросам охраны детей происходила поэтапно, были и подъемы, и спады. Координацией работы по оказанию детям социальной помощи в Карелии занималась Деткомиссия при КарЦИК, под контролем которой находились государственные и общественные организации. С конца 1920-х гг. наметилось возрастание репрессивной

составляющей в работе с беспризорниками и несовершеннолетними правонарушителями, все больше полномочий в этом вопросе передавалось органам НКВД, представители которых становились обязательными участниками комиссий, связанных с вопросами борьбы с детской беспризорностью и преступностью, а ряд детских учреждений становились подконтрольными данному ведомству. Деятельность советской общественности в каждом отдельном регионе страны не охватывала всех видов помощи нуждающимся детям, чаще всего ее работа сосредотачивалась на реализации отдельных направлений. В деле охраны детства в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг. традиционные формы помощи общественности дополнялись новыми, среди которых наиболее значимыми являлись обязательные отчисления работающих в пользу детей, шефство предприятий, а также создание местных ячеек общества «Друг детей». В основном деятельность советской общественности была направлена на поиск и сбор средств для нуждающихся детей, которые находились в детских домах или неблагополучных семьях. Население не оставалось в стороне в вопросах, связанных с организацией воспитательной работы, поэтому активно включалось во внутреннюю жизнь детских учреждений, привлекая воспитанников к участию в различных мероприятиях.

На протяжении рассматриваемого периода взаимодействие государства и общественности было в стадии поиска оптимальных форм сотрудничества. В деятельности государственных органов и общественных организаций ощущались трудности в виде отсутствия опытных руководителей, дополнительных кадров, четкого разделения функций, нехватки денежных средств. Решение имевшихся проблем в области охраны нуждающихся детей возможно было достичь при улучшении должного контроля и четкой системы организации, при увеличении финансирования вопросов обеспечения детей, при устранении дублирования полномочий между созданными органами. Проведенная в первой половине 1930-х гг. типизация детских учреждений в Карелии дала возможность распределять нуждающихся детей по учреждениям разной направленности и не отправлять их в детдома другого региона.

Глава III. Жизнь воспитанников детских домов Карелии

§ 1. Социальный портрет ребенка в контексте обобщенной биографии: сирота, беспризорник, правонарушитель

В начале 1920-х гг. нуждающимся детям требовалась незамедлительная социальная помощь со стороны государства и общественности. К данной категории относились дети, лишенные родительского или государственного попечения, несовершеннолетние правонарушители, дети-инвалиды, дети, достигшие предельного возраста и работающие на предприятиях. Категории детей, которым требовались профилактика, поддержка и оказание помощи, не имели четких границ, поскольку образ жизни социально неблагополучных детей определял их сразу в несколько групп. Представляется возможным реконструировать портрет ребенка в контексте обобщенной биографии и проследить изменения, происходившие в данной категории детей на протяжении 1918 – первой половины 1930-х гг. в Карелии.

Для начала следует разобраться с общей статистикой нуждающихся детей в Карелии по категориям. Статистический вопрос является достаточно проблемным, поскольку ведение подсчета социально неблагополучных детей было затруднено не только отсутствием систематического и полноценного сбора сведений с мест, но и спецификой данных детей, которая была связана с их постоянным перемещением из одной группы нуждающихся в другую, из одного населенного пункта в другой. Поэтому точных цифр о составе, численности нуждающихся детей в Карелии и в целом по стране в исследуемый период не имеется, ввиду отсутствия планомерной учетной политики и критериев сбора информации об этих детях.

Ведомства и организации ежегодно собирали сведения о числе тех, кто нуждался в социальной помощи государства, однако отсутствие отклика с мест не давало возможности составить полноценную картину сложившейся ситуации. Обращение к статистике Наркомпроса и Наркомздрава АКССР, Деткомиссии при

КарЦИК, Управления Народно-хозяйственного учета АКССР позволяет реконструировать примерную общую статистику нуждающихся детей в Карелии.

Первая группа детей – это дети, лишенные родительского или государственного попечения, в статистике Наркомпроса фиксировались в том числе и как беспризорные. Их количество определялось из числа детей, находящихся на государственном обеспечении в детдомах; детей, пребывающих на улице, с потребностью в полной или частичной помощи. Во многих документах воспитанников детдомов относили к категории беспризорных, поскольку дети не находились на попечении родителей или родственников. Для начала охарактеризуем сведения детских домов Карелии. Обращение к данным, собранным Управлением Народно-хозяйственного учета АКССР за исследуемый период, позволяет увидеть динамику, происходившую в изменении количества детдомов Карелии и их воспитанников (таблица № 3). Активный рост численности детдомовцев происходил на протяжении 1920-х гг., что связано с желанием государства взять под опеку всех детей (количество воспитанников: 1923–1924 гг. – 632, 1926–1927 гг. – 1122, 1928–1929 гг. – 1266, 1930–1931 гг. – 1451, 1933–1934 гг. – 917[681]).

Комиссия по улучшению жизни детей ежегодно отправляла запросы в районы Карелии о предоставлении сведений о беспризорности, опеке и количестве «детей, впавших в бедность»[682]. Отмечая неполноту имевшихся данных, Деткомиссия считала необходимым принятие мер через соответствующие организации для окончательного выявления и учета беспризорных детей[683]. По данным Наркомпроса, в 1919 г. численность воспитанников детских домов Карелии составляла 669 человек. В 1920 г. подотдел охраны детства Олонецкого уезда в годовом отчете заявлял, что в крае заметен рост числа беспризорных детей, достигший 1800 человек, для которых

[681] Данные из следующих источников: Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика. 1932–1933. С. 150; Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика. 1933–1934. С. 215.
[682] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.
[683] Там же. Д. 12. Л. 5.

требовалась организация детдомов[684]. В 1921 г. Олонецкий Губернский продовольственный комитет (Губпродком), предоставляя сведения о количестве необходимого продовольствия нуждающимся детям, также выделял их численность. В этот перечень вошли 500 детей, проживавших в детдомах Карелии, и «4300 детей беднейшего населения»[685]. За 1923–1924 гг. была оказана помощь 636 беспризорным детям, из которых помещен в детдома 251 человек, возвращены к родственникам 151, вовлечены в культработу 108, оказана частичная материальная помощь 112, устроены на работу 14[686]. По данным Наркомпроса, в 1924 г. в детдомах Карелии находилось 864 воспитанника, из них дошкольников – 179, школьников – 685[687] (таблица № 12). Эти сведения немного отличаются от статистики Управления Народно-хозяйственного учета АКССР, предоставившего следующие цифры – 632–800 человек[688] (крайние данные двух учебных годов: 1923/24 и 1924/25 гг.). Возникавшие различия в статистике могли быть связаны с неточностью присылаемых данных и разными сроками подведения годовых отчетов. Наркомпрос АКССР в приводимых данных дополнял сведения тем, что фиксировал не только количество детдомов и воспитанников, но и вносил деление по национальности.

В отчете отдела социального воспитания Наркомпроса АКССР за 1924–1925 гг. приводились данные о 1359 беспризорных и безнадзорных детей, взятых на учет[689]. Уточнялось, что эти дети не находились ранее в детских домах, часть из них получала незначительную помощь от уездных ОНО, Деткомиссий и кресткомов. В 1925 г. председатель Деткомиссии при КарЦИК М. Л. Хелле докладывала о проделанной работе перед Наркомпросом АКССР и отмечала, что «в Карелии по подведенному подсчету свыше 1200 беспризорных детей нуждаются в срочной помощи», 950 человек находятся в местных детдомах[690]. В 1926 г. был произведен переучет детской беспризорности в Карелии,

---

[684] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 68.
[685] Там же. Д. 932. Л. 25.
[686] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 201. Л. 8об.
[687] Там же. Д. 96. Л. 23.
[688] Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика. 1932–1933. С. 150.
[689] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 63.
[690] Там же. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 4а. Л. 1.

показавший наличие детей, жизнь которых не устроена органами Наркомпроса АКССР, из них: «сирот и детей, брошенных родителями, – 779 человек, полусирот и детей, родителей коих впали в крайнюю бедность, – 2248 человек, всего 3068»[691](3027)[692]. Заведующая отделом Охматмлад Наркомздрава в отчете за 1927 г. докладывала, что детей, которым требовалась помощь данного отдела, насчитывалось больше, чем выносилось в общую статистику Наркомпросом АКССР. Об этом свидетельствовали участившиеся случаи обращений о приеме детей в учреждения отдела Охматмлада[693].

На 1 октября 1926 г. в детдомах находились 918 воспитанников, вакантных мест – 110[694]. Через месяц сведения уже отличались, в детдомах школьного типа насчитывалось 910 воспитанников, дошкольного типа – 233, всего – 1143[695]. В отчетном докладе председателя Деткомиссии отдельно выносились данные по районам и обращалось внимание на количество детей, не охваченных детдомами (таблица № 17). В 1926 г. после проведенной переписи количество воспитанников детдомов к общему числу населения имело следующее соотношение: на 1000 человек приходилось 3,9 ребенка[696]. В 1927 г. в докладе Наркомпроса АКССР о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в Карелии фигурировали те же данные, что в предыдущем году, но были уточнения по полусиротам и детям, «имевшим обоих родителей, попавших в крайнюю бедность». Всего их насчитывалось 2248 человек, из этого количества могли быть устроены без материальной помощи 476 человек, требовали «некоторой помощи» – 1257, постоянной помощи или помещения в детдом – 396, только помещения в детдом – 119 человек[697]. В 1928 г. собраны сведения о беспризорности по АКССР, в данные которых входило общее количество беспризорных по районам (1119 человек[698]) и выделение из общего числа тех, кто находился в детдомах (643), кому

[691] Приводится подсчет из источника, в скобках подсчет автора.
[692] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 12. Л. 11об.
[693] Там же. Л. 25.
[694] Там же. Л. 12об.
[695] Там же. Д. 9. Л. 24.
[696] Там же. Д. 12. Л. 12об.
[697] Там же. Л. 19.
[698] Общие подсчеты произведены автором, в изначальной таблице присутствует неточность в подсчете общего количества.

требовалось (362) и не требовалось помещение в детский дом (132 человека)[699]. По количеству беспризорных на первом месте стоял г. Петрозаводск, на втором – Олонецкий район, на третьем – Шуньгский район[700].

В ноябре 1929 г. по годовому отчету Деткомиссии при КарЦИК следовало, что в детдомах находились 998 человек, за отчетный год были приняты 212 человек, выпущены – 135[701]. В графе о количестве беспризорных на улице значилось, что «такого учета нет», при появлении таких детей принимались меры для оказания им помощи[702]. В отчете было выделено количество безнадзорных детей (38 человек). Сведения о количестве воспитанников также расходились с выделенными данными Управления Народно-хозяйственного учета АКССР в обозначенный период (1266 человек). В первой половине 1930-х гг. заметно уменьшение количества беспризорных детей и понижение числа воспитанников детдомов Карелии. Это фиксировалось в отчетах каждого ведомства. При появлении нуждающихся детей государственные органы стремились быстро устранить имевшуюся проблему. Например, в отчете председателя Деткомиссии при КарЦИК о работе за 1933 г. отмечалось, что возникший рецидив детской беспризорности был в основном (на 80 %) ликвидирован во второй половине 1933 г.[703] Данный рост количества беспризорных детей был вызван большим наплывом населения (рабочей силы) как «в организованном порядке, так и частично самотеком»[704]. В середине 1930-х гг. произошла реорганизация детских учреждений, куда определялись и беспризорные дети. По состоянию на 1 июня 1935 г. фактическое количество воспитанников детдомов Карелии составляло 1157 человек[705], куда входили и несовершеннолетние правонарушители, и дети с ограниченными возможностями здоровья.

Следующие категории нуждающихся детей (несовершеннолетние правонарушители и дети-инвалиды) в Карелии не поддаются точному

---

[699] Справочная книжка автономной Карельской социалистической Советской республики. С. 191.
[700] Там же.
[701] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.
[702] Там же.
[703] Там же. Д. 12. Л. 5.
[704] Там же. Л. 10.
[705] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 801. Л. 55.

статистическому подсчету. Сведения о количестве преступлений, совершенных детьми в Карелии, разобщены. Статистика 1920-х гг. является неполной в связи с процессом становления системы учета, изменениями методики подсчетов (что создает трудности в сравнении данных), передачей функций из одних учреждений в другие и т. д. Также это связано с долгим отсутствием на территории Карелии специализированных учреждений для малолетних правонарушителей и детей с ограниченными возможностями здоровья. Статистический учет по указанным категориям появится позднее: когда создадут детский дом для трудновоспитуемых (к середине 1920-х гг.) и детский комбинат для детей-инвалидов (в 1930-х гг.). Обращение к отчетам данных учреждений не дает полной картины существовавшей проблемы, в связи с тем, что дети-правонарушители и дети-инвалиды находились также в детских домах нормального типа. Если обратиться к сведениям учреждений, то изначально через приемно-распределительный пункт Карелии проходили и несовершеннолетние правонарушители. В 1923 г. в учреждение помещалось до 35 мальчиков и 10 девочек[706] и было обычно переполнено. С 1923 г. в Космозерский детский дом, рассчитанный на 40 человек, направлялись правонарушители и дети, «трудные в воспитательном отношении»[707]. С появлением новых учреждений для несовершеннолетних правонарушителей заметен прирост устроенных туда малолетних преступников: в 1930–1931 гг. в двух учреждениях находились 86 детей, а в 1934–1935 гг. в трех учреждениях – 161 воспитанник[708]. Поскольку указанные учреждения были постоянно переполненными, вопрос детской преступности в Карелии являлся актуальным. Об этом свидетельствовали и отчеты Комонес, и сведения уголовной статистики, позволявшие проследить за общей тенденцией преступности детей. Так, в 1919 г. в Карелии были зарегистрированы около «80 детей с девиантным поведением»[709], к которым относили, прежде всего, малолетних правонарушителей. Согласно отчетам

[706] Приемник для беспризорных перегружен // Красная Карелия. 1923. № 90. С. 3.
[707] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.
[708] Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1932–1933. С. 150; Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1933–1934. С. 215.
[709] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 907. Л. 9.

комиссии, в 1922 г. в г. Петрозаводске несовершеннолетними были совершены 102 правонарушения, в 1923 г. – 53, 1924 г. – 122[710]. Колебание показателей объясняется комплексом факторов, влиявших на уровень преступности и на ее учет. Резкое понижение детской преступности в 1923 г. связано с тем, что из ведения комиссии были изъяты дела о несовершеннолетних 16–18 лет. В свою очередь, повышение числа правонарушений в 1924 г. было вызвано разрешением свободной торговли спиртными напитками[711]. За 1920 г. Олонецкая губернская комиссия по делам несовершеннолетних рассмотрела 84 дела о 155 правонарушителях[712], за 1924 г. – 246 дел о 410 правонарушителях[713]. По данным уголовной статистики, уровень числа несовершеннолетних, осужденных за преступления, в исследуемый период в Карелии был невысоким (таблица № 14). Это связано с тем, что большинство дел об общественно-опасных деяниях детей рассматривалось Комонес, а их данные не учитывались уголовной статистикой. Процентное соотношение числа детей, привлеченных к уголовной ответственности за различные преступления, с общим количеством осужденных в Карелии с 1924 по 1928 г. выглядит следующим образом: 1924 г. – 3 %, 1925 г. – 3,6 %, 1926 г. – 2,3 %, 1927 г. – 1,9 %, 1928 г. – 1,9 %[714].

Наличие детей с ограниченными возможностями подтверждают отчеты детдомов, в которых фиксировались сведения о детях с различными проблемами здоровья. Так, после обследования в 1934 г. карело-финского детдома выяснилось, что подлежат выведению из данного учреждения 11 детей по медицинским показателям[715]. Ситуация разрешилась только к середине 1930-х гг., когда произошла реорганизация ряда учреждений, в том числе был создан Ладвинский детский комбинат НКСО АКССР, в который вошли три детдома (для имбецилов, идиотов и физических калек)[716]. До 1934 г.

---

[710] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 170.
[711] Там же. Л. 62.
[712] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 906. Л. 49.
[713] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.
[714] Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика. Вып. III. 1928. С. 58–60; Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика. Вып. IV. 1929. С. 50–51.
[715] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.
[716] Там же. Ф. Р-673. Оп. 2. Д. 146. Л. 55.

функционировала Ладвинская школа для глухонемых с 75 воспитанниками[717]. По штату детский комбинат был подготовлен для 100 нуждающихся детей, однако фактически в нем находились 59 человек, что связано с незавершенной типизацией детских учреждений Карелии. По состоянию на 1 июня 1935 г. в учреждении находились 80 воспитанников, максимальное количество детей по новому штату[718]. Несмотря на то что обращение к количественным показателям детской преступности и сведениям о специализированных учреждениях не дает полных данных о числе несовершеннолетних правонарушителей и детей-инвалидов в Карелии, оно демонстрирует наличие этой проблемы в крае, как и во всей стране.

В начале 1920-х гг. на детей делалась основная ставка в программе создания новых граждан государства, поскольку они не застали или не помнили старый режим. Изучение категории нуждающихся детей дает возможность выяснить, с каким «исходным материалом» приходилось работать воспитателям и педагогам в детских учреждениях интернатного типа, ведь в своей массе этот «материал» не совпадал с идеалом «нового человека». Некоторые государственные деятели, педагоги и психологи полагали, что именно воспитанники детских домов будут полезны для страны. Так, А. В. Луначарский считал, что беспризорный ребенок по многим критериям значительно выше среднего ребенка в семье. И «если этих беспризорных детей пригреть и накормить, из них выйдут такие государственные дети», которыми можно будет гордиться[719]. Концепция о ребенке как о чистой доске и «о всесильности воспитания» делала возможным в изменившемся обществе создание человека «принципиально иного, нового, с иным сознанием и даже с иными физическими данными»[720]. Обращение к образу ребенка-сироты, беспризорнику, правонарушителю представляется важным в связи с тем, что необходимо понять, какими были дети, находящиеся в переходном состоянии от «исходного материала» до идеального советского гражданина.

---

[717] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 800. Л. 60.
[718] Там же. Д. 801. Л. 55.
[719] Луначарский А. В. Доклад Наркомпроса // Народное просвещение. 1924. № 9–10. С. 28.
[720] Козлова А. Л. Концепт ребенка: философское осмысление и педагогические проекты // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 17. С. 129.

Тема нуждающихся детей находилась в поле зрения писателей и публицистов 1920–30-х гг. Дети-сироты как главные герои повествований становились отражением резких социальных потрясений[721]. Перечень авторов, обращавшихся на страницах своих сочинений к теме беспризорности и сиротства в первые послереволюционные годы и вплоть до начала 1930-х гг., огромен. Часто их произведения обладали невысокой художественностью, отличались схематизмом повествования, но и среди этих авторов были такие, чье творчество достойно упоминания[722]. В 1931 г. в критическом сборнике по детской литературе фиксировалось, что «если бы нашелся чудак, пожелавший составить себе представления о нашем Союзе по литературным произведениям для детей, он пришел бы к печальным выводам: в СССР нет ребят, кроме беспризорников»[723].

Социокультурный портрет нуждающихся детей можно представить на основе сведений из официальных документов, специальной и художественной литературы. В каждый хронологический период возникал уникальный образ сироты, беспризорника, который был характерен именно для тех социально-экономических и культурных условий, которые сложились в определенной стране. Этот образ отчасти отражался и в какой-то мере конструировался в различных культурных артефактах, являющихся крайне важным источником для реконструкции «коллективного бессознательного» того времени: плакатах, кинофильмах, фольклоре, художественных произведениях[724]. Поэтому привлечение широкого круга источников позволяет не только выделить составляющие социального портрета нуждающегося ребенка, но и проследить, как тот или иной образ сироты, беспризорника, правонарушителя укоренялся в общественном сознании в связи с разной степенью успешности и эффективности государственных мер в области оказания социальной помощи

---

[721] Бухина О., Лану А. Герои-сироты в детской литературе: отражение социального кризиса начала и конца советской эпохи // Детские чтения. 2015. Т. 7. № 1. С. 24.

[722] Головина Л. Г. Проблема беспризорности в русской литературе XX века: к вопросу о мифологемах «дом» и «семья» (на примере произведений А. Неверова, В. Шишкова, Л. Пантелеева и Г. Белых, А. Приставкина, В. Крапивина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2010. № 3. С. 28.

[723] Детская литература: критический сборник / под ред. А. В. Луначарского. М., 1931. С. 89.

[724] Минина М. Образ сироты в советском плакате 1920–1930-х гг. // Визуальная антропология: режим видимости при социализме / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2009. С. 273.

данным детям. Изучение источников строилось на выделении из них составляющих облика ребенка по следующим критериям анализа, включавшим широкий спектр вопросов: причины попадания на улицу, состав семьи (при наличии), удовлетворение базовых потребностей (питание, одежда, жилье), занятия нуждающихся детей, характеристика детей (внешний вид, половозрастные характеристики, состояние здоровья, уровень грамотности), отношение ребенка к родителям, детскому дому, воспитателям и др. Поскольку ранее обсуждался вопрос о сложности вычленения детей в одну из категорий, будет представлен обобщенный образ социально неблагополучного ребенка, входившего зачастую в несколько социальных групп (сирота, беспризорный, правонарушитель).

Для начала необходимо представить, почему ребенок оказывался в сложной социальной обстановке, где ему самостоятельно приходилось решать проблему по удовлетворению своих физиологических потребностей. Врач А. С. Грибоедов утверждал, что «вся личность ребенка, его поведение есть результат воздействия окружавших и окружающих его раздражителей на его биологические прирожденные механизмы, на его организм»[725], подчеркивая этим важность социальной среды и биологических данных в развитии ребенка. Поэтому особое внимание при характеристике образа личности социально неблагополучного ребенка необходимо обращать на то окружение, в котором он находился. Раскрыть этот вопрос возможно благодаря анализу семейного положения ребенка, которое чаще всего сказывалось на том, что он становился беспризорником.

Самым распространенным случаем нахождения ребенка на улице являлось сиротство, вызванное смертью одного или обоих родителей. Обращение к отчетам детских домов дает возможность увидеть, что основной процент находившихся там детей в начале исследуемого периода представляли круглые сироты и полусироты. По отчету за 1924–1925 гг. в 10 детских домах школьного типа Карелии находилось 690 воспитанников, по семейному положению это были: круглые сироты – 254 человека, полусироты – 190, дети, имевшие родителей, –

[725] Грибоедов А. С. На пути к преступлению. Л., 1928. С. 42.

246; по социальному происхождению: дети крестьян (334 человека), рабочих (218), советских служащих (89), неизвестных (49)[726]. Отчетные документы также позволяют отметить национальный состав 690 нуждающихся детей: русских – 364, карелов – 281, финнов – 45. В 1926 г. Комиссия по улучшению жизни детей при КарЦИК выделяла следующее количество несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи: всего детей в детских домах насчитывалось 1143 человека, детей, не охваченных детскими домами, – 2613, из них 574 сироты и детей, брошенных родителями, 2039 детей из семей, «впавших в крайнюю бедность»[727]. Через год общее количество детей, которым требовалась помощь со стороны государства, составляла 3027 человек (779 сирот и детей, брошенных родителями; 2248 полусирот и детей, «родители которых впали в крайнюю бедность»)[728]. По данным годовых отчетов детдомов, на 1 января 1936 г. среди 992 воспитанников 477 являлись круглыми сиротами, 415 – полусиротами, 100 – детьми, имевшими родителей[729]. За десятилетие по семейному положению детдомовцев не происходило резких колебаний, главную массу составляли сироты и полусироты, заметно уменьшение числа детей, попадавших в детское учреждение при наличии родителей, что связано с «разгрузкой» детдомов.

Изменения прослеживаются в среде малолетних правонарушителей. Изначально сиротство ребенка играло важную роль в происхождении правонарушений. Особенно заметно влияние этого фактора на подростков, которых привлекали за повторные правонарушения[730]. Исследователь В. И. Куфаев отмечал высокий процент рецидивистов среди сирот и детей, имевших только мать, что было связано с тем, что у ребенка-сироты или полусироты экономическое положение после первого постановления Комонес не улучшалось, поэтому он был вынужден совершать новые правонарушения[731]. По данным отчетности за 1921 г. следовало, что 70 % несовершеннолетних

[726] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 67.
[727] Там же. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.
[728] Там же. Д. 12. Л. 11об.
[729] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 682. Л. 27.
[730] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 15.
[731] Там же.

рецидивистов являлись сиротами и полусиротами[732]. Значительный процент малолетних, имевших только одну мать, в общем числе несовершеннолетних правонарушителей во многом объяснялся большим количеством среди них внебрачных детей[733]. Изменения произошли во второй половине 1920-х гг., когда среди правонарушителей стали преобладать дети, имевшие обоих родителей. Это было отмечено и в документах местной Комонес в Карелии. Как объяснял исследователь Л. М. Василевский, «семья нередко являлась очагом, который не только не спасал детей от социальной запущенности, но даже способствовал ее развитию»[734]. Тенденция уменьшения уличной беспризорности сказалась и на понижении числа беспризорных среди правонарушителей. Увеличение процента детей в детдомах, имевших одного из родителей, объяснялось тем, что с 1923 г. в учреждения стали принимать таких детей за плату[735]. Данная практика не получила распространения в Карелии, поскольку местные детдома старались обеспечивать своих воспитанников самостоятельно.

Среди полусирот преобладали дети, имевшие только мать; такое же соотношение наблюдалось и среди беспризорных, и среди правонарушителей. Это объяснялось в значительной мере тем, что в случае разводов дети оставались с матерями[736]. Заметную роль в дестабилизации ситуации в семейной сфере сыграло признание в 1926 г. государством и зарегистрированных в ЗАГС браков, и не зарегистрированных[737]. Разводы родителей в большинстве случаев отрицательно влияли на детей. В группу беспризорных детей включались и внебрачные дети, ибо фактически внебрачность сочеталась обычно с оставлением семьи отцом или вообще с раздельным жительством родителей с самого рождения ребенка[738].

Еще одной причиной оказания детей на улице в начале 1920-х гг. являлась материальная необеспеченность семей, которая сказывалась в значительной

---

[732] Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. С. 64.
[733] Там же. С. 65.
[734] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 15.
[735] Богуславский М. С. Дети улицы. С. 17.
[736] Куфаев В. И. Детская беспризорность // Вестник просвещения. 1924. № 9. С. 120.
[737] Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в. С. 48.
[738] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 15.

степени и на ребенке. Материальная обеспеченность семьи с большой трудностью поддавалась прямому учету, поэтому в качестве статистических показателей исследователи 1920-х гг. старались рассматривать профессию отцов и матерей, жилищные условия семьи, размер получаемого заработка и пр. П. И. Люблинский считал, что только суммируя выводы, полученные по данным показателям, можно сделать окончательное суждение по вопросу о том, насколько материальная нужда являлась частым фактором детской беспризорности и преступности[739].

Беспризорные дети – это в большинстве случаев дети трудящихся, дети рабочих и крестьян. Судить о занятиях родителей позволяют отчеты детских учреждений, например, в 1924 г. через приемно-распределительный пункт Карелии, принимавший различные категории нуждающихся детей, прошло 180 человек, из них дети крестьян – 90, рабочих – 51, советских служащих – 19, ремесленников – 4, военнослужащих – 1, прочих – 4, неизвестных – 10[740]. Из документов местных комиссий по делам несовершеннолетних следовало, что большинство родителей малолетних правонарушителей были ремесленниками, чернорабочими, рабочими на заводах, служащими рабочего труда, т. е. людьми низкооплачиваемых профессий. Средний возраст родителей несовершеннолетних преступников колебался от 45 до 60 лет. Материальное положение таких семей характеризовалось в опросных листах как удовлетворительное или бедное[741]. Имущественное положение родителей сказывалось на количестве совершаемых правонарушений детьми, а также на особенностях этих правонарушений. Так, например, у ребят необеспеченных слоев населения более частыми являлись такие правонарушения, как кражи, в то время как для ребят более или менее обеспеченных типичными являлись половые правонарушения, хулиганство, оскорбления словами или действиями, т. е. такие правонарушения, которые не были связаны с необходимостью добывания средств для существования[742].

---

[739] Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. С. 66.
[740] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 14.
[741] Данные представлены на основе анализа дел следующих фондов НА РК: Ф. Р-2. Олонецкий губоно, Ф. Р-282. Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях, Ф. Р-630. Министерство образования РК, Ф. Р-788. Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях при Повенецком УОНО, Ф. Р-836. Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях при Олонецком уездном ОНО.
[742] Куфаев В. И. Юные правонарушители. С. 4.

Характер правонарушений детей был тем серьезнее, чем тяжелее было экономическое положение ребенка, чем меньше поддержки несовершеннолетний получал от родителей[743].

Таким образом, дети-правонарушители появлялись по преимуществу из широкой массы трудового населения, заработок которого стоял на границе прожиточного минимума или ниже его. Здесь проявляли свое комбинированное влияние и фактор нужды, и фактор слабости надзора со стороны родителей, длительно занятых тяжелым трудом вне дома[744]. Если сравнивать городскую и сельскую местность, то социальный состав детей-правонарушителей был следующим: «в городских местностях привлекались больше всего дети рабочих, затем дети служащих, в меньшей степени дети зажиточных слоев населения»[745]. В сельских местностях больше всего привлекались дети крестьян. Данное соотношение было характерно и для Карелии. Экономическое положение родителей оказывало прямое влияние на возникновение детской беспризорности, на количество и качество правонарушений детей.

В материально необеспеченных семьях ребенок – постоянный свидетель ссор, драк, споров, возникавших между близкими родственниками на почве недостатка средств. Ребенок воспринимал все характерные особенности быта, в котором он жил, поэтому заметна передача из поколения в поколение привычки к сквернословию и дракам. В исследуемый период характерно проявление грубости в отношении детей со стороны отца. Так, в газете «Красная Карелия» была помещена заметка с призывом обратить внимание на семью, в которой муж в пьяном виде истязал не только свою жену, но и ребенка, выгоняя его по ночам на улицу и требуя зарабатывать хлеб любым путем[746]. От внимания детей не ускользало и обсуждение родителями плана легкого заработка путем воровства, «в семьях же торговцев в присутствии детей происходило торгашество

[743] Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. С. 25.
[744] Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. С. 72.
[745] Куфаев В. И. Юные правонарушители. С. 5.
[746] Отца – зверя – под суд // Красная Карелия. 1928. № 127. С. 4.

и другие явления спекулятивной биржи»[747]. В опросных листах Комонес в отдельную графу вынесена отметка о судимости родственников, позволявшая понять, в какой семье воспитывался несовершеннолетний, имелись ли конкретные примеры для подражания в совершении общественно-опасных поступков. Данные отметки в Карелии были редкими в начале 1920-х гг., обычно это были случаи, когда родители привлекались к ответственности: в одной ситуации отец находился в тюремном заключении за пьянство и кражу, в другой – за побои, нанесенные женщине. Анализ опросных листов показал, что количество правонарушений родственников росло на протяжении 1920-х гг., изменялся и их характер. За кражи, спекуляции, пьянство, продажу спирта привлекались теперь не только родители, но и старшие братья.

Жестокое обращение родителей, эксплуатация детского труда, разлад в семье, неумелый, грубый, нечуткий подход[748] – это неполный перечень причин, когда малолетний предпочитал такому существованию полуголодную жизнь на улице. В этой ситуации подростки убегали из дома и зачастую вставали на преступный путь. Ко всем этим причинам относились и социально-экономические факторы в семье (плохие жилищные условия, недостаточное питание, плохая одежда и т. п.), способствовавшие возникновению желания детей бежать из дома и идти на улицу искать себе пропитание. Подросток, «живущий в темном углу, среди грязи, постоянных семейных неурядиц», где забота о нем выражалась лишь в субботних «лупцовках», шел на улицу, ибо ему больше некуда было идти[749].

Исследователи 1920-х гг. отмечали, что изучение беспризорного ребенка важно проводить через выявление особенностей взрослой среды и детского коллектива[750], через анализ социальных условий и своеобразного детского сообщества, которое создал себе беспризорный взамен вытолкнувшей его

---

[747] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 15.
[748] Озерецкий Н. И. Нищенство и беспризорность несовершеннолетних // Нищенство и беспризорность / под ред. Е. К. Краснушкина, Г. М. Сегала, Ц. М. Феинберг. М., 1929. С. 157.
[749] Велецкая Н. П. Беспризорные // Коллективы беспризорных и их вожаки / под ред. Б. О. Боровича. Харьков, 1926. С. 49.
[750] Левитина М. И. (Маро). Марксистский метод в применении к изучению и воспитанию беспризорного // Вестник просвещения. 1924. № 9. С. 148.

социальной среды, через наблюдение беспризорного в жизни и работе детского учреждения[751]. Подлинное и реальное представление о ребенке можно было получить только при изучении его одновременно со всем коллективом, в привычной для него обстановке, не изолируя[752]. Нередко в скверных условиях среды приобретенные ранее положительные качества и ценные установки беспризорных стирались, дети отклонялись от социально-полезных целей и сворачивали на «вредный путь» [753].

В связи с аграрным перенаселением деревни кадры беспризорных детей пополнялись крестьянскими подростками, не находившими применения своему труду в деревне и идущими на заработок в город, где они также из-за безработицы и отсутствия необходимой квалификации не находили себе применения и жили нищенством или правонарушениями[754]. Условия жизни, в которых оказывался беспризорный ребенок, развивали его и заставляли менять место жительства. К этому толкали его и детский дом, и приемный пункт, и необеспеченность жизни в углах, на чердаках и т. п. В первой половине 1920-х гг. по отчетам Деткомиссии при КарЦИК следовало, что в г. Петрозаводск прибывали несовершеннолетние беспризорные по железной дороге из г. Ленинграда и других городов. Одни ехали в поиске работы, другие – под видом розыска родственников, третьи – без всякой цели, просто убегали из детдомов[755]. Как показывали исследования ученых-педологов, именно у беспризорных детей в условиях уличной борьбы за существование появлялись авантюристические устремления[756]. Улица заставляла детей вступать на преступный путь, но чаще всего только крайняя нужда, отсутствие всякой опоры могли толкнуть подростка на такое правонарушение, которое было бы сопряжено с большим риском, так как ему приходилось красть не для того, чтобы полакомиться, а для того, чтобы

---

[751] Васильев В. Итоги второго Всероссийского съезда социально-правовой охраны несовершеннолетних (с 26 ноября по 1 декабря 1924 г.) // Народное просвещение. 1925. 1 января. С. 80.
[752] Моложавый С. Беспризорный, как объект изучения (Из доклада на съезде СПОН) // Народное просвещение. 1925. 1 янв. С. 101.
[753] Васильев В. Итоги второго Всероссийского съезда социально-правовой охраны несовершеннолетних. С. 79.
[754] Озерецкий Н. И. Нищенство и беспризорность несовершеннолетних. С. 156.
[755] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 196. Л. 15.
[756] Залкинд А. Б. Беспризорность и детские психопатии (тезисы к докладу) // Борьба с беспризорностью: материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью. С. 25.

прожить[757]. Выборочный опрос 1100 беспризорных, проведенный летом 1929 г. Наркомпросом РСФСР, определил следующие причины попадания детей на улицу: 52 % ушли на улицу из-за смерти обоих родителей, 30 % – по причине голода и материальной необеспеченности семьи, 10,9 % – вследствие жестокого обращения с ними в семье, 7,1 % были отнесены к группе «искателей приключений», имевших страсть к бродяжничеству[758]. Состав нуждающихся детей в Карелии на протяжении исследуемого периода был разнороден и изменчив, на что обращали внимание исследователи 1920-х гг. Их экономическое и семейное положение являлось лучшим доказательством того, что причину беспризорности нужно искать не в индивидуальных свойствах детей, а в причинах, вне их лежащих[759]. Таким образом, в Карелии, как и в целом по стране, основными причинами попадания ребенка на улицу являлись смерть одного или обоих родителей и отсутствие опеки со стороны родственников, материальная (экономическая) необеспеченность и моральное (грубость, эксплуатация детского труда) неблагополучие семьи.

Следующим критерием анализа источников является удовлетворение базовых потребностей. Оказавшись без помощи и поддержки, дети должны были самостоятельно удовлетворять физиологические потребности в питании, одежде и жилище. В трудах 1920-х гг. исследователи обращали особое внимание на места обитания данной категории детей и их занятия. Е. Лившиц отмечал, что беспризорного ребенка можно было изучить, если наблюдать его «в естественной обстановке: в притоне, в шайке, на улице, в нелегальных организациях, в ночлежке, в тех детских учреждениях», где беспризорный чувствовал себя хорошо и жил добровольно, где он смотрел на окружающих, как на своих[760].

Жильем для беспризорных детей Карелии становились места, где им было сухо, тепло и безопасно, поэтому достаточно часто дети, находясь вблизи вокзалов, выбирали для жилья пустые вагоны, в которые тайно проникали.

---

[757] Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. С. 32.
[758] Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. С. 74.
[759] Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. С. 25.
[760] Там же. С. 131.

Иногда жильем становились заброшенные дома или сараи, в которых они не только спали, но и готовили, играли. В одном из рассказов С. Лопатина герой сообщал о местах, где он жил: «да где придется, когда в пустых вагонах, когда в сараях, деньги есть – так в ночлежке»[761]. Нередкими были случаи, когда беспризорные не имели никакого местообитания, а целыми неделями носились по городу, проводя ночи, где попало. Не только материальная нужда, как склонны большей частью думать исследователи 1920-х гг., но и нечто другое вынуждало таких подростков перемещаться с места на место. Педагог И. Свет из опыта работы с беспризорными фиксировал, что дети в подростковом возрасте желали поменять место, стремились к бродяжничеству, жаждали убежать из дома, обладали каким-то постоянным неудовлетворенным чувством, а иногда хотели совершить нечто героическое[762]. Как отмечала в своем труде М. И. Левитина, подавляющее большинство сирот были бездомными (42,2 %)[763]: они жили повсюду, «куда может втиснуться их исхудалое тело: разрушенные постройки, клади дров, пустые сараи, лари, пустые вагоны, кучи угля – все жилье, все для них приют»[764]. Особенно плохо приходилось в этих жилищах зимой, когда в морозы не согревал и разведенный костер.

В условиях беспризорности основным местонахождением детей Карелии являлись общественные места: вокзалы, базарные площади, заброшенные дома, парки и др. Большинство беспризорных жили или под открытым небом, или на мостовых улиц, у подъездов. В г. Петрозаводске беспризорные иногда отправлялись в ночлежку, однако в ней двери открывались только вечером, а утром закрывались, и бесприютных впереди ожидал холод, «тоскливое блуждание по неприветливым улицам, равнодушное разглядывание недоступных витрин и ноющее чувство одиночества»[765]. Условия беспризорной жизни, рано ставя ребенка в положение исчерпывающей реальной жизненной ответственности, воспитывали в нем целую серию очень полезных социально-

[761] Лопатина С. Как Степка беспризорный стал пионером. С. 9.
[762] Свет И. Опыт работы с беспризорной рабочей молодежью // На путях к новой школе. 1922. № 3. С. 101.
[763] Левитина М. И. (Маро). Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. С. 103.
[764] Там же.
[765] Бесприютные // Красная Карелия. 1929. № 1. С. 4.

биологических свойств: «реализм, жизненную гибкость, биологическую закалку, точность восприятий, активность, товарищескую солидарность в групповых уличных действиях»[766]. Улица требовала от беспризорного неусыпной энергии, быстроты мышления, самостоятельности, смелости, коллективизма и целого ряда других ценных качеств[767]. Уличная жизнь создавала разнообразные и непохожие друг на друга условия, предъявляя каждый день иные картины быта, иные обстоятельства, – все это откладывало свои особенности на опыт беспризорного.

На улице у беспризорного ребенка было несколько путей для добывания пропитания: найти работу, попрошайничать или начать воровать. Как отмечал Е. Лившиц, наибольший процент работавших беспризорных и правонарушителей падал на ремесло, сельское хозяйство и домашнюю промышленность, т. е. на те отрасли труда, которые менее всего были доступны надзору фабричной инспекции[768]. Среди беспризорных детей Карелии преобладали следующие профессии: уличные торговцы, чистильщики сапог, носильщики, извозчики. К уличной торговле относились и торговля с лотков, например фруктами, и торговля в ларьках, на рынках, возле театров (продажа цветов, программ) и пр. В целях пресечения данного вида работы среди детей местный отдел СПОН неоднократно обращался в Наркомпрос АКССР с требованием запретить частным торговцам использовать труд детей в возрасте до 16–17 лет в качестве продавцов и помощников в торговых учреждениях[769]. Интересен пример воспитанника Олонецкого детдома Саши Слепухина: до попадания в детский дом мальчик жил в семье крестьянина-бедняка, но нужда выгнала его из отцовского дома, и с самых малых лет он должен был искать средства к существованию[770]. Покинув дом отца, Саша пошел «по людям» и в поисках пропитания исколесил весь Олонецкий район: «пас лошадей, коров, возил навоз, помогал на полевых работах тем, кто был побогаче и давал скудную кормежку. Когда выгоняли, снова пускался в путь

---

[766] Залкинд А. Б. Беспризорность и детские психопатии (тезисы к докладу). С. 25.
[767] Миренова А .Н. Ассоциации и комплексы беспризорного ребенка // Речь и интеллект деревенского, городского и беспризорного ребенка. М., 1930. С. 96.
[768] Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. С. 25.
[769] ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 1. Д. 464. Л. 11об.
[770] Бывший беспризорник стал техником // Комсомолец Карелии. 1933. № 124 (223). С. 3.

по многочисленным олонецким деревням»[771]. Этот пример показателен тем, что дети чаще всего принимались за любую работу, которая могла их немного обеспечить. Так, из опросных листов Комонес 1920-х – первой половины 1930-х гг. следовало, что подростки в Карелии помогали в ведении домашнего хозяйства, работали рассыльными, пастухами, конюхами, сторожами, санитарками или уборщицами, служили в типографии, возили дрова или вещи пассажиров железнодорожного вокзала в г. Петрозаводске. Заработанные деньги они отдавали своим родителям, но некоторые тратили на покупку обуви, одежды, табака или мелкие расходы.

Показательна история несовершеннолетнего Петра Комлева, который стал круглым сиротой в 12 лет (отец погиб на войне). После смерти матери он отправился из Карелии в г. Ленинград, где был пойман милицией и препровожден в приемник[772]. Сбежав из учреждения, Петр уехал на станцию Любань, где устроился «в качестве сына у одной вдовы» и прожил у нее почти год. Отпросившись на родину в гости, получив деньги, он уехал и не вернулся. Путешествуя по Карелии, Петр жил, где придется (у соседей, на вокзале), и выполнял любую работу, которая ему подворачивалась: ловил рыбу, пас овец, служил пастырем, помогал в хозяйстве[773]. Несовершеннолетний не останавливался на одном месте, продолжал путешествовать в поисках пропитания и жилья, пока снова не был задержан милицией.

В городе беспризорные работали у вокзала, перевозя вещи на ручных тележках и санках, подвергаясь эксплуатации взрослых, которые снабжали детей орудием производства[774]. Всю выручку беспризорный обязан был отдавать «хозяину», получая за это угол и пропитание, в случае утайки выручки ребенок подвергался битью «смертным боем»[775]. Вокзальные беспризорные отличались от уличных, потому что ютившиеся на вокзалах «выделялись особой злостью, хитростью, угрюмостью и увертливостью, поскольку им постоянно приходилось

---

[771] Там же.
[772] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 149. Л. 10
[773] Там же. Л. 3.
[774] Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. С. 133.
[775] Там же.

спасаться от милиции»[776]. Условия, в которых находился беспризорный ребенок, вызывали у него постоянную настороженность и недоверие к окружающим. По характеристике психологов, беспризорный ребенок был увертлив, смел, обладал богатой деловой фантазией, любил приключения, ибо в этом и заключалась стихия его беспризорной жизни[777].

В г. Петрозаводске большинство извозчиков являлись подростками. Местное население отмечало их невоспитанность в местах стоянок в городе и на вокзале: «курят, дерутся, сквернословят, размахивают кнутами во все стороны, бьют друг у друга лошадей, толкаются по пивным и буфетам, напиваются и ездят ночью с пьяными седоками и проститутками»[778]. Именно уличные профессии способствовали появлению среди подростков преступных явлений. Как показывала статистика, на первом месте в этом отношении стояли такие занятия, как газетчик и уличный торговец в разнос, на втором месте – служба в ресторанах и других заведениях этого рода, в качестве домашней прислуги[779].

Уличная жизнь заставляла напряженно и интенсивно работать ум беспризорного ребенка, двигая его на самостоятельное решение ряда трудных жизненных задач. «За неудачное решение приходилось отвечать своими боками»[780]. Л. М. Василевский считал, что если ребенку не посчастливилось найти работу, то для него оставалось только два пути: «либо нищенство, либо воровство, вообще преступления (для девочки – проституция)»[781].

Нищенство являлось одним из способов добывания средств на пропитание. Если беспризорные дети имели «хозяина», который давал им угол и еду, им приходилось ежедневно добывать нищенством определенную сумму. Не выручив этой суммы, беспризорный не смел вернуться домой[782]. Страх возвращения с пустыми руками часто заставлял беспризорного пойти на кражу, поэтому от нищенства до кражи или пособничества в краже был всего лишь один шаг.

---

[776] Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. С. 76.
[777] Залкинд А. Б. Психопаты ли беспризорные // Вестник просвещения. 1924. № 9. С. 136.
[778] О малолетних извозчиках. Ничему хорошему не научатся // Красная Карелия. 1924. № 31. С. 3.
[779] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 42.
[780] Кайданова О. Беспризорные дети. Л., 1928. С. 20.
[781] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 14.
[782] Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. С. 133.

Иногда в целях получения милостыни дети не сидели на улице, а ходили по домам, об одном из таких случаев говорилось в заметке местной газеты: «до сих пор Петрозаводск не может лишиться одной прелести – попрошайничества. Дети шатаются по домам и просят милостыню»[783]. Нищенством ребята занимались лишь до определенного возраста, потому что детям старшего возраста уже не подавали, в связи с этим за периодом нищенства почти неизбежно наступал период воровства. Среди уличных занятий детей сравнительно легкую форму нищенства представляло собирание подаяния в качестве подсобного промысла. Иногда ребенок продолжал жить со своими родителями и занимался нищенством в дополнение к своим обычным школьным занятиям. Считалось, что в этом случае оно имело в своей основе лень, распущенность или желание добывать деньги на сладости, а нередко и прямой приказ или требование старших[784]. Дети проявляли хитрость при сборе денежных средств. Так, один несовершеннолетний притворился немым, благодаря чему собрал порядочную сумму денег[785].

Смерть родителей Ю. Анненкова, одного из «кулацких» детей, проживавшего вместе с родителями на спецпоселении в Белбалткомбинате, заставила его вместе с братьями и сестрами самостоятельно искать себе пропитание. По воспоминаниям, они «даже зимой, чтобы не умереть, добывали из-под снега кислую клюкву», а с ранней весны залезали «в ледяную воду ручья и сноровисто хватали рыбу»[786]. Если «удавалось эту рыбешку поймать, то тут же, не выходя из ручья, съедали ее заживо без соли» [787]. Дети собирали на помойках очистки от картофеля, рыбьи головы и т. д.

Значительная часть беспризорных вынуждена была идти на преступление. Ютясь по вокзалам, ночуя в пустых вагонах, беспризорные отправлялись утром на «работу», например воровать. Дети бродили «кучками по базарам, стараясь

---

[783] Вниманию отдела социального обеспечения // Коммуна. 1921. №78. С. 2.
[784] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 25.
[785] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 149. Л. 10.
[786] ГУЛАГ в Карелии. С. 198.
[787] Там же.

что-нибудь украсть», пели «у трамваев свои песни, собирая милостыню»[788]. Все преступления несовершеннолетних в Карелии в 1920-х – первой половины 1930-х гг., как и в целом по стране, можно сгруппировать в соответствии с юридическими нормами тех лет по следующим видам: имущественные преступления, преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, государственные и хозяйственные преступления[789]. Имущественные преступления (такие как кражи и соучастие в них) были лидирующими в общем кругу правонарушений несовершеннолетних. Как видно из таблицы «Сведения о количестве несовершеннолетних, осужденных за различные преступления, в Карелии с 1924 по 1928 гг.» (таблица № 14), преступления «против порядка управления» (в основном хулиганство) и имущественные преступления (главным образом воровство) являлись самыми характерными для детей. Немало беспризорных детей попадало под влияние взрослых правонарушителей[790]. Колоссальное значение в деле превращения девочки в проститутку имела жилищная нужда, скученность, в которой жила беднота больших городов[791]. В 1923 г. в местной газете была помещена заметка, в которой говорилось о беспризорных детях, а именно девочках 8–12 лет и старше, которые продавали себя на улице прохожим, чтобы «на добытые позором своего детского тела деньги получить жалкое питание на один день»[792]. Таким образом, круг занятий беспризорных детей был очерчен такими направлениями, как нищенство, преступность и трудовая деятельность. Выбор одного из путей во многом зависел от среды, в которой оказывался ребенок на улице.

Следующим критерием анализа источников является выделение характеристик беспризорных детей, которые играют весомую роль в воссоздании социального портрета ребенка. К данному выстраиванию облика относятся внешний вид, половозрастные характеристики, состояние здоровья, уровень

---

[788] Глатман Л. Г. Пионер – на борьбу с беспризорностью. М., 1926. С. 8.
[789] Данная классификация составлена с учетом разделов Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., а также в соответствии с группами преступлений, которые выделяли исследователи в 1920-х гг.
[790] Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. С. 81.
[791] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 71.
[792] Смоликова. Социальные болезни и беспризорные дети // Карельская коммуна. 1923. № 82. С. 3.

грамотности. Описание социально неблагополучного ребенка начинается с выделения особенностей внешнего вида, например характеристики одежды. Е. Лившиц изображал следующую картину: «Когда говорят беспризорный, перед вами вырисовывается оборванный, босоногий ребенок, ютящийся около асфальтового чана»[793]. «Бледное, изможденное личико», «синие круги под глазами и нередко окурок, спрятанный в рукав»[794] – такое описание беспризорного давалось в заметке местной газеты в Карелии. В произведении С. Лопатина дается следующее изображение: «Из-под огромного асфальтового чана выползало один за другим несколько кусков лохмотьев: это уличные бродяжки – грязные, закоптелые; лица измазаны сажей, на тряпье сажа висит кусками; ободранные пальтишки»[795]. В опросных листах местных комиссий по делам несовершеннолетних в Карелии встречались следующие описания внешнего вида: «рваное пальто, солдатская серая шапка, рваные отцовские сапоги»[796], «поношенный пиджак, такие же штаны, старая ситцевая рубашка, поношенные сапоги»[797]. Чаще всего обследователи Комонес отмечали наличие поношенной одежды, нередко рваной и старой. Дети не просто носили рваную одежду, но иногда и вовсе ходили босиком.

Половозрастная характеристика нуждающегося ребенка не имела четкой границы, однако исследователи отмечали примерное соотношение беспризорных, малолетних правонарушителей среди детей дошкольного и школьного возраста, среди мальчиков и девочек. Преобладающее место в общей картине данной категории детей занимали подростки мужского пола, оказавшиеся на улице или на пути преступления в связи со способностью самостоятельно добывать себе на пропитание и находить жилье. Оказаться на улице в силу различных причин могли дети дошкольного и школьного возраста вне зависимости от пола. В Карелии, как и в целом по стране, чаще всего это были мальчики школьного возраста; например, на протяжении 1920-х гг. малолетними преступниками,

---

[793] Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. С. 3.
[794] С беспризорностью покончить навсегда // Красная Карелия. 1925. № 8. С. 2.
[795] Лопатина С. Как Степка беспризорный стал пионером. С. 3.
[796] НА РК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 187. Л. 12.
[797] Там же. Д. 112. Л. 7.

проходившими через рассмотрение Комонес в г. Петрозаводске, были дети в возрасте от 8 до 17 лет. Анализ гендерного состава несовершеннолетних правонарушителей показывал, что подавляющую часть прошедших через комиссии за 1920–1929 гг. составляли мальчики. Так, за 1920 г. через Олонецкую губернскую комиссию прошло 84 дела о 155 несовершеннолетних, из них 120 мальчиков, 35 девочек. За 1921 г. через Комиссию прошло 283 несовершеннолетних, из них 222 мальчика и 61 девочка. Количество правонарушений, совершенных девочками, составляло примерно четверть на протяжении всего десятилетия, существенных статистических скачков в этом отношении не наблюдалось. Это подтверждалось данными Л. М. Василевского, который отмечал, что у девочек часто не хватало необходимых для преступного акта свойств – активности и самообладания, энергии и инициативы, изобретательности и даже просто воображения[798]. Гендерное соотношение подтверждали и отчеты детских учреждений, принимавших нуждающихся детей. Так, в 1924 г. через приемно-распределительный пункт в Карелии прошло 180 человек, из них 153 мальчика и 27 девочек[799]. Ситуация изменилась в первой половине 1930-х гг., когда соотношение нуждавшихся детей обоего пола стало уравниваться, и по состоянию на 1 января 1936 г. в детских домах находилось 992 воспитанника, из них мальчиков – 551, девочек – 441[800]. Таблица «Количество воспитанников в детских учреждениях интернатного типа в Карелии по состоянию на 1935 г.»[801] (таблица № 24) дает возможность не только увидеть общее количество детей, но и соотношение лиц мужского и женского пола, а также детские учреждения, не принимавшие девочек по внутреннему распорядку. Количество правонарушений, совершенных девочками, в первой половине 1930-х гг. не выросло; например, в г. Петрозаводске за 1935 г. через Комонес прошло 62 правонарушителя, из них только 7 девочек[802].

---

[798] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 21.
[799] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.
[800] Там же. Д. 682. Л. 27.
[801] Таблица составлена на основе сведений, полученных в результате анализа годовых отчетов детских домов за 1935 г. // НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1 Д. 682. Л. 1–21.
[802] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 1. Л. 9об.

Документы местных комиссий позволили выявить характерные преступления для различных возрастных групп детей. Например, за поджоги привлекались дети в возрасте 8–11 лет, но среди задержанных были и поджигатели 4–6 лет. Так, в Карелии в 1921 г. комиссия прекратила дело по обвинению 4-летнего ребенка в поджоге «ввиду его несознательности»[803]. В. И. Куфаев, исследуя возрастной состав беспризорных детей и детей-правонарушителей, отмечал, что между отдельными возрастными периодами у этих двух категорий детей существовала известного рода преемственность: наивысшее число беспризорных детей можно было наблюдать в возрасте от 10 до 14 лет; в следующем возрастном периоде, от 14 до 16 лет, беспризорность среди них шла на убыль[804]. При развитии правонарушений, наоборот, наибольшей высоты достигали несовершеннолетние от 14 до 18 лет[805]. Как видим, беспризорность была интенсивнее развита среди подростков в возрасте до 14 лет, а детские правонарушения – в возрасте от 14 лет и старше. Это соответствовало и психофизиологическим особенностям развития, и социальному положению несовершеннолетнего, поскольку ребенок в возрасте до 14 лет не всегда обладал достаточной физической силой, опытом и умением совершить правонарушение. Развиваясь же физически, беспризорный, находясь в дурной социальной обстановке, не довольствовался ожиданием чей-либо помощи и становился активным правонарушителем.

Политик М. С. Богуславский распределял беспризорных детей второй половины 1920-х гг. следующим образом: в возрасте от 3 до 7 лет – 15 %, от 8 до 13 лет – 57 %, от 14 до 16 лет – 21 % и свыше 16 лет – 7 %[806]. Основной возраст беспризорности детей приходился на возраст 8–16 лет, причем, как отмечал М. С. Богуславский, особое место занимали подростки, поскольку беспризорных в возрасте старше 13 лет насчитывалось почти 30 %[807]. Таким образом, основной

---

[803] Там же. Ф. Р-836. Оп. 1. Д. 36. Л. 6об.
[804] Куфаев В. И. Детская беспризорность. С. 125.
[805] Там же. С. 126.
[806] Богуславский М. С. Дети улицы. С. 18.
[807] Там же.

пласт беспризорников и правонарушителей состоял из детей мужского пола, стремившихся активно социализироваться под влиянием жизни на улице.

Состояние здоровья детей, в силу мест их обитания, нередко было критическим. Условия жизни беспризорного ребенка были настолько тягостны, что крайне негативно сказывались на его психике, здоровье и образе жизни. «Голод, холод, побои старших, вечная боязнь за сохранность своего маленького существования» создавали в теле ребенка слабость и восприимчивость ко всякой заразе[808]. О состоянии здоровья нуждающегося ребенка позволяют судить различные факторы: наличие медицинских заболеваний и вредных привычек, среда обитания, виды занятий и др.

Прежде всего, именно постоянное пребывание на улице представляло серьезную опасность здоровью ребенка. Дополнялась данная угроза уличным трудом, который оказывал всестороннее влияние на телесный, умственный и нравственный облик несовершеннолетнего. Любая работа изматывала неприспособленный детский организм, ускоряя появление различных заболеваний. Уличная торговля, как и грузоперевозки, подтачивали физические силы подростка. Стояние в течение ряда часов на ногах или, напротив, большая беготня и ходьба оказывали вредное влияние на кровообращение в нижних конечностях, а иногда приводили «к образованию плоской стопы, расширению вен на голени с последующим образованием язв»[809]. Отсутствие постоянного полноценного питания еще сильнее усугубляло состояние здоровья детей.

Другими факторами, ухудшавшими телесное здоровье ребенка и в целом его благополучие, являлись: «нерегулярный образ жизни», отказ от правильного режима дня, «склонность к курению, раннее начало половой жизни с его постоянным спутником в виде угрозы заражения венерической болезнью»[810]. Особое место занимали вредные привычки в виде курения табака и распития алкоголя, обычно появлявшиеся у детей сразу с началом беспризорной и преступной жизни. В 1920 г. треть правонарушителей Карелии отметили, что

---

[808] Смоликова. Социальные болезни и беспризорные дети // Карельская коммуна. 1923. № 82. С. 2.
[809] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 46.
[810] Там же.

курят, эта цифра увеличивалась и к 1925 г. составляла около 50 %[811]. Распитие алкогольных напитков происходило, со слов правонарушителей, только в отдельных случаях: либо в праздник, либо при угощении отцом или братом. Разрушительное влияние пьянства родителей на моральную обстановку, в которой жили дети, не удивляло исследователей 1920-х гг.: «пьянство так глубоко деморализует главу семьи и так сильно при том расшатывает нормальный семейный уклад и достаток семьи, что это сразу тягчайшим образом отзывается на ребенке»[812]. Пьянство родителей толкало ребенка на улицу и сказывалось на скором появлении этой вредной привычки у детей. Как отмечала исследовательница М. И. Левитина, алкоголизм родителей передавался детям не по наследству, а скорее, по тем привычкам, к которым его приучали с детства[813]. Родители часто прививали ребенку алкоголизм в силу собственных предрассудков. Будучи уверены, что «пиво – питательный напиток», «водка согревает и придает силы», «без выпивки при тяжелой работе нельзя», они с малолетства приучали ребенка к выпивке[814]. Родители могли дать детям спиртные напитки с «воспитательной» целью (чтобы приучить, «закалить» и т. п.) или чаще бессознательно, просто для забавы[815]. Психолог А. Б. Залкинд считал, что наркотики, алкоголь и азарт развивались у беспризорных детей как привычка к искусственным возбуждениям[816]. Врачи Отдела социальных болезней отмечали, что в первой половине 1920-х гг. наиболее угрожающей здоровью детей в г. Москве являлась наркомания, распространенная как среди беспризорных, так и правонарушителей[817]. Это же обследование показало: «с 6–7-летнего возраста они [беспризорные и правонарушители] курили по 25–30 папирос в день, пили, правда, эпизодически, по 1–2 бутылки самогонки, кокаин нюхали все поголовно большими дозами»[818]. Местный отдел СПОН старался решить проблему

[811] Данные представлены на основе анализа дел следующих фондов НА РК: Ф. Р-2, Ф. Р-282, Ф. Р-630, Ф. Р-788, Ф. Р-836.
[812] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 28.
[813] Левитина М. И. (Маро). Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. С. 96.
[814] Беркова А. Дети и алкоголь // Женский журнал. 1929. № 4. С. 14.
[815] Там же.
[816] Залкинд А. Б. Беспризорность и детские психопатии (тезисы к докладу). С. 25.
[817] Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. С. 131.
[818] Там же. С. 133.

алкогольной и табачной зависимости на законодательном уровне и в 1924 г. выступал с требованием издать закон, запрещавший торговым учреждениям продавать несовершеннолетним табак и крепкие напитки[819]. Антиалкогольное просвещение должно было стать в центре предупредительных мер против распространения алкоголизма в детской среде. Считалось, что антиалкогольной пропаганде среди детей необходимо было уделять не меньше внимания, чем политпросвещению и антирелигиозному воспитанию[820].

Педагоги, общественные деятели 1920-х гг. были озабочены не только физическим состоянием детей, но и моральным. В связи с этим отдельно стоял вопрос о влиянии киносеансов на состояние нравственности детей. Вопрос об ограничении детям доступа в кинозалы поднимался еще в дореволюционной России, но в 1920-е гг. ситуация значительно обострилась[821]. По частоте посещения кино на первом месте стояли беспризорные дети, ставшие завсегдатаями кинозалов[822]. Для детей из детдомов выделялись билеты на бесплатные сеансы. По сведениям опросных листов Комонес, около половины малолетних правонарушителей любили посещать киносеансы, другие совсем не ходили в кино[823]. Это было связано или с отсутствием денег, или с отсутствием в некоторых местностях соответствующих заведений. Власти также были обеспокоены вредным влиянием отдельных фильмов на состояние детей, поэтому принимались меры для того, чтобы их обезопасить. Так, 19 октября 1920 г. вопрос о посещении детьми кинематографа обсуждался на заседании Комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей. Было решено не допускать детей на фильмы, программы сеансов которых не имели для них воспитательного значения[824]. На практике эта задача решалась с большим трудом, поскольку притягательная сила кино для детей была велика.

---

[819] ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 1. Д. 464. Л. 11об.
[820] Беркова К. Дети и алкоголь. С. 14.
[821] Жданкова Е. А. Некоторые аспекты зарождения детского кинематографа в СССР в период нэпа // Труды института Российской истории РАН. 2014. № 13. С. 236.
[822] Там же. С. 241.
[823] Данные представлены на основе анализа дел следующих фондов НА РК: Ф. Р-2, Ф. Р-282, Ф. Р-630, Ф. Р-788, Ф. Р-836.
[824] НА РК. Ф. Р-282. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

Нездоровые санитарно-гигиенические и жилищные условия жизни, плохое питание способствовали быстрому распространению среди детей болезней. Самыми распространенными болезнями среди беспризорных являлись «чесотка, трахома, фурункулы, тиф»[825]. В опросных листах Комонес содержались скудные сведения о состоянии здоровья малолетних правонарушителей, в основном обследователи отмечали, что физическое и психическое состояние ребенка удовлетворительно или правонарушитель здоров[826]. В отдельных случаях выявлялись такие болезни, как малокровие и истощение. Отсутствие нормальных условий жизни накладывало отпечаток на здоровье детей, которые, не получая полноценного питания, находясь постоянно на улице и в дождь, и в мороз без соответствующей одежды, подвергались различным рискам.

Одной из составляющих социального портрета ребенка является уровень образования. Правовед П. И. Люблинский считал, что в смысле социального показателя воспитания или образования для ребенка признак «грамотности» или «неграмотности» являлся весьма малоудачным, так как приобретенная грамотность сама по себе еще нисколько не характеризовала полученного воспитания, а в образовательном смысле являлась таким минимумом, который не мог дать правильной характеристики[827]. Однако обращаясь к анализу беспризорных и малолетних правонарушителей, некоторые исследователи отмечали важность влияния образования, в частности грамотности, на их образ жизни и совершенное преступление. Считалось, что ребенок, посещавший школу, не был «сам по себе», а уровень образования имел значение в происхождении преступности[828]. Так в 1920 г. треть задержанных несовершеннолетних в Карелии была неграмотна; в 1925 г. было зафиксировано около половины неграмотных правонарушителей[829]. По ответам в опросных листах были видны причины, по которым дети бросали учебные заведения: одни приостанавливали занятия

---

[825] Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. С. 131.
[826] Данные представлены на основе анализа дел следующих фондов НА РК: Ф. Р-2, Ф. Р-282, Ф. Р-630, Ф. Р-788, Ф. Р-836.
[827] Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. С. 62.
[828] Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. С. 35.
[829] Данные представлены на основе анализа дел следующих фондов НА РК: Ф. Р-2, Ф. Р-282, Ф. Р-630, Ф. Р-788, Ф. Р-836.

по болезни, другие – «по собственному легкомыслию и лени», третьи – ввиду бедности и отсутствия одежды, четвертые – по болезни или смерти родителей, в результате чего им приходилось помогать в домашнем хозяйстве или идти на заработки[830]. Высокий процент ухода из школы связан с тем, что дети понимали необходимость своей помощи семье. Единичный случай ухода в 1922 г. был вызван, по словам ребенка, тем, что в школе плохо учили.

Одним из способов улучшения жизни нуждающегося ребенка являлось помещение его в детский дом. Некоторые подростки, ощутившие «прелести» самостоятельной жизни без регламентации и принуждения, не хотели попадать в детский дом[831]. Их не устраивала скудная пища и одежда детдома, являвшиеся недостаточной компенсацией за подавление личной воли и инициативы. Вся обстановка в детском учреждении, контрастировавшаяся с жизнью на улице, не удовлетворяла предъявляемым запросам детей. Дети не стремились менять свой образ жизни и лишать себя свободы, с этим связаны их частые побеги из детдомов. Так, в 1927 г. в отдел СПОН при Наркомпросе АКССР поступило письмо с прошением выяснить местопребывание несовершеннолетнего Петра Комлева, который сбежал из детского дома и унес с собой одежду, принадлежавшую другим воспитанникам[832]. По данным характеристики из детдома, малолетний являлся «упорным бегуном, занимался бродяжничеством, кражами, являлся под разными фамилиями, ловко симулировал»[833] и пр. Данное описание подтверждало умение беспризорных детей приспосабливаться к окружающей среде для выживания на улице.

Оказавшись в детском доме, на первых порах дети видели в каждом взрослом «своего врага, гонителя, стремящегося отнять у них все самое ценное и покарать»[834]. Именно с таким «исходным материалом» педагогам приходилось работать в детских учреждениях страны. Лишь постепенно у ребенка появлялось доверие к воспитателю, и когда воспитанник понимал, что ему действительно

---

[830] Там же.
[831] Левитина М. И. (Маро). Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. С. 261.
[832] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 149. Л. 3.
[833] Там же.
[834] Кайданова О. Беспризорные дети. С. 20.

желали добра, в нем происходил поворот: «он становился мягче, ровнее, идя навстречу ласке, любви»[835]. На практике педагогам приходилось встречаться с самыми разнообразными случаями; например, ребенок, живущий в обеспеченной семье, в воспитательном отношении представлялся беспризорным, а впоследствии правонарушителем. И наоборот, случаи, когда ребенок очень рано оставался без родителей, нес материальную нужду, однако в будущем из него выходила устойчивая и полезная социальная личность[836].

Реализация государственной политики по воспитательной, медико-санитарной и просветительской работе с детьми-сиротами и беспризорными в данных учреждениях происходила по принципу воспитания «нового человека». Под понятием «новый человек» подразумевали «борца за укрепление завоеваний пролетариата, строителя социалистического общества»[837]. А. В. Луначарский в лекции «Воспитание нового человека» в 1928 г. отмечал, что для того, чтобы сыновья нынешних рабочих смогли в будущем руководить страной, им необходимо было обладать широким политическим образованием, высоким уровнем общего и специального образования. Именно поэтому важнейшей задачей для руководителя системы просвещения представлялся «вопрос о выработке нового человека – нового, ибо воспитание для нас означает воспитание именно нового человека, поскольку старый человек, воспитавшийся в хаотическом и акультурном капиталистическом обществе, является неудовлетворительным»[838].

Представленные в художественных произведениях образы нуждающихся детей соответствуют основным параметрам, отраженным в официальных документах. Писатели, осмысливая реальность своего времени, показывают героев, испытывающих различные трудности. Это демонстрирует существовавший определенный уровень типизации судеб и социальных портретов

---

[835] Там же.
[836] Соколов М. Дошкольник детского дома по данным педологического обследования // Вестник просвещения. 1928. № 5–6. С. 117.
[837] Угарова Е. Новые пути борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью (О внешкольной работе) // Детский дом. 1928. № 3. С. 9.
[838] Луначарский А. В. Воспитание нового человека. С. 15.

в исследуемый период и подчеркивает важную роль художественной литературы как источника для исследования отношения к проблеме беспризорности в обществе. Анализ широкого круга источников позволил в некоторой степени реконструировать обобщенный социокультурный портрет социально неблагополучного ребенка не только в Карелии, но и в целом в стране. Данный облик является «исходным материалом», из которого педагогам и воспитателям детских домов предстояло создать «нового человека». Обобщенный социальный типаж нуждающегося ребенка включал не только портрет сироты (круглого сироты, полусироты), но и беспризорного, а иногда и безнадзорного ребенка, оказавшегося наедине с такими жизненными трудностями, как поиск питания, жилья и одежды. Чаще всего такими типажами становились лица мужского пола школьного возраста, бросившие учебу для поиска пропитания или поддержки семьи. Нуждающемуся ребенку приходилось самостоятельно решать, какой путь он выберет для удовлетворения своих физиологических потребностей: попрошайничество, воровство или трудовую деятельность. Стоит заметить, что ребенок, начиная, например, с попрошайничества, спокойно мог перейти в преступный мир, в который его чаще всего привлекали старшие товарищи или взрослые. Состояние таких составляющих, как здоровье, вредные привычки, образование, отношение к окружающему миру, во многом зависело от той среды, из которой ребенок попадал на улицу и в какой он оказывался уже в беспризорной жизни. Условия, в которых жил беспризорный, формировали его и создавали ряд особых навыков и привычек, которые усугубляли медицинское состояние детей (самой распространенной привычкой являлось курение). Несмотря на то что здоровье данной категории детей в Карелии было удовлетворительным, частым явлением считалось малокровие. Обращение к характеристике социально неблагополучных детей в контексте обобщенной биографии позволяет выявить базовые черты социокультурного облика ребенка, что представляется важным этапом для изучения его дальнейшей жизни в детском доме в качестве «государственного ребенка».

§ 2. Материальная база детских домов и система жизнеобеспечения детей в 1918 – первой половине 1930-х гг.

Основным методом государства в деле борьбы с беспризорностью детей являлось определение нуждающегося ребенка в детское учреждение интернатного (закрытого) типа. Образ жизни данных детей ограничивался определенными рамками и контролировался иногда довольно жестким режимом, устанавливаемым конкретным детским домом. Оказываясь в таких учреждениях социальной защиты, воспитанники были на полном обеспечении государства, которое в начале 1920-х гг. ставило себе в качестве одной из главных задач в социальной сфере заботу о ребенке. Такие базовые условия жизни, как помещение, питание, одежда, обувь, предметы личной гигиены, книги и прочее, подчинялись нормативам, устанавливаемым центральными государственными органами. Наличие или отсутствие данных условий сказывалось на общем положении ребенка в детском учреждении, например, на его состоянии здоровья, возможностях педагогов проводить воспитательную работу и др.

В начале 1920-х гг. детские учреждения интернатного типа находились в ведении четырех ведомств: Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомсобеса и НКВД. Главным в управлении детскими учреждениями в Карелии являлся Наркомпрос АКССР, в ведении которого находилось большинство детских домов, приемников-распределителей и прочих учреждений с воспитанниками старше трех лет. Так, в 1917 г. на территории Карелии действовали 7 детских домов (267 воспитанников, 20 работников), в 1925 г. – 17 (800 воспитанников, 82 работника), из них 10 школьного (8 русских и 2 карело-финских) и 7 дошкольного (6 русских и 1 карело-финский) типа; в конце 1929 г. – 25 (1266 воспитанников, 110 работников), в конце 1935 г. – 20 (1067 воспитанников, 82 работника)[839], из них 11 – школьного типа, 6 – дошкольного типа, 2 – для трудновоспитуемых, 1 – для

[839] Сведения взяты из следующих источников: Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1932–1933. С. 150; Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1933–1934. С. 215.

спецгруппы[840] (таблица № 2). Кроме детских домов, в г. Петрозаводске функционировали Приемно-распределительный пункт для детей разных категорий, а также Дом ребенка и Дом матери и ребенка, обслуживавшие детей до трехлетнего возраста[841]. Увеличение количества детских учреждений на местах по стране происходило неравномерно, однако общая статистика показывает высокий рост количества воспитанников в первые годы формирования детдомов: в 1917 г. в них находилось 25 666 детей, в 1918 г. – 75 000, 1919 г. – 125 000[842], 1921 г. – 199 704 ребенка[843]. Данный рост был обусловлен политико-экономическими причинами, способствовавшими увеличению числа беспризорных детей.

Система детских учреждений интернатного типа в Карелии состояла из дошкольных, школьных и смешанных детских домов, Приемно-распределительного пункта. Отдельно выделялись детские дома для трудновоспитуемых, переименованные в первой половине 1930-х гг. в трудовую коммуну и колонию. Дифференциация в детских учреждениях чаще всего велась по группам: нормальные дети, «дефективные», трудновоспитуемые и несовершеннолетние правонарушители. При распределении детей по детским учреждениям Карелии старались также учитывать следующие факторы: возраст, пол, национальность, состояние здоровья и др. На практике разделение учреждений по выделенным группам было осложнено отсутствием достаточного количества детдомов. Иногда в детских домах нормального типа находились дети, которым необходима была специализированная медицинская помощь. Выделение данных детей из детдомов было затруднено, прежде всего, отсутствием в Карелии детских учреждений медицинской направленности. Нередко работники органов Наркомпроса и местные власти не делали различий между детьми с отставанием в развитии, трудновоспитуемыми детьми и несовершеннолетними правонарушителями – все они, так или иначе, были отнесены к числу

---

[840] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 6.
[841] Весь Петрозаводск: Справочная книга г. Петрозаводска на 1923 г. с приложением плана города / сост. С. Шлеймович. Петрозаводск, б. г. С. 41.
[842] Детская беспризорность и детский дом. С. 183.
[843] Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие 1921–1925 гг. М., 1926. С. 24–25, 28.

«дефективных»[844]. В исследуемый период происходил постоянный пересмотр состава воспитанников детских домов, приводивший не к корректировке, а к путанице в системе детских учреждений.

При определении детей в учреждения Карелии учитывался национальный признак, в связи с чем создавались детдома для детей русских, карелов и финнов. Чаще всего для последних двух организовывались единые учреждения, дети другой национальности могли оказаться в смешанном детдоме. В общей статистике роста учреждений для беспризорных детей в Карелии на протяжении исследуемого периода заметно увеличение детских домов для карелов и финнов. Так, в 1935 г. из 20 детских домов для русских детей действовали 11 учреждений, для карелов и финнов – 5, для смешанных групп – 2[845].

Изменение количества детдомов в Карелии происходило по разным причинам, например, детские дома объединялись либо полностью закрывались, некоторые учреждения были эвакуированы в хлебородные края для улучшения питания детей. Так, в мае 1919 г. в Харьковскую губернию были эвакуированы воспитанники пяти детских приютов Карелии в количестве 252 детей и 36 человек из персонала[846]. На месте была организована Гиевская колония детей Севера, состоявшая из пяти детских приютов Олонецкой губернии[847]. В процессе эвакуации и реэвакуации учреждений произошло их сокращение. Сеть детдомов в Карелии в период военного коммунизма не была сильно развита по сравнению с другими регионами страны. В докладе Деткомиссии при КарЦИК за 1927 г. отмечалось, что появлению детских домов «мешала гражданская война (оккупация севера, белофинская авантюра)»[848]. С переходом на нэп сеть детдомов не подверглась резкому сокращению, произошло незначительное уменьшение количества учреждений и обслуживающего их персонала с сохранением мест для детей. Штатное количество мест для воспитанников было сокращено не более чем

---

[844] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 212.
[845] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 6.
[846] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 673. Л. 7.
[847] Там же.
[848] Там же. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

на 4–5 %[849]. Это позволило Наркомпросу АКССР направить все усилия на ликвидацию детской беспризорности, и с 1922 по 1923 г. количество детей в детдомах в плановом порядке стало возрастать. По состоянию на 1 октября 1926 г. сеть детских домов заметно увеличилась[850]. Штатное количество воспитанников превосходило фактическую численность детей, что позволяло детдомам иметь резервные вакантные места для новых нуждающихся детей.

Детский дом ставил перед собой задачу дать воспитанникам общее образование и практические трудовые и общественные навыки в целях подготовки их к общественно-полезной трудовой деятельности[851]. Для того чтобы реализовывать государственную политику по воспитательной, медико-санитарной и просветительской работе с воспитанниками детдомов Карелии, необходимо было создать такую материальную базу внутри детских учреждений, которая обеспечивала комфортные условия для развития личности детдомовца. Н. К. Крупская в вопросе организации детской жизни в детдомах придавала большое значение созданию условий, обеспечивавших развитие ребенка: «Первое, что для детей необходимо, это здоровая атмосфера. Надо устроить так, чтобы ребята имели достаточно свежего воздуха, движения, пищи»[852].

Функционирование детского учреждения зависело от его финансирования, осуществляемого в начале исследуемого периода государством. В условиях детдомов, для которых государственный бюджет – основной источник существования, регулярность и соответствующий объем финансирования имели основополагающее значение[853]. Государство приняло на себя обязательства по снабжению системы социального воспитания. Утверждение бюджетов детских домов происходило на основании контрольных цифр – сведений об общих объемах финансирования сферы образования и текущих материальных потребностях конкретного учреждения[854]. Разные ведомства и организации

---

[849] Там же.
[850] Там же. Л. 12об.
[851] Куфаев В. И. Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. С. 135.
[852] Васильева В. Н. К. Крупская в детском доме. К 60-ти летнему юбилею. // Детский дом. 1929. № 1. С. 6.
[853] Карасева А. А. История и функционирование детских домов. С. 224.
[854] Там же.

участвовали в разработке и утверждении необходимых средств на продовольствие, одежду, обувь, отопление и др. Наркомфин РСФСР с учетом заявок Деткомиссии при ВЦИК и рекомендаций Наркомпроса и Наркомздрава рассчитывал необходимые средства для детских учреждений, подавая все сметы на утверждение ВЦИК и СНК РСФСР[855]. Итоговая смета базировалась преимущественно на проектах Наркомфина, которые в подавляющем большинстве случаев предусматривали значительно меньшие расходы, чем заявки Деткомиссии, проекты Наркомпроса и рекомендации Наркомздрава.

Установление бюджетов детдомов определялось на основании утвержденного контингента воспитанников и так называемой «нормы стоимости» каждого из них, состоявшей из таких статей расходов, как питание, обмундирование, хозяйственные, учебные и текущие расходы[856]. В смету учреждения могли входить подробные пункты по содержанию воспитанников, например, количество необходимого мыла на мытье и стирку в месяц на человека, медикаментов, керосина, фуража для скота[857] и др. «Непредвиденные расходы, проезды, доставка продуктов, праздники» – такие статьи расходов встретились в смете на содержание домов ребенка для бесприютных детей на 1920 г. по Петрозаводскому уезду[858] (таблица № 7).

Важным препятствием к налаживанию системы финансирования детских учреждений являлось отсутствие контроля за количеством воспитанников в детдомах. Поданные контрольные цифры ни на одном из уровней не проверялись, в результате чего утвержденные бюджеты зачастую не соответствовали фактическому количеству воспитанников, и последние были вынуждены делить свой скромный продовольственный паек с товарищами[859]. Как отмечает исследовательница Т. М. Смирнова, главная причина недостаточного снабжения детских учреждений заключалась не в расчетливости или скупости руководства

[855] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 214.
[856] Карасева А. А. История и функционирование детских домов. С. 224.
[857] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 13. Д. 80. Л. 3
[858] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 672. Л. 3.
[859] Карасева А. А. История и функционирование детских домов. С. 228.

Наркомфина, а в том, что эти урезанные, весьма скудные сметы, утвержденные центром, существовали лишь на бумаге[860].

В докладе особоуполномоченного Олонецкого Губисполкома от 24 апреля 1922 г. говорилось, что с установлением «жесткого, твердого бюджета» пришлось сократить объемы обеспечения детских учреждений, потому что в условиях «полуголодной губернии» произвести быстрое извлечение местных средств не удавалось[861]. К середине 1920-х гг. финансирование детдомов было переведено на неокрепшие районные бюджеты, что привело к резкому сокращению сети учреждений. Переход на местные средства особенно резко отразился на детдомах, в виду сокращения ассигнований был закрыт дом грудного ребенка в г. Кеми[862].

При решающей роли местных бюджетов софинансированием детских учреждений занимались Деткомиссия при КарЦИК, шефствующие над детдомами предприятия, ячейки общества «Друг детей» и др. Руководство детдомов было вынуждено обращаться к различным общественным организациям, дирекциям заводов и фабрик, чтобы добиться выделения средств для нужд учреждений[863]. В среднем каждое учреждение до четверти своего бюджета покрывало за счет привлеченных средств[864]. Деткомиссия при КарЦИК оказывала постоянную целевую помощь детским домам, извлекая средства не только из существовавшей сети собственных предприятий, но и привлекая другие ресурсы. В 1924 г. на заседании Деткомиссии при КарЦИК поднимался вопрос о введении по примеру Ленинградского Губисполками налога на вечернюю торговлю пивных, ресторанов, магазинов и прочих предприятий в пользу беспризорных детей в размере 2 %[865]. Позже была утверждена только надбавка в размере двух копеек на каждую бутылку пива, продаваемую на территории АКССР[866]. В Карелии данная инициатива не была поддержана, предоставление монопольного права

---

[860] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 215.
[861] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 834. Л. 20.
[862] Статистический ежегодник Карелии. 1922. Вып. II, ч. 1. С. 125.
[863] Карасева А. А. История и функционирование детских домов. С. 233.
[864] Савельев А., Гунин Д. Еще и еще раз о детском доме (печатается в дискуссионном порядке) // Сборник по вопросам охраны детства. 1934. № 6–7. С. 15.
[865] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
[866] Там же. Л. 9.

посчитали нецелесообразным[867]. Для изыскания дополнительных средств для оказания помощи нуждающимся детям Деткомиссия при КарЦИК использовала распространение марок, значков; принимала пожертвования, отчисления от штрафов; устраивала вечера, лотереи, кампании; распространяла карточки «Друзья детей», портреты вождей; занималась продажей товаров в своих киосках и буфете в театре «Триумф»[868]. Прибыль трех киосков не была высокой, покупка товаров производилась в кооперативах с 10 % скидкой, продавцы получали 6 % с проданного рубля[869]. Еще одним направлением по изысканию средств являлась торгово-производственная деятельность комиссии с привлечением воспитанников детдомов. Например, на заседаниях Деткомиссии при КарЦИК обсуждалось открытие торговли трикотажными изделиями и детской обувью, изготовляемыми в Космозерском и Повенецком детских домах[870], создание утилизационного предприятия[871], организация пакетной мастерской с вовлечением на эту работу «переростков из детдомов и безнадзорных ребят»[872].

В отчетах Наркомпроса АКССР содержались сметы детских учреждений по определенным годам. За 1928–1929 г. в отчете о состоянии детских домов приводились сметы по различным учреждениям (таблица № 20), в наименовании расходов которых находились следующие пункты: зарплата, административно-хозяйственные, операционные расходы, приобретение инвентаря, капитальный ремонт[873]. В данной смете приводятся сведения о «стоимости одного воспитанника» в каждом учреждении. Из таблицы видно, что диапазон «стоимости» колеблется от 289 до 491 рубля на одного ребенка, крайние цифры установлены для двух учреждений, находившихся в одном районе Карелии. В 1928–1929 г. в среднем содержание ребенка в детском доме АКССР обходилось

[867] Там же. Л. 13.
[868] Там же. Д. 4а. Л. 1.
[869] Там же. Л. 2.
[870] Там же. Д. 9. Л. 10.
[871] Там же. Д. 12. Л. 4.
[872] Там же.
[873] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 431. Л. 169.

394 рубля 60 копеек в год[874]. Затраты на содержание одного воспитанника варьировались в зависимости от типа детских учреждений.

«Недофинансирование» детских учреждений, прежде всего детдомов, становится в 1920–1930-е гг. обычным явлением[875], поступающие в РОНО (районный отдел народного образования) средства для детских домов, перераспределялись в соответствии с существующими приоритетами, зачастую в ущерб интересов детучреждений[876]. Финансирование детдомов в Карелии в 1933 г. было выполнено по смете, но по пониженным нормам, уменьшены были расходы на питание и обмундирование детей[877]. Повсеместно наблюдались случаи задержки выдачи денежных средств, что лишало детские учреждения возможности покупать продукты. В первом школьном детдоме в г. Петрозаводске за 1933 г. было недополучено 4882 рубля, половина данных средств приходилась на статью расходов «обмундирование воспитанников»[878]. Постановлением секретариата ЦИК АКССР от 9 февраля 1934 г. был озвучен запрет на снижение установленных правительством РСФСР норм финансирования детдомов[879]. Во многом положение воспитанников детдомов зависело от добросовестности, инициативности и порядочности персонала детских учреждений и руководства местных властей[880]. Халатность, взяточничество, а зачастую и обычное воровство на местах являлись причиной того, что выделяемые суммы не доходили до детских домов в полном объеме[881].

14 июня 1935 г. СНК РСФСР принял Постановление, по которому финансирование всех детских учреждений, находящихся в ведение ОНО с 1 июля переходило на республиканский, краевой/областной бюджеты и бюджеты крупнейших городов[882]. В Постановлении оговаривалось строгое соблюдение норм финансирования, заниженные нормы индексировались, а завышенные

---

[874] Справочная книжка автономной Карельской социалистической Советской республики. С. 125.
[875] ГА ФР. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 1708. Л. 13–20.
[876] Карасева А. А. История и функционирование детских домов. С. 229.
[877] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 1.
[878] Там же. Л. 31.
[879] Там же. Л. 4.
[880] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 223.
[881] Карасева А. А. История и функционирование детских домов. С. 230.
[882] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 932. Л. 9

сохранялись без изменения. Как отмечает исследовательница А. А. Карасева, проблема сформировавшейся системы финансирования детдомов была обусловлена мобилизационным характером советской экономики: перевод расходов на региональные бюджеты был связан с необходимостью вливаний в развитие отечественной промышленности[883]. Дополнительные ассигнования из центра, средства общественных организаций и предприятий помогали уменьшить существующий местный дефицит бюджета. Однако чаще всего руководителям детских учреждений приходилось проявлять настойчивость и самостоятельность в решении финансовых вопросов через постоянные запросы, отправляемые в Наркомпрос АКССР и Деткомиссию при КарЦИК, и через обращения в местные общественные организации или шефствующие предприятия для привлечения средств на нужды воспитанников детдомов.

Материальная база детских домов Карелии

Детские дома Карелии на протяжении 1918 – первой половины 1930-х гг. находились в неравном материальном положении, что зависело, прежде всего, от поддержки, оказываемой Деткомиссией при КарЦИК и местными организациями, от собственных денежных средств, получаемых во время кампаний по борьбе с детской беспризорностью, от наличия и эффективности подсобного хозяйства учреждения и др. Детские дома возникли в период громадной хозяйственной разрухи, когда вопросы питания, одежды и прочего стояли чрезвычайно остро[884]. Периодически проводимые обследования детских домов обрисовывали картину жизни этих учреждений, которая сильно отличалась от теоретических требований и инструкций. Обратимся к характеристике материальных условий детских домов Карелии через анализ состояния зданий, помещений, наличия отопления, мебели и др.

Многолюдные приюты дореформенного периода считались нежелательными, так как имели «казарменный характер»[885]. Их было решено заменить новыми

---

[883] Карасева А. А. История и функционирование детских домов. С. 233.
[884] Крупская Н. Беспризорный детский дом (Материал к докладу Н. К. Крупской на Всероссийской конференции работников охраны детства в мае 1930 г.) // Детский дом. 1930. № 4. С. 10.
[885] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 52. Л. 19.

детскими домами с лучшими условиями для «нормального и здорового развития как в физическом, так и в духовном отношении»[886]. Н. К. Крупская отмечала, что детдома не должны были быть очень велики, так как большие дома затрудняли участие детей в жизни населения, общение с другими детьми, родителями[887]. Строительство детских домов, обслуживающих фактически беспризорное детство, было все эти годы стихийным, хаотичным[888]. По общим правилам организации детский дом должен был вмещать максимум 35–50 человек, находиться за городом, «в помещении усадьбы, как ради физического здоровья детей, так и для возможности заниматься сельским хозяйством»[889]. На учреждение полагалось не менее двух воспитательниц и трех лиц физического труда: дворник, кухарка, прачка. В 1922 г. в устав детского дома для детей школьного возраста были внесены дополнения. Нормальным количеством детей в детдоме считалось 40–50 человек в зависимости от помещения. Здание для детского дома должно было соответствовать следующим характеристикам: светлое, сухое, чистое и удобное[890]. В нём организовывались спальни по расчету на всех детей, столовая, комната для занятий по числу рабочих групп, изолятор для больных, отдельные комнаты для занятий по количеству воспитанников[891]. Для спален необходимо было помещение с кубатурой воздуха из расчета 1–2 куба на ребенка. Кроме обозначенных помещений при доме должны были быть кухня, прачечная, баня, сарай, погреб, желательно помещение для мастерской. При каждом детдоме должен был быть клуб с библиотекой и читальней, а за детьми устанавливался периодический врачебный осмотр и психическое обследование.

Данные инструкции, правила и уставы по организации и деятельности детдомов не всегда соответствовали действительности на местах. Некоторые здания детских домов и школ в Карелии были заняты в начале 1920-х гг.

---

[886] Калинина А. Д. Десять лет. С. 26.
[887] Крупская Н. Беспризорный детский дом. С. 11.
[888] Васильев В. Итоги второго Всероссийского съезда социально-правовой охраны несовершеннолетних // Народное просвещение. 1 января 1925. С. 81.
[889] Общие правила организации детских домов (распоряжение по НКСО губернским отделам социального обеспечения) // «Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политика в Енисейской губернии в 1920-е гг. С. 83.
[890] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 470. Л. 50.
[891] Там же. Д. 1142. Л. 2.

воинскими частями или ведомственными учреждениями, из-за чего ощущался острый недостаток помещений[892]. Жилищный кризис был распространен на всей территории Карелии, более 97 % жилых домов в г. Петрозаводске составляли старые 1–2-квартирные деревянные постройки[893]. В отчете Областных учреждений КТК на 1 октября 1921 г. отмечалось, что «города Карелии чрезвычайно переуплотнены»[894], многие жители г. Петрозаводска не были выселены и продолжали жить в подвальных помещениях и мансардах, где кубатура воздуха составляла пятую часть от необходимого количества. В условиях острого жилищного кризиса и экономической разрухи отсутствие необходимых помещений для детских учреждений стало одной из проблем, вставших перед Наркомпросом АКССР и Деткомиссией при КарЦИК.

В 1920 г. в отчетах о детдомах отмечалось, что созданные в спешном порядке учреждения не были полностью оборудованы: «в глаза бросался большой недостаток специальной детской мебели, почти полное отсутствие посуды, многих необходимых хозяйственных предметов, наглядных пособий»[895]. Иногда приходилось не просто занимать для детей здания, а завоевывать их и вести борьбу с частными лицами и учреждениями. Уполномоченный Губисполкома поднимал в апреле 1921 г. вопрос о том, как поступать с теми зданиями, которые «пригодны для детских учреждений, но заняты частными лицами и не национализированы государством»[896]. 13 мая 1921 г. по настоянию Деткомиссии ВЦИК СНК РСФСР принял Декрет о возвращении всеми ведомствами помещений, занятых ранее детскими учреждениями. 6 сентября того же года СНК РСФСР принял повторный декрет, обязывавший местные власти предоставить детским учреждениям лучшие помещения[897]. На практике исполнение указанных декретов зависело полностью от местных властей. Детские дома организовывались там, где была возможность их открыть. Как отмечала

---

[892] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.
[893] Филимончик С. Н., Гольденберг М. Л. История Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. С. 175.
[894] Отчет Областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО на 1 октября 1921 г. Петрозаводск, 1922. С. 109.
[895] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 13. Д. 80. Л. 4.
[896] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 941. Л. 2.
[897] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 241.

М. Крупенина, «все лучшие здания были отданы детям: в городе это были особняки, в уездах – большие имения»[898]. Когда иссякал этот источник, использовали здания монастырей[899]. Последняя практика была распространена и в Карелии, так, в 1920 г. утверждалась смета на ремонт помещения старого корпуса бывшего Александро-Свирского монастыря под детскую трудовую колонию[900]. В этом же году рассматривался вопрос об открытии в Палеостровском монастыре колонии для «дефективных» детей[901]. В 1921 г. в докладе уполномоченного Губисполкома говорилось о плане открытия нескольких детдомов на 360 человек и три дома санаторного типа в бывших монастырях (Ежезерском, Палеостровском и Клименецком) для «дефективных» детей (170 человек)[902].

В 1920 г. после реэвакуации воспитанников Гиевской колонии было решено организовать для них детские дома в г. Петрозаводске. Разместили детей в бывшем здании Духовного училища[903], неприспособленном для жизни. Другой детдом располагался в здании школы[904]. В учреждениях не было «ни кладовой, ни сарая, ни бани, ни колодца»[905]. Имущество, эвакуированных детских учреждений, получить руководителям обратно не удалось, поэтому инвентарь для детдомов собирали из всех школ города: «где самовар, где кастрюля, где мясорубка, стол, скамейки и т. д.»[906]. Несколько железных кроватей, матрасов, одеял, простынь и наволочек было получено из имущества бывшей духовной и мужской учительской семинарии[907].

Материалы обследований детских домов в 1921–1923 гг. свидетельствовали, что в среднем по стране детские учреждения были обеспечены помещениями не более чем на 50 %, что приводило к их крайней перегруженности[908]. Не всегда

---

[898] Крупенина М. Детские дома // Вестник просвещения. 1922. № 9. С. 113.
[899] Там же.
[900] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 13. Д. 80. Л. 72.
[901] НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 109. Л. 35об.
[902] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 941. Л. 2.
[903] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 47.
[904] Там же. Л. 46.
[905] Там же.
[906] Там же.
[907] Там же.
[908] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 244.

учреждение было обеспечено необходимыми помещениями, кухни совмещались с хлебопекарнями, прачечными. «На одной плите с приготовлением пищи можно было увидеть, как варился щелок и кипятилось белье»[909]. Чаще всего отсутствовали специальные комнаты для занятий и игр. Так, в Вытегорском детском доме дети целый день проводили в спальнях, «слонялись из угла в угол, беспрестанно ссорились, обижали друг друга»[910]. В Кемском детдоме в 1926 г. столовая являлась комнатой для занятий и для работ швейной мастерской. Помещения детдомов оценивались в рассматриваемый период проверяющими органами как удовлетворительные, отмечалась их непригодность для зимнего времени, когда особенно остро ощущался холод. Так, в Девятинском детском доме холод не позволял ребятам заниматься учебой, работать в мастерской. Как отмечал инструктор по дошкольному воспитанию, «холод не дает развернуть детям свои интересы, потребности, а заставляет их искать приюта, тепла в постелях»[911]. Руководительница детдома писала в отчете за 1919 г.: «незаметно подкралась зима, выпал снег, пошли морозы. Уборная в 20 саженях от дома, босиком и без пальто дети бегут туда. В квартире промерзли стены. Дети жмутся от холода, чаще и чаще просят еды. Греются у пылающей печи, прячутся в своих холодных кроватях-гробиках»[912]. Обследование Деткомиссии в 1921 г. состояния детских домов в стране показало, что обеспеченность кроватями составляла в среднем не более 25–30 %, дети спали на полу, в лучшем случае на нарах[913]. Во время осмотра обследователем детского дома в г. Петрозаводске было обнаружено, что дети спали по двое на одной кровати: «стены грязные, клопы, грязные полы. Спят на 6 кроватях по двое»[914]. В Доме ребенка в качестве кроватей использовались корзины[915].

Отсутствие необходимой посуды, мебели постоянно фиксировалось в отчетах инспекторов Наркомпроса АКССР и Деткомиссии при КарЦИК.

---

[909] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 43. Л. 49
[910] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 31.
[911] Там же. Л. 2.
[912] Там же. Л. 28.
[913] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 246.
[914] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 4. Л. 49.
[915] Отчет Областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО. С. 110.

В Макачевском детдоме в 1921 г. совершенно отсутствовали кровати, все, что окружало детей – «это табуреты и скамейки в ограниченном количестве»[916]. Само учреждение состояло из трех комнат и кухни, в одной комнате вместо 5 человек помещались все дети (26 человек)[917]. Часто сами воспитанники показывали пренебрежительное отношение к имуществу детского дома. В Шестовском детдоме в 1920 г. дети проявляли случаи «бесцельной страсти к разрушению»: били деревянные чашки, ломали ложки, сжигали в качестве растопок доски с кроватей и пр. «Система закрытых дверей, факты побегов из детдомов» говорили о том, что дети далеко не были удовлетворены обстановкой учреждения, они тяготились условиями жизни в нем[918].

Не лучше обстояло дело и с санитарным состоянием учреждений. Обследования, проводившиеся сотрудниками Наркомпроса или Деткомиссии в начале 1920-х гг., показывали ужасающие картины, например, из осмотра Пудожского детдома следовало: «само помещение, будучи давно не ремонтировано, грязное, стекла в помещениях выбиты. Клопы облепили стены и развелись в детских кроватках»[919]. В санитарном отношении клопы являлись частой проблемой детских учреждений. Об уровне санитарно-гигиенического состояния детских учреждений того периода наиболее красноречиво говорит тот факт, что вся описанная выше ситуация не воспринималась современниками как катастрофическая, поскольку в условиях всеобщей разрухи представления о «норме» и «благополучии» совершенно деформировались[920].

Материальное положение детдомов всегда было тяжелое, но с переводом их на местный бюджет, состояние еще сильнее ухудшилось, поскольку на места было передано содержание учреждений, персонала, ремонт помещений, заготовка топлива, покупка оборудования и др.[921] Государство взяло на себя лишь питание

---

[916] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 923. Л. 9.
[917] Там же. Д. 469. Л. 29.
[918] Бем О. Детская беспризорность (Из доклада на I общесоюзном методическом совещании народных комиссариатов по Просвещению союзных и автономных Республик) // На путях к новой школе. 1924. № 4–5. С. 190.
[919] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 901. Л. 6.
[920] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 249.
[921] ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 1. Д. 420. Л. 33.

детей и не всегда осуществляло его в полной мере. Перевод на местное финансирование привел к усилению разрыва в степени обеспеченности детей различных регионов[922]. Ситуация не поменялась и во второй половине 1920-х гг., когда многие учреждения продолжали работать в неблагоприятных материальных условиях. Например, «полная бесхозяйственность» наблюдалась в 1928 г. в первом Повенецком детдоме: «грязные стены, пыль, мусор, грязь на столах»[923]. Состояние Пудожского детского дома являлось неудовлетворительным, как отмечал инспектор Наркомпроса АКССР, из-за «небрежного к нему отношения»[924]. Обследование Олонецкого школьного детского дома проходило во время ремонта учреждения и показало тяжелые условия для временного проживания детей. Воспитанники детдома были перевезены и находились «в лагерях» в селе Нурмолицы. 30 детей жили в крестьянской избе, спали на одной кровати по 2–3 человека или на полу, под кроватями. «Теснота ужасная, воздух спертый, мочевики[925]» находились вместе со здоровыми детьми, «в окнах стекла были выбиты, полы не мылись, воспитанники ходили в баню редко»[926].

В отчете о состоянии детских домов школьного типа за 1928–1929 г. фиксировалось, что из 14 детдомов только два помещались в вполне пригодных каменных зданиях, остальные размещались в старых деревянных и мало приспособленных постройках[927]. Жилищная площадь учреждений была крайне мала, лучшие комнаты занимались под спальни, площадь которых составляла примерно 8,5 кубометров на одного воспитанника, вместо установленных по норме 20[928]. Меблированы учреждения были неудовлетворительно, только два детских дома имели железные кровати, а остальные – деревянные и довольно изношенные. В 1928 г. было разослано официальное распоряжение Наркомпроса РСФСР «О повышении уровня работы детдомов», в котором отмечались недостатки в деятельности детских домов, такие как негодное оборудование,

---

[922] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 250.
[923] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.
[924] Там же. Л. 22.
[925] Мочевики – дети с заболеванием недержания мочи.
[926] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 17. Л. 25об.
[927] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 431. Л. 169.
[928] Там же.

неудовлетворительное санитарное состояние, несовершенство финансирования детдомов[929]. В большинстве детских домов налицо была заметна крайняя замкнутость, оторванность от окружающей действительности[930].

На фоне отрицательного состояния большого числа учреждений находились и такие детские дома, в которых при тех же тяжелых условиях работники смогли вывести на должный уровень материальную базу учреждений. Данная ситуация стала наблюдаться во второй половине 1920-х гг., когда детские дома к своему обеспечению стали привлекать общественные организации, развивать собственные мастерские и подсобные хозяйства. Хорошими условиями содержания детей отличался Дом матери и ребёнка в г. Петрозаводске, второй Повенецкий детский дом и карело-финский детский дом в селе Салменицы Сямозерского района. Они находились в благоприятном материальном состоянии с вполне оборудованными помещениями. «Кругом чистота и уют, хороший вид детей, все это показывает добросовестное отношение к своим обязанностям воспитателей»[931], такое впечатление оставил Повенецкий детдом у инспектора Деткомиссии при КарЦИК.

В первой половине 1930-х гг. ситуация во многих учреждениях изменилась: помещения детских домов стали достаточно чистыми и обустроенными. Так, осмотр второго Повенецкого детдома для трудновоспитуемых в 1934 г. показал следующее: «здание детского дома отремонтировано снаружи в данном году, проведена канализация двора», «спальни детей, классная комната, столовая и зал содержат в хорошем состоянии, постельное белье чистое»[932]. Обследование карело-финского детского дома «Дворец детей» в г. Петрозаводске выявило, что учреждение расположено на берегу Онежского озера, в прекрасной местности, в хорошо сохранившемся каменном двухэтажном здании с удовлетворительными помещениями для спальни, клуба, спортивного и театрального залов[933]. В списке помещений детдомов появлялись комнаты другого назначения. Например,

---

929 О повышении уровня работы детдомов // Детский дом. 1928. № 2. С. 94.
930 Бем О. Детская беспризорность. 190.
931 НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
932 Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.
933 ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 42.

детский приемник в г. Петрозаводске в 1934 г. имел, кроме необходимых помещений, рабочие комнаты и клуб, карело-финский детский дом – клуб, спортивный и театральный залы[934]. На протяжении 1920-х гг. в детских домах Карелии редко встречалась собственная библиотека. Отличался в этом отношении Палеостровский детский дом, при котором действовала небольшая библиотека в 70–80 книг, а заведовал ею воспитанник учреждения. Еще одной проблемой для работников детдомов являлось отсутствие на местах учебных пособий, методических и руководящих материалов. Так воспитатели Палеостровского детдома в 1934 г. жаловались на отсутствие подходящей литературы, «всю здешнюю малую библиотеку перечитали, и книг нет, придется ехать в Петрозаводск»[935]. Отсутствие же во многих детских домах библиотек, а также малое количество книг не позволяло занять детей чтением в той мере, в какой это считали необходимым педагоги и чиновники. В результате сфера чтения, на которую государство делало серьезную ставку в деле внедрения в детское сознание коммунистических норм и принципов жизни, оказалась для детских домов малоэффективной.

После обследования детских учреждений АКССР из докладной записки инструктора Деткомиссии при ВЦИК от февраля 1934 г. следовало, что 6 детских домов занимали ветхие, требовавшие капитального ремонта здания[936]. Из 16 детских домов только 5 получили в 1933 г. средства на ремонт. Первый детский дом в г. Петрозаводске занимал старое, давно не ремонтированное здание, такой же флигель, который наполовину был занят квартирами обслуживающего персонала[937]. В детском приемнике часть помещений была отдана под общежитие для курсантов, в связи с этим в учреждении содержалось вместо 40 человек 22[938]. Незаконное сокращение площади приемника лишало возможности принимать детей с улицы, особенно лиц дошкольного возраста и женского пола, для которых отсутствовали отдельные помещения.

---

[934] Там же. Л. 40.
[935] НА РК. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 5. Л. 35.
[936] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 1.
[937] Там же. Л. 31.
[938] Там же. Л. 38.

В Карелии крайне редко можно было встретить детский дом полностью обеспеченный всем необходимым для проживания ребенка. В начале 1920-х гг. строительство специальных зданий для детских домов не осуществлялось, чаще всего это было неприспособленное помещение, снабжавшееся различным старым инвентарем, в дальнейшем условия проживания детей улучшались, но зависело это, прежде всего, от инициативы самих работников. Многим детским учреждениям требовался частичный или капитальный ремонт. Детские дома в труднейших условиях, при постоянной материальной необеспеченности, часто в нужде и голоде, осуществляли не только дело призрения детей, но и трудное дело воспитания их в духе требований и задач советского государства[939]. Характеристика условий детских домов Карелии позволила увидеть, что материальная оснащенность учреждений в исследуемый период была разной и зависела от начального положения, оказываемой помощи со стороны государства и советской общественности, умелого руководства заведующих детдомами.

Система жизнеобеспечения «государственного ребенка» складывалась не только из материальных условий, созданных в детдоме, но и из таких параметров, как обеспечение продовольствием, обмундированием, медико-санитарным обслуживанием. Остановимся на анализе каждого параметра обеспечения, уделив особое внимание продовольственному вопросу, поскольку проблема детского питания являлась основополагающей при попадании ребенка в детский дом.

Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов

Вопрос о детском питании стоял в стране очень остро. Недостаток продовольственных ресурсов, с одной стороны, стихийный рост детских учреждений, с другой стороны, различные организационные «дефекты» в области распределения и целый ряд других причин, создали такие условия, что и в хлебородных местностях дети получали питание не по установленной норме[940]. Врач В. М. Бонч-Бруевич обращала особое внимание на проведение в жизнь декретов о питании. Она указывала на необходимость приложить все усилия

[939] Артамонов П. Задачи борьбы с детской беспризорностью и детдом // Народное просвещение. 1929. № 1. С. 79.
[940] Краткий обзор о работе Комиссии ВЦИКа по улучшению жизни детей. М., 1921. С. 6.

к тому, чтобы каждый грудной ребенок в Советской России имел молоко и кашу, единственное возможное для него питание[941]. 26 сентября 1918 г. был издан Декрет «О фонде детского питания», на основе которого местные органы власти были обязаны создавать на местах специальные фонды детского питания[942]. В мае 1919 г. в целях улучшения детского питания и облегчения материального положения трудящихся был издан Декрет СНК РСФСР «О бесплатном питании», по которому все продукты питания выдавались детям в возрасте до 14 лет за счет государства[943]. В 1920 г. было сформировано «Положение о детском питании», зафиксировавшее новый возраст детей, которые могли претендовать на бесплатное питание. Со стороны Наркомпрода обеспечение продовольствием осуществлялось для лиц до 16 лет, со стороны Наркомпроса – для детей до 17 лет, обучающихся в детских учреждениях, домах-коммунах, школах-клубах, колониях и т. д.[944] Автор труда «Мать и дитя в Советской России» Е. Арборе-Ралли считала, что ребенку, который находился в любом учреждении, государство должно было дать не только воспитание и обучение, но и «лучшее питание и одежду»[945].

В 1921 г. Деткомиссия при ВЦИК, являясь главным органом в ведении всех вопросов обеспечения детей и их интересов, наметила основную задачу в своей деятельности – «спасение детей», в связи с чем вопрос продовольственного снабжения являлся главным. Задача комиссии заключалась в том, чтобы «удержать на должной высоте размер продовольственного пайка, установленного Наркомпродом, наблюдать «за своевременным полным отпуском и получением его», следить, «чтобы этот паек доходил именно до тех, кому он предназначался»[946].

В начале 1920-х гг. не было единых общегосударственных норм продовольственного пайка. Для каждой губернии в зависимости от ее местных

---

[941] Арборе-Ралли Е. Мать и дитя в Советской России. С. 21.
[942] Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. С. 17.
[943] НА РК. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 61. Л. 79.
[944] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 14. Д. 6. Л. 30.
[945] Арборе-Ралли Е. Мать и дитя в Советской России. С. 29.
[946] Краткий обзор о работе Комиссии ВЦИКа по улучшению жизни детей. С. 6.

условий были разработаны свои суточные нормы пищевого обеспечения[947]. В 1920-х гг. началась исследовательская работа советских врачей по определению главных требований к правильному питанию ребенка в семье и в детских учреждениях. В книге профессора Н. К. Игнатова в 1922 г. говорилось о том, что «пища детей всякого возраста должна содержать все нужные для жизни и роста ребенка вещества, она должна быть легко усвояема, вкусна»[948]. Ориентация детских учреждений на простые принципы организации питания детей могла помочь в данном остром вопросе. В некоторых губерниях нормы питания детей дифференцировались по возрасту, лишь в редких случаях по состоянию здоровья. Пол ребенка при этом не учитывался. Так, в Москве и Московской губернии детские пайки были разделены на три категории: для детей от 3 до 8 лет, от 8 до 16 лет, а также для «дефективных» детей и детей, находящихся на санаторном лечении[949]. Врачи заявляли о необходимости дифференциации питания детей по возрасту. Если между ранним и старшим возрастом в работах врачей существовало четкое деление суточных продовольственных пайков, иногда даже более подробная дифференциация, то в вопросе отличия детского и взрослого пайка мнение исследователей расходилось[950].

В 1920 г. Отделом охраны здоровья Наркомпроса РСФСР были разосланы на места таблицы для детских учреждений: «Суточная норма питания» (таблица № 10), «Замена одних продуктов другими по их питательной (калорийной) ценности»[951]. В них определялось не только необходимое количество продуктов для детей возраста от 3 до 15 лет, но и желательные продукты с их калорийной ценностью. Сотрудники отдела охраны здоровья подробно останавливались на количестве необходимых элементов питания для детей в зависимости от возраста, а также определяли возможные замены продуктов в случае их отсутствия. Данные

---

[947] Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов в 1920-х – первой половине 1930-х гг. (по материалам Карелии) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и Филология. 2020. Т. 30, Вып. 1. С. 154.
[948] Игнатов Н. К. Питание детей всех возрастов. С. 7.
[949] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 215.
[950] Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов. С. 155.
[951] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 479. Л. 8.

сведения служили не просто рекомендациями по питанию воспитанников, а определялись как обязательные нормы для всех учреждений Наркомпроса.

Составленные врачами в начале 1920-х гг. рекомендательные нормы для суточного пайка детей отличались от нормативов, установленных Отделом охраны здоровья Наркомпроса РСФСР. В выработанных докторами нормативах заметно большее число наименований пищевого пайка, нормы и калории понижены в количественном отношении, что связано с научным обоснованием каждого продукта в рационе детей. Совпадали лишь объемы потребления сливочного масла и яиц. Количество хлеба и мяса (или рыбы) в составленных врачами рекомендательных нормах питания было меньше в 2–3 раза, что объяснялось их восполнением другими продуктами.

Имеющиеся статистические данные по губерниям о введенных там нормах обеспеченности воспитанников детских домов продовольствием в 1921 г. позволяют не просто увидеть общую картину нормативов по питанию, но и сравнить эти данные с требованиями Отдела охраны здоровья и рекомендациями врачей. Суточный паек в детских учреждениях закрытого типа в 1921 г. включал согласно утвержденным нормам, в основном, следующие продукты: мясо, рыбу, хлеб или муку, пшено или пшеницу, картофель, сахар, соль. Крайне редко в нормативных списках 1920-х гг. можно встретить упоминание масла и других жиров, яблок, капусты, лука, птицы, яиц, молока, кофе, клюквы, сухофруктов, приправ.

Установленные нормативные объемы потребления продуктов питания варьировались по регионам. В отдельных губерниях имелись некоторые совпадения в обеспечении воспитанника детского дома продовольствием. Так, в 1921 г. во Владимирской, Воронежской, Московской губернии в день ребенку полагалось 453 грамма (1 фунт)[952] хлеба, в Ивано-Вознесенской, Калужской, Псковской, Самарской губерниях данная цифра была понижена до 340 граммов (0,75 фунта), а в Царицынской губернии – до 272 граммов (0,6 фунта) хлеба[953].

[952] Для облегчения восприятия единицы измерения массы (золотник и фунт) были переведены автором в граммы.
[953] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 350–358.

Мука значилась не во всех нормативных списках, однако если присутствовала, то либо как замена хлеба, либо как отдельный продукт (от 25,5 до 340 граммов). Норма мяса или рыбы варьировалась от 8,5 до 179 граммов (2 до 42 золотников). Крупа в основном была представлена в виде пшеницы и пшена и фиксировалась от 30 до 115 граммов (7 до 27 золотников), картофель – от 1 до 272 граммов (0,25 до 64 золотников). Сахар и соль чаще всего составляли 6–12 граммов (1,5–3 золотника), однако в Московской и Царицынской губерниях норма сахара была зафиксирована весом в 28 граммов (6,7 золотника)[954]. Данные по губерниям не фиксировали разделения питания детей по возрасту, возможно, в виду отсутствия такой дифференциации на местах. Представленные нормы не целиком сходятся с выработанными нормативами Отдела охраны здоровья и рекомендациями врачей. В отношении хлеба, крупы, мяса можно говорить о совпадении средних показателей, тогда как объемы потребления муки, картофеля, сахара, наоборот, отличаются от принятых нормативов[955].

Исследовательница Т. М. Смирнова вычислила, что в начале 1920-х гг. в среднем по стране воспитанник детского дома в сутки получал 200–300 граммов хлеба, около 100 граммов мяса или рыбы, 100 граммов крупы, 300–400 граммов картофеля, по 12 граммов сахара и соли. Крайне редко в продовольственный паек включали 20 штук яиц в месяц, 1 стакан молока в день и по 200 граммов овощей и сухофруктов[956]. Однако чаще всего хлебный паек составлял чуть более 200 граммов (0,5 фунта), а жиры, мясо, овощи, молоко, яйца и сахар вовсе отсутствовали. Круп было мало, и они не отличались разнообразием, а иногда даже были непригодны для питания, поскольку в детские дома нередко попадали испорченные из-за неправильной транспортировки или недоброкачественные продукты[957]. В отчете первого детдома г. Петрозаводска за 1920 г. фиксировалось, что хоть мясо и жиры выдавались по норме, но мясо было всегда «самого скверного качества – полусгнившее. Часто мясо заменялось салом и гнилыми

---

[954] Там же.

[955] Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов. С. 156.

[956] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 217.

[957] Карасева А. А. Финансирование и материальное снабжение детских домов в РСФСР в 1930-е гг. // Наука и школа. 2012. № 3. С. 177.

яйцами»[958]. В детдомах отмечались частые случаи отравления детей из-за некачественной пищи. Так, в одном из детских домов Карелии в 1921 г. при осмотре помещения было обнаружено следующее: «проба из котла, где варилось не совсем доброкачественное с запахом мясо, дала нежелательное явление для детского питания. Вкус супа получился довольно неприятный с запахом и каким-то горьковатым привкусом. Показанный хлеб испечен наполовину с овсяной мукой, наполовину с пшеничной, он имел много овсяной неснухи, неудобной для желудка и кишечника детей»[959]. В отчете областных учреждений края в 1921 г. фиксировалась выдача в г. Петрозаводске вредных суррогатов вместо муки, к которым, прежде всего, относилась бобовая мука, вызывавшая ряд желудочно-кишечных заболеваний[960]. Иногда места хранения в детских домах не были приспособлены для продуктов. Отчеты обследований инспекторов Деткомиссии при КарЦИК фиксировали случаи, когда полки в шкафах «покрыты плесенью»[961]. В начале 1920-х гг. фактический суточный паек не соответствовал норме полностью, что было связано, в частности, и с большим числом детей-сирот.

Перечень продуктов питания детей, находящихся на попечении государства в Карелии, в целом не отличался от других губерний страны. Однако выработанные центром нормативы не совпадали с установленными здесь нормами[962]. В 1920 г. в Карелии были определены нормы продовольственного пайка на 2 месяца для детей в возрасте от 3 до 8 лет и от 8 до 16 лет, набор продуктов был одинаковым для той и другой возрастной группы, только объем муки для воспитанников школьного возраста был больше на 1700 граммов (мука: от 3 до 8 лет – 5100 граммов, от 8 до 16 лет – 6800 граммов)[963]. Указанные выше нормы позволили рассчитать примерное количество продуктов на одного воспитанника в возрасте от 3 до 8 лет и от 8 до 16 лет на сутки (таблица № 9)[964]. В

[958] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 900. Л. 58об.
[959] Там же. Д. 906. Л. 41.
[960] Отчет Областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО. С. 109.
[961] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 9. Л. 6.
[962] Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов. С. 156.
[963] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 689. Л. 26.
[964] В целях обеспечения сопоставимости данных, нормы питания были пересчитаны автором на суточный паек одного воспитанника. Стоит отметить, что в материалах по учету норм продовольственного обеспечения детских

данных нормах питания детей в Карелии присутствовала дифференциация по возрасту, поэтому возможно сравнение с суточным продовольственным пайком, разработанным Отделом охраны здоровья. Такое сопоставление показывает, что нормативы продуктов для детей в Карелии в 1920 г. были намного ниже. Например, мяса предусматривалось в 3–4 раза меньше, картофеля – в 2–4 раза, корнеплодов – в 6 раз, масла и сахара – в 3,5 раза меньше. По нормам продовольственного пайка воспитаннику детдома в Карелии крайне редко полагалось выдавать яйца (вместо установленной ежедневной выдачи 1 яйца – 2 яйца в месяц), а хлеба и крупы и вовсе не предусматривалось. Отсутствие хлеба в перечне норм продуктов связано с тем, что изготовление хлебных изделий происходило прямо в детдомах. В связи с этим заметно повышение нормы муки в Карелии для каждой возрастной группы более чем в два раза, однако выступая заменой хлеба, ее не хватало для полноценного суточного питания воспитанника детского дома. Разработанные нормативы Отдела охраны здоровья требовали поставки хлеба в детские учреждения в готовом виде. Нормы детского питания в Карелии были сильно занижены по отношению к выработанным требованиям, в них также отсутствовало определение калорийности продуктов. Все это демонстрирует отход на местах от установленных нормативов Отделом охраны здоровья, что было связано, в том числе с оценкой конкретных условий каждого региона[965].

В 1921 г. председатель Деткомиссии при ВЦИК препровождал в Наркомпрод РСФСР телеграмму из г. Петрозаводска, в которой описывалось крайне тяжелое положение с детским питанием в Карелии и выражалась просьба принять меры к удовлетворению нужд[966]. В телеграмме отмечалось, что матери оставляли детей в детских домах, поскольку не были способны прокормить их[967]. В 1923 г. были внесены изменения в нормы детского пайка в Карелии, а именно в объемы потребления мяса, крупы и молока. В месяц воспитаннику детского

учреждений не имелось единообразия. Данные представлялись в различных весовых измерениях, и отсутствовал четкий список постоянных продуктов.

[965] Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов. С. 157.

[966] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

[967] Там же. Л. 2.

дома полагалось уже 4,5 кг (10 фунтов) мяса, 6,8 кг (15 фунтов) крупы и одна бутылка молока в день[968]. Это означало, что в сутки ребенок должен был получать ко всем обозначенным в 1920 г. продуктам 150 граммов мяса и 220 граммов крупы. Как видим, за три года заметен рост некоторых нормативов в Карелии, которые превысили нормы Отдела охраны здоровья.

Отчеты детских учреждений Карелии позволяют увидеть другую сторону исследуемого вопроса, а именно понять, насколько реальная ситуация соответствовала установленным нормам. В ходе анализа отчетов был обнаружен следующий диапазон колебаний – количество выдаваемого хлеба варьировалось в Карелии в течение 1920-х гг. и составляло 340–453 грамма (0,75–1 фунт). Например, воспитанники Девятинского детского дома в 1919 г. получали ¾ фунта хлеба в день, что составляло примерно 340 граммов[969]. В Шестовском детдоме в 1920 г. количество выдаваемого хлеба зависело от возраста и времени года: для детей дошкольного возраста выдавалось 340 граммов (0,75 фунта), для детей школьного возраста – 453 грамма (1 фунт)[970]. С наступлением зимы в этом детдоме уравнивались объемы выдачи хлеба для детей дошкольного и школьного возраста и составляли 1 фунт для всех воспитанников. В основном хлеб пекся из ржаной муки, но иногда добавлялась пшеничная и просяная (пшенная) мука.

В 1922 г. в Карелии были получены отчеты детских учреждений, по которым сотрудниками Наркомпроса была высчитана за три месяца средняя норма питания в сутки на одного воспитанника: хлеб – 453 грамма (1 фунт), мясо или рыба – 90 граммов (0,2 фунта), крупа – 90 граммов (0,2 фунта), масло и соль – 21 грамм (5 золотников), сахар – 8,5 граммов (2 золотника)[971]. Данные объемы потребления продуктов являлись средними по стране и находились примерно на уровне установленных нормативов Отдела охраны здоровья Наркомпроса РСФСР.

По нормам и рекомендациям врачей в пайке воспитанника детдома обязательно должны были быть такие продукты, как молоко и яйцо, однако

---

[968] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 57. Л. 312.
[969] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 3.
[970] Там же. Л. 35
[971] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.

увидеть их в рационе детей можно было крайне редко. Это подтверждали осмотры инспекторами Наркомпроса АКССР детских домов и отчеты заведующих: «молоко не выдается, масло скоромного нет, постное масло переносится плохо, ибо все дети рахитики»[972]. Особенно остро отсутствие молока ощущали воспитанники Дома ребенка в г. Петрозаводске, которым отпускалось молоко «в очень ограниченном количестве и не всегда доброкачественное»[973]. Воспитанники детдомов постоянно испытывали голод; на почве недостаточного и неправильного питания появлялись болезни: малокровие, хронические расстройства пищеварения, истощение, «чесотка и также от малого молочного питания – чахотка»[974]. Недостаток овощей приводил к появлению цинги у детей. Врач М. Г. Данилевич выделял следующие причины появления данного заболевания у воспитанников детдомов: однообразное питание, отсутствие овощей, неправильное откармливание детей после голодания[975].

В 1925 г. в докладе Наркомпроса АКССР был обозначен месячный набор пайка по детским домам[976], по которому был определен суточный объем продуктов (таблица № 15). Данная отчетность позволяет увидеть изменившиеся нормативы суточного пайка, а также появление новых продуктов (кофе, сухофрукты, деление муки на ржаную и белую), увеличение некоторых элементов питания на протяжении 1923–1925 г., например, рост ржаной муки, масла и сахара. Во второй половине 1920-х гг. ситуация с питанием в Карелии немного изменилась за счет развития подсобных хозяйств, состоявших, в основном, из огородного участка и домашнего скота. Огород при детском учреждении являлся жизненной необходимостью, хотя и в этом вопросе возникали свои трудности.

В первой половине 1930-х гг. суточные нормы продовольственного пайка в детских домах Наркомпроса РСФСР были скорректированы[977]. По сравнению с разработанной в 1920 г. суточной нормой питания воспитанников детдомов

---

[972] Там же. Д. 43. Л. 47.
[973] Отчет Областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО. С. 110.
[974] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 689. Л. 19.
[975] Данилевич М. Г. Вопросы питания детей. С. 16–19.
[976] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 26.
[977] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3 Д. 19. Л. 19.

в нормативах 1932 г. было увеличено количество хлеба, сахара и молока, понижены объемы потребления муки, мяса, крупы, яиц, масла, в рацион была включена рыба. Отчеты инспекторов Наркомпроса АКССР и детских домов первой половины 1930-х гг. демонстрировали реальную обстановку в вопросе обеспеченности продовольствием. Например, воспитанники первого детского дома г. Петрозаводска в 1933 г. просили проверяющего инспектора Наркомпроса АКССР увеличить для них количество хлеба на день с 450 граммов до 600, или дополнительно выдавать «булки на завтрак»[978]. В 1934 г. Повенецкий дошкольный детский дом по отчетам не получал несколько месяцев молоко, продукты отпускались с перебоями, на питание ребенка расходовалось 20 рублей в месяц[979]. В Шуерецкий детский дом Кемского района в 1934 г. совершенно не поступали растительное масло и сахар, молоком учреждение снабжалось по 4–5 литров в день на 26 человек, «мясо, масло живое есть, крупу и макароны получали свободно, хлеба было достаточно, картофель и капуста – ни на один месяц, крупа – в достатке»[980]. В 1935 г. снабжение Космозерского детдома было удовлетворительным по части продуктов, обеспечение хлебом было поставлено плохо, три квартала года не получали чай, целый год – растительное масло, три месяца – сахар[981].

Часто в Карелии отсутствие нормированного питания было связано с недопоставками продовольствия и невозможностью его организации[982]. Питание детей могло быть однообразным в течение недели из-за частой нехватки на местном рынке отдельных продуктов. Например, воспитанники Шальского детдома питались исключительно одной рыбой, практически не получали молока и жиров[983]. Работники учреждений не могли решить данный вопрос, им самим зачастую приходилось питаться из «общего котла» с детьми[984]. Еще в 1920 г. Наркомпрос РСФСР разработал инструкцию о снабжении продовольствием

[978] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.
[979] Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 18.
[980] Там же. Д. 31. Л. 2.
[981] Там же.
[982] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 25.
[983] Там же. Д. 940. Л. 10.
[984] Там же. Д. 901. Л. 36.

персонала, обслуживающего детские дома. Работники должны были получать хлебные или продовольственные карточки в зависимости от количества рабочих дней[985]. Однако на деле персонал довольствовался тем, чем кормили детей. Так, при обследовании детской столовой в 1932 г. было установлено, что рабочие и служащие питались за счет скудных детских пайков[986]. Обслуживающий персонал карело-финского детдома также пользовался «хлебом и варевом детей»[987].

В первой половине 1930-х гг. продолжало существовать подсобное хозяйство при детских домах, на развитие которого стали отпускаться средства из фондов Деткомиссии при КарЦИК. В этот период в подсобном хозяйстве некоторых детских домов в Карелии имелся следующий домашний скот: куры, гуси, утки, кролики, свиньи, лошади. Картофель, морковь, лук, репа, свекла, брюква, полученные с огорода, дополняли рацион питания детей. Например, в 1932 г. Повенецким детдомом для трудновоспитуемых было получено от своего огорода 1785 кг. картофеля[988]. В 1934 г. огород карело-финского детского дома в г. Петрозаводске дал 4 тонны картофеля, 300 кг овощей, скошенного сена с 8 га лугов[989]. Одна из главных задач подсобных хозяйств при детских домах заключалась в улучшении питания воспитанников.

В 1920–30-х гг. врачи изучали вопрос улучшения здорового питания детей. Не только продовольственный паек воспитанника детдома был подчинен определенным нормам, но и само меню, и режим питания[990]. Врачи считали, что наиболее целесообразно отдельные приемы пищи разделять таким образом, чтобы дети получали пищу приблизительно через каждые 3–4 часа[991]. В качестве схемы Н. К. Игнатов рекомендовал следующее расписание приема пищи: «07.00 – завтрак № 1 – 15 % суточного пайка, 10.00 – завтрак № 2 – 10 %, 13.00 – обед –

985 Там же. Д. 938. Л. 31.
986 ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 19
987 НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 9. Л. 11.
988 Там же. Д. 2. Л. 3.
989 ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 40.
990 Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов. С. 160.
991 Игнатов Н. К. Питание детей всех возрастов. С. 118.

35 %, 17.00 – полдник – 15 %, 20.00 – ужин –25 %»[992]. Для детей старшего возраста считалось достаточным всего четыре приема пищи в течение дня.

Инструкторы питания Института охраны материнства и младенчества, Отдела охраны здоровья детей и подростков Наркомздрава РСФСР составляли книги с кулинарными рецептами для детей. В 1926 г. предлагалось меню завтраков, обедов и ужинов для воспитанников детского дома в течение недели (таблица № 16)[993]: утренние и вечерние приемы пищи были однообразны; обеды состояли из двух блюд, одним из которых был обязательно суп; ужин представлен в виде каши или макарон. В 1928 г. докторами было разработано «правильное меню» (как это значилось в документе) для детей дошкольного возраста, включавшее различные блюда в течение недели (таблица № 19): «перловый суп, котлеты говяжьи с морковное пюре», «борщ со сметаной, рисовый пудинг», «щи ленивые, рыбные котлеты с отварным картофелем»[994] и др. Подготовленная врачами в 1920-х гг. теоретическая база улучшения питания ребенка не получила полного распространения в детских домах Карелии. В учреждениях сотрудники придерживались определенного распределения пищи в течение дня, но разнообразить ежедневные блюда воспитанников не могли[995].

Таким образом, среди множества проблем, с которыми сталкивались в детских домах, проблема обеспечения продовольствием воспитанников являлась основной на протяжении 1918 – первой половины 1930-х гг. как на территории Карелии, так и в целом по стране. Обращение к нормативам детского питания и отчетности детских домов и Наркомпроса АКССР позволило увидеть существующий разрыв между утвержденным и реальным обеспечением учреждений. Ситуация в продовольственном обеспечение детских учреждений менялась на протяжение изучаемого периода. В исследуемый период сохранялись следующие проблемы и трудности в деле обеспечения питанием воспитанников детских домов: некачественные продукты, нехватка денежных средств на покупку

---

992 Там же.
993 Здание школы, питание, одежда, режим труда и отдыха. М., 1926. С. 32–38.
994 Д-р С. Примерное меню для детей в возрасте от 2-5 лет // Женский журнал. 1928. Июль. № 7. С. 24.
995 Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов. С. 160.

продовольствия, отсутствие продуктов на рынке, плохая транспортировка продовольствия, несоответствие детского пайка общим нормам и рекомендациям врачей[996]. Полного разрешения данных проблем не было достигнуто в 1918 – первой половине 1930-х гг., однако наблюдалось определенное улучшение в обеспеченности продовольствием воспитанников детских домов.

Обеспечение воспитанников детских домов обмундированием

В начале исследуемого периода перед детскими домами стоял еще один острый вопрос в деле жизнеобеспечения детей – обмундирование воспитанников. Статистические данные по губерниям о численности детдомовцев и их обеспеченности, составленные исследовательницей Т. М. Смирновой по материалам фонда Деткомиссии при ВЦИК, не содержат сведения по Карелии, однако данная статистика позволяет увидеть ситуацию в целом по стране. В 1921 г. сотрудники Деткомиссии при ВЦИК, фиксируя степень обеспеченности детских учреждений, обращали внимание на следующие элементы обмундирования: верхняя одежда, обувь, носильное белье. Единично отмечались сведения о теплой верхней одежде, кожаной и летней обуви, головных уборах. Крайняя неравномерность и неоднородность поступающих с мест данных объяснялась отсутствием единого принципа классификации статистического материала по разным губерниям[997].

Нормативы, разработанные Наркомпрос РСФСР, требовали полного обеспечения воспитанников детских домов по выделенным элементам обмундирования, однако в действительности картина выглядела иначе. Обеспеченность одеждой по стране в целом составляла от 25 до 75 %, обувью – от 0 до 75 %, носильной одеждой – от 47 до 50 %[998]. Некоторые губернии и вовсе не предоставляли статистических данных о степени обеспеченности детских учреждений, что не позволяло всецело оценивать ситуацию по стране. Средняя обеспеченность воспитанников детских домов составляла около 50 %.

---

[996] Там же. С. 162.
[997] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 350.
[998] Сведения обобщены из статистический данных по губерниям о численности детдомовцев и их обеспеченности продовольствием, медицинским обслуживанием и предметами повседневного пользования: Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 350–363.

В Карелии общие данные об обеспеченности детских учреждений обмундированием не фиксировались, однако определенные выводы можно сделать на основе отчетов детских домов, Наркомпроса АКССР и Деткомиссии при КарЦИК. В июне 1919 г. в смете расходов по содержанию детских домов Петрозаводского уезда приводился расчет обмундирования на 75 призреваемых детей (таблица № 5), из которого видна слабая обеспеченность детских учреждений[999]. Данный список демонстрирует, что и в каком количестве входило в набор обмундирования воспитанника. На одного ребенка по данному списку приходилось из носильного белья: три рубашки, трое кальсон, три пары носков, три носовых платка, три лифчика; из постельного белья: три пододеяльника, три наволочки, два одеяла, три личных полотенца; из одежды: три костюма, два пальто, ватник, теплая шапка, фуражка, пара перчаток, шарф; из обуви: две пары сапог, галоши, валенки, туфли[1000]. Полного обеспечения не прослеживалось ни по одному из наименований одежды или обуви, лучше всего дети были обеспечены костюмами (219 вместо 225 штук), теплыми шапками (60 вместо 75), кальсонами (170 вместо 225), в остальных категориях обмундирования обеспеченность была до 50 % и ниже, полностью отсутствовали, например, ватники, пододеяльники, туфли, шарфы. В местной смете Карелии о содержании детского дома в 1920 г. отмечалось, что в обеспечение ребенка входили одежда, обувь и белье из расчета по две смены белья и платья, одно пальто, шапка, сапоги и одеяло[1001].

Полный набор белья, одежды и обуви редко можно было встретить в детском учреждении. Верхней одежды и обуви для воспитанников обычно не хватало, обмундирование требовало ремонта или полностью отсутствовало, особенно большие трудности с обеспечением возникали в зимнее время года. В детдомах Карелии ощущался острый недостаток в одеялах, постельном белье, матрасах, подушках. Новое постельное белье было редкостью для детдомов, при обследовании учреждения оно обычно обнаруживалось рваное и грязное. У ребят Ладвинского детского дома не было верхней одежды, что заставляло детей

[999] ГА РФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1581. Л. 8.
[1000] Сведение составлены на основе данных, приведенных в таблице: ГА РФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1581. Л. 8.
[1001] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 13. Д. 80. Л. 3об.

целыми днями сидеть в «четырех стенах»[1002]. После осмотра в 1921 г. Пудожского детдома было обнаружено отсутствие у детей верхней одежды, недостаточное количество обуви, которая к тому же требовала ремонта[1003]. Осмотр детского дома имени Паньгина в г. Петрозаводске в 1923 г. показал неимение обуви у 9 воспитанников, постельного и носильного белья не хватало на 41 человека. Нередкими случаями являлось отсутствие сменного белья у воспитанников или невозможность частой стирки имевшейся одежды, что приводило обычно к редкому посещению бань. Так, воспитанникам Девятинского детдома в 1919 г. белье меняли раз в две недели, посещение бани происходило очень редко[1004]. Иногда стирка белья происходила прямо во время похода воспитанников в баню, после посещения которой им приходилось ждать, когда одежда высохнет.

В отчете о работе отдела социального воспитания АКССР за 1924–1925 г. фиксировалось, что в общем воспитанники экипированы в детских домах сносно[1005]. Продолжал остро ощущаться недостаток постельного белья и одеял. На местах констатировали иногда полное отсутствие в учреждениях обуви и обмундирования[1006]. В 1924 г. на обмундирование каждого воспитанника детдома Карелии отпускалось 33 рубля в год, такая же сумма была определена и в 1925 г.[1007] В 1926 г. заметно снижение отпускаемых средств на обмундирование одного воспитанника, которое составило 25 рублей в год[1008].

Иногда снабжение одеждой и обувью старались решить в детском учреждение собственными силами, для этого использовали швейные и сапожные мастерские детдомов. Так, в 1920 г. детским домам г. Петрозаводска оказывало помощь Единое потребительское общество, отпустившее мануфактуру для белья и одежды детям. В результате данной поддержки воспитанники учреждений имели по три смены носильного и постельного белья, а также по два платья[1009].

[1002] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 17. Л. 25.
[1003] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 901. Л. 6об.
[1004] Там же. Д. 469. Л. 2об.
[1005] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 27.
[1006] Там же. Д. 86. Л. 3об.
[1007] Там же. Д. 98. Л. 80.
[1008] Там же. Л. 27.
[1009] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 46.

В мастерских Пудожского детдома за первую половину 1921 г. было сшито новых сапог 46 пар, починено старых 85 пар, но для детей детдома из новой обуви было выделено только 6 пар и починено 60 пар[1010]. Швейная мастерская изготовила 187 предметов из белья, половина которого направлялась для нужд детского дома[1011]. В Пудожском детдоме непроизводительность мастерских объяснялась, главным образом, недостатком материалов, недобросовестностью мастеров к своему делу и отсутствием достаточного контроля[1012]. В Шестовском детдоме долгое ожидание обуви для детей заставило руководство разрешить использовать короткие куски бумазеи[1013], чтобы сшить «для домашнего употребления чулки, которые могли бы служить вместо отсутствующих сапог или валенок»[1014]. В 1922 г. финскими рабочими, эмигрантами из Америки, было выслано в Карелию «значительное количество ношенных белья, платья, одежды и обуви»[1015], которое было распределено среди детей, в том числе, и среди беспризорных. В 1924 г. в Комиссию по улучшению жизни детей в Карелии поступило 100 пар сапог из г. Москвы для распределения между нуждающимися детскими домами[1016].

Нехватка обмундирования в учреждениях иногда являлась следствием кражи одежды и белья со стороны воспитанников, так, например, в 1920 г. в Вытегорском детдоме был задержан воспитанник во время кражи простыни[1017], а в 1922 г. Комиссия по делам несовершеннолетних рассматривала вопрос о побеге двух воспитанников из приемника и краже «казенных костюмов», проданных местному населению[1018]. В 1927 г. 14-летний подросток сбежал из детского дома, прихватив с собой новое пальто, сапоги и шапку, принадлежавшие другим воспитанникам[1019]. Как отмечает исследователь А. Болл, еда, одеяла,

---

[1010] Там же. Д. 901. Л. 5.
[1011] Там же.
[1012] Там же.
[1013] Бумазея – плотная хлопчатобумажная ткань саржевого, реже полотняного переплетения с начесом на одной, обычно изнаночной, стороне.
[1014] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 36об.
[1015] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 174.
[1016] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 196. Л. 4.
[1017] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 34.
[1018] Там же. Ф. Р-282. Оп. 2. Д. 57. Л. 17.
[1019] Там же. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 149. Л. 3.

одежда и даже мебель исчезали с ежедневной регулярностью в некоторых детских учреждениях и часто перепродавались детьми на близлежащих улицах и рынках[1020]. Некоторые беспризорные находились в детских домах меньше суток, чтобы обеспечить себя продовольствием или новой одеждой.

Материалы обследований детских учреждений и доклады местных уполномоченных свидетельствуют о том, что детдома снабжались по остаточному принципу и зачастую в них присылали заведомо негодные вещи: изношенную обувь, ветхую одежду, рваное белье[1021]. Вещи быстро изнашивались также из-за неправильных условий хранения или откровенной небрежности[1022]. Обувь быстро портилась в связи с сушкой у печи или на открытой плите. Дети ходили в одной и той же обуви в лес, на огород, в школу. Одежда и обувь часто приходили в негодность, в том числе, из-за халатности сотрудников детских домов. Потребительское отношение было характерно как для самих воспитанников, так и для их наставников[1023]. В 1928 г. во время обследования детских домов инструктором отдела СПОН была обнаружена полная бесхозяйственность внутри учреждений в вопросах обеспечения детей[1024]. Так, в первом Повенецком детдоме в силу халатности заведующего смета на обмундирование воспитанников в 1927 г. не была использована на 50 %, результатом чего явилось непосещение ребят школы из-за отсутствия обуви, а также недостаточное количество постельного и нательного белья[1025]. Обследование детдомов Карелии в 1928 г. показывало, что в учреждениях в отношении обеспечения обмундированием воспитанников наблюдался выход из кризиса. Однако проверяющий отмечал, что возврат к тяжелому положению мог произойти, если своевременно не производить приобретения и починки обуви и белья[1026]. Уже в 1930 г., заслушав докладчика Наркомпроса АКССР, Президиум КарЦИК констатировал

[1020] Ball Alan M. And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley etc., 1994 [Электронный ресурс]. URL: https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress. (дата обращения: 20.20.2020).
[1021] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 247.
[1022] Карасева А. А. Финансирование и материальное снабжение детских домов в РСФСР в 1930-е гг. С. 179.
[1023] Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР. С. 245.
[1024] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
[1025] Там же.
[1026] Там же. Л. 25.

неудовлетворительное состояние материального положения детдомов, антисанитарное состояние помещений, недостаточность установленных расходов на питание и обмундирование[1027]. Было предложено провести капительные ремонты учреждений, пополнить их инвентарем и оборудованием, пересмотреть нормы снабжения детдомов и улучшить снабжение дефицитными товарами[1028]. Обеспечение обмундированием подлежало строгому нормированию, что подтверждалось сведениями из таблицы «Снабжение детских домов промышленными товарами» (таблица № 22), в которой Наркомснаб СССР определял количество и срок носки каждого предмета. Например, теплое пальто, валенки воспитанники должны были носить два года, летние или теплые костюмы, ботинки, галоши – один год; наволочки, простыни и полотенца должны были выдаваться им раз в год, подушка – раз в пять лет[1029].

В некоторых учреждениях в первой половине 1930-х гг. было заметно улучшение материальной части. Так, во втором Повенецком детском доме дело с обмундированием и постельными принадлежностями в 1932 г. обстояло хорошо, только не хватало кожаной обуви, что объяснялось ее отсутствием на рынке, валеной обувью детдом был снабжен на 100 %[1030]. Производства детской обуви как отдельной самостоятельной отрасли в стране на тот момент не было, обувь для детей делали из остатков от производства взрослой обуви, что соответствующим образом сказывалось как на ее качестве, так и на количестве[1031]. В вышеупомянутом учреждении обмундирование выдавалось по росту детей и фиксировалось за каждым воспитанником, для этого за ними закреплялись индивидуальные шкафчики[1032].

В ряде учреждений состояние одежды и обуви и их количество было неудовлетворительным, так, в 1933 г. в первом детском доме г. Петрозаводска не хватало зимнего пальто и валенок, поэтому дети носили одежду и обувь по

[1027] Там же. Д. 24. Л. 1.
[1028] Там же.
[1029] Фрагмент из Постановления Коллегии Наркомснаба Союза ССР № 156 от 3 февраля 1931 г. // Бюллетень Деткомиссии при ВЦИК. 1931. Февраль. № 2. С. 28.
[1030] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 2. Л. 2об.
[1031] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 247.
[1032] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 2. Л. 2об.

очереди[1033]. В этом же году было проведено обследование детского дома «Дворец детей», показавшее аналогичное состояние одежды и обуви: «пальто, валенок хватает, а галош нет. Верхних платьев и рубашек достаточно. Белья нижнего и постельного имеется на три смены, а чулок имеется точно по 1 паре»[1034]. Председатель Деткомиссии в отчете обращал внимание, что особенно остро нуждались в детской обуви воспитанники дошкольного возраста, обувь на трехлетнего ребенка обходилась примерно в 30 рублей[1035]. В год в Карелии на воспитанника расходовалось 60 рублей, в сравнении с 1925 г. заметно увеличение в два раза. В докладной записке инструктора Деткомиссии при ВЦИК в 1934 г. было указано на снижение нормы на обмундирование с 81 до 61 рубля [1036], что показывает разницу между нормативами с центра и установленными расходами на местах. В Космозерском детдоме в 1935 г. по местному бюджету на штатный контингент воспитанников был утвержден отпуск средств, по которому на обмундирование одного воспитанника был выделен 161 рубль 70 копеек, фактически учреждение получило на каждого ребенка на 30 рублей меньше: 131 рубль 90 копеек[1037]. Недополучение средств было и по другим статьям расходов: питание, оборудование, заработная плата работников.

В целом, по детским домам страны в 1933 г. постельным бельем было обеспечено всего 34 % детских учреждений, матрасами – 40 %, нижним бельем – 45 %, костюмами – 50 %, пальто – 35 %, обувью – 42 %[1038]. Обследование Деткомиссии при КарЦИК в этот же год показало, что снабжение местных детдомов бельем, одеждой и обувью осуществлялось по коммерческим ценам, преимущественно за счет спецсредств (доходов от мастерских и др.). В 1933 г. за счет фондов, отпускаемых Наркомпросом с дотацией до 50 % от Деткомиссии при КарЦИК, полностью были снабжены 6 детдомов («4 национальных детдома и два дома для спецгрупп»). Комиссия по улучшению жизни детей обеспечивала

[1033] Там же. Д. 5. Л. 36.
[1034] Там же. Л. 38.
[1035] Там же. Д. 35. Л. 5.
[1036] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 1.
[1037] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.
[1038] Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг. С. 346.

денежными ресурсами и остальные детдома, за ее счет три детдома для трудновоспитуемых были обмундированы на 40 %[1039].

Во многих отчетах обследований отмечалось бережное отношение детей к одежде и обуви. Для того чтобы привить детям заботливое отношение к получаемому обмундированию, его старались закрепить за воспитанником. В Повенецком детдоме была создана хозяйственная бригада из воспитанников, которая принимала активное участие в мероприятиях по сохранности и бережному отношению к имуществу детского дома[1040]. Дети аккуратно относились к одежде и обуви: сушили, чинили, убирали. Хорошая одежда стала методом стимулирования активности и успешности в учебе: отличники и активисты получали при распределении новую и более красивую одежду[1041].

В 1931 г. на заседании Президиума Деткомиссии при КарЦИК был утвержден набор одежды, выдаваемой выпускнику детского дома. Воспитанник при выходе получал следующее материальное обеспечение: две пары верхних костюмов, две пары пальто, одна пара кожаной обуви, одна пара ботинок обязательно с галошами, два головных убора, три пары чулок, одно теплое одеяло, две простыни, две наволочки, два полотенца, три носовых платка, один матрас[1042]. Воспитанники, передаваемые родителям для «разгрузки» детдомов, снабжались следующими предметами: одна пара нательного белья, верхний костюм, пальто, одна пара обуви, один головной убор по сезону[1043]. Таким же набором должны были снабжаться дети, передаваемые из одного детского дома в другой. В 1935 г. были внесены изменения в данный список, и выводимые из учреждения дети получали пальто, шапку, трое брюк, три верхних блузы, два платья девочкам, две пары чулок, одну пару годной для носки обуви, две пары нательного белья, две простыни, четыре наволочки, постельное одеяло и выходное пособие в размере 50 рублей[1044].

[1039] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
[1040] Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 2об.
[1041] Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР. С. 246.
[1042] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 492. Л. 13.
[1043] Там же.
[1044] Там же. Д. 31. Л. 18.

Вопрос обеспечения воспитанников детских домов обмундированием оставался острым на протяжении 1918 – первой половины 1930-х гг., решение его было возможным только при условии увеличения финансирования данной статьи расходов. Урегулирование проблемы на местном уровне через самостоятельное производство одежды и обуви в мастерских учреждений не могло охватить весь объем обеспечения, что было связано с отсутствием необходимого сырья, инструментов и работников.

Медико-санитарное обслуживание воспитанников детских домов

Еще одним вопросом обеспеченности воспитанников детских домов являлось медико-санитарное обслуживание, в которое входили и санитарно-гигиенические условия в учреждении, и наличие у детей предметов личной гигиены, и обследование детей врачами. С первых же дней своего существования советское государство приняло ряд законодательных актов и разработало специальные мероприятия по охране здоровья матери и ребенка[1045]. Руководство страны ставило перед собой задачу «социализировать, сделать достоянием государства заботу о здоровье детей всех возрастов от колыбели до полного созревания»[1046]. Считалось, что охрана здоровья детей является важнейшим условием воспитания «нового человека», «создания сильных духовно и физически граждан»[1047]. Воспитание «нового человека» – одна из основных идеологем коммунистического режима – нашла заметное отражение в деятельности органов и учреждений системы охраны здоровья детей в первое десятилетие советской власти в виде практического воплощения двух широко распространенных в начале XX в. теорий – евгеники и педологии[1048].

В начале 1920-х гг. санитарно-эпидемическое состояние в Карелии признавалось «катастрофическим»[1049], периодически в крае происходили вспышки эпидемий, которые касались и детского населения. О распространении

[1045] Гришина Т. А. Развитие охраны здоровья детей в Московской области (1868–1957 гг.). М., 1958. С. 21.
[1046] Радин Е. П. Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. С. 4.
[1047] Альбицкий В. Ю., Шер С. А. Истоки и становление государственной системы охраны здоровья детей в Советской России. С. 61.
[1048] Там же. С. 64.
[1049] Отчет Областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО. С. 109.

заболеваний свидетельствовали доклады детских учреждений, так, в 1919 г. эпидемия тифа не прошла стороной Девятинский детский дом, где «перехворали все дети, и очередь дошла до руководителей»[1050]. В этот же год воспитанники Шестовского детдома пострадали от эпидемии испанки, проявившейся вначале среди 17 детей и постепенно вовлекшей остальных[1051]. Болезнь протекала тяжело и давала осложнения, а иногда были и смертельные случаи среди воспитанников. В 1922 г. эпидемическое состояние Карелии в связи с военными событиями на территории края резко отличалось от предыдущего периода наличием эпидемий сыпного и возвратного тифов. Другие заболевания давали меньше случаев, например, дизентерия проявлялась в 3 раза меньше, корь и коклюш и вовсе отсутствовали, резко сократилось количество случаев заболевания малярией[1052]. Остальные эпидемии (брюшного тифа, дифтерита, скарлатины и натуральной оспы) были примерно в тех же размерах, что и в предыдущий период. Снижению распространения заболеваний способствовала вакцинация, которая приобрела массовый характер во второй половине 1920-х гг.[1053]

В 1920 г. в период эпидемии испанки воспитанники Шестовского детского дома были привлечены для работы в лазарете в целях «ознакомления с уходом за больными и для облегчения работы» заведующей[1054]. Дети охотно дежурили днем и ночью, научились ставить компрессы, смазывать йодом, натирать уксусом, раздавать лекарства. Данный опыт позволил воспитанникам учреждения получить начальные знания о медицинской помощи.

Санитарно-эпидемическая организация в Карелии, возникшая только в 1918 г. и начавшая свое развитие лишь при образовании КТК в сентябре 1920 г., состояла из двух врачей и ограниченного запаса эпидемического имущества[1055]. Отсутствие каких-либо плановых профилактических и противоэпидемических мероприятий в Карелии способствовало широкому распространению среди

[1050] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 28.
[1051] Там же. Л. 37.
[1052] Статистический ежегодник. Карелии. 1922. Вып. II, ч. 1. С. 123.
[1053] Афанасова Е. Н. Проблемы организации охраны здоровья детей в Восточной Сибири во второй половине 1920-х гг. // Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55). Т. 1. С. 30.
[1054] НАРК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 37.
[1055] Фомин В. П. 10 лет на фронте здравоохранения в АКССР // Десять лет Советской Карелии. С. 268.

населения инфекционных и социальных болезней[1056]. Одним из важнейших показателей в области охраны здоровья детей является уровень смертности. В первой половине 1920-х гг. уровень младенческой и детской смертности в Карелии оставался достаточно высок, «третья часть родившихся детей умирала на первом году жизни»[1057]. В ходе медицинского осмотра школьников Петрозаводска в 1926–1927 г. было признано вполне здоровыми не более 1 % детей[1058]. Особенно широко среди детей была распространена анемия.

Показатели естественного прироста населения Карелии демонстрировали, что прирост, замедлившийся в годы после Гражданской войны, в первой половине 1920-х гг. возрос, при этом продолжало оставаться высоким число умерших детей до года. Исследовательница Е. Н. Афанасова приводит данные, подтверждающие крайне высокий уровень смертности среди подкинутых детей, размещенных в государственных учреждениях закрытого типа – домах младенца[1059]. Основными причинами смертности детей в учреждениях являлись недостаток грудного молока, отсутствие квалифицированной врачебной помощи, эпидемические заболевания. С первых дней организации охраны материнства и младенчества в стране была поставлена задача снижения детской заболеваемости и смертности, особенно на первом году жизни. Наибольшее число детей погибало от желудочно-кишечных инфекций[1060]. Вопрос борьбы с желудочно-кишечными заболеваниями ставился передовыми врачами еще в дореволюционный период, после революции он превратился в одну из насущных проблем. Наряду с ликвидацией желудочно-кишечных заболеваний решалась задача профилактики острых детских инфекций. Особенно большое внимание уделялось борьбе с корью. Корь являлась одним из массовых и опасных заболеваний среди детей раннего возраста[1061]. С середины 1921 г. все силы были брошены на борьбу с голодом и его непременным спутником – тифом. Численность детей в детских

[1056] Зелинская А. И., Левин С. М. Здравоохранение Карельской АССР за 50 лет советской власти. С. 5.
[1057] Там же.
[1058] Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии. С. 26.
[1059] Афанасова Е. Н. Проблемы организации охраны здоровья детей в Восточной Сибири. С. 29.
[1060] Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. С. 44.
[1061] Там же. С. 50.

учреждениях резко возросла, количество продовольственных пайков сокращалось, а средств на медикаменты не хватало. Несмотря на наблюдавшийся в 1920-х гг. взлет научно-исследовательских разработок в области педиатрии и педологии, этот период характеризовался крайне высоким процентом детской заболеваемости и смертности[1062]. Врачам приходилось лечить детей в условиях голода, практически полного отсутствия медикаментов и острой нехватки элементарных санитарно-гигиенических средств. Крайне редко в губерниях был специальный медицинский персонал, обеспечивавший полный контроль за здоровьем детей. Детские дома были обеспечены медико-санитарными средствами на 10 % или вовсе их не имели. В Карелии врачи, ссылаясь на отсутствие оплаты труда, очень редко посещали детские учреждения[1063]. Как правило, постоянные медицинские наблюдения не велись, в детдомах отсутствовали медикаменты и изоляторы. Например, в 1921 г. врач посещал Пудожский детский дом один раз в две недели и отмечал, что в санитарном отношении «единственным злом для детдома являлись клопы»[1064]. Через год медицинские осмотры детей в данном детдоме участились и стали проводиться два раза в неделю. Внешний вид ребенка мог многое рассказать о здоровье детей, так в 1921 г. при медицинском осмотре детей, переведенных из Повенецкого приюта, было выявлено следующее: «общий вид детей представляет апатичный тип, малокровный с бледными выделениями слизистых оболочек губ, глаз, ушей и лица», «многие из них нуждаются в усиленном, хорошем питании и лучших гигиенических условиях»[1065]. В этом же году в докладе Макачевского детдома отмечалось, что медицинский осмотр бывал редко, фельдшер приходил только по приглашению[1066]. В Доме ребенка в г. Петрозаводске также наблюдалась острая нехватка персонала: «нет специалистов – детских врачей, нет также сестер со специальным образованием»[1067]. Часто в учреждение поступали сестры для ухода

[1062] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 253.
[1063] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.
[1064] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 901. Л. 1об.
[1065] Там же. Д. 906. Л. 41.
[1066] Там же. Д. 923. Л. 23.
[1067] Отчет Областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО. С. 110.

за детьми, которые имели образование акушерки или педагога, но не проявляли любви к детям, что являлось «минусом в исполнении порученных им обязанностей»[1068]. Но если в детском учреждении был медицинский специалист, как, например, в Олонецком детском доме имелась специальная сестра милосердия, то заболевания детей чесоткой и другими болезнями не получали распространение[1069]. Трудность борьбы с эпидемическими заболеваниями и смертность детского населения усугублялась слабостью санитарной организации и малочисленностью медицинского персонала.

Для увеличения количества медицинского персонала требовалось решать вопрос обучения специалистов. В октябре 1917 г., накануне революции, в России действовали 17 медицинских институтов, в 1918–1922 гг. открылись еще 16[1070]. Для лучшей постановки дела борьбы с детской смертностью организовывались курсы для подготовки детских врачей и персонала, специально обученного уходу за детьми[1071]. Подготовленные кадры специалистов должны были претворять в жизнь политику партии по охране здоровья детей, в связи с чем в июле 1918 г. Школьно-санитарным отделом Наркомпроса РСФСР были проведены 6-недельные курсы для школьных врачей[1072]. В 1918 г., кроме текущего школьно-санитарного надзора, на врачей возлагались такие обязанности: «проведение в жизнь основ гигиены преподавания», «общее направление мероприятий по организации физического воспитания», «изучение санитарного состояния школ и приютов, условий жизни в них» и др.[1073] Перечень обязанностей было сложно выполнить врачу, которому приходилось обслуживать по совместительству десятки детских учреждений.

В период нэпа на местах на 38,8 % было сокращено количество школьно-санитарных врачей[1074]. Однако во многих регионах, несмотря на сокращение числа сотрудников, улучшалось качество их работы. Это связывали с тем, что

[1068] Статистический ежегодник. Карелии. 1922. Вып. II, ч. 1. С. 125.
[1069] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 57.
[1070] Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в. С. 57.
[1071] Арборе-Ралли Е. Мать и дитя в Советской России. С. 28.
[1072] Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. С. 17.
[1073] Дурново А. С., Радин Е. П. Вопросы педологии в работе Наркомздрава по охране здоровья детей. С. 18.
[1074] Радин Е. Охрана здоровья детей и подростков // Здоровые дети – светоч будущего. М., 1923. С. 5.

к делу охраны здоровья детей привлекались не случайные совместители, а идейные, более квалифицированные специалисты, работавшие исключительно в детдомах. Для улучшения теоретических основ системы подотдела Охраны здоровья детей большое значение имели проводившиеся съезды и совещания, посвященные проблемам организации профилактической и лечебной помощи детскому населению. Это была эффективная форма поиска и определения теоретических и практических направлений охраны здоровья детей дошкольного и школьного возраста[1075]. В центре внимания обсуждений на съездах и совещаниях были такие проблемы как гигиена детей в детских учреждениях, физическое воспитание и питание детей, задачи Наркомздрава в области охраны детства и др. В Карелии данные вопросы обсуждались на мероприятиях, где был охвачен широкий спектр проблем социального воспитания детей. В отчете 1921 г. фиксировалось, что для повышения квалификации работников детдомов г. Петрозаводска ежемесячно созывались собрания коллектива работников детучреждений, на которых обсуждались волнующие вопросы, читались доклады, имевшие отношение к работе в детдомах[1076]. Во второй половине 1920-х гг. в Карелии наблюдалось изменение в вопросе обеспечения края медицинскими кадрами, была заметна «большая стабильность медработников, благодаря упорядочиванию их бытовых и материальных условий»[1077].

Санитарно-гигиенические правила, которые высылались губернским ОНО для распространения, обязательного исполнения и соблюдения в детских учреждениях, не всегда могли быть обнаружены проверяющими инспекторами в детдомах[1078]. Элементарные санитарно-гигиенические правила 1920 г. состояли из правил хранения продуктов, уборки помещений, использования белья и одежды и др.[1079] В 1921 г. Ладвинский детдом обследовала руководительница медико-педагогического факультета из г. Москвы А. Ф. Беляева, которая

[1075] Альбицкий В. Ю., Шер С. А. Истоки и становление государственной системы охраны здоровья детей. С. 147.
[1076] Отчет Областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО. С. 94.
[1077] Некоторые данные о работе Карельского правительства. С. 60.
[1078] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 901. Л. 6.
[1079] Там же. Д. 470. Л. 12.

отметила полное отсутствие в учреждении системы гигиенический занятий[1080]. По уставу детского дома в учреждении должны были проводиться беседы по гигиене, применяемой во время мытья полов, стирки белья и уборки комнат[1081].

Врачи отмечали, что гигиена и педология являются корнями той профилактической работы, которая должна быть развернута как в городе, так и на селе в отношении детей и подростков. В области гигиены, наряду с учетом и нормированием физической среды, важно учитывать и социальные условия жизни детей, а физкультура – это не только физические упражнения, но и режим здоровья[1082]. Считалось, что педологический принцип, то есть обусловленность развития организма, его биосоциальная установка, должен стать обоснованием всей работы по воспитанию детей и подростков. Для успешного проведения в жизнь санитарных мер следовало учредить при каждом детском доме «Школьно-Санитарные Комиссии», которые состояли из школьно-санитарного врача, работника учреждения, воспитанников, члена волисполкома (в деревенских условиях)[1083]. Воспитанники разделяли между собой ежедневные дежурства: следили за порядком в здании, за правильным пользованием уборными и их чистотой и дезинфекцией; за личной чистотой каждого воспитанника и др.[1084] В помощь взрослым при учреждениях среди детей старших групп, начиная с 11 лет, создавались Детские Санитарные комиссии[1085]. Задача детдома определялась тем, чтобы дети уже с самого раннего возраста становились сознательными гражданами в смысле санитарного просвещения. В детских домах Карелии практика организации дежурств была распространена почти во всех учреждениях, воспитанники поддерживали удовлетворительное санитарное состояние детдомов через наряды дежурных, которые работали под общим

[1080] Там же. Д. 901. Л. 35.
[1081] Там же. Д. 1142. Л. 2об.
[1082] Радин Е. П. Задачи НКЗДрава в области физической культуры // VI Всероссийский съезд по охране здоровья детей и подростков. 16-22 ноября 1925. С. 14.
[1083] Инструкция для школьных санитарных комиссий к циркуляру № 1606 Оздравдета и Адоздравдета Наркомпроса за № 504 от 25 марта 1920 года // Радин Е. П. Что делает советская власть для охраны здоровья детей. С. 33.
[1084] Там же. С. 34.
[1085] Радин Е. Охрана здоровья детей и подростков. С. 11.

руководством и наблюдением санитарной бригады[1086]. В Макачевском детдоме дети охотно исполняли свои обязанности дежурных по спальням, столовой, кухне: «Дежурные сами режут и весят хлеб под наблюдением руководительницы, собирают посуду, разносят порции хлеба и сахарного песку на стол», «после чая дежурные убирают столовую, помогают на кухне по приготовлению обеда»[1087]. Но в некоторых детдомах замечалось незначительное участие детей в работе учреждения: «то руководительницы забудут отметить на списках детей дежурных, то дети не хотят убирать спальни»[1088].

Немаловажное значение в деле охраны здоровья детей имела организация санитарного просвещения детей и взрослых[1089]. В 1928 г. фиксировались следующие мероприятия по санитарному просвещению в АКССР: лекции, в том числе по радио, вечера вопросов и ответов, лекции в кружках, лекции во время экскурсий, лекции в сопровождении кино-передвижки, публикация статей в газете «Красная Карелия» и др.[1090] Важную роль занимали публикации газеты «Народное здоровье», в которых давались разъяснения различных заболеваний и методов их лечения. Например, один из выпусков газеты был посвящен вопросам эпидемии и способам борьбы с ними[1091], другой включал статьи о туберкулезе, его лечении, о формах борьбы с туберкулезом в Западной Европе и России[1092].

В условиях, когда в Карелии не хватало медицинского персонала, отсутствовали необходимые медикаменты, происходили эпидемии, приводившие к росту детской смертности, разрабатываемые Наркомздравом инструкции и правила не получали реального воплощения на местах. Недостаточное финансирование, отсутствие специальных помещений, постельных принадлежностей, достаточного количества одежды зачастую делали невозможным соблюдение даже элементарных гигиенических норм. Санитарное состояние детдомов оценивалось инспекторами Деткомиссии при КарЦИК как

[1086] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.
[1087] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 28.
[1088] Там же. Л. 31об.
[1089] Афанасова Е. Н. Проблемы организации охраны здоровья детей в Восточной Сибири. С. 30.
[1090] Справочная книжка автономной Карельской социалистической Советской республики. С. 205.
[1091] Народное здоровье. Петрозаводск, 1923. № 1/2. С. 1–3, 9–11.
[1092] Там же. 1922. № 13/15. С. 1–28.

неудовлетворительное, поскольку гигиенические условия чаще всего были «скверными»[1093]. Это подтверждалось и обследованием детучреждений в 1921 г., предпринятым по инициативе Комиссии при ВЦИК, показавшим тяжелое положение детских учреждений по всей стране, особенно «в смысле снабжения и санитарного благоустройства»[1094]. Плохое питание приводило к постоянным болезням детей, а некоторые заболевания было невозможно предотвратить из-за отсутствия мыла, масла для лекарств, аптечек[1095]. Обеспечение медикаментами было недостаточным, в отчетах Областных учреждений КТК на 1 октября 1921 г. это подтверждалось: снабжение крайне мало, «ощущается острый недостаток в особенности в жирах, наркотиках, жаропонижающих и перевязочных средствах»[1096]. На каждого ребенка полагалось выдавать ½ фунта мыла в месяц[1097], но и эту скудную норму удавалось получить далеко не всегда. Нормативы в Карелии отличались, в смете на обеспечение детдомов в 1920 г. закладывалось на ребенка по 1 фунту мыла в месяц на мытье и стирку[1098], однако и эта норма в реальности не соблюдалась. Когда выдача мыла прекращалась, воспитанникам выдавался в баню щелок[1099]. Часто местные больницы отказывались содержать детей «необутыми, неодетыми, голодными, грязными»[1100]. Не только мыло, но и вода иногда являлась дефицитом в детском учреждении. Ее не всегда хватало даже для приготовления пищи, многие учреждения не были оборудованы водопроводом, сотрудникам и детям приходилось пользоваться колодцем, который зачастую находился в аварийном состоянии. Так, обследование в 1921 г. Пудожского детдома выявило наличие колодца, который требовал ремонта: «необходимо его починить, вставить новые трубы, вычистить»[1101]. Отсутствие собственного колодца заставляло сотрудников и воспитанников детдомов носить воду из водоема или соседнего колодца.

[1093] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 22.
[1094] Радин Е. Охрана здоровья детей и подростков. С. 4.
[1095] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 689. Л. 19.
[1096] Отчет Областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО. С. 108.
[1097] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 689. Л. 26.
[1098] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 13. Д. 80. Л. 3об.
[1099] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 36об.
[1100] Там же. Д. 689. Л. 19.
[1101] Там же. Д. 901. Л. 1об.

В некоторых детских домах детям приходилось умываться на озере или во дворе учреждения[1102]. Редко учреждение имело собственную баню, руководителям приходилось арендовать бани у местного населения. Воспитанники посещали баню нерегулярно, чаще всего два раза в месяц, иногда мылись из общего корыта, в котором стирали и белье[1103]. Не всегда у воспитанников детдомов была возможность надеть свежее белье и вытереться чистым сухим полотенцем.

В исследуемый период продвигалась идея о важности тесного взаимодействия между врачами и педагогами в деле охраны здоровья ребенка[1104]. Работники детских домов старались поддерживать чистоту в учреждениях, но иногда это было невозможно добиться из-за перегруженности помещения детьми. Как отмечает исследовательница Лорэн де ля Фэ, советская идентичность для детей в области оздоровительных практик была ответственностью взрослых (педагогов, педиатров)[1105]. Несмотря на то, что надзор за гигиеническими процедурами и медицинским обслуживанием детей являлся обязанностью взрослых, главной целью педагогов было приспособление детей к гигиеническим процедурам и другим практикам ухода за телом[1106]. Педагогический персонал должен был принимать активное участие в систематическом проведении плана гигиенического воспитания среди детей[1107]. Успешное проведение данного плана было невозможно без достаточной подготовки сотрудников детского учреждения. В учебных планах всех учреждений для детей и подростков выделялись специальные часы для занятий физической культурой и санитарного просвещения[1108]. Воспитанникам прививались гигиенические навыки, например, как следовало из отчета руководителя в Макачевском детском доме дети постепенно привыкли «к опрятности без всяких понуканий руководителей»,

---

[1102] Там же. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 9. Л. 59.
[1103] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 901. Л. 6.
[1104] Радин М. К учету работы по охране здоровья детей и подростков на местах в 1922 году // Здоровые дети – светоч будущего. С. 18.
[1105] Loraine de la Fe. Empire's Children: Soviet Childhood in the Age of Revolution. Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in history. Miami, Florida. 2013. P. 76.
[1106] Ibid. P. 76.
[1107] Страшун И. Д. Единый план гигиенического воспитания // Здоровые дети – светоч будущего. С. 92.
[1108] Радин Е. П. Резолюция по докладу о гигиеническом био-социальном воспитании // Педологический журнал. 1924. № 1 (4). С. 120.

следили за чистотой лица, рук, тела и одежды[1109]. Во время осмотра Пудожского дошкольного детдома инспектор Наркомпроса АКССР обратил особое внимание на важность привития санитарно-гигиенических навыков воспитанникам, а именно, умения обращаться с носовым платком, чистить зубы, мыться перед сном и др.[1110] Санитарно-гигиеническими правилами предусматривалась вечерняя гигиена воспитанников, с этой целью каждый ребенок должен был быть обеспечен своим полотенцем, зубной щеткой и гребешком[1111]. Гигиеническое воспитание подрастающего поколения представляло одну из существенных частей общей программы оздоровления населения.

Часто в учреждениях отсутствовали изоляторы для больных детей, например, в 1926 г. было выявлено, что Кемский детдом был совершенно не приспособлен для содержания заболевших детей: «нет изолятора», «кубатура воздуха мала»[1112], поэтому больные дети находились в общей спальне со здоровыми детьми. Так, больная воспитанница Кемского детдома в течение двух суток находилась в общей спальне, имея температуру тела выше 39 градусов[1113]. В детдоме были «дети-мочевики», к которым никаких мер, кроме пробуждения ночью, не принималось. Сами дети, боясь намочить постельное белье, снимали его на ночь и спали совершенно голыми на досках[1114]. Большинство детей болели чесоткой[1115], о чем свидетельствовали отчеты и обследования инспекторов Наркомпроса АКССР. Наличие вшей и чесотка стали настолько привычным явлением, что их перестали считать заболеваниями[1116]. Отмечалось, что кожные болезни не опасны для жизни, но очень тягостны для больных и представляют угрозу для окружающих, так как легко передаются от больного к здоровому, если больные пользуются со здоровыми детьми одной постелью, головными уборами,

---

[1109] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 900. Л. 4.
[1110] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 409. Л. 166.
[1111] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 470. Л. 12.
[1112] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 197. Л. 1.
[1113] Там же. Р-726. Оп. 1. Д. 18. Л. 99об.
[1114] Там же.
[1115] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 923. Л. 9.
[1116] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 253.

полотенцами и т. п.[1117] Именно это мешало вести борьбу с эпидемией чесотки: дети спали по двое на одной кровати[1118], валялись на грязных подушках, не имея совершенно наволочек[1119]. Возможность заражений уменьшалась при соблюдении тщательной чистоты тела и белья детей путем частых омовений, но и это осложнялось отсутствием мыльных принадлежностей, личных полотенец или бани в детском доме.

Поскольку после питания для укрепления здоровья детей на первом месте стояли «лучшие доктора – солнце и воздух»[1120], в исследуемый период в летнее время воспитанников детдомов вывозили в колонии. Например, каждое лето ребята Кемского детского дома проездом через море отправлялись за 15 верст от г. Кемь в небольшой арендованный домик. После данного отдыха в отчетах фиксировалось, что «здоровье детей после лета бывает превосходное»[1121]. Врач Е. П. Радин отмечал важность летних колоний: «труд на свежем воздухе и на солнце – в поле и в лесу, на огороде – вот источник здоровья деревенской детворы»[1122].

В 1926 г. в докладе по отчетам детдомов в Карелии было отмечено отсутствие правильного медицинского надзора на местах, прикрепленных врачей к детским домам, редкий и нерегулярный общий осмотр детей[1123]. Это объяснялось недостаточным количеством медицинского персонала. В 1921 г. на территории КТК работало 23 врача, 76 фельдшеров, 23 сестры милосердия, 27 акушерок и 342 человека из вспомогательного персонала[1124]. Из данного списка медико-санитарного персонала только две сестры милосердия работали в детских учреждениях на постоянной основе, остальные работники посещали детские дома

[1117] Бекарюков Д. Что такое заразные болезни и как вести против них борьбу // Здоровые дети – светоч будущего. С. 70
[1118] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 923. Л. 23.
[1119] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 492. Л. 238
[1120] Радин Е. П. Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. С. 5.
[1121] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 197. Л. 5.
[1122] Радин Е. П. Что делает советская власть для охраны здоровья детей. С. 6.
[1123] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 197. Л. 179.
[1124] Отчет Областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО. С. 110.

по совместительству[1125]. В 1925 г. в г. Петрозаводске функционировала детская амбулатория, в которую за год поступило 26 991 обращение, и действовал врачебно-педагогический кабинет, обслуживавший за год 3544 человека[1126]. Наркомздрав АКССР пытался решить вопрос с нехваткой кадров, поэтому периодически отправлял участковых врачей «на организуемые курсы усовершенствования» в г. Ленинграде[1127]. Так, в 1924–1925 гг. на курсы было отправлено 6 человек, в 1925–1926 гг. – 9[1128]. Количество медперсонала в Карелии постепенно росло и в 1926 г. врачей насчитывалось 87 человек, фельдшеров – 180, акушерок – 59, а также 3 фармацевта и 15 зубных врачей[1129]. В 1929 г. учреждения по охране здоровья детей имелись только в г. Петрозаводске, где работала детская профилактическая амбулатория с пятью кабинетами, проводившая профосмотры, лечение дошкольников и школьников[1130]. Также детское население города обслуживалось тремя школьными санврачами.

В первой половине 1930-х гг. ситуацию с обеспечением детдомов врачами удалось поменять: врачи прикреплялись к детским домам, систематически посещали учреждения, следили за больными детьми и своевременно оказывали медицинскую помощь. В 1933 г. обследование первого детдома в г. Петрозаводске показало, что обслуживание врачами было достаточное, санитарное состояние учреждения – удовлетворительное[1131]. Первый детдом в г. Петрозаводске врач стал посещать два раза в неделю, производил прием в определенный день и вел плановую работу по осмотру детей[1132]. Улучшению медицинского контроля за детьми помогало именно закрепление врача за учреждением, так в 1934 г. медико-санитарное обследование детского приемника выявило, что после закрепления за ним врача и медсестры

[1125] Сведения взяты из таблицы «О количестве медико-санитарного персонала в учреждениях Кароблздравотдела в городах области по состоянию на 1 октября 1921 г.» // Отчет Областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО. С. 112.
[1126] Статистический обзор АКССР, 1925 и 1926 гг. С. 38.
[1127] Колесьянкина И. И. Здравоохранение в Карелии в период нэпа. С. 136.
[1128] НА РК. Ф. Р-580. Оп. 4. Д. 79. Л. 81.
[1129] Справочная книжка автономной Карельской социалистической Советской республики. С. 202.
[1130] Некоторые данные о работе Карельского правительства. С. 61.
[1131] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 5. Л. 36.
[1132] Там же.

выправилось медицинское обслуживание[1133]. Отмечалось, что и санитарное состояние детского приемника стало вполне удовлетворительным: «в столовой, спальне, в красном уголке создан уют, в уборных стало чисто»[1134].

В 1931 г. Деткомиссия при ВЦИК разработала план организации системы медико-санитарного обслуживания воспитанников детских домов, по которому устанавливался следующий порядок и штаты для медико-санитарного обслуживания детских городков: наличие детей от 150 до 250 человек: необходимо обслуживание освобожденного врача, воспитателя-сестры, наличие четырех оборудованных коек и аптечки; наличие детей от 250 и свыше детей: врач, сестра, техничка, 8 оборудованных коек, аптечка[1135]. Разработка плана была вызвана запущенностью медико-санитарного обслуживания детдомов, вследствие чего состав воспитанников учреждения был педагогически неоднороден, и часть детей была подвержена болезням, требующим длительного лечения[1136].

Частую смену врачей по медико-санитарному обслуживанию детдомов старались устранить. Обследование Повенецкого детдома для трудновоспитуемых, проведенное в 1932 г., показало положительные изменения в санитарном состоянии учреждения. Дети самостоятельно поддерживали санитарно-гигиенический порядок детдома через наряды дежурных, работавших под общим руководством и наблюдением санитарной бригады[1137]. Посещение детьми бани было налажено и стало регулярным, поскольку удалось оборудовать ее во дворе учреждения. В отчете фиксировалось, что «вшивость изжита совершенно и санитарный минимум навыков детям привит в достаточной степени»[1138]. Воспитанники Повенецкого школьного детдома в 1934 г. на общем школьном медико-санитарном осмотре оказались в лучшем состоянии по сравнению с родительскими детьми. В этот же период происходило изъятие всех «больных, умственно-отсталых и дефективных детей», не соответствующих

[1133] Там же. Д. 9. Л. 1.
[1134] Там же.
[1135] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 492. Л. 100.
[1136] Там же.
[1137] Там же. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.
[1138] Там же.

для детских домов нормального типа, и определение их в подходящие детские учреждения[1139]. Однако случаи нахождения больных детей со здоровыми были отмечены и после проведенного изъятия, так, в отчете Деткомиссии при КарЦИК 1933 г. говорилось, что «почти во всех домах состав воспитанников засорен умственно-отсталыми, инвалидами», из 16 детдомов подлежало переводу 54 ребенка[1140]. В 1934 г. при обследовании детдома в г. Петрозаводске при наличии в учреждении изолятора в общей спальне была обнаружена девочка больная свинкой, также здесь находилась «девочка больная костным туберкулезом с открытыми свищами»[1141]. В отчетах часто отмечалось, что изоляторы не оправдывали своего назначения: это была обычно отдельная, но не изолированная комната[1142]. В статье газеты «Красная Карелия» отмечалось, что «санитарная и медицинская помощь – вот самые больные вопросы быта воспитанников детдомов в Петрозаводске и районах, вот первопричины все еще неудовлетворительного состояния большинства детских домов Карельской АССР»[1143].

Для первой половины 1930-х гг. было характерно проведение конкурсов на лучшее состояние детских учреждений, где учитывалась и санитарная обстановка в детдомах. Так, в 1935 г. конкурс обсуждался на заседании Президиума Деткомиссии при КарЦИК, на котором констатировали тот факт, что данное мероприятие позволяло наметить дальнейшие шаги по улучшению санитарного состояния детдомов[1144]. В исследуемый период заметны изменения, происходившие в деле медицинского обслуживания воспитанников детских домов. Постепенное привитие санитарно-гигиенических норм детям способствовало улучшению внутреннего положения детского учреждения, уменьшило количество заболеваний среди воспитанников детдомов. Но и в данном вопросе жизнеобеспечения детей были трудности, с которыми

[1139] Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.
[1140] Там же. Д. 3. Л. 10.
[1141] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 7.
[1142] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
[1143] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 21.
[1144] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 23. Л. 5.

можно было справиться только при улучшении материальной базы учреждения, «разгрузке» детских домов и решении кадрового медицинского вопроса. Недостаток мыла, белья, невозможность организации бани, редкая и плохая стирка одежды продолжали приводить к распространению среди воспитанников таких заболеваний, как вшивость и чесотка.

Изучение отчетной документации детских учреждений Карелии, Наркомпроса АКССР и Деткомиссии при КарЦИК дало возможность увидеть общую картину жизнедеятельности детдомов по исследуемым параметрам. По форме отчета руководители учреждений, инспектора Наркомпроса чаще всего выделяли положительные и отрицательные стороны работы детдомов, особенно отмечая проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться. При обращении к позитивным моментам деятельности детдома обследователи и руководители старались в равной степени донести до контролирующего органа роль работников и воспитанников учреждения, советской общественности в его работе. И многое в отчетной документации определялось личностью инспектирующего или заведующего детдомом, которые в разных масштабах могли продемонстрировать внутренние достижения и недостатки учреждения. Чаще всего на фоне общей характеристики положения детского дома воспитанники разных учреждений воспринимались проверяющими как «безликая масса» со схожими проблемами, иногда выделялись отдельные дети, которые, например, были подвергнуты медицинским заболеваниям, участвовали в деле организации дежурства или были привлечены к ответственности за порчу, кражу продуктов или обмундирования и др. В этих случаях автор отчета старался дать обзор сложившейся ситуации с описанием дальнейших действий по решению данных проблем.

Таким образом, в 1918 – первой половине 1930-х гг. жизнеобеспечение воспитанника детского дома определялось нормативами, устанавливаемыми из центра. Анализ таких параметров, как материальная база учреждения, продовольствие, обмундирование, медико-санитарное обслуживание, позволил увидеть, как формировалась в действительности система обеспечения ребенка в детдоме. Предпринятая попытка сравнить нормативы и реальное снабжение

детей питанием, одеждой, обувью и др. подтвердила тот факт, что нормы крайне редко реализовывались на местах. Это было связано с множеством проблем, с которыми сталкивались детские дома в ходе обеспечения «государственного ребенка»: недостаток финансирования, неудовлетворительная материальная база учреждения, отсутствие необходимого сырья, некачественное продовольствие, нехватка медицинских кадров и др.

В исследуемый период заметно выделение трех основных этапов, в равной степени характеризовавших состояние всех выделенных параметров обеспечения «государственного ребенка». Для первого этапа присущ большой спектр проблем, с которыми приходилось бороться руководителям детских домов. Планы советского руководства по переустройству жизни детдомовцев в соответствии с провозглашенным в Советской Республике новым положением ребенка в обществе и государстве фактически свелись к спасению их от голодной смерти. В начале 1920-х гг. строительство специальных зданий для детских домов в Карелии не осуществлялось, редко можно было встретить учреждение полностью обеспеченное всем необходимым для проживания ребенка. В этот период в вопросе обеспечения воспитанника детдома начинали складываться единые нормы по всем параметрам, зачастую отличавшиеся от нормативов центра. Несмотря на имевшиеся проблемы, определилась схема финансирования детских учреждений, установились «нормы стоимости» воспитанников, постепенно складывалась материальная база детдомов, велась подготовка медицинского персонала для обслуживания детей. С передачей на местный уровень вопросов, связанных с финансированием детских учреждений, произошло замедление данной деятельности в Карелии. Для второго этапа характерно появление новых возможностей в системе жизнеобеспечения ребенка, позволивших подняться некоторым детским домам на другой уровень. Подсобные хозяйства и собственные мастерские детдомов, привлечение дополнительных ресурсов через Деткомиссию при КарЦИК и шефские организации, развитие вакцинации – все это способствовало улучшению положения воспитанника детского дома Карелии. Для третьего этапа свойственно появление дополнительных распоряжений по

вопросам обеспечения детей, а также улучшение состояния мастерских и огородов. В деле медицинского обслуживания были заметны изменения к лучшему после закрепления врачей и медперсонала за конкретными детскими учреждениями.

В изучаемый период полного разрешения проблем в системе жизнеобеспечения ребенка не было достигнуто, однако наблюдалось определенное улучшение в обеспеченности продовольствием, обмундированием, медикаментами воспитанников детских домов. При постоянной материальной необеспеченности, при холоде и нужде сотрудникам детского дома приходилось осуществлять не только дело по жизнеобеспечению нуждающегося ребенка, но и по его воспитанию в духе требований и задач государства.

§ 3. «Государственный ребенок» и его социализация в детских учреждениях

В условиях становления Советского государства важнейшей задачей для власти являлось воспитание молодого поколения, которое смогло бы ответить вызовам своего времени. Поэтому в первые годы советской власти был сформулирован основополагающий принцип образования – воспитание «нового человека», активного участника социалистического строительства, преданного идеям коммунизма. Немало специалистов считало, что семья в индустриально развитом обществе потеряет свое значение не только как хозяйственная единица, но и как место социализации детей[1145]. В соответствии с этим пересматривалось содержание обучения, началась разработка новых программ, внедрялись новые методы работы с детьми. В систему образования, воспитания «нового человека» включались все учреждения, в том числе и детские дома. Непосредственным организатором этой работы выступал Наркомпрос РСФСР во главе с А. В. Луначарским, а реализация данных принципов была возложена на сотрудников детских учреждений. Интерес к теме воспитания «нового человека» отразился в трудах теоретиков и практиков 1920–30-х гг.: государственных деятелей, педагогов, психологов. Среди них разворачивались дискуссии об идеале «нового человека», путях изменения системы образования, идеальных методах воспитания и обучения и др.

Помещение несовершеннолетних в детские дома являлось основным способом решения проблемы детской беспризорности в Советской России в 1918 – первой половине 1930-х гг. В первые годы существования советской власти детский дом играл крупную роль, занимая большое место в системе народного образования[1146]. Первое Всероссийское партийное совещание по народному просвещению в 1921 г. определило место детдома в общей системе народного образования как форму, наиболее отвечающую целям и задачам социального

[1145] Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии. С. 18.
[1146] Крупская Н. Беспризорный детский дом. С. 9.

воспитания детей[1147]. Детдом охватывал полностью жизнь, воспитание и обучение ребенка в общественной обстановке «без разлагающего влияния индивидуалистической семьи» и организовывался «в пролетарском государстве не как педагогическая прихоть, а как единственно возможная и рациональная форма общественного спасения детей»[1148]. «Детский дом должен быть учреждением, дающим ребятам возможность всестороннего физического развития, дающим детям серьезный запас знаний, умение прилагать их к жизни, дающим привычку к труду, уменье коллективно жить»[1149]. Когда сироты, беспризорники, дети-правонарушители становились «государственными детьми», с ними приходилось много работать. В массе своей «исходный материал» плохо согласовывался с идеалом «нового человека». Детские дома принимали участие не только в ликвидации массовой детской беспризорности, достигшей своего пика в 1922 г., но и являлись иногда экспериментальной площадкой для новых педагогических теорий. Таким образом, детский дом признавался лучшей формой учреждения, отвечающей цели социального воспитания детей.

Изначально воспитание детей-сирот и беспризорных в Карелии имело определенные трудности. Одно из уязвимых мест в деятельности детского дома – малая подготовленность педагогического персонала к работе в нем из-за отсутствия в прошлом практики социального воспитания[1150]. Педагоги дореволюционной школы, лояльные советской власти, не могли полностью удовлетворить назревшую потребность, кроме того, доверить им воспитание «нового человека» государство не могло, исходя из идеологических соображений[1151]. Для успешной работы с детьми требовались квалифицированные педагоги и воспитатели. Считалось, что с детьми должны работать люди, обладающие не только высокими профессиональными качествами, но и соответствующей идеологической подготовкой, правильным «классовым

[1147] Угарова Е. Деревенский детдом на новых путях // Детский дом. 1930. № 5. С. 28.
[1148] О новом курсе работы охраны детства // Детский дом. 1930. № 2–3. С. 3.
[1149] Васильева В. Н. К. Крупская в детском доме. К 60-ти летнему юбилею. // Детский дом. 1929. № 1. С. 6.
[1150] Крупенина М. Детские дома. С. 116.
[1151] Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР. С. 289.

лицом»[1152]. Причем последние качества зачастую значили больше, чем профессионализм и уровень образования. Как отмечала Н. К. Крупская, в детских домах не было надлежащего подбора педагогов, туда очень часто шли воспитатели старых приютов, люди, «не имевшие ни малейшего представления о воспитании»[1153]. Так, обследование Палеостровского детдома в 1921 г. показало отсутствие в учреждении необходимых кадров: персонал не отвечал предъявляемым требованиям, при этом совмещая несколько функций (заведующий исполнял роль и учителя, и воспитателя, был постоянно перегружен хозяйственными нуждами детдома)[1154]. Позже заведующих детдомов занесли в список работников с ненормированным рабочим днем. В Карелии в этот список попали заведующие приемно-распределительного пункта, практически всех детдомов г. Петрозаводска и Палеостровского детдома[1155].

Вопрос с педагогическим персоналом осложнялся тем, что не было аппарата, который занялся бы подготовкой работников для детских домов. Устраивались курсы, лекции, кружки для школьных работников, но для сотрудников детских домов требовалось совершенно другое[1156]. В детдомах педагогического персонала было очень мало, на одного руководителя приходилось 50 и больше детей[1157]. Подбор работников в детский дом был совершенно случаен, порой воспитателями становились люди ничего общего не имевшие с педагогикой. Из отчетов Наркомпроса АКССР следовало, что данных специалистов в крае не хватало, проблему отсутствия кадров пытались решить через организацию курсов по подготовке и переподготовке работников детских учреждений. В 1919–1921 гг. прошли губернские съезды дошкольных работников, на которых обсуждались проблемы семейной и общественной педагогики[1158]. На курсах работники

[1152] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 225.
[1153] Крупская Н. Беспризорный детский дом. С. 10.
[1154] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 940. Л. 8.
[1155] Выписка из протокола совещания представителей учреждений по вопросу об установлении ненормированного рабочего дня, для ответственных и политических работников, состоявших на государственном, главгородском и республиканском бюджетах от 16 ноября 1928 г. // Бюллетень Наркомпроса Карельской АССР. 1929. № 3. С. 39–41.
[1156] Крупенина М. Детские дома. С. 117.
[1157] Там же. С. 116.
[1158] Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии. С. 19.

знакомились с трудами педагогов, обращавшихся к идее воспитания «нового человека». Иногда на губернские курсы приезжали лекторы из Москвы[1159], знакомившие местных воспитателей и педагогов, например, с практикой организации работы с трудновоспитуемыми детьми, с деятельностью учреждений дошкольного воспитания и др. С 1920 г. стали проводиться губернские двухмесячные курсы по подготовке руководителей детских домов. Программа курсов включала дисциплины, начиная с организации самих учреждений до знания психологии ребенка (таблица № 8). Но за два месяца учебы на курсах получали лишь поверхностные знания. По отчету отдела Охраны детства следовало, что из посещавших курсы в 1920 г. 60 человек, свидетельство об окончании получило 34[1160]. В том же году были организованы пятинедельные курсы на 70 человек, больше половины слушателей стали работать в учреждениях в качестве практикантов. В 1921 г. в г. Петрозаводске были организованы четырехмесячные курсы для подготовки руководителей детских домов и садов в областном масштабе на 70 человек[1161]. Организовать курсы на местах в Карелии не представлялось возможным, об этом свидетельствовали, например, выписки заседаний местных ОНО, на которых предлагалось ежегодно командировать несколько человек на педагогические курсы в г. Петрозаводск[1162]. Те курсы, которые устраивал Наркомпрос в 1920–1921 гг. для подготовки работников детских домов, затрагивали слишком общие вопросы и «по своим размерам были каплей в море вопросов для работников, которые в них нуждались»[1163].

Работники, которые трудились в детдомах, в большинстве случаев были малоопытными, неквалифицированными, без достаточной педагогической практики. Например, в Доме матери и ребенка в г. Петрозаводске выделялась единственная проблема учреждения – это «недостаточность знаний и опыта у некоторых сестер и нянь»[1164], что постепенно старались изжить путем

[1159] Там же. С. 18.
[1160] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 52. Л. 35.
[1161] Там же. Д. 898. Л. 1.
[1162] Там же. Д. 689. Л. 13.
[1163] Крупенина М. Детские дома. С. 117.
[1164] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.

устройства краткосрочных курсов. В отчетах обследователей отмечалось, что в дошкольных учреждениях воспитанники чаще всего не получали достаточного внимания со стороны персонала, поэтому была заметна «отсталость детей в развитии»[1165]. Большей частью в детские дома попадали люди без определенного педагогического призвания, избравшие работу в данных учреждениях для того, чтобы «она, давая кров и пищу, спасала их от голодной смерти»[1166]. Об этом свидетельствовали отчеты инспекторов Наркомпроса АКССР, фиксировавшие сведения о том, что персонал детдомов для удовлетворения собственных потребностей использовал продовольствие воспитанников[1167]. К тому же заработную плату работникам детских учреждений платили крайне нерегулярно, так, в начале 1920-х гг. работники детских домов не получали зарплату по несколько месяцев, часто не имели нормального жилья, были уставшими и озлобленными[1168]. Из годового отчета Кемского детдома следовало, что заведующий и воспитатели отдавали работе в учреждении больше положенного количества времени, не получая компенсацию за переработку часов. Отсутствие необходимого штата работников осложняло положение учреждения, воспитатели вынуждены были работать сверх нормы. Так, в 1925 г. в детдоме на 51 воспитанника приходилось 2 воспитателя, одна окончила 7 классов гимназии и имела опыт работы 4 года, вторая – педагогические курсы и 3 года работала в детдоме[1169]. По отчетам Наркомпроса АКССР в 1925 г. состав педагогов в детских домах школьного типа был следующим: «по образовательному цензу: специально педагогическое 15 человек (25,4 %), среднее – 33 (55,9 %), низшее – 11 (18,7 %)», по стажу: от 0 до 5 лет – 24 человека, от 5 до 10 лет – 11, от 10 до 15 лет – 6, от 15 до 25 лет – 4, свыше 25 – 3[1170]. В дошкольных детдомах распределение было схоже: «по образовательному цензу: среднее – 15 человек (48,7 %), епархиальное – 7 (22,5 %), низшее – 9 (29,1 %)», по стажу: от 1 до 3 лет –

[1165] Там же.
[1166] Крупенина М. Детские дома. С. 116.
[1167] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 901. Л. 36.
[1168] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 225.
[1169] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 197. Л. 1об.
[1170] Там же. Д. 98. Л. 14.

13 человек, от 3 до 5 лет – 11, от 5 до 10 лет – 7[1171]. В детских домах в основном работали педагоги, получившие среднее или специально педагогическое образование. Педагогическим опытом сотрудники детских учреждений Карелии могли обмениваться на областных конференциях, совещаниях работников социального воспитания[1172].

Кроме местных курсов, Наркомпрос АКССР отправлял делегатов на обучение в г. Москву или г. Петроград (г. Ленинград). Еще в 1919 г. в г. Москве и других крупных городах были открыты курсы для подготовки воспитателей детдомов, в 1921 г. начал работу Московский педагогический институт детской дефективности, в г. Петрограде подготовкой специалистов занимался Институт социального воспитания нормального и дефективного ребенка, а также Педологический институт[1173]. Так, в 1920 г. «из [Олонецкой] губернии были командированы 11 человек в Петроград на курсы по подготовке руководителей детских домов-коммун, 2 человека – на курсы при санатории проф. Кащенко Института изучения ребенка в Москве»[1174]. В отчетах начала 1920-х гг. говорилось о малом количестве желающих поехать на курсы в центр, что объяснялось недостаточным финансированием поездок и необходимостью оставления работы на местах без замещения. Уровень квалификации педагогических кадров был препятствием для качественной организации воспитательной работы в детдомах. Проводившиеся курсы были явно недостаточной мерой в этом плане и не могли компенсировать недостающее количество работников в системе социального воспитания. Сложность в деятельности сотрудников детских домов заключалась в том, что на протяжении исследуемого периода менялись педагогические концепции, что дезорганизовывало специалистов на местах и снижало качество педагогической работы. Так, в начале 1930-х гг. на взлете находилась педология, а уже во второй

[1171] Там же. Л. 16.

[1172] Например, Петрозаводская городская конференция работников социального воспитания (март – апрель 1923 г.), Совещание по вопросы борьбы с детской дефективностью (январь 1924 г.), I Областная конференция работников детских домов (август – сентября 1925 г.), Всекарельская конференция работников детских домов (апрель 1926 г.) и др.

[1173] Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР. С. 290.

[1174] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.

половине 1930-х гг. она была объявлена буржуазной псевдонаукой, с которой необходимо было бескомпромиссно бороться[1175].

В 1929–1930 гг. Наркомпрос АКССР основал школьно-педологический кабинет, деятельность которого была сконцентрирована на организации методической помощи и поддержке школам Карелии, руководстве программно-методической работой в области социального воспитания и педагогического образования в массовых учреждениях Соцвоса[1176]. Кабинет состоял из двух отделов: методического (русского и финского) и педологического[1177], а его штат – из методиста-комплектиста (педагога), педолога, методиста (финна по национальности) по национальным школам[1178]. В обосновании структуры и штата Наркомпроса АКССР в 1929–1931 гг. значились следующие функции педолога: «проводит педологическое изучение детских контингентов детских садов, школ, анализирует и обобщает изученный материал, делает выводы из него достоянием работников, проводит инструктаж и консультацию для работников с т. з. проведения принципов педологии, организует выставки-музеи»[1179] и др. В предложенном перечне функционала отсутствовали сведения о работе педолога с контингентом детдомов. Несмотря на это, в исследуемый период при некоторых детских учреждениях для детей-сирот и беспризорных Карелии находился штатный работник-педолог. Например, при приемно-распределительном пункте работал педолог, выполнявший педологический контроль и обследование воспитанников детских учреждений. Один штатный работник не мог осилить всю нагрузку по обследованию детей учреждений закрытого типа, поэтому развитие педологической практики на местах находилось на начальном уровне.

В рассматриваемый период формировалась система средних специальных учебных заведений, в число которых входили русский и финский педагогические техникумы. Некоторые выпускники данных учреждений в качестве педагогов поступали на работу в детдома Карелии, не представляя всех трудностей такой

[1175] Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии. С. 24.
[1176] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 21. Л. 80.
[1177] Там же. Д. 448. Л. 36.
[1178] Там же. Л. 32.
[1179] Там же. Д. 431. Л. 42.

деятельности. Об этом свидетельствовали их письма, так, в 1934 г. бывшие студенты Педагогического техникума обращались с посланием к своим преподавателям, в котором они не только благодарили учителей, но и описывали сложности работы с трудновоспитуемыми детьми в Палеостровской колонии (до 1934 г. – детский дом): «Вчера я надел новенький костюмчик, и ребята меня так обмазали мелом, что я стал белым»[1180], «вот начнем урок с несколькими учениками, а они на уроке начнут картошки печь, тут же едят, пьют, ругаются в три шеи и нас обругивают»[1181]. Другая выпускница писала следующее: «Сообщаю вам, что я работаю не в школе, а в детском доме. Воспитанники живут в детском доме в возрасте от 8 до 13 лет. Ребята очень распущенные и очень трудно с ними что-нибудь организовать. Очень я желаю работать в школе, но никак не отпускают отсюда»[1182]. Преподаватели отвечали своим выпускникам, что огорчены тем, что не смогли подготовить настоящих педагогов: «Мы считаем в то же время, что вы пошли не по тому пути, которому учит нас т. Сталин, похоже, что вы испугались трудностей. Вы, оказывается, думали, что прочитать методики будет достаточно для работы»[1183]. Деятельность педагогов Палеостровской колонии была осложнена тем, что детское учреждение было специализированным, в нем содержались несовершеннолетние правонарушители, трудновоспитуемые дети, для воспитания и обучения которых требовалось применение особых методик, которые не преподавались студентам местного техникума. Работать с детьми, бывшими таковыми только по возрасту, но не по поведению и самоощущению, успевшими познать все «прелести» уличной жизни, педагоги в большинстве своем не просто не хотели, но и боялись[1184]. Подбор воспитательного персонала в подобные учреждения производился не по выбору с учетом индивидуальных способностей, а по принципу приема тех, кто согласился пойти на эту трудную и нервозную работу[1185].

[1180] Там же. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.
[1181] Там же. Л. 34.
[1182] Там же. Л. 37.
[1183] Там же. Л. 45.
[1184] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 235.
[1185] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 31.

В 1930 г. Наркомпросу АКССР было предложено решительно улучшить состав педагогических кадров в детских домах, в связи с этим было решено организовать подготовку кадров из «рабоче-крестьянского актива, а в особенности из комсомольцев путем практикумов и краткосрочных курсов»[1186].

В условиях острой нехватки образованных управленцев, низкого уровня подготовки партийных кадров власть стремилась превратить учителей в агентов партийно-государственной политики и пропагандистов социализма[1187]. Считалось, что в первые годы существования детских домов и колоний вся педагогическая работа в них стала сосредотачиваться в руках особого типа работников, получивших название воспитателей. Это были педагоги-универсалисты, мастера на все руки[1188]. В 1930-х гг. работников просвещения делили на три группы. К первой относили вполне преданных делу строительства социализма, в своей повседневной работе осуществлявших стоящие перед ними задачи вместе со всей передовой пролетарской общественностью[1189]. Ко второй причисляли большую часть педагогов, которые в результате недостаточной квалификации и низкого общественно-политического уровня не могли угнаться за темпами культурного строительства. Этой категории необходимо было поднять свою квалификацию и общественно-политический уровень путем самообразования и разного рода курсов, а также и заочного обучения. И наконец, к третьей группе относились люди с чуждой идеологией, которым «непонятны и противны задачи комвоспитания и которые на административных должностях проявляли в своей повседневной работе бесхозяйственность, волокиту в скрытой или явной форме и нередко просто вредительство»[1190]. Считалось, что эту группу необходимо было всячески выявлять и очищать свои ряды от нее. В 1930-е гг. массовой формой подготовки и переподготовки кадров становились краткосрочные педагогические курсы, слушателями которых были выдвиженцы

[1186] Там же. Д. 24. Л. 1.
[1187] Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг. С. 103.
[1188] Данилыч. Какой работник нужен детдому // Детский дом. 1929. № 6. С. 11.
[1189] Савельев Д. Детдом и кадры // Детский дом. 1930. № 4. С. 14.
[1190] Там же. С. 15.

из рабочей и крестьянской среды[1191]. В 1931 г. председатель Деткомиссии при ВЦИК Н. А. Семашко отмечал, что «ставка на работниц и крестьянок поможет разрешить больной до сих пор вопрос о кадрах. Эти не расхитят народное добро, не разведут бесхозяйственность, не будут бездушными чиновниками»[1192].

Однако не всегда нехватка персонала сказывалась отрицательно на работе детского учреждения. Так, в 1932 г. во втором Повенецком детском доме воспитательную работу вместо пяти работников вели заведующий, учительница и воспитатель[1193]. Несмотря на отсутствие необходимого числа персонала, работа в детдоме, по отчетам инспекторов Деткомиссии при КарЦИК, была на высоте. Одним из путей решения кадрового вопроса стало привлечение на работу выпускников детдомов. В целом, подобная практика давала хорошие результаты: выпускники легче находили общий язык с детьми, а отсутствие педагогического образования компенсировалось жизненным опытом[1194].

Анализируя результаты бесчисленных обследований детдомов как местной, так и центральной инспектурой, приходилось наблюдать чрезвычайно частую смену заведующих[1195]. Эти бесконечные смены заведующих разрушительно действовали на всю работу учреждения, поскольку отсутствие постоянного руководства не давало возможности полноценно контролировать внутреннюю жизнь детдома. Многое зависело и от личности руководителя. Из отчета инспектора Наркомпроса АКССР следовало, что в 1927 г. во время короткого заведывания нового управляющего Пудожским школьным детдомом произошёл «окончательный развал учреждения» «вследствие крупного небывалого скандала в стенах детдома на глазах воспитанников»[1196]. Заведующий во время дежурства устроил внутри детдома «попойку» и «кровавую резню с родственниками, напугавшую всех воспитанников» и вызвавшую в дальнейшем сильное

[1191] Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР. С. 293.
[1192] Семашко Н. Улучшение работы детских домов – путь борьбы с беспризорностью // Охрана детства. 1931. № 9–10. С. 6.
[1193] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 2. Л. 4об.
[1194] Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР. С. 298.
[1195] Савельев Д. Детдом и кадры. С. 17.
[1196] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 409. Л. 41.

возмущение среди пудожан[1197]. Такие случаи встречались редко, многие руководители с энтузиазмом участвовали в развитии детдомов. Положительную характеристику имел заведующий Пудожского школьного детдома Ф. П. Громов, который за небольшой временной период наладил хозяйственную работу учреждения, пользуясь авторитетом сотрудников, направлял и контролировал их деятельность[1198]. Из инструкции Наркомпроса АКССР следовало, что заведующий детским домом должен был иметь педагогическое образование, длительный педагогическо-организационный стаж и отвечать следующим требованиям: рационально использовать обслуживающий персонал и создавать подлинную трудовую дисциплину; быть политически развитым; уметь руководить организационно-педагогической и методической работой учителей[1199].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) СНК СССР от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» началась массовая мобилизация работников для детских учреждений. В целях улучшения состава работников детских домов и трудовых колоний было решено пересмотреть состав заведующих и воспитателей, отобрав для работы в детских учреждениях более подготовленных работников. Для этого Отдел школы ЦК ВКП (б) должен был выделить путем персонального отбора 200 коммунистов на руководящую работу, а ЦК ВЛКСМ – 500 активных комсомольцев для выполнения обязанностей заместителей заведующего[1200]. В стремлении обеспечить эффективность избранной политики государство ставило целью компенсировать материальные потери мобилизуемым, однако, осознавая, что подобные меры не явятся достаточными, предусматривало и отработанную систему принуждения в порядке комсомольской дисциплины[1201]. В ряде регионов плановые показатели мобилизации остались только на бумаге, это касалось и Карелии, куда комсомольцы вовсе не были отправлены.

[1197] Там же.
[1198] Там же. Л. 41об.
[1199] Инструкция о постановке работы в детских домах в развитие положения о детских домах // Бюллетень Наркомпроса Карельской АССР. 1928. № 7–8. С. 19.
[1200] О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности // Красная Карелия. 1935. № 125. С. 2.
[1201] Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР. С. 300.

От решения кадрового вопроса во многом зависела успешность работы детдомов. Оказавшись в детском доме, педагоги и воспитатели должны были реализовывать государственную политику по воспитательной, медико-санитарной и просветительской работе с детьми. В идеале для создания «нового человека» нужно было воспитать «всесторонне развитых людей, имеющих цельное, продуманное мировоззрение, подготовленных к труду, умеющих строить разумную общественную жизнь»[1202]. Однако сложность осуществления данных принципов на практике существенно сузила границы «идеала». Н. К. Крупская писала: «В настоящее время мы не можем говорить еще о гармонически развитой личности, но наша школа и наши дошкольные учреждения должны поставить себе задачу выработать человека, максимально приспособленного к труду»[1203]. А. В. Луначарский отмечал, что необходимо «создать из маленького человека большого работника социалистического общества»[1204].

Военные действия, голод, разруха в годы Гражданской войны сломали систему образовательных учреждений, сложившуюся в предвоенные годы[1205]. В годы советской власти дети школьного возраста, находившиеся в детдомах, получали общее образование либо в рядом расположенной школе, либо в собственном учреждении. Последнее было характерно для детдомов, находящихся в отдаленных районах. В Петрозаводском уезде школьная сеть приблизилась к довоенному уровню только в 1924 г., в других уездах она не достигала и 50 %[1206]. С 1922 по 1937 гг. количество школ в Карелии увеличилось более чем в полтора раза – с 325 до 515[1207]. В начале 1920-х гг. существенно реформировалось содержание школьного образования: увеличилось число учебного времени, отводимого на естествознание, началось преподавание рисования, физкультуры, обязательным в школах Карелии стало изучение финского языка[1208].

[1202] Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 2. С. 81.
[1203] Там же. С. 55.
[1204] Луначарский А. В. О воспитании и образовании. М., 1976. С. 29.
[1205] Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии. С. 26.
[1206] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.
[1207] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 561.
[1208] Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии. С. 42.

По правилам внутреннего распорядка детдома дети отправлялись в школу в 8.30 и находились на занятиях до обеденного времени (14.00 – обед)[1209]. Воспитанники детдомов не всегда могли посещать уроки, особенно количество прогулов увеличивалось в зимнее время, когда дети не ходили в школу из-за отсутствия одежды или обуви. В 1920 г. подотдел охраны детства отправил заявку в Губернский ОНО о необходимости приобретения материала для изготовления теплой одежды для 190 человек. Было заявлено, что в случае если данное сырье не будет прислано, то не будет возможности отправить детей в школу[1210]. Снабжение школьными принадлежностями, учебниками – еще один острый вопрос в обеспечении детей в начале исследуемого периода. У самих школ зачастую была слабая материальная база, так, на две сотни воспитанников в Карелии приходилось 55 старых парт и 8 столов[1211]. Около трети необходимого количества письменных принадлежностей поступало в школы, которые распределяли их среди бедных семей и воспитанников детдомов.

Открытие школы при детском доме имело большое значение, потому что дети из-за неимения одежды и обуви могли и вовсе остаться без учебных занятий. В Пудожском детдоме в 1920 г. была открыта школа с четырьмя отделениями, в которые назначили двух учительниц[1212]. Распространялась также практика посещения школьных занятий в другом детском доме, который был обеспечен педагогическими кадрами и помещениями. В тех детдомах, где педагогическая работа осуществлялась внутри учреждения, данная деятельность не всегда была поставлена на должный уровень. Так, обследование Пудожского детдома в 1921 г. показало, что педагогическая работа поставлена «очень плохо», это связывали с педагогическим персоналом, который не был годен для данной деятельности[1213]. Прикомандированные учительницы в летнее время помимо дежурств не вели никакой работы, воспитанники проявляли грубость и недисциплинированность по отношению к ним. Предлагалось реорганизовать деятельность детдома путем

[1209] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 409. Л. 13
[1210] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 689. Л. 8.
[1211] Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии. С. 29.
[1212] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 973. Л. 13.
[1213] Там же. Д. 901. Л. 7.

переброски туда «хороших педагогических сил»[1214]. В Палеостровском детдоме была схожая проблема: «персонал не отвечает своему назначению, нужны специалисты», – говорилось в докладе заведующего подотделом Охраны детства. Школьные занятия в учреждении велись заведующим, при выезде его за пределы детдома занятия приостанавливались[1215].

В отчете отдела социального воспитания АКССР за 1924–1925 г. фиксировалось, что за это время все воспитанники в возрасте от 8 до 12 лет посещали школы I ступени, другие ребята – школы семилетки, техникумы и профшколы[1216]. По сравнению с предыдущим учебным годом было заметно понижение количества неуспевающих детей, что связывали с увеличением числа отдельных комнат для занятий в детдомах, организацией ежедневных групповых занятий в вечернее время, особенно с отстающими детьми. В апреле 1926 г. в резолюции по докладам с мест на конференции работников детдомов обращалось внимание, что педагогический персонал детдомов «находится на стадии упорного искания новейших методов работы и требует переподготовки»[1217].

По уставу детского дома каждый воспитатель обязан был наладить контакт с учителями школы, где обучались воспитанники, и следить за посещением школы, успехами и пр.[1218] В школе у воспитанников детдомов иногда возникали «особые отношения с учителями, которые старались каждый промах ребенка объяснить его детдомовским происхождением»[1219]. Поэтому в некоторых случаях употребление слово «детдомовец» приобретало ругательный характер. Однако при анализе данных ситуаций выяснялось, что ребята-детдомовцы не представляли исключения из общей массы детей ни по дисциплинированности, ни по навыкам. По отзывам руководителей школ, некоторые воспитанники детдомов являлись «ценными организаторами детской среды»[1220].

[1214] Там же.
[1215] Там же. Д. 940. Л. 8.
[1216] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 58.
[1217] Там же. Д. 197. Л. 179.
[1218] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 1142. Л. 2.
[1219] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 409. Л. 37.
[1220] Там же.

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. школьные реформы стали частью общегосударственной политики, на основе которой было введено всеобщее начальное образование в республике и семилетнее образование в городских поселениях Карелии, за этим последовали создание материальной базы для новых и существовавших учреждений, увеличение количества учительских кадров. Важнейшей задачей школы в это время стала подготовка растущего человека к выполнению им гражданских обязанностей и общественного долга[1221]. Государство рассматривало школу в качестве проводника коммунистической идеологии, воспитателя активных участников социалистического строительства, на детдомовцев возлагались большие надежды.

В основу устройства жизни детей в детском доме ставились следующие принципы: «трудового начала, самодеятельности, самоуправления, открытых дверей»[1222]. Одним из существенных элементов воспитательной работы считалось трудовое воспитание. Труд являлся составляющей всей работы в детдоме не только с точки зрения подготовки к трудовой деятельности, но и создания у воспитанников настроения и идеологии, которая соответствовала бы идеологии рабочего класса[1223]. Трудовые процессы «не должны убивать интеллект, а наоборот, должны являться материалом для интеллектуальных выводов при научных занятиях»[1224]. Например, «приготовление еды должно сопровождаться объяснением тех продуктов, из которых изготавливается пища, тех процессов, которые происходят при варке, значения усваивания пищи и т. д.; при уходе за скотом необходимо объяснить значение скота, правильного ухода за ним, сообщить сведения ветеринарии, зоологии»[1225].

Основным способом подготовки к трудовой деятельности воспитанников была организация мастерских в детских учреждениях. По уставу детдома для детей школьного возраста в 1922 г. при учреждении должны были действовать «одна или несколько мастерских, например, починочная, переплетная,

---

[1221] Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии. С. 60.
[1222] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 470. Л. 49.
[1223] Тизанов С. Очередные задачи в работе по охране детства // Детский дом. 1928. № 3. С. 4.
[1224] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 470. Л. 49.
[1225] Там же.

корзиночная, столярная, слесарная и др.»[1226]. На средства Деткомиссии при КарЦИК в 1924 г. в крае функционировало 19 мастерских: столярная, сапожная, швейная, переплетная, чулочно-вязальная. В обучение ремеслам было втянуто примерно около трети воспитанников детдомов Карелии[1227]. Мастерские детских учреждений старались собственными силами обеспечить детдомовцев необходимой одеждой и обувью, однако в их работе встречались такие трудности, как отсутствие сырья, оборудования, помещений или специальных работников для обучения детей. Вопрос грамотного руководства мастерскими стал отдельной проблемой, обычно в них работали учителя школ или воспитатели детдомов. Часто деятельность мастерских останавливалась именно из-за отсутствия работников.

Отчеты детских домов Карелии позволили увидеть, какие объемы работ выполнялись воспитанниками учреждений. Так, в обувной мастерской Пудожского детдома за первую половину 1921 г. было сшито новых сапог 46 пар, починено старых – 85 пар. Швейная мастерская изготовила 187 предметов из белья, половина которых направлялась для нужд детского дома, другая половина – для местного населения, которое активно обращалось за заказами в детдом. Мастерская второго Повенецкого детдома завоевала авторитет среди населения изготовлением изделий из карельской березы[1228]. Позже Деткомиссия при КарЦИК выступала за разворачивание массового производства данной продукции, обращая внимание, что «эти изделия будут спокойно сбыты на местах»[1229]. Несмотря на некоторые успехи в работе мастерских детских домов, нерешенных проблем оставалось ещё много. Созданные мастерские хотя и играли определенную положительную роль в трудовом воспитании и обеспечении воспитанников, но в большинстве своем они пока не носили производственного характера, а нередко были и вовсе убыточными[1230]. Привитие трудовых навыков воспитанникам в качестве основного метода перевоспитания трудновоспитуемых

[1226] Там же. Д. 81. Л. 2.
[1227] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10. Л. 57.
[1228] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 49.
[1229] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.
[1230] Рябинина Н. В. Социальная политика Советской России. С. 42.

подростков являлось бесспорным, но не всегда это было основной задачей работников мастерских, зачастую они занимались, главным образом, заказами от местного населения, чтобы заработать[1231]. Также нередко мастерские создавались «для галочки», чтобы иметь возможность в отчете указать их наличие, при этом их специализация не учитывала не только интересы и потребности воспитанников, но и местные условия с точки зрения востребованности будущей специальности[1232]. Несмотря на постоянный рост числа детских мастерских, к середине 1920-х гг. в целом по стране лишь 15 % всех воспитанников детдомов было охвачено трудовой подготовкой[1233].

В середине 1920-х гг. в детдомах Карелии действовали в основном следующие мастерские: переплетная, сапожная, столярная, трикотажная, швейно-вязальная. Из отчета Деткомиссии при КарЦИК видно, что самой распространенной являлась столярная мастерская, которая была практически в каждом детдоме (таблица № 18)[1234]. В указанных мастерских имелись программы, рассчитанные как на практическую, так и на теоретическую подготовку воспитанников. Для развития материальной базы мастерских Комиссия по улучшению жизни детей закупала новый инструмент[1235]. Так, в 1927 г. она обслужила шесть столярных мастерских, закупила швейные машины для детских домов[1236]. Функционирование мастерских встречало на своем пути трудности, которые на местах самостоятельно руководители учреждений решить не могли. В Паданский детский дом было отправлено оборудование для столярной мастерской, но открытие осложнилось отсутствием подходящего помещения; руководитель Ухтинского детдома не смог организовать мастерскую в связи с возникшими сложностями при транспортировке инструментов из Финляндии[1237]. В докладе Деткомиссии при ВЦИК по борьбе с детской беспризорностью за 1928–1929 г. говорилось, что трудовая подготовка

[1231] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.
[1232] Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 274.
[1233] Детская беспризорность и детский дом. С. 187.
[1234] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 24об.
[1235] Там же. Д. 12. Л. 12.
[1236] Там же. Л. 14.
[1237] Там же.

воспитанников детдомов заметно улучшилась, но в целом ее нельзя было считать удовлетворительной.

Труд воспитанников в некоторых мастерских детдомов оплачивался, что являлось иногда единственным стимулом к работе. Часто дети выбирали себе работу полегче, поэтому, например, воспитанники приемно-распределительного пункта не желали переходить из трикотажной в столярную мастерскую[1238]. В 1930 г. на производственном совещании Деткомиссии при КарЦИК слушались расценки за работу в швейной мастерской. Совещание постановило, что городские ребята, работающие в мастерской, будут оплачиваться в размере 100 %, а воспитанники детдомов – 50 %[1239]. Для подростков до 16 лет определялось рабочее время 4 часа, для детей в возрасте от 16 до 18 лет – 6 часов[1240]. По предложенному списку изделий следовало, что подростки могли сшить не только повседневную одежду, но и постельное белье. Самым оплачиваемым изделием являлось пальто (5 рублей), а самым низкооплачиваемым – простыня (15 копеек)[1241].

В сельской местности трудовое обучение проводилось не только в мастерских, но и на сельскохозяйственных участках, принадлежащих детским учреждениям. Существенным подспорьем в хозяйстве детдомов стали выделенные им земельные участки. Впервые решение об этом было принято на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 г., а затем это решение конкретизировалось в нескольких постановлениях ВЦИК и СНК РСФСР[1242]. По уставу «каждый детский дом должен был иметь в распоряжении участок земли для сада и огорода, а если возможно, то и для опытного поля»[1243]. Например, в Пудожском детдоме огородно-полевое дело было поставлено на высокий уровень: «огород мог служить показательным и стоял намного выше школы крестьянской молодежи»[1244]. Заведующий учреждением отмечал, что «если бы не

[1238] Там же. Д. 9. Л. 35.
[1239] Там же. Д. 24. Л. 14.
[1240] Там же.
[1241] Там же.
[1242] Рябинина Н. В. Социальная политика Советской России. С. 40.
[1243] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 81. Л. 2.
[1244] Там же. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

свои коровы детдома и не огороды, овощей которых хватает чуть ли не на целый год, детишки голодали бы»[1245]. Детские дома предполагалось обеспечить земельными участками не только для проведения учебно-воспитательной работы, но и в целях улучшения содержания детей[1246]. Размеры участков для детских домов определялись в расчете 1/10 десятины на каждого воспитанника, с повышением нормы, если это было возможно, исходя из местных условий. На региональные земельные органы возлагалась обязанность содействовать обработке данных участков путем выделения семян, обеспечения «живым и мертвым инвентарем», проведения инструктажа[1247]. Но не всегда на местах вопрос с землей решался положительно, так, неоднократные просьбы Палеостровского детдома выделить территорию пахотной земли не были услышаны совхозом, выделившим детям только пустырь, заваленный камнями[1248]. В 1924 г. воспитанниками детских домов г. Петрозаводска было засеяно 4970 кг картофеля и до 5000 ростков капусты и брюквы, скошено около 8150 кг сена[1249]. Подсобное хозяйство держалось только лишь за счет самого детского учреждения, и не все детдома имели условия для развития учебных хозяйств. Считалось, что при работе в поле, на огороде воспитанникам должны даваться сведения о ботанике, правильной посадке, разработке земли, мелиорации и т. д.[1250] По сведениям на 1925 г. детские учреждения г. Петрозаводска имели земельный фонд общей площадью 12525 кв. сажен, в который входили земли, находившиеся при самих домах и на городских угодьях[1251]. Специальная комиссия планировала засеять всю территорию картофелем и овощами для создания необходимого фонда питания для детей детдомов, но осуществить этот план не удалось ввиду несвоевременного получения денежных средств. Вся земля была передана педагогам и техническому персоналу на личные участки.

[1245] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 901. Л. 6.
[1246] Рябинина Н. В. Социальная политика Советской России. С. 40.
[1247] Там же.
[1248] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 940. Л. 8.
[1249] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 96. Л. 66.
[1250] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 470. Л. 49.
[1251] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 96. Л. 66.

В первой половине 1930-х гг. стали отпускаться средства из фондов Деткомиссии при КарЦИК на развитие подсобных хозяйств при детских домах. По отчетам инспекторов Деткомиссии при КарЦИК, в 1934 г. в Космозерском детском доме отмечалась «должная трудовая подготовка воспитанников»[1252], в стенах учреждения изживались табакокурение, умышленная порча имущества и воровство. По замечанию обследователя, воспитанники «сроднились с детским домом», а некоторые дети, отправленные в учреждение на перевоспитание за правонарушения, обращались с просьбой оставить их до полного обучения в мастерских[1253].

В 1930 г. Наркомпросу АКССР было предложено создать трудовую базу на основе Палеостровского детдома для трудновоспитуемых. Для этого в начале весенне-посевной кампании нужно было передать в ведение учреждения совхоз, превратив детдом в сельскохозяйственную трудовую коммуну и пункт для сельскохозяйственной практики учащихся техникумов[1254]. Развитие подсобных хозяйств в последующие годы отчасти было связано с Постановлением СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». В разделе об улучшении состояния детских домов и трудовых колоний говорилось о необходимости «отвести всем детским домам, в первую очередь, в сельских местностях и небольших городах земельные участки для обработки их самими воспитанниками и обеспечить развитие животноводческого хозяйства»[1255]. По уставу детского дома следовало, что все дети «по мере сил должны участвовать в самообслуживании и хозяйственных заботах о помещениях всего детского дома, сада и огорода»[1256]. В связи с этим ребята старшего возраста привлекались для работ на кухню, в столовую, в комнаты. Так, воспитанники второго детского дома г. Петрозаводска самостоятельно назначали дежурства и строго выполняли свои обязанности: дежурные на кухне следили за приготовлением пищи и сами принимали участие в ее приготовлении, следили

[1252] Там же. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
[1253] Там же.
[1254] Там же. Д. 24. Л. 1.
[1255] О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности // Красная Карелия. 1935. № 125. С. 2.
[1256] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 81. Л. 2.

за чистотой посуды, подавали на кухню дрова, получали из кладовой продукты; дежурные в столовой накрывали столы, резали хлеб, раздавали порции, мыли столовую посуду, следили за ее сохранностью; дежурные по спальным убирали спальни, а старшие девочки сами ее мыли и др.[1257] Летом воспитанники заготавливали веники, собирали ягоды и грибы в общий котел. Самоуправление детей выражалось в организации общих детских собраний, на которых обсуждались хозяйственные и санитарные вопросы, проступки товарищей, взаимоотношения педагогического и технического персонала с детьми, устройство праздников и др.[1258] В каждом детдоме школьного типа создавались органы самоуправления в целях развития должных навыков для общественной деятельности, организованного участия ребят в жизни своего детдома и общественно-политического воспитания в духе коммунизма[1259].

Педагоги-практики 1920–30-х гг., обращая внимание на важность детского самоуправления, останавливались на характеристике воспитательной работы в детских учреждениях, обсуждали методы воспитания и обучения и др. А. С. Макаренко дал пояснение педагогам о возможных наказаниях при нарушении дисциплины и девиантном поведении детей. По мнению педагога, целесообразное наказание было очень важным элементом воспитательного процесса. Назначать его следовало, если ребенок нарушал интересы коллектива. В качестве наказаний А. С. Макаренко предлагал применять выговор на общем собрании воспитанников, лишение отпусков, карманных денег, возмещение ребенком причиненных им убытков и т. д.[1260] Подчеркивалось, что при работе с воспитанниками необходимо было прибегать исключительно к мерам педагогического характера[1261]. Как отмечала исследовательница Е. А. Бендер, применение физической силы либо изоляция детей в отдельных комнатах

[1257] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 57. Л. 164.
[1258] Там же.
[1259] Положение о самоуправлении в школьных детдомах // В помощь просвещенцу. 1927. № 6. С. 23.
[1260] Макаренко А. С. О коммунистическом воспитании // Избранные педагогические произведения. М., 1946. С. 188–189, 191–192.
[1261] Бендер Е. А. «Формирование нового человека»: воспитательная работа в детских домах в 1920-1930-е гг. (по материалам Ленинграда и Ленинградской области). С. 214.

осуждались[1262]. Распространенной мерой воздействия являлось обсуждение проступков детей на общем собрании, например, сборе пионеротряда.

К установлению дисциплины каждый воспитатель подходит по-своему: «один в течение всего дня покрикиванием и одергиванием стремится восстановить дисциплину, второй – на другой день путем действия на сознание ребят поддерживает ее, а третий иногда, чувствуя свою бессильность, старается не видеть того, что видит»[1263]. В детдомах Карелии внутренняя и внешняя дисциплина поддерживалась детскими собраниями, разъяснениями руководителей. В некоторых детдомах применялось лишение хлеба: когда воспитанники получали по 1 ¼ фунта, провинившемуся не выдалось ¼ хлеба. Такое наказание с постановлением детского собрания следовало за непосещение школы, опоздание в школу после праздников, манкировку в дежурствах. Однако воспитатели отмечали, что в конце дня положенная норма хлеба все равно воспитаннику выдавалась. В одном из детдомов воспитанница взяла из сундука подруги пять пирожков, съела и долго не сознавалась. На детском собрании была применена суровая мера – лишение ¾ хлеба на день всех девочек и даже тех, кто отсутствовал в данный день, и той, у которой украли[1264]. Возмущения воспитанниц были пресечены заявлением руководителя: «все за одного и один за всех, никаких исключений, так требует наша коммуна»[1265]. К вечеру ситуация разрешилась: взявшая пироги девочка созналась в своем проступке руководительнице и всему детскому коллективу. Сотрудники детских домов чаще всего не указывали в отчетах сильных нарушений дисциплины, отмечали только детские шалости без злого умысла (кража вещей, хлеба друг у друга или овощей из огорода[1266]). В некоторых детских учреждениях воспитанники охотно указывали на провинившихся, не подвергаясь преследованиям товарищей. Воспитатели Девятинского детдома считали, что эта черта была развита

[1262] Там же.
[1263] Соловьев И. О значении коллектива в работе воспитателей детдомов? // В помощь просвещенцу. 1928. № 1. С. 15.
[1264] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 41.
[1265] Там же.
[1266] Там же. Л. 39об.

благодаря отсутствию наказаний, умению руководителей «подойти к душе ребенка с тактом и без раздражения, а также благодаря детским собраниям»[1267]. Иначе обстояло дело в детских учреждениях для трудновоспитуемых детей, где воспитателям и педагогам приходилось приложить неимоверные усилия для того, чтобы справиться с данными детьми. В середине 1930-х гг. педагоги Палеостровской колонии называли это учреждение «копище хулиганов»[1268], потому что воспитанники не проявляли интерес к преподаваемым дисциплинам, что демонстрировали своими поступками: не посещали занятия, издевались над учителями (они «нас всех [сотрудников] начинают бить, и бьют кирпичами, палками, железинами и не смотрят, куда попадут – в спину или в голову»[1269]).

Помимо труда вторым важным средством воспитания «нового человека» была физическая культура, которая включала в себя, в том числе, и заботу о телесности ребенка. Занятие физкультурой, спортом, ставшее массовым в эти годы, несло в себе одновременно решение трех связанных задач: организацию производства в коллективе, подготовку физически сильного, здорового защитника родины, а также формирование советского человека как гармонической, всесторонне развитой личности[1270].

Врачу В. М. Бонч-Бруевич, возглавлявшей Главный школьно-санитарный совет, за недолгий период своей деятельности удалось не только разработать основные направления развития охраны здоровья детей, но и многие выдвинутые положения осуществить на практике[1271]. В основу охраны здоровья детей был положен метод диспансерных наблюдений, предусматривающий проведение широких профилактических осмотров детского населения. Работа учреждений для здоровых детей подчинялась решению основной задачи – гармонического, всестороннего развития личности. Отсюда – широкое внедрение в детские

[1267] Там же.
[1268] Там же. Ф. Р-393. Оп. 12. Д. 5. Л. 34.
[1269] Там же.
[1270] Мигачев А. В. Теория и практика воспитания «нового человека» в СССР в 1930-е гг. С. 100.
[1271] Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. С. 16.

учреждения физической культуры, трудового воспитания, создание условий, обеспечивающих правильное физическое и психическое развитие ребенка[1272].

В исследуемый период сотрудники Наркомздрава РСФСР ставили следующие задачи в области охраны здоровья детей: санитарно-гигиенический надзор, обеспечение психофизического развития подрастающего поколения, физическую культуру (игры, физические упражнения, спорт) и правильную постановку врачебного контроля в этой области, санитарное просвещение[1273]. В системе оздоровительных мероприятий в детдоме физкультуре принадлежала одна из главных ролей. Врачи говорили о том, «чтобы физкультура получила самое широкое распространение среди подрастающего поколения, и чтобы она была направлена по надлежащему пути»[1274].

Хотя многие учреждения не были оборудованы для спортивных занятий и в детских домах отсутствовали спортивные снаряды, детей все равно старались приучить к физической культуре. Учреждениям предлагалось организовать физкультурные городки в собственных дворах, для этого использовать шесты, лестницы и прочие предметы, устроить площадку для игр и приобрести спортивный инвентарь[1275]. Сами детдома неоднократно делали заявки в Наркомпрос АКССР на обеспечение учреждения любым спортивным инвентарем[1276]. В 1919 г. в списке требовавшегося инвентаря для детских колоний Олонецкой губернии значились следующие принадлежности для спорта и подвижных игр: предметы для крокета, футбола, «мячи, прыгалки»[1277]. Большое значение для развития общей культуры и семейного быта имело привитие детям культурно-гигиенических правил[1278]. Физическую культуру делили на три части: физическое воспитание, физическое образование и физическое развитие[1279]. К физическому воспитанию относилось создание гигиенических условий жизни,

---

[1272] Там же.
[1273] Семашко Н. А. Очередные задачи в области охраны здоровья молодой смены // Детский дом. 1930. № 2–3. С. 9.
[1274] Там же.
[1275] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 59об.
[1276] Там же. Д. 31. Л. 17об.
[1277] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 403. Л. 2.
[1278] Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии. С. 24.
[1279] Инюшин Н. Ф. Физическая культура в школе // Народное здоровье. 1923. № 1–2. С. 4.

«наиболее благоприятных для культуры тела и духа»[1280]. Эти условия должны были создавать педагоги и врачи. В физическое образование входило «знание всех вредностей на жизненном пути с целью их избежать и исправить последствия, а также знание своего организма, функций своих органов с целью способствовать устранению недостатков и их дальнейшему развитию»[1281]. В данной сфере требовалось использование деятельности врача, который должен был доносить сведения в виде бесед, лекций по анатомии, физиологии, гигиене и практике. И к физическому развитию относилось развитие всего тела, всех органов путем тех или иных целесообразных упражнений по определенным методикам, для чего необходимо было привлекать инструкторов различных видов спорта. Программа физической культуры строилась в зависимости от возраста детей, в ее основе чаще всего находились подвижные игры, вольные и порядковые упражнения (таблица № 11)[1282].

В детском доме выделялись следующие задачи физического воспитания:

– забота о здоровье детей путем использования всех медико-санитарных средств (использование воздуха, солнца, воды для закаливания и лечения, физические упражнения, спорт, санитарное просвещение и т. д.);

– общественно трудовая задача (способствовать внедрению дисциплинирующего начала, привитию навыков к труду и общественной работе, а в более старшем возрасте – привитию навыков военного порядка);

– физкультура как средство для выявления особенностей детской психики и организма в процессе педагогической работы[1283].

Также в рекомендациях для детских домов говорилось, что физкультура должна была «проходить непрерывной красной нитью через всю жизнь его [детдома]: в общем режиме дня, в общественно-полезной работе, в учебных

[1280] Там же.
[1281] Там же.
[1282] Там же. С. 4–5.
[1283] Еще о физкультуре // Детский дом. 1930. № 5. С. 16.

занятиях, труде, досуге, в каждом без исключения моменте коллективной жизни детей физкультура должна составлять органическую его часть»[1284].

В программе распределения занятий воспитанников детского дома, выработанной губернским ОНО в 1920 г., физическому воспитанию отводился один час в день[1285], при отсутствии необходимых ресурсов у детдомов Карелии сложно понять, что входило в данный раздел воспитания. На курсах по подготовке руководителей по охране детства в г. Петрозаводске в 1921 г. в программе преподавания значился такой предмет, как физическое воспитание, в содержание которого входили в том числе гигиена, физиология детского возраста и уход за больным ребенком[1286]. В режиме дня воспитанников второго детского дома г. Петрозаводска в 1921 г. отводилось два часа на спорт и ручной труд, каждый из которых требовалось чередовать, а последний дополнительно связывали с самообслуживанием детей[1287].

В 1923 г. в местной газете «Народное здоровье» была помещена статья врача Н. Ф. Инюшина, посвященная вопросу физической культуры в школе. Редакция газеты обращала внимание, что на практике физическое воспитание детей предоставлено или «делу случая», или вовсе им не занимаются[1288]. Это подтверждается тем, что для пропаганды здорового образа жизни в учебных планах появились такие предметы, как гигиена и физкультура, однако на практике в 1920-х гг. в большинстве школ специальных часов для физкультуры еще не выделялось[1289]. Несмотря на это, у местной молодежи была «внутренняя потребность к спорту», что доказывалось большим распространением таких увлечений как лыжи, коньки, гребной спорт и прочее. Дети занимались физической культурой на переменах, после уроков[1290]. В отчете первого детдома г. Петрозаводска за 1922 г. говорилось, что в учреждении, кроме купания воспитанников в ближайшем водоеме («некоторые из них уже довольно хорошо

[1284] Там же. С. 17.
[1285] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 64.
[1286] Там же. Д. 690. Л. 4.
[1287] Там же. Д. 924. Л. 41.
[1288] Инюшин Н. Ф. Физическая культура в школе. С. 3.
[1289] Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии. С. 38.
[1290] Там же.

плавают, другие же учатся»[1291]) и физического труда в виде распилки и колки дров, мытья, стирки и глажения белья, работы на огороде и в мастерских, других физических упражнений не было. Подвижные уличные игры вносили разнообразие в досуг воспитанников детского дома и позволяли вести активный образ жизни. Воспитатели старались перенести данные игры на улицу, чтобы дети больше находились на свежем воздухе. В отчетах фиксировались следующие названия игр: «рюхи, чехарда, лапта, классы, пятнышки, горелки» и др.[1292] Чаще всего игры проводились под руководством воспитательниц, поскольку они преследовали цель физического развития ребенка[1293]. В некоторых детдомах велись танцы, в зимнее время года были распространены катания на коньках.

Содержание физического воспитания в детдоме заключалось в организации регулярных занятий физическими упражнениями и наблюдении за здоровьем детей, максимальном и рациональном применении климатических факторов для оздоровления и лечения, санитарно-гигиеническом воспитании и просвещении, организации досуга. Были рекомендованы следующие формы физкультурной работы в детдомах: «занимательные физкультурные развлечения, организуемые взамен игр отрицательного, с педагогической точки зрения, порядка, регулярные антропометрические измерения детей в целях контроля за их здоровьем, летняя оздоровительная кампания, выезд коллективами в лагерь, живая газета, составленная на санитарно-гигиенические темы» и др.[1294]

Кружки физкультуры, организуемые в детдомах, оказывали положительное влияние на здоровье и быт детдомовцев, помогали рационально организовывать их досуг и содействовать получению коллективистических навыков в работе. В Повенецкой трудовой коммуне функционировал военно-физкультурный кружок[1295], в деятельности которого участвовали 25 воспитанников[1296]. В апреле 1926 г. в резолюции по докладам конференции работников детских домов в

[1291] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 900. Л. 60.
[1292] Там же.
[1293] Там же. Л. 9об.
[1294] Семашко Н. А. Очередные задачи в области охраны здоровья молодой смены. С. 12.
[1295] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.
[1296] Там же. Д. 35. Л. 8об.

г. Петрозаводске фиксировалось, что физическое воспитание в детдомах на местах было организовано разнообразно и выражалось «в форме спорта, привития элементарных гигиенических навыков, игр и прогулок на открытом воздухе»[1297]. Детдомовские практики физического воспитания (формирование тела «нового человека») были осложнены уровнем продовольственного обеспечения воспитанников, отсутствием должного санитарно-гигиенического обслуживания учреждений и др. Ситуация изменилась в первой половине 1930-х гг., когда обеспечение детских домов Карелии продовольствием и обмундированием немного улучшилось, при них стали организовываться не только площадки, но и спортивные залы, о чем свидетельствовали отчеты Деткомиссии при КарЦИК[1298]. Санитарное просвещение развивалось благодаря отправке в детдома правил санитарно-гигиенического ухода для ознакомления воспитанников и направлению врачей для проведения профилактических бесед об их здоровье. В рекомендациях врачей значилось требование снабжения детей индивидуальными полотенцами, мылом, зубной щеткой, однако в действительности в детдомах гигиенических средств не хватало. Оздоровлению детей способствовали кампания по организации летних колоний и оздоровительных площадок, отправка воспитанников в санатории, пионерские лагеря.

Общественно-политическое воспитание в детском доме осуществлялось не только в его стенах, но и в школе, поскольку воспитанники обучались совместно с детьми, которые имели родителей, и в семьях, которые детдомовцы посещали иногда на выходных. Детей старались приобщить к коммунистической идеологии, частью которой являлось антирелигиозное воспитание, проходившее «красной нитью» через все воспитание в детском доме. В статье И. Флерова «Пора начать!» отмечалось, что «антирелигиозное воспитание кроме того будет тогда по-надлежащему поставлено, когда оно даст ребятам зарядку на действие, будет

[1297] Там же. Ф. Р- 630. Оп. 1. Д. 197. Л. 179.
[1298] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 42.

закрепляться целым рядом практических дел, идущих по линии всего нашего социалистического строительства»[1299].

В одном из выпусков газеты «В помощь просвещенцу» автор статьи отмечал, что антирелигиозная пропаганда должна была вестись не «кампанейски», а систематически и упорно все время, органически увязываясь с проработкой программы и особенно усиливаясь перед религиозными праздниками[1300]. Считалось, что в противовес яркой и красочной обстановке религиозных праздников должна быть создана не менее яркая обстановка, чтобы обеспечить радостные эмоции у ребят в революционные праздники. Автор статьи Н. Кучепатов обращал внимание, что у маленького человека потребность в ритме ярких впечатлений высока, что особенно необходимо учитывать при планировании мероприятий[1301]. Одним из самых популярных методов проведения антицерковной и антирелигиозной пропаганды было празднование комсомольских праздников – Комсомольского рождества и пасхи. Они представляли собой демонстрации с ряжеными, оркестрами, транспарантами с коммунистическими лозунгами, пение революционных песен и антипоповских частушек в дни, когда верующие отмечали Рождество и Пасху[1302]. Дети участвовали в демонстрациях, копируя стиль поведения старших товарищей. Такие празднования не носили систематический характер, так как кампании проводились только по определенным датам. В отчетах детских домов Карелии фиксировалось, что антирелигиозное воспитание шло «из рук вон плохо»[1303]. Проверяющие фиксировали сведения о наличии в некоторых спальнях воспитанников над кроватями икон: «дети свободно отвечают, что они получают их дома, знают названия святых, изображенных на иконах»[1304]. В 1920 г. во время проверки одного из детдомов проверяющим было замечено, что «религиозным воспитанием занималась прислуга, которая начала с того, что повесила в столовой

[1299] Флеров И. Пора начать! (Об антирелигиозном воспитании в детдомах) // Детский дом. 1930. № 2–3. С. 28.
[1300] Кучепатов Н. Нужна ли антирелигиозная пропаганда в школе? // В помощь просвещенцу. № 3–5. 1928. С. 32.
[1301] Там же. С. 32.
[1302] Макарова Ю. В. Антирелигиозное воспитание пионеров в 1920-х гг. в СССР // Преподаватель XXI век. 2015. № 3. С. 354.
[1303] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 492. Л. 88.
[1304] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 834. Л. 52об.

иконку и заставляла детей молиться Богу»[1305]. Фиксировалось, что особенно не велась плановая работа над воспитанниками, доставленными из семей с имеющимися религиозными предубеждениями и суевериями. В дни христианских праздников организовывались антирелигиозные вечера, проводились беседы, направленные против христианского учения, невзирая на то, что большинство детей росло в семьях верующих[1306]. Ребята часто попадали «на удочку церковников в большие религиозные праздники – Пасха, Рождество», посещая в эти дни родственников, и привлекались «внешней торжественностью, праздничностью угощений»[1307]. Во главу угла школьного образования, а следовательно, и образования детдомовцев ставилась задача формирования у детей материалистического мировоззрения и коммунистической идеологии, в связи с чем на уроках в школе преподавались обществоведение, политграмота, вводились обязательные для посещения политчасы[1308]. На этих занятиях детей знакомили с азами марксистского учения, Конституцией, современной политикой, ходом социалистических преобразований в Карелии[1309].

В начале 1920-х гг. антирелигиозная пропаганда выражалась в проведении праздников. Например, в противовес Рождеству был организован праздник Зимы, в противовес Пасхе – праздник Весны. В детдомах Карелии читались лекции, направленные на антирелигиозное воспитание. Так, в 1924 г. на пасхальной неделе в первом детском доме г. Петрозаводска были проведены лекции на следующие темы: «Как родятся боги», «Наука и религия», «Религия на службе капитализма», «Происхождение Пасхи и религиозные предрассудки»[1310]. Руководителям и воспитателям предлагалось ответственно относиться к формам проработки антирелигиозного материала через проведение вечеров, диспутов, викторин, митингов, спектаклей и т. п. Местные ячейки общества «Друг детей» и

[1305] Там же. Д. 469. Л. 29об.
[1306] Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии, 1917–1927. Петрозаводск, 1983. С. 210–211.
[1307] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 492. Л. 88.
[1308] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 595.
[1309] Там же.
[1310] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 57. Л. 223.

ячейки «Безбожник» в первой половине 1930-х гг. участвовали в проведении антирождественской кампании, в которую также включали чтение лекций[1311].

К общественно-политическому воспитанию относилось также интернациональное воспитание, являвшееся одним из слабых участков в воспитательной практике детдомов. В докладе на Всероссийской конференции по охране детства в 1930 г. С. В. Чукаев отмечал, что ни в школах, ни в детдомах до сих пор не были выработаны конкретные методы для реализации идей интернационального воспитания. В большинстве случаев эта работа проходила «от случая к случаю, «кампанейски» по различным событиям и т. д.»[1312] «Корни национальной розни» среди детей находились в среде, которая окружала их. Семья, родители в этом отношении имели большее влияние, чем детский дом и воспитатели. Дети, находясь под постоянным длительным воспитательным воздействием сотрудников детских домов, все равно имели в своей среде «проявление религиозности и антисемитизма, получая эту зарядку от случайных периодических посещений своих родственников и отчасти своих сверстников из уличной среды»[1313]. Считалось, что воспитание в детдомах, имея тесную связь со школой, должно было быть «прямым выполнением и укреплением интернационального воспитания, используя для этого все ценные педагогические возможности»[1314].

Для интернационального воспитания предлагались следующие формы и методы воспитательной работы: доклады, беседы не только с детьми, но и взрослыми; организация кружков текущей политики; установка связи детских домов с национальными школами и детдомами, заграничными детскими коммунистическими группами, Красной армией; проведение международных праздников, устройство специальных интернациональных утренников и вечеров. В детдомах торжественно отмечались праздничные дни революционного календаря, во время которых воспитанники под руководством сотрудников

[1311] Там же. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.
[1312] Чукаев С. Интернациональное воспитание в детдомах (К докладу на Всероссийской конференции по охране детства) // Детский дом. 1930. № 4. С. 35.
[1313] Там же. С. 34.
[1314] Там же. С. 35.

учреждения организовывали концерты, готовили пьесы, доклады о революции, социалистическом строительстве в Карелии, выпускали стенгазеты. В отчетах детдомов Карелии в 1920-х гг. не отмечалась необходимость усиления работы в деле интернационального воспитания, что было связано с наличием в крае национальных учреждений и смешанного состава воспитанников в них.

Одним из методов общественно-политического воспитания являлись так называемые «ударные обязательства» (например, свести к минимуму количество неудовлетворительных оценок по школьным предметам, провести субботники для починки белья и уборки помещений)[1315]. Сотрудники Наркомпроса АКССР старались поддерживать дух состязательности между детскими домами, организуя конкурсы и выявляя образцовые учреждения. В первой половине 1930-х гг. начали обследовать детские учреждения конкурсными бригадами[1316] с целью премирования лучшего детского дома. Например, в 1932 г. был премирован второй Повенецкий детский дом для трудновоспитуемых за большие достижения в хозяйственно-санитарном вопросе и воспитательной работе учреждения[1317].

Процесс воспитания «нового человека» виделся идеологам советского государства путем вовлечения детей и молодежи в широкую сеть коммунистических общественных организаций – пионерии, комсомола – в государственных образовательных учреждениях, начиная с самого раннего детства (ясельного и детсадовского воспитания), продолжая в школе, детдоме, завершая в вузах. Численность пионерской организации в Карелии росла достаточно быстро: в 1929 г. в республике было 6 тыс., а в 1940 г. – 33 тыс. пионеров[1318]. Считалось, что ближайшими задачами пионерской работы в детских домах являлись: организация воспитанников детских домов, еще не охваченных пионерским движением; организация самоуправления; устройство общественно-практической работы воспитанников детских домов; налаживание учебы пионеров и установление правильных взаимоотношений с работниками детского

[1315] Бендер Е. А. «Формирование нового человека»: воспитательная работа в детских домах. С. 212.
[1316] Конкурсная бригада состояла, например, из представителей Наркомпроса АКССР, ВЛКСМ, ВКП (б), Деткомиссии при КарЦИК, общества «Друг детей».
[1317] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 2. Л. 18.
[1318] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 595.

дома[1319]. Большинство детдомовцев Карелии состояли в пионерской организации, однако ее работа была признана неудовлетворительной, в том числе из-за частой смены или отсутствия пионервожатых. В пионерской работе, как и в социальной, ощущался острый дефицит опытных и авторитетных руководителей[1320]. «Недостаток подготовленных вожатых, бессодержательность работы, замкнутость и противопоставление пионеров и не пионеров, игнорирование пионерами работников детского дома, недостаточная увязка пионер-работы со школой и всей работой детского дома» – таков неполный перечень затруднений, выделявшийся в деятельности пионер-работы в детдоме[1321]. Однако в резолюции докладов с мест на конференции работников детских домов в 1926 г. отмечалась большая роль организации юных пионеров в оздоровлении и оживлении работы детских учреждений, и это наблюдалось во всех детдомах[1322]. В середине 1920-х гг. стенгазеты и журналы издавались в каждом детском доме, политкружки работали слабо за неимением опытных руководителей, а гражданские праздники устраивались с большой торжественностью и являлись весомым фактором в развитии общественно-политического воспитания[1323]. Воспитанники Пудожского детдома выпускали стенную газету «Юный Коммунар», периодически приурочивая ее ко дню Октябрьской Революции[1324]. В данном учреждении все дети по пионерской линии были разделены на звенья: хозяйственное, санитарно-просветительское, библиотечное[1325]. В детдоме были определены дни пионерской работы: четверг – совет вожатых, пятница – звеньевые сборы, воскресенье – сбор отряда. Ввиду слабого руководства отрядом со стороны комсомола не ощущалась четкость в его функционировании. В докладе представителя Деткомиссии при ВЦИК от 9 февраля 1934 г. было

[1319] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 13. Д. 139. Л. 1.
[1320] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 57.
[1321] ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 13. Д. 139. Л. 1.
[1322] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 197. Л. 180.
[1323] Там же. Д. 98. Л. 58.
[1324] Там же. Д. 409. Л. 27.
[1325] Там же. Л. 38.

решено просить Обком ВЛКСМ посодействовать в обеспечении детдомов пионервожатыми и осуществить в учреждениях пионер-работу[1326].

Общественность привлекали не только к оказанию материальной помощи детским домам, но и к воспитанию детей. Для этого к детским учреждениям прикреплялись «шефы», которые устраивали для детей праздники, спектакли, а иногда приглашали воспитанников в семьи трудящихся. Так на фоне всех детских учреждений Карелии выделялся карело-финский детский дом в с. Салменицы Сямозерского района. Инспектор Наркомпроса АКССР отмечал, что детский коллектив являлся «на редкость спаянным»[1327]. Заслуга приписывалась шефу (комендатуре № 2 третьего пограничного отряда), который часто бывал в учреждении, оказывал детскому дому материальную помощь, устраивал для детей «вечера, спайки», а иногда даже брал их к себе на спектакли.

О результатах воспитательной работы можно судить по тому, как сложились судьбы бывших воспитанников детских домов. Задачам будущей социализации воспитанников детдомов должны были быть подчинены работа в мастерской и в подсобном хозяйстве, участие в самоуправление учреждения и успешная образовательная деятельность детей. Воспитанники по достижению «предельного возраста» могли быть определены на работу на заводы, в торговые учреждения или мастерские. В докладе о состоянии детской беспризорности по АКССР в 1925 г. говорилось, что выпуск воспитанников в начале исследуемого периода был осложнен тем, что детдома «не могли дать достаточной подготовки к жизни как в области образовательной, так и в области профессиональных навыков»[1328]. Наркомпрос АКССР старался постепенно изживать данную неблагоприятную ситуацию. Некоторые воспитанники оставались в детском доме для работы или направлялись на дальнейшую учебу. Так, в 1926 г. в Кемском детдоме имелось двое «переростков»: один работал в сапожной мастерской учреждения, вторая поступила ученицей в потребительское общество «Беломор» в качестве

[1326] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 797. Л. 4.
[1327] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 17. Л. 25об.
[1328] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 173.

приказчицы[1329]. В этом же году было выпущено 14 детей, из них отправлено в финский педагогический техникум – 1 человек, в фабзавуч – 4, в Рябовский сельскохозяйственный техникум – 1, на телеграф – 2, ученицей в кооператив – 1, вожатым отряда – 1, переведены в интернат II ступени – 4[1330]. Всего за 1926 г. в Карелии из детдомов было выпущено 85 человек, трудоустройство которых не ограничивалось озвученными выше организациями и учреждениями: дети попадали в столярные мастерские к кустарям, мастерские погранотряда, железнодорожные мастерские, на заводы и фабрики, курьерами в советские учреждения Нарсвязи, в больницы, на электростанцию, на кондопожское строительство, в кинотеатры и др.[1331] В 1928 г. двое воспитанников Пудожского детдома были отправлены в г. Петрозаводск в швейно-столярную мастерскую Наркомпроса АКССР[1332]. Не все воспитанники детдомов хорошо устраивались в жизни. Некоторые после выпуска оказывались в той же среде, из которой их изъяли при приеме в детское учреждение. Местным отделениям СПОН вменялось в обязанность обеспечить выпускников детских домов в момент выпуска «предметами первой необходимости», жильем, а также направлять их на конкретное место работы или учебы[1333]. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1925 г. определялось размещение выпускников детских домов на производстве, в школах ФЗУ, сельскохозяйственном ученичестве, школах рабочих подростков. Этот же закон предоставлял право органам народного образования отдавать воспитанников детдомов в обучение кооперативным объединениям, отдельным ремесленникам и кустарям. В 1929 г. на заседание Деткомиссии при ВЦИК были выделены основные недостатки и затруднения в деле устройства воспитанников детдомов: «недостаточная подготовленность воспитанников детдомов для вступления на производство, в учебу и т. п.; отсутствие плановости в работе по выпуску; отсутствие жилой площади для

[1329] Там же. Д. 22. Л. 2.
[1330] Там же. Д. 197. Л. 7об.
[1331] Там же. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 12. Л. 11об.
[1332] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 409. Л. 25.
[1333] Рябинина Н. В. Социальная политика Советской России. С. 44.

воспитанников, устраиваемых в жизнь»[1334]. После данного доклада в 1930 г. Наркомпросом АКССР были уточнены лица, подлежащие выпуску из детдомов: воспитанники, определенные на производство и имеющие заработок, обеспечивающий прожиточный минимум; переданные в средние учебные заведения, школы ФЗУ, обеспечивающиеся стипендией и общежитием; достигшие предельного возраста 16 лет и направленные на работу; дети, которых возможно передать родственникам[1335]. В 1933 г. Деткомиссия при КарЦИК разослала письмо на места, в котором обозначила необходимость своевременного выпуска воспитанников в производство и ФЗУ и создание для них благоприятных материально-бытовых условий (бесплатный или удешевленный обед, общежитие)[1336]. Комиссия на протяжении исследуемого периода вела надзор за правильным и своевременным выпуском воспитанников из детдомов, стараясь при возможности их трудоустроить, а также проконтролировать вопрос обеспечения выходного пособия и жилья. По докладу Деткомиссии при КарЦИК в 1934 г. из детских домов Карелии было выпущено 313 человек, из них определены в техникумы – 24, в школу ФЗУ – 23, на производство – 44, на рабфак – 6, в интернаты – 24, к родным – 125[1337]. Отдельной строкой отмечалось, что 60 детей сбежало из учреждений, а 7 воспитанников умерло[1338]. Часто отсутствие помощи и поддержки со стороны других ведомств мешало наладить нормальное трудоустройство выпускников детских домов.

Наряду с трудовой подготовкой воспитанников детдомов руководство старалось уделять внимание и культурно-массовой работе, для чего организовывались экскурсии, киносеансы, походы в театр, библиотеки и др. Деткомиссия при КарЦИК старалась финансировать данную статью расходов детдомов. Как отмечает исследователь А. Болл, Наркомпрос призывал педагогов детдомов научить воспитанников продуктивно участвовать в жизни, а «не угрюмо

[1334] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.
[1335] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 492. Л. 12.
[1336] Там же. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 6. Л. 22.
[1337] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 801. Л. 55.
[1338] Там же.

поглядывать на нее из-за решетки»[1339]. Воспитатели детдомов устраивали прогулки-экскурсии для детей по городу, в лес, на водоемы, в ходе которых воспитанники знакомились с окружающей природой, растительным миром и др.[1340] Экскурсии должны были давать наглядность знаний, доступных пониманию детей по возрасту, в результате походов дети могли заниматься сбором гербария, коллекционированием насекомых и минералов[1341], рисовали и писали сочинения. Смысл экскурсионного метода состоял в активном познании мира, экскурсия расширяла не только когнитивные способности ребенка, но и его способности переживать, приучала к наблюдательности, развивала личность[1342]. Детдомовцы «Дворца детей» в 1923 г. во время походов охватили большое количество новых мест: посетили музей, Онежский завод, электрическую станцию, спичечную фабрику, типографию, мельницу, лесопильный завод[1343]. Воспитанники Пудожского школьного детдома в целях ознакомления посетили в 1928 г. электрическую станцию и хлебопекарню[1344].

В 1920-е гг. во многих детдомах предпринимались усилия для демократизации внутренней жизни учреждения, для чего организовывались различные кружки: драматические, литературные, музыкальные, общественные, политические, технические, хоровые, спортивные, любителей природы и др. Кружковая работа была направлена на получение воспитанниками умения «разумно использовать свой досуг, найти занятие, отвечающее склонностям и интересам каждого отдельного ребенка»[1345]. Например, общественный кружок ставил своей целью помочь детям в изучении окружающей их жизни по запросам каждого возраста при активном участии индивидуума и коллектива[1346]. Кружковую работу старались распространить в каждом детдоме, но и в этой

[1339] Ball Alan M. And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley etc., 1994 [Электронный ресурс]. URL: https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress. (дата обращения: 20.10.2020).
[1340] НА РК.Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 900. Л. 53.
[1341] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 57. Л. 244.
[1342] Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии. С. 36.
[1343] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 57. Л. 164.
[1344] Там же. Д. 409. Л. 27.
[1345] Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 1142. Л. 5.
[1346] Там же. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 57. Л. 56.

сфере деятельности возникали проблемы в виде отсутствия соответствующих работников и необходимых материалов, инструментов, инвентаря для занятий. Так, литературный кружок приемно-распределительного пункта бездействовал из-за отсутствия книг[1347].

С 1925 г. в Карелии началось развитие сети кинотеатров. Если перед революцией имелось только 2 кинотеатра в г. Петрозаводске, то в 1925 г. в республике насчитывалось уже 14 постоянных и 4 передвижных киноустановки[1348]. В 1932 г. в Карелии имелось 53 постоянных и 130 передвижных киноустановок[1349]. Для воспитанников детдомов организовывались бесплатные киносеансы, например, 30 мая 1924 г. для детей в кинотеатре Карполитпросвета устраивался сеанс фильма «Тайны черного материка»[1350]. Библиотека являлась важным просветительным учреждением, однако ее наличие или отсутствие в детдомах было связано с недостаточным количеством книг на местах. Во втором детдоме г. Петрозаводска библиотечный кружок стал работать раньше других, нехватка книг была решена получением их из центральной библиотеки города[1351]. Для развития мыслительной способности детям предлагалось делать записи прочитанных книг, а также обсуждать их с другими воспитанниками и педагогами. В детдоме имени III Интернационала воспитанники любили читать, им приходилось прочитывать сказки по несколько раз, потому что в учреждении практически не было детской литературы. Ситуация постепенно менялась, и в учреждения стали поступать книги. В Пудожском школьном детдоме в 1928 г. библиотека для детей содержала 200 экземпляров книг и обслуживалась библиотечной комиссией, во главе которой стоял заведующий библиотекой[1352].

Все эти виды деятельности создавали благоприятную основу для успешной социализации воспитанников. Однако финансирование и распределение

[1347] Там же. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.
[1348] Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск, 1964. С. 196.
[1349] Там же. С. 252.
[1350] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 57. Л. 241.
[1351] Там же. Л. 40.
[1352] Там же. Д. 409. Л. 40об.

денежных средств чаще направлялись на развитие внутреннего положения детдома, для улучшения, например, материальной базы учреждения.

Не приходится сомневаться в том, что в практической жизни педагоги сталкивались с гендерно обусловленными особенностями поведения в детских домах девочек и мальчиков. Однако в нормативной и отчётной документации учреждений подопечные практически не дифференцируются по полу, а представлены в виде усредненного «ребенка», «воспитанника детского дома». Это можно объяснить не только перегруженностью педагогов и зачастую формальным составлением отчетов, но и декларированием советским государством равенства полов. На деле же гендерный порядок в детских домах четко институционализировался в трудовом воспитании, в подготовке к самостоятельной жизни за пределами детского дома. Наиболее выразительным примером этого подхода является открытие профильных мастерских. Девочек чаще всего обучали гендерно маркированному швейному и чулочно-вязальному мастерству, тогда как мальчиков – сапожному делу, навыкам плотницкого и столярного ремесла.

Несмотря на разруху в конце 1910-х гг. и разворачивающиеся в Карелии военные действия, работники Наркомпроса взялись за работу с энтузиазмом. В начале исследуемого периода ощущалась острая нехватка трудовых ресурсов в сфере охраны детей-сирот и беспризорных в Карелии, что оказывало решающее воздействие на развитие сети детских домов. Кадровая политика 1918 – первой половины 1930-х гг. позволила отчасти решить проблему дефицита сотрудников детских домов. Повышение квалификации работников детдомов осуществлялось через проведение местных курсов, отправку воспитателей, педагогов и руководителей на обучение в г. Москву или г. Петроград, проведение местных конференций и совещаний, на которых шло информирование и обсуждение новых подходов к решению воспитательных и педагогических задач в детдоме. Выпускники педагогических техникумов пополняли штат работников детдомов, но встречали на своем профессиональном пути трудности, с которыми приходилось справляться самостоятельно без специальных знаний о работе с

данной категорией детей. При наличии разных способов получения квалификации основной формой подготовки кадров детских домов оставались местные краткосрочные курсы, а также привлечение на работу выпускников детдомов.

В исследуемый период в детских домах был положен основной принцип образования – воспитание «нового человека», который старались реализовывать в каждом направлении государственной политики по воспитательной, медико-санитарной и просветительской работе с детьми. В детдомах Карелии старались создать условия для воспитания, обучения и подготовки несовершеннолетних к самостоятельной жизни. При организации и реализации основного принципа сотрудникам детдомов приходилось преодолевать различные сложности в воспитательной работе. Прежде всего, особое внимание уделяли трудовому воспитанию, потому что труд считался необходимым элементом при подготовке воспитанников к взрослой жизни. Основной задачей воспитательного процесса в детских домах Карелии в 1920-х гг. являлась интеграция воспитанников детских домов в советское общество, поэтому дети воспитывались в духе коллективизма и были ориентированы на получение трудовых навыков. Дети, выпускавшиеся из учреждений Карелии, определялись на различные работы или в места обучения, но были и случаи оставления некоторых воспитанников в детских домах в качестве воспитателей или нянь. Трудовое воспитание реализовывалось в Карелии через организацию мастерских и подсобных хозяйств в детских домах, которым не хватало инструментов, сырья, помещений, работников и др. Физическое воспитание было направлено на подготовку гармонической и всесторонне развитой личности, однако и в этом вопросе ощущался недостаток квалифицированных кадров и необходимых условий в самих учреждениях. Общественно-политическое воспитание не имело четкой плановой и систематической работы, позволявшей проводить все рекомендованные мероприятия. На стадии развития находилась пионерская организация в детдомах Карелии, деятельность которой не разворачивалась из-за отсутствия авторитетных руководителей. Население видело в бывших беспризорниках правонарушителей, поэтому руководство детских домов стремилось оградить одних от других

высокими заборами и запретом на несанкционированный выход в город. Таким образом, зачастую воспитанники были обособлены от внешнего мира. Необходимо было проводить программы по социализации детей и погружению их в реальность общественных отношений. Изменения в этой области появятся в конце 1920-х гг., когда воспитанников детдомов станут прикреплять к производству, отправлять на учебные курсы, расширятся шефские связи с предприятиями и организациями. В первой половине 1930-х гг. для каждого направления воспитательной работы были заметны некоторые улучшения, связанные либо с улучшением материальной базы учреждения, либо с появлением опытных работников в определенной сфере. Устройство выпускников детдомов позволяет увидеть широкий спектр выбранных ими занятий, чаще всего они останавливались или на продолжении образования, или на работе в мастерских и на заводах. Таким образом, на фоне имевшихся трудностей в детдомах Карелии сложившаяся система воспитания и обучения государственных детей постепенно начинала приобретать плановость и системность, которые регулировались правилами и инструкциями с центра.

Анализ жизни воспитанников детских домов Карелии содержит различные аспекты данной темы, начиная с социального портрета нуждающегося ребенка и заканчивая его социализацией после выпуска из детского учреждения. Поскольку устройство детей в детское учреждение закрытого типа являлось основным способом решения проблемы детской беспризорности в Карелии, важно было обратиться к характеристике социального облика ребенка в контексте обобщенной биографии для понимания «исходного материала», с которым приходилось работать сотрудникам детских домов. Выявление базовых черт социокультурного типажа нуждающегося ребенка представляется необходимым этапом перед изучением процесса социализации «государственного ребенка». В исследуемый период в Карелии сформировалась система детских учреждений закрытого типа, в которую попадали нуждающиеся дети различных групп. Постепенно происходило увеличение числа учреждений данного типа с соответствующим ростом воспитанников. Государство стремилось охватить

всех детей, которым требовалась социальная помощь, однако ресурсов, выделяемых на места, не всегда хватало для обеспечения нуждающихся детей. Это прослеживается при сравнении нормативов, установленных из центра, и реальной практикой снабжения детдомов Карелии продовольствием, обмундированием и др. Проблемы, с которыми сталкивались детские учреждения для беспризорных детей, были значительны, начиная с отсутствия хлеба и заканчивая нехваткой врачей. В вопросе обеспечения «государственного ребенка» Карелии прослеживается выделение трех основных этапов, на протяжении которых происходило изменение состояния параметров снабжения воспитанника детдома. При объявлении государством в 1935 г. о ликвидации детской беспризорности в стране[1353] полного разрешения проблемы обеспечения детей в детских учреждениях закрытого типа не было достигнуто. Несмотря на наличие различных проблем материального характера, сотрудники детских домов Карелии в связи с реализацией государственной политики по воспитательной, медико-санитарной и просветительской работе старались создать условия для воспитания, обучения и социализации воспитанников. Для полноценной интеграции воспитанников детдомов в советское общество необходимо было развивать детей, используя, прежде всего, трудовое, физическое, общественно-политическое воспитание. В каждом из перечисленных направлений ощущались проблемы с реализацией на местах основных положений воспитания, связанных, например, с нехваткой ресурсов или кадров. Постепенное, плановое исполнение правил и инструкций с центра не всегда определяло успешность проведения воспитательной и образовательной работы и зачастую зависело от местных условий обеспечения или энтузиазма воспитателей и педагогов.

[1353] Дети ГУЛАГа. С. 184.

Заключение

В 1918 – первой половине 1930-х гг. в Карелии, как и в целом по стране, происходило становление и развитие деятельности государственных и общественных институтов защиты детей-сирот и беспризорных. Положение детей определялось социально-экономической обстановкой в регионе, которая в исследуемый период претерпевала значительные изменения. Для ситуации в Карелии выделяются следующие этапы: 1918–1925 гг., 1925–1929 гг., первая половина 1930-х гг., для каждого из них характерны свои основополагающие факторы, влиявшие на социальное положение детей. Для каждого обстоятельства влияния свойственна определенная степень воздействия на конкретном этапе, что связано с постепенным улучшением или ухудшением обстановки в регионе. Если в первые годы советской власти основными факторами, действующими на положение детей, выступали последствия войн, то со временем ведущую роль стали играть демографическая и социально-экономическая политика большевиков, усиление кризиса традиционной семьи, деформация семейных ценностей, нестабильность материального положения населения, включая продовольственный и жилищный кризисы в начале каждого выделенного этапа. Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Карелии постепенно улучшалась за счет увеличения количества вакцинированного населения, роста числа медицинских работников и обеспечения медикаментами, некоторого улучшения бытовых условий жизни детей в семьях и детских учреждениях интернатного типа.

Положительные результаты принятых государством мер, направленных на профилактику, поддержку и оказание социальной помощи нуждающимся детям, иногда аннулировались из-за политических решений органов власти. Большое количество беспризорных детей сохранялось не только за счет ухудшения материального положения семей, например в связи с потерей кормильца, но и в результате проведения в регионе политики раскулачивания, явившейся одним из весомых факторов неблагополучия детей в первой половине

1930-х гг., а также роста миграционных потоков в Карелию вследствие привлечения дополнительной рабочей силы.

Категории детей, которым требовались профилактика, поддержка и оказание помощи, не имели четких границ (дети, лишенные родительского или государственного попечения; несовершеннолетние правонарушители; дети-инвалиды; дети, достигшие предельного возраста и работавшие на предприятиях), поскольку образ жизни социально неблагополучных детей определял их сразу в несколько групп. Еще сложнее обстоял вопрос, если дети оказывались в категории «морально-дефективных», поскольку под указанную характеристику попадали правонарушители, трудновоспитуемые, беспризорные, а иногда и дети-инвалиды. Выявление статистики нуждающихся детей в Карелии затруднено отсутствием систематического и полноценного сбора сведений с мест, а также спецификой данных детей, связанной с их постоянным перемещением как территориально, так и внутри категорий. Некоторые выводы можно сделать благодаря отчетам Наркомпроса АКССР и Деткомиссии при КарЦИК. В 1918–1919 гг. в крае отмечался рост числа беспризорных, достигавший 1800 человек. Приемно-распределительный пункт для малолетних правонарушителей, находившийся в г. Петрозаводске, на протяжении 1920–1925 гг. был постоянно переполнен. В начале 1930-х гг. фиксировался рост нищенствующих детей в районах Карелии, где появилась сеть лагерей ГУЛАГа, спецпоселений, в которых насчитывалось несколько сотен детей. Пополняя ряды беспризорных, дети под воздействием негативных обстоятельств оказывались в условиях, способствующих проявлению разного рода девиаций, что подтверждается ростом детской преступности в регионе. Воспитанников детдомов во многих документах относили к категории беспризорных, поскольку дети не находились на попечении родителей или родственников. Их количество на протяжении исследуемого периода колебалось, что связано, например, с проведением политики «разгрузки» детдомов или их объединением. Если в 1917 г. на территории Карелии насчитывалось 7 детских домов (267 человек), то в 1925 г. – 17 (800 человек), в конце 1929 г. – 25 (1266 человек), а в конце 1935 г. – 20 (1067 человек).

Увеличение числа детских учреждений на местах происходило неравномерно, однако общая статистика демонстрирует достаточно высокий рост количества детей в детдомах. Для системы детских учреждений Карелии была свойственна дифференциация не только по возрастному и половому признаку, но и по национальному, в связи с чем в регионе открывались детдома для карелов и финнов. На протяжении 1918–1935 гг. на фоне общей статистики роста учреждений для беспризорных детей заметно увеличение национальных детдомов. Долгое отсутствие на территории Карелии специализированных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей и детей-инвалидов сказывалось на определении указанных детей в учреждения нормального типа. К 1935 г. заметны уменьшение количества беспризорных детей в Карелии и понижение числа воспитанников детдомов.

Решение проблемы детской беспризорности в Карелии также проходило в три этапа, выделение которых выполнено с учетом развития системы социальных учреждений для беспризорных, деятельности общественности, организации жизнеобеспечения воспитанников детских домов и их социализации. В исследуемый период был принят ряд правовых документов, определивших положение нуждающихся детей. К ним относятся: 1919 г. – согласование функций Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомсобеса РСФСР в деле воспитания и охраны здоровья «дефективных» детей (произошло функциональное деление полномочий); 1926 г. – в Положении о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью выделены группы беспризорных, которым требовалось полное или частичное обеспечение мерами охраны и поддержки (Положение конкретизировало круг нуждающихся детей); 1935 г. – при окончательном оформлении типизации детских учреждений проведен пересмотр контингента воспитанников детских домов и подробно описаны группы нуждающихся детей для прикрепления их к конкретным ведомствам.

В исследуемый период в Карелии постепенно складывалась структура государственных органов управления, которая занималась вопросами социальной защиты детей. В результате анализа деятельности таких органов, как Наркомпрос,

Наркомздрав, НКВД АКССР и Деткомиссия при КарЦИК, было выявлено, что основополагающая деятельность в вопросах координации работы по социальной защите и оказанию помощи детям приходилась на Комиссию по улучшению жизни детей. В функциональные обязанности Деткомиссии входили контроль, согласование, проверка действий ведомств и учреждений, занимавшихся вопросами детства. Важную роль в проведении социальной политики защиты детства играл Наркомпрос АКССР, в подчинении которого находилась почти вся система детских учреждений интернатного типа Карелии. Деятельность упомянутых государственных органов осложнялась отсутствием четкого разделения функций между ними, в связи с чем происходило дублирование действий. Не хватало опытных кадров, денежных средств, осуществлялись постоянные организационные изменения. Ситуация поменялась к 1935 г., когда в ходе проведения типизации детских учреждений в Карелии произошло разделение функций ведомств, а также были созданы и реорганизованы детские учреждения для разных категорий детей.

Увеличение государственного присутствия в решении проблем детей сопровождалось ростом репрессивной составляющей по отношению к малолетним правонарушителям. Если декретом от 17 января 1918 г. было определено, что суды и тюремное заключение для несовершеннолетних (в возрасте моложе 17 лет, а с 1920 г. – моложе 18 лет) упразднялись, то в дальнейшем к 1935 г. не только восстановилось привлечение несовершеннолетних правонарушителей к уголовному суду с применением всех мер наказаний, но и понизился возраст привлечения к уголовной ответственности указанной категории детей (с 1926 г. – 14 лет, с 1929 г. – 16 лет, с 1935 г. – 12 лет). Также в исследуемый период заметно, что наметившаяся в первые годы советской власти тенденция на смягчение терминологии в отношении детей, совершивших общественно-опасные деяния («малолетний правонарушитель»), сменилась на более жесткие понятия, такие как «несовершеннолетний преступник», «несовершеннолетний рецидивист», «социально-запущенные дети». Показательно и то, что первоначально вопросы борьбы с детской беспризорностью

и преступностью координировали органы социальной защиты и образования, а в 1929 г. СНК РСФСР принял решение о возложении обязанностей по ликвидации детской преступности на органы милиции, которые в начале 1930-х гг. постепенно становились основными субъектами этой деятельности. К 1935 г. Комиссии по делам несовершеннолетних были упразднены, их обязанности полностью были возложены на правоохранительные органы.

На рубеже 1930-х гг. произошел переход от размещения малолетних правонарушителей в общих детских учреждениях с обычными детьми к созданию для них специализированных исправительно-трудовых учреждений с более строгими условиями (Повенецкий детский дом в 1931 г. был реорганизован в трудовую коммуну, а Палеостровский детский дом в 1934 г. – в трудовую колонию). К середине 1930-х гг. происходит расширение круга полномочий НКВД в работе с трудными подростками, в частности, передача в его ведение приемных пунктов и детских домов, ранее принадлежавших компетенции Наркомпроса, вхождение представителей данного ведомства в комиссию по борьбе с детской беспризорностью и преступностью в крае.

Государственные органы были инициаторами привлечения советской общественности к решению проблем охраны детства. Региональная периодическая печать подробно освещала проблемы нуждающихся детей, выступая иногда не только каналом информации, но и координатором работы различных учреждений, организаций, а иногда и местного населения. В исследуемый период поддержкой детей в Карелии прямо или косвенно занимались ячейки общества «Друг детей», местное отделение фонда имени В. И. Ленина, комсомольские и пионерские организации и др. Масштабы помощи детям от советской общественности со временем менялись. Так, на первом этапе (1918–1925 гг.) помощь для нуждающихся детей Карелии в виде продовольствия, обмундирования и медикаментов была получена из-за рубежа, тогда же была организована эвакуация детей в более благополучные районы страны. Общественные организации, появившиеся в первой половине 1920-х гг., смогли проявить свою активность в решении детского вопроса только на втором

этапе, когда активным координатором их деятельности выдвинулась Деткомиссия при КарЦИК. Такие формы общественной помощи сиротам и беспризорным, как патронирование или коллективное шефство, развивались, главным образом, под давлением государства либо благодаря усилиям отдельных энтузиастов из числа педагогов и воспитателей детских учреждений, а также работников местных Деткомиссий и их добровольных помощников. В ряду общественных видов деятельности в сфере защиты детей наиболее значимым являлось шефство над детскими домами. В начале своей деятельности шефские организации, помогавшие детдомам Карелии, старались включаться во внутреннюю жизнь учреждений (например, организовывали досуг воспитанников, ремонтировали помещения детдомов), позже их поддержка стала сводиться к формальному отчислению денежных средств в пользу детдомов. В целях улучшения качества шефской работы проводились конкурсы по выявлению лучших шефов. К середине 1930-х гг. в связи с переходом к реализации концепции «счастливого детства» усилился контроль над имевшимися организациями в сфере охраны детства. В 1935 г. ячейки общества «Друг детей» были ликвидированы. Получили поддержку следующие формы семейного устройства беспризорных детей: опека, патронирование, усыновление. Для каждой формы были разработаны инструкции и рекомендации для реализации на местах, было заметно возвращение к семье как форме организации и социализации ребенка. Взаимодействие государства и общественности в исследуемый период находилось в стадии поиска действенного типа сотрудничества, в связи с чем происходили изменения в формах осуществления общественной помощи нуждающимся детям.

Направление нуждающихся детей в учреждения социальной защиты являлось основным способом ликвидации детской беспризорности в Карелии. Обобщенный социокультурный портрет социально неблагополучного ребенка включал характерные признаки сироты, беспризорного, безнадзорного и малолетнего правонарушителя. Анализ широкого круга источников позволил воссоздать усредненный образ такого ребенка: это мальчик школьного возраста, бросивший учебу для поиска средств пропитания или поддержки семьи. Выбор

способа удовлетворения собственных физиологических нужд являлся первым вопросом, требовавшим решения в самом начале беспризорного пути: либо попрошайничество, либо преступная, либо трудовая деятельность. Медицинское состояние, образовательный и воспитательный уровень нуждающегося ребенка зависели от той среды, из которой он попадал на улицу и в какой оказывался уже в беспризорной жизни. Определение базовых черт социального облика ребенка в контексте обобщенной биографии явилось важным этапом для изучения дальнейшего процесса социализации в качестве «государственного ребенка». Поскольку основным методом государства в деле борьбы с беспризорностью детей являлось определение их в детское учреждение интернатного типа, то изучение базовых условий жизни воспитанников оказалось важной составляющей в рассмотрении положения детей.

В начале 1920-х гг. в Карелии сформировалась система детских домов, которая продолжала меняться на протяжении всего исследуемого периода. Развитие внутренней жизни указанных учреждений происходило по этапам, выделенным ранее. Для первого этапа характерно наличие большого спектра проблем, связанных с материальным, финансовым обеспечением учреждений. Решение этих проблем было возложено на руководителей детских домов. Отсутствие специальных зданий для детдомов, нехватка продовольствия, обмундирования и медикаментов для воспитанников, кадровый кризис – это только немногие из проблем, с которыми столкнулись руководители учреждений.

В начале первого периода редко можно было встретить учреждение, полностью обеспеченное всем необходимым для проживания ребенка. Ситуация стала меняться во второй половине 1920-х гг., когда возникли новые возможности в системе жизнеобеспечения детей: развитие подсобных хозяйств, мастерских, активная деятельность шефских организаций и др. Благодаря развитию подсобных хозяйств и собственных мастерских происходило обеспечение детских домов необходимыми продуктами и одеждой. К концу исследуемого периода не произошло полного разрешения проблем, связанных с созданием благоприятных базовых условий для жизни воспитанников детдомов, однако

наблюдалось определенное улучшение в материальном положении учреждений Карелии. Предпринятое сравнение нормативов и реального снабжения детей питанием, одеждой, обувью подтвердило тот факт, что установленные нормы крайне редко реализовывались на местах. Несмотря на имевшиеся трудности в вопросах обеспечения воспитанников детдомов необходимыми ресурсами, многие работники детских учреждений и сотрудники Наркомпроса АКССР с энтузиазмом принялись за реализацию государственной политики по воспитательной, медико-санитарной и просветительской работе с детьми в учреждениях интернатного типа. Кадровый кризис наложил отпечаток на развитие воспитательной работы в детских учреждениях, но постепенно государство решало данный вопрос через проведение курсов для работников детдомов на местах, отправку воспитателей, педагогов и руководителей на обучение в г. Москву или г. Петроград (г. Ленинград), организацию местных конференций и совещаний, на которых шло информирование и обсуждение новых подходов к решению воспитательных и педагогических задач в детдомах. Основной формой подготовки кадров для детдомов Карелии являлись местные краткосрочные курсы.

Для социализации «государственного ребенка» основным принципом в детских учреждениях стало воспитание «нового человека». Для воспитания, обучения и подготовки детей к самостоятельной жизни создавались необходимые условия. Интеграция детдомовцев в советское общество осуществлялась через воспитательную работу в детских домах. Поскольку труд считался необходимым элементом при подготовке воспитанников к взрослой жизни, то особое внимание уделялось, прежде всего, трудовому воспитанию, которое реализовывалось в Карелии через организацию в детских домах мастерских и подсобных хозяйств, что встретило на своем пути трудности в обеспечении ресурсами. Для подготовки «гармонически и всесторонне развитой личности» необходимо было физическое воспитание детдомовцев, осуществляемое через устройство регулярных занятий физическими упражнениями и наблюдение за здоровьем детей. В основу физического воспитания детей было заложено привитие элементарных

гигиенических навыков. Укреплению здоровья воспитанников детских домов Карелии также способствовали кампании по организации летних колоний и оздоровительных площадок, отправка воспитанников в санатории и пионерские лагеря (например, в санатории, расположенные в с. Видлица, с. Уя, Ленинградской области, Крыму). Общественно-политическое воспитание включало различные направления, но к основным относились антирелигиозное и интернациональное, проходившие через все воспитание в детском доме. Вовлечение детей и молодежи в широкую сеть коммунистических общественных объединений (пионерия, комсомол) начиналось с раннего детства, что было характерно и для детских домов. В Карелии большинство воспитанников детдомов входили в пионерские организации, однако их деятельность была осложнена отсутствием авторитетных и опытных руководителей, о чем постоянно фиксировалось в отчетах Наркомпроса АКССР. Система воспитания и обучения «государственных детей» в Карелии постепенно начала приобретать плановый и системный характер, также благодаря появлению новых кадров.

Таким образом, система государственных органов и общественных организаций, занимавшаяся решением проблемы сиротства и беспризорности детей, окончательно сформировалась в Советской Карелии к 1935 г. и включала расширенную сеть детских учреждений, которые охватили широкий спектр нуждающихся детей. При имевшихся трудностях внутри детдомов усилиями руководства и персонала беспризорные дети получали возможность социализации, обучения и дальнейшего трудоустройства. Политико-экономическая ситуация в Карелии не позволила полностью воплотить мероприятия, направленные на решение острых вопросов охраны детства. В целом, сложившаяся государственная система социальной помощи и поддержки детей-сирот и беспризорных в Карелии была ориентирована не на предупреждение таких явлений, как сиротство и детская беспризорность, а на борьбу с их негативными последствиями для советского общества.

Список сокращений

АКССР – Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика

АРА – Американская Администрация помощи (American Relif Administration)

Архив МВД по РК – Архив Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Карелии

ББК – Беломорско-Балтийский канал

Белбалткомбинат – Беломорско-Балтийский комбинат

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный комитет

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ВЧК при СНК РСФСР – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

Главсоцвос Наркомпроса РСФСР – Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей Наркомпроса РСФСР

Госторг – Государственная экспортно-импортная контора

Губисполком – губернский исполнительный комитет

Губоно – губернский отдел народного образования

Губсовет – губернский совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов

ГУЛАГ– Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых колоний

Деткомиссия при ВЦИК – Комиссия по улучшению жизни детей при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете

Деткомиссия при КарЦИК – Комиссия по улучшению жизни детей при Карельском Центральном Исполнительном комитете

ЖАКТ – жилищно-арендное кооперативное товарищество

Женотдел ЦК РКП (б) – Отдел по работе среди женщин при Центральном Комитете Российской Коммунистической партии большевиков

Исполком КТК – Исполнительный комитет Карельской Трудовой Коммуны

Карздравотдел – отдел здравоохранения Карельской Трудовой Коммуны

ККОВ (кресткомы) – крестьянские комитеты общественной взаимопомощи

Комонес – Комиссия по делам несовершеннолетних

КОНО– Карельский отдел народного образования

КТК – Карельская Трудовая Коммуна

НАРК – Национальный архив Республики Карелии

Наркомвнудел (НКВД) – Народный комиссариат внутренних дел

Наркомздрав РСФСР – Народный комиссариат здравоохранения РСФСР

Наркомпрод РСФСР – Народный комиссариат продовольствия РСФСР

Наркомпрос РСФСР – Народный комиссариат просвещения РСФСР

Наркомснаб РСФСР – Народный комиссариат снабжения РСФСР

Наркомсобес РСФСР (НКСО РСФСР) – Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР

Наркомтруд РСФСР – Народный комиссариат труда РСФСР

Наркомфин РСФСР – Народный комиссариат финансов РСФСР

ОГПУ при СНК СССР – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР

ОДД – Общество Друг детей

Оздравдет (ОЗД) – отдел охраны здоровья детей и подростков

Олонгубздравотдел – Олонецкий губернский отдел здравоохранения

Олонгубсобес – Олонецкий губернский отдел соцобеспечения

ОНО – отдел народного образования

Охматмлад (ОММ) – отдел охраны материнства и младенчества

Районо (РОНО) – районный отдел народного образования

Райфо – районный финансовый отдел

РИК (райисполком) – Районный Исполнительный комитет

РКСМ – Российский Коммунистический Союз Молодежи (РЛКСМ – Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи)

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СНК РСФСР (Совнарком РСФСР) – Совет народных комиссаров РСФСР

Совторгслужащих – Союз советских торговых служащих

СПОН Наркомпроса РСФСР – отдел Социально-правовой охраны несовершеннолетних Наркомпроса РСФСР

Уездздравотдел – уездный отдел здравоохранения

УОНО – уездный отдел народного образования

ЦК КОВ – Центральный комитет крестьянских обществ взаимопомощи

ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии большевиков

Школа ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества

Список использованных источников и литературы

I. Неопубликованные источники

1. Архивные фонды

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. А-393 Общество «Друг детей»

Ф. А-413 Наркомат социального обеспечения РСФСР

Ф. А-1575 Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей Наркомата просвещения РСФСР

Ф. А-2306 Наркомат просвещения РСФСР

Ф. Р-1235 Всероссийский Центральный Исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов РСФСР

Ф. Р-5207 Комиссия по улучшению жизни детей при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете (Деткомиссия при ВЦИК) (1921–1938)

Ф. Р-9501 Союз Красного Креста и Красного полумесяца СССР

Национальный архив Республики Карелии (НА РК)

Ф. Р-2 Олонецкий губернский отдел народного образования (1917–1922)

Ф. Р-141 Карельский отдел народного образования (1919–1923)

Ф. Р-176 Отдел здравоохранения Олонецкого губисполкома (1918–1922)

Ф. Р-212 Детский дом «Дворец детей» (1922–1927)

Ф. Р-282 Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях (1920–1927)

Ф. Р-393 Петрозаводский русский педагогический техникум (1920–1930)

Ф. Р-446 Олонецкий губернский отдел соцобеспечения (1918–1922)

Ф. Р-458 Олонецкий уездный отдел народного образования (1917–1927)

Ф. Р-487 Отдел здравоохранения исполкома Олонецкого уездного Совета (1919–1927)

Ф. Р-580 Народный комиссариат здравоохранения КАССР (1923–1940)

Ф. Р-630 Министерство образования РК (1923–1996)

Ф. Р-673 Министерство социальной защиты РК (1923–2002)

Ф. Р-726 Комиссия по улучшению жизни детей при Карельском Центральном Исполнительном комитете (1923–1938)

Ф. Р-788 Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях при Повенецком УОНО (1919–1927)

Ф. Р-836 Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях при Олонецком уездном ОНО (1919–1926)

Ф. Р-1040 Калевальский (Ухтинский) детский дом (1925–1936)

Ф. Р-2156 Отдел здравоохранения Олонецкого райисполкома (1927–1963)

Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук

Ф. 1 Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (1923–1974)

Архив Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Карелии (Архив МВД по РК)

Ф. 67 Приказы ГПУ АКССР, Управления НКВД по АКССР, НКВД КАССР и КФССР

Ф. 68 Приказы и циркуляры ВЧК

II. Опубликованные источники

2.1. Законодательные и нормативные акты

1. Гидулянов П. В. Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейным комментарием / под ред. П. А Красикова. – Л.: Рабочий суд, 1927. – 308 с.
2. Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью: сб. ст. и правительств. распоряжений / под ред. С. С. Тизанова и М. С. Эпштейна. – М.: Гос. изд-во, 1927. – 85 с.
3. Декреты Советской власти. – Т. 1–13. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1957–1989.
4. Кодекс законов о труде РСФСР. 1918 г. // Киселева И. Я. Трудовое право России. М., 2001 [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm. – (дата обращения: 15.10.2020).

5. Краткий сборник законодательных материалов по борьбе с детской беспризорностью. – Воронеж: Изд. Воронежской Губернской Детской Комиссии. 1926–1927. – 27 с.
6. ОДБР: сб. / ред. Чаплыгин. – Самара: О-во друзей больного и беспризорного ребенка, 1925. – 77 с.
7. Основные указания о работе по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. – Куйбышев: Куйбышевское изд-во, 1938. – 14 с.
8. Положение о Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК. – М.: 1-я Образцовая тип. Госиздата, 1926. – 8 с.
9. Положения и инструкции по подготовке воспитанников детских домов к трудовой общеполезной деятельности. – Новочеркасск: Изд. Донского Отдела Народного Образования, 1927. – 40 с.
10. Сборник узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью и по ее предупреждению. – М.: Изд. Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, 1927. – 92 с.
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. – М.: Управ. Дел. Совнар. СССР, 1942. – 1482 с.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. – М.: Б. и., 1943. – 817 с.
13. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М.: Управ. Дел. Совнарк. СССР, 1944. – 1207 с.
14. Устав Общества «Помощи Детям». – Свердловск: Изд. Обл. Деткомиссия, 1928. – 14 с.

2.2. Материалы съездов, совещаний и конференций

1. IV Съезд РКСМ, 21–28 сентября 1921 г.: стенографический отчет / Истомол ЦК РЛКСМ. – М.: Молодая гвардия, 1925. – 366 с.

2. VI Всероссийский съезд по охране здоровья детей и подростков. Программа и тезисы. 16–22 ноября 1925 г. – М.: Жизнь и знание, 1925. – 141 с.

3. VIII Всекарельский съезд Советов. – Петрозаводск: Изд. КарЦИКа, 1929. – 365 с.

4. XV лет работы по улучшению жизни детей: стенограмма заседания Президиума ВЦИК 20 февраля 1936 г. Деткомиссия при ВЦИК. – М., 1936. – 36 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://zt1.narod.ru/doc/15-let-detkomissii.doc. – (дата обращения: 20.11.2017).

5. Борьба с беспризорностью: материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью 16–17 марта 1924 г. – М.: Работник просвещения, 1924. – 45 с.

6. Детская беспризорность и детский дом: сб. ст. и материалов II Всероссийского съезда СПОН по вопросам детской беспризорности, детского дома и правовой охраны детей и подростков / под ред. С. С. Тизанова, В. Л. Швейцер, В. М. Васильевой. – М.: Отдел Социально-правовой охраны несовершеннолетних, 1926. – 240 с.

7. Детская дефективность, преступность и беспризорность: по материалам I Всероссийского съезда, 24.06.–1.07.1920 г. / ред. Бюро мед.-пед. консультации Наркомпроса. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 100 с.

8. Детское коммунистическое движение к V Всесоюзной конференции ВЛКСМ. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1927. – 96 с.

9. Краткий обзор о работе Комиссии ВЦИКа по улучшению жизни детей. – М.: Б. и., 1921. – 74 с.

10. Материалы к 3-й Всероссийской конференции по охране детства. 25–30 мая 1930 г. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. – 100 с.

11. Материалы ко второму Всероссийскому съезду социально-правовой охраны детей и подростков и детских домов. 26 ноября 1924 г. – М.: б. и., 1924. – 176 с.

12. Основные проблемы педологии в СССР (по тезисам Первого Всероссийского педологического съезда. 27.12.1927 – 03.01.1928 г.). – М.: Изд. Оргбюро съезда, 1928. – 183 с.

13. Первый Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения 26 июня 1918 г. – М.: Тип. Московского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов, 1918. – 60 с.

14. Резолюция Всероссийского совещания Деткомиссий и обществ «Друг детей». – М.: б. и., 1930. – 16 с.

15. Труды III Всесоюзного Съезда по охране материнства и младенчества. 1–7 декабря 1925 г. – М.: Охрана материнства и младенчества, 1926. – 199 с.

2.3. Труды деятелей партии и правительства, советских специалистов

1. Арборе-Ралли Е. Мать и дитя в Советской России. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 31 с.
2. Беспризорные в трудовых коммунах. Практика работы с трудными детьми. / под ред. В. Л. Швейцар, С. М. Шабалова. – М.: Изд. Главсоцвоса НКП, 1926. – 215 с.
3. Богуславский М. С. Дети улицы. – М.: Гос. изд-во, 1927. – 80 с.
4. Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. – М.: Юношеский сектор изд-ва «Пролетарий», 1925. – 100 с.
5. Гернет М. Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России. – М.: Право и жизнь, 1924. – 68 с.
6. Гиндес Е. Я. Таблицы питания детей до 5-летнего возраста. –Баку: б. и., 1933. – 56 с.
7. Гришаков Н. П. Детская преступность и борьба с нею путем воспитания. – Орел: Гос. изд-во Орловск. отд., 1923. – 74 с.
8. Гуткин А. Я. Питание детей в школе: (Организация и постановка питания). – Л.: Ленингр. ин-т ОЗД и П, 1934. – 53 с.
9. Данилевич М. Г. Вопросы питания детей. – Л.: Санпросвет Ленингр. Губздравотдела, 1925. – 40 с.
10. Детская литература: критический сб. / под ред. А. В. Луначарского. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1931. – 232 с.
11. Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1977. – 493 с.

12. Доброхотова А. И. Практическое пособие по питанию детей раннего возраста. – М.; Л.: Медгиз, 1933. – 78 с.
13. Дурново А. С., Радин Е. П. Вопросы педологии в работе Наркомздрава по охране здоровья детей и подростков. – М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1928. – 84 с.
14. Дьяков Н. Н. Питание детей и голодные отеки у них. – Пермь: Тип. Пермполиграфтреста, 1928. – 9 с.
15. Здание школы, питание, одежда, режим труда и отдыха: Нормы, утв. Отд. охраны здоровья детей и подростков Нар. ком. здравоохранения. – М.: Жизнь и знание, 1926. – 78 с.
16. Здоровые дети – светоч будущего. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 102 с.
17. Игнатов Н. К. Питание детей всех возрастов в связи с применением суррогатов и заменою одних продуктов другим. – М.: б. и., 1922. – 120 с.
18. Исраэлян Л. Г. Основы питания детей. – Тифлис: Шрома, 1928. – 86 с.
19. Кайданова О. Беспризорные дети. Практика работы опытной станции. – Л.: Гос. изд-во, 1928. – 73 с.
20. Калинина А. Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. – М.: Московский рабочий, 1928. – 109 с.
21. Кащенко В. П., Мурашев Г. В. Исключительные дети. Дети нервные, трудные и слабоодаренные. Их изучение и воспитание. – М.: Работник просвещения, 1926. – 128 с.
22. Кирсанов М. Ф. Руководство по производству дел в местных комиссиях по делам несовершеннолетних. – М.: Гос. изд-во, 1927. – 118 с.
23. Киселева В. Б. Детская кухня: Приготовление пищи для детей от 6 месяцев до 3 лет: 323 рецепта. – Л.: Прибой, 1928. – 151 с.
24. Коллективы беспризорных и их вожаки / под ред. Б. О. Боровича. – Харьков: Культурно-Просветительное Изд-во «Труд», 1926. – 126 с.
25. Копелянская С. Е. Социально-правовая помощь матери и ребенку. – М.: Сов. законодательство, 1934. – 125 с.

26. Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 2, 6. – М.: Педагогика, 1958.
27. Ксенофонтов И. К. Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР. – М.: Взаимопомощь, 1925. – 62 с.
28. Куфаев В. И. Юные правонарушители. – М.: Изд-во 1-го Моск. гос. ун-та, 1929. – 29 с.
29. Куфаев В. И. Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. – М.: Работник просвещения, 1927. – 167 с.
30. Левитина М. И. (Маро). Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. – М.: Новая Москва, 1925. – 454 с.
31. Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. – М.: Работник просвещения, 1925. – 206 с.
32. Лившиц Е. С. Детская беспризорность и новые формы борьбы с нею: методическое письмо работникам социально-правовой охраны. – М.: Работник просвещения, 1924. – 26 с.
33. Луначарский А. В. Воспитание нового человека. – Л.: Прибой, 1928. – 48 с.
34. Луначарский А. В. О воспитании и образовании. – М.: Педагогика, 1976. – 634 с.
35. Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: социально-правовые очерки. – М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 300 с.
36. Люблинский П. И., Копелянская С. Е. Охрана детства и борьба с беспризорностью. – Л.: Academia, 1924. – 146 с.
37. Макаренко А. С. Избранные педагогические произведения. – М.: Учпедгиз, 1946. – 304 с.
38. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: в 8 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 1. –365 с.
39. Нищенство и беспризорность / под ред. Е. К. Краснушкина, Г. М. Сегала, Ц. М. Фейнберг. – М.: Изд-во Мосздравотдела, 1929. – 278 с.

40. Питание здорового и больного человека: руководство для больниц, санаториев, домов отдыха, учреждений общественного питания, детских учреждений и санитарных врачей / под ред. А. Н. Сысина, Э. М. Бархана. – М.: Гос. мед. изд-во, 1929. – 290 с.
41. Познышев С. В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. – М.: Новая Москва, 1926. – 136 с.
42. Радин Е. П. Охрана здоровья детей и подростков и социальная евгеника. – Орлов: Гос. изд-во. Орлов. отд-ние, 1923. – 58 с.
43. Радин Е. П. Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. – Вятка: 1-я Гос. тип., 1921. – 16 с.
44. Речь и интеллект деревенского, городского и беспризорного ребенка / под ред. А. Р. Лурия. – М.: Гос. изд-во РСФСР, 1930. – 192 с.
45. Серебряный М. Льготы крестьянам за воспитание беспризорных. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – 31 с.
46. Соколов П. Беспризорные дети в г. Саратове. – Саратов: О-во друзей беспризорного ребенка, 1925. – 32 с.
47. Соколов П. Детская беспризорность и детская преступность, и меры борьбы с этими явлениями с современной точки зрения. – Саратов: б. и., 1924. – 64 с.
48. Утевский Б. С. Борьба с детской беспризорностью / под ред. Я. А. Перель и А. А. Любимова. – М.: Наркомпрос РСФСР, Гос. учеб.-пед. изд-во; Л., 1932. – 132 с.
49. Утевский Б. С. В борьбе с детской беспризорностью. Очерки жизни и быта Московского трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей. – М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1927. – 131 с.

2.4. Научные сборники документов и материалов

1. «Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг.: хрестоматия / сост. Т. А. Катцина, О. М. Долидович. – Красноярск: Сиб. Федер. ун-т; Арх. Агентство Краснояр. края, 2014. – 214 с.

2. Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: сб. документов и материалов / сост. Г. Е. Корнилов, И. А. Лаврова. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; Изд-во АМБ, 2009. – 736 с.
3. Во имя общего дела: интернациональные связи Карелии 1917–1977 гг.: документы и материалы / науч. ред. А. Л. Витухновский. – Петрозаводск: Карелия, 1980. – 342 с.
4. Гнетнев К. В. Карельская голгофа: как строили Беломорканал. – Петрозаводск: Острова, 2016. – 336 с.
5. Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе» / под ред. В. Г. Безрогова, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротина. – Ч. 1: 1890–1940. –М.; Тверь: Научная книга, 2008. – 392 с.
6. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. – М.: Междунар. фонд «Демократия», 2002. – 885 с.
7. ГУЛАГ в Карелии. Сборник документов и материалов. 1930–1941 / науч. ред. В. Г. Макуров, сост. А. Ю. Жуков и др. – Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН, 1992. – 225 с.
8. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. А. Н. Яковлева. – М.: МФД, 2002. – 628 с.
9. Дети страны Советов: 1917–1941 гг. (антропологический аспект): хрестоматия / отв. ред. Е. Г. Пономарев. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – 252 с.
10. Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг.: документы и материалы / науч. ред. Н. А. Ивницкий, В. Г. Макуров. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 296 с.
11. Карелия в годы Первой мировой войны: сб. докум. и материалов / сост. А. В. Антонов. – Петрозаводск: Verso, 2014. – 494 с.
12. Крестьянские дети в детских домах Коми области в 1930-е гг.: исследования, документы, воспоминания / авт.-сост.:

Г. Ф. Доброноженко, Л. С. Шабалова. – Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2008. – 763 с.

13. Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг. / науч. ред. В. Г. Макуров. – Петрозаводск: ИЯЛИ, 1997. – 366 с.
14. Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. / отв. ред. Н. Н. Покровский. – Кн. I. – М.: РОССПЭН, 2005. – 912 с.
15. Россия и США: экономические отношения 1917–1933: сб. докум. / отв. сост. А. Ю. Бахтурина. – М.: Наука, 1997. – 441 с.
16. Советы Карелии, 1917–1992: докум. и материалы / науч. ред. Л. И. Вавулинская; сост. С. В. Бархатова и др. – Петрозаводск: Карелия, 1993. – 547 с.
17. Страницы истории комсомола Карелии: докум. и материалы / науч. ред. М. И. Шумилов; сост.: П. М. Кузьмина, Н. К. Тинькова. – Петрозаводск: Карелия, 1978. – 375 с.
18. Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. II: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. – 192 с.
19. Frieson C. A., Vilensky S. S. Children of the GULAG. – New Haven – London: Yale University Press, 2012. – 450 p.

2.5. Статистические материалы

1. Бюджет Карельской АССР на 1936 г. – Петрозаводск: Изд. НКфина АКССР, 1937. – 214 с.
2. Бюллетень / Олонецкое губернское статистическое Бюро, Отдел общего управления. – Петрозаводск: Первая Петрозаводская гос. тип., 1920. – 10 с.
3. Весь Петрозаводск: справочная книга г. Петрозаводска на 1923 г. с приложением плана города / сост. С. Шлеймович. – Петрозаводск: Шк. полиграф. пр-ва, Б. г. – 76 с.

4. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года: Предварительные итоги по Карельской республике. – Петрозаводск: Изд. стат. упр. АКССР, 1927. – 39 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. – 303 с.
6. Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1928. – Вып. III. – Петрозаводск: Изд. Стат. Управление, 1929. – 271 с.
7. Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республики, 1929. – Петрозаводск: Изд. Стат. Управление, 1931. – 219 с.
8. Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1932–1933 / Упр. Нар-хоз. Учета АКССР. – Петрозаводск: Союзоргучет, 1934. – 212 с.
9. Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1933–1934 / Упр. Нар-хоз. Учета АКССР. – Петрозаводск: Союзоргучет, 1936. – 276 с.
10. Женщины и дети в СССР: стат. сб. – М.: Госстатиздат, 1963. – 203 с.
11. Народное образование в РСФСР (по статистическим данным Наркомпроса на 01.04.1923) / под ред. К. А. Коноваловой. – М.: б. и., 1923. – 127 с.
12. Некоторые данные о работе Карельского правительства. – Петрозаводск: Тип. им. П. Ф. Анохина, 1929. – 93 с.
13. Отчет Областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО на 1 октября 1921 года / Экон. Совет Карел. труд. коммуны. – Петрозаводск: Б. и., 1922. – 125 с.
14. Перепись 1920 г. / Карельско-Олонец. Стат. Бюро. – Б. м.: Б. и., 1920. – 31 с.
15. Справочная книжка автономной Карельской социалистической Советской республики / сост. И. М. Никольский. – Петрозаводск: б. и., 1929. – 250 с.
16. Статистический ежегодник. Карелии. 1922. – Вып. II, ч. 1. – Петрозаводск: Изд. Стат. Управление АКССР, 1923. – 273 с.
17. Статистический обзор АКССР, 1923–1924 гг. – Петрозаводск: Изд. Стат. управления АКССР, 1925. – 124 с.

18. Статистический обзор АКССР, 1925 и 1926 гг. Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика. – Петрозаводск: Изд. Стат. Управления АКССР, 1927. – 256 с.

2.6. Периодические издания (1917–1935 гг.)

Бюллетень Наркомпроса Карельской АССР. 1928–1929.

В помощь просвещенцу. 1927–1928.

Вестник просвещения. 1922, 1923, 1924, 1928.

Детский дом. 1928–1930.

Женский журнал. 1928–1929.

Комсомолец Карелии. 1933–1935.

Красная Карелия. 1922–1935 (1917–1919 – Известия Олонецкого губернского исполкома Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов, 1919–1920 – Олонецкая коммуна, 1920–1922 – Коммуна, январь – октябрь 1922 г. – Карельская Коммуна).

Красная Новь. 1927.

На путях к новой школе. 1922, 1924, 1927.

Народное здоровье. 1921–1924.

Народное просвещение. 1924, 1925, 1929.

Педологический журнал. 1923–1924.

Право и жизнь. 1927.

Сборник по вопросам охраны детства. 1934.

2.7. Воспоминания

1. Злобина В. Растоптанные идеалы: канадская девочка за железным занавесом. – Хельсинки: NordPrint Oy, 2019. – 102 с.
2. На фронте мирного труда: воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920–1940. – Петрозаводск: Карелия, 1976. – 317 с.
3. Рассказы беспризорных / под ред. Анны Гринберг. – М.: Молодая гвардия, 1925. – 56 с.

2.8. Художественная литература

1. Абрамович А. Ф. Петербургский приют. – Сталинград: Сталинградское краевое гос. изд-во, 1935. – 101 с.
2. Белых Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД. – Петрозаводск: Карелия, 1979. – 365 с.
3. Глатман Л. Г. Пионер – на борьбу с беспризорностью. – М.: Молодая гвардия, 1926. 19 с.
4. Кожевников А. В. На улице. – М.: Новая Москва, 1925. – 36 с.
5. Лопатина С. Как Степка беспризорный стал пионером. – М.: Изд. Г. Ф. Мириманова, 1925. – 32 с.
6. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. – М.: Детская литература, 1988. – 574 с.
7. Макаренко А. С. Флаги на башнях. – М.: Сов. писатель, 1950. – 484 с.
8. Шульгин А. Г. Гримасы улицы. – М.: Новая Москва, 1925. – 124 с.
9. Яхонтов Е. Н. Вася носильщик. – Л.: Госиздат, 1928. – 16 с.

III. Научная литература

Монографии

1. Алексеева О. П. Кто помогает детям? О работе благотворительных организаций. – М.: CAF, 1994. – 136 с.
2. Альбицкий В. Ю. Истоки и становление государственной системы охраны здоровья детей в Советской России (1917–1930 гг.). – М.: Союз педиатров России, 2018. – 207 с.
3. Астемиров З. А. Трудовая колония для несовершеннолетних. – М.: Юрид. лит-ра, 1969. – 120 с.
4. Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии, 1917–1927. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 240 с.
5. Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – 279 с.
6. Ашин А. А. Воспитательная колония: история и современность. – Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2008. – 428 с.

7. Баданов В. Г. Земские учреждения Олонецкой губернии (1867–1918 гг.). – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. – 369 с.
8. Балашов Е. М. Педология в России в первой трети XX века. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 192 с.
9. Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 236 с.
10. Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. – 337 с.
11. Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 352 с.
12. Гришина Т. А. Развитие охраны здоровья детей в Московской области (1868–1957 гг.). – М.: Гос. изд-во медицин. лит-ры, 1958. – 107 с.
13. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 425 с.
14. Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: историко-демографические очерки. – М.: Ин-т российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 223 с.
15. Идеалы и паллиативы в русской традиции и культуре / отв. ред., сост. О. В. Кириченко. – СПб.: Алетейя, 2018. – 618 с.
16. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – 304 с.
17. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. – Петрозаводск, 2001. – 943 с.
18. История экономики Карелии. – Кн. II: Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.) / Л. И. Вавулинская, С. Г. Веригин, О. П. Илюха, С. Н. Филимончик; редкол. А. С. Колесов. – Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. – 244 с.

19. Кон И. С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 334 с.
20. Конюс Э. М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917–1940). – М.: Центральный ин-т усовершенствования врачей, 1954. – 403 с.
21. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 488 с.
22. Левин С. М. Охрана народного здоровья в Карелии. – Петрозаводск: Карелия, 1972. – 72 с.
23. Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. – М.: Медицина, 1973. – 280 с.
24. Маркова Е. И. История русской детской словесности Карелии. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. – 394 с.
25. Население России в XX веке. Исторические очерки. 1900–1939: в 3 т. – Т. 1. / отв. ред. Ю. А. Поляков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 463 с.
26. Нечаева А. М. Охрана детей-сирот в России: История и современность. – М.: Дом, 1994. – 176 с.
27. Нечаева А. М. Правовая охрана детства в СССР. – М.: Наука, 1987. – 110 с.
28. Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). – М.: Грааль, 2000. – 238 с.
29. Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1997. – 131 с.
30. Очерки истории Карелии: в 2 т. / отв. ред. В. И. Машезерский. – Т. 2. – Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1964. – 615 с.
31. Сиротство и беспризорность в России: история и современность / авт.-сост.: В. Н. Занозина, Е. М. Колосова, А. Н. Чистиков. – СПб.: Лики России, 2008. – 303 с.
32. Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 171 с.

33. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. – М.; СПб.: Ин-т российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 384 с.
34. Тинькова Н. К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи (1926–1932). – Петрозаводск: Карелия, 1981. – 140 с.
35. Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939). – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – 150 с.
36. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. – М.: РОССПЭН, 2008. – 332 с.
37. Чернышов А. И. Преступность несовершеннолетних и меры борьбы с ней в СССР. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. – 141 с.
38. Чикина Н. В. Детская литература Карелии на финском, карельском и вепсском языках. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. – 150 с.
39. Ball Alan M. And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. – Berkeley etc.: Univ. of California press, 1994. – 335 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress. – (дата обращения: 15.11.2020)
40. Figes O. The Whisperers: Private Life in Stalin’s Russia. – London: Allen Lane, 2008. – 750 p.
41. Kelly C. Children’s World: Growing Up in Russia, 1890–1991. – London: Yale University Press, 2007. – 714 p.

Тематические сборники научных трудов

1. 50 лет Советской Карелии / редкол.: А. И. Афанасьева, В. И. Машезерский, К. А. Морозов. – Петрозаводск: Карелия, 1970. – 307 с.
2. Благотворительность в истории России / под ред. Л. А. Булгаковой. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 436 с.

3. Визуальная антропология: режим видимости при социализме / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – М.: ЦСПГИ: Вариант, 2009. – 444 с.
4. Вопросы истории Европейского Севера (Великий Октябрь и социалистическое строительство): межвуз. сб. / редкол.: М. И. Шумилов (отв. ред.) и др. – Петрозаводск: РИО Петрозавод. гос. ун-та им. О. В. Куусинена, 1984. – 172 с.
5. Вопросы истории Европейского Севера: сб. науч. ст. / редкол.: М. И. Шумилов (отв. ред.), М. А. Мишенев, А. А. Кожанов, С. Н. Филимончик. – Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 2002. – 224 с.
6. Здравоохранение Карельской АССР: сб. ст. / ред. С. А. Вишневский, С. М. Левин. – Вып. VI. – Петрозаводск: Карелия, 1970. – 264 с.
7. Какорея: из истории детства в России и других странах: сб. ст. и материалов / сост. Г. В. Макаревич. – М.; Тверь: Научная книга, 2008. – 381 с.
8. Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / сост. Д. В. Громов, отв. ред. Н. Л. Пушкарева. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 340 с.
9. Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов: Научная книга, 2005. – 460 с.
10. Промышленные рабочие Карелии: сб. ст. / науч. ред. Ю. М. Килин и др. – Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР, 1991. – 186 с.
11. Советская социальная политика 1920-х – 1930-х годов: Идеология и повседневность: сб. ст. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – М.: ЦСПГИ: Вариант, 2007. – 430 с.

Диссертационные исследования

1. Афанасова Е. Н. История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920–1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2007. – 228 с.
2. Бендер Е. А. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920–1930-е гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2015. – 187 с.

3. Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2015. – 380 с.
4. Лаврова И. А. Борьба с беспризорностью на Урале в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2009. – 305 с.
5. Окунева М. О. Субъект преступления в советском уголовном праве. Становление и развитие института в 1917–1941 гг.: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2019. – 272 с.
6. Синова И. В. Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2014. – 442 с.
7. Феонычев В. В. Деятельность государственных и общественных организаций по ликвидации беспризорности в России в 1920-е гг. (на примере Пензенской, Самарской, Симбирской губернии): дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2017. – 230 с.
8. Loraine de la Fe. Empire's Children: Soviet Childhood in the Age of Revolution. Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History. – Miami, Florida, 2013. – 204 p.
9. Galmarini M. The right to be helped: welfare policies and notions of rights at the margins of soviet society, 1917–1950. Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History. – Urbana, Illinois, 2012. – 338 p.

Статьи в сборниках и периодических изданиях

1. Аншакова Ю. Ю. Начальный этап работы Американской администрации помощи в Самарском округе во время голода 1921–1922 гг. (по материалам миссии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2005. – Т. 7. – № 2. – С. 321–331.
2. Афанасова Е. Н. Детская беспризорность в отечественной историографии 1920-х – 1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2009. – С. 449–451.

3. Афанасова Е. Н. Материалы периодических изданий как источник изучения государственной политики в области охраны материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2016. – № 1 (23). – С. 73–78.
4. Афанасова Е. Н. Проблемы организации охраны здоровья детей в Восточной Сибири во второй половине 1920-х гг. //Вестник КемГУ. – 2013. № 3 (55). – Т. 1. – С. 28–31.
5. Афанасова Е. Н. Работа Комиссии по улучшению жизни детей в борьбе с детской беспризорностью в 1920–1930-х гг. (На примере Иркутской области и Красноярского края) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2010. – С. 235–238.
6. Базаров А. Сирота Страны Советов // Родина. – 2002. – № 3. – С. 82–85.
7. Беженцев А. А. Историческое развитие государственных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 2 (50). – С. 56–63.
8. Бендер Е. А. «Формирование нового человека»: воспитательная работа в детских домах в 1920–1930-е гг. (по материалам Ленинграда и Ленинградской области) // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 4. – С. 209–216.
9. Бендер Е. А. Правовые основы борьбы с детской беспризорностью в РСФСР в 1920–1930-е гг. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 14. – С. 177–188.
10. Бессчетнова О. В. Сиротство в России: от призрения к деинституционализации // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 102–110.
11. Бибанов Т. П. Опыт сотрудничества ленинского комсомола и Детской комиссии при ВЦИК // Исторический опыт ВЛКСМ: сб. науч. работ / под ред. В. К. Криворученко. – М., 1988. – С. 70–77.

12. Борисенок Ю., Мозохин О. «Ворую только в государственных учреждениях...». Как 12-летний пионер обокрал Наркомфин и дал Сталину повод отправлять своих ровесников в тюрьму // Родина. –2016. – № 416 (4) [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2016/04/22/rodina – pioner.html. – (дата обращения: 26. 08. 2020).
13. Букова О. Н., Склярова Т. В. Призрение детей в России: патронат, опека, усыновление // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2007. Вып. 3. – С. 92–102.
14. Бухина О., Лану А. Герои-сироты в детской литературе: отражение социального кризиса начала и конца советской эпохи // Детские чтения. – 2015. Т. 7, № 1. – С. 24–47.
15. Головина Л. Г. Проблема беспризорности в русской литературе XX века: к вопросу о мифологемах «дом» и «семья» (на примере произведений А. Неверова, В. Шишкова, Л. Пантелеева и Г. Белых, А. Приставкина, В. Крапивина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2010. – № 3. – С. 28–34.
16. Горева О. М., Осипова Л. Б., Сербина Е. А. Проблемы социального сиротства в современной России // Современные проблемы науки и образования. –2015. – № 1–1 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18234. – (дата обращения: 02.09.2020).
17. Деканова М. К. «День, неделя, месячник…»: общественные кампании как способ решения социальных проблем в Среднем Поволжье в 1920-х гг. // Журнал исследований социальной политики. – 2007. – Т. 5, № 4. – С. 497–518.
18. Дранникова Н. В. «Нас везли целый месяц в телячьих вагонах»: воспоминания потомков спецпереселенцев в повествовательной традиции архангелогородцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 3 (180). – С. 8–16.
19. Жданкова Е. А. Некоторые аспекты зарождения детского кинематографа в СССР в период нэпа // Труды института Российской истории РАН. – 2014. – № 13. – С. 235–243.

20. Жиромская В. Б. Основные проблемы отечественной демографической политики в 1920-е годы // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 389–403.
21. Зезина М. Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. – 2000. – № 3. – С. 58–67.
22. Илюха О. П. Котя, котя, продай дитя // Родина. – 2004. – № 11. – С. 79–82.
23. Карасева А. А. Финансирование и материальное снабжение детских домов в РСФСР в 1930-е гг. // Наука и школа. – 2012. – № 3. – С. 175–179.
24. Келли К. Дети государства, 1935–1953 // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2008. – № 2. – С. 37–68. – URL: https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/deti-gosudarstva-1935-1953.html. – (дата обращения: 10.01.2020).
25. Козлова А. Л. Концепт ребенка: философское осмысление и педагогические проекты // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2012. – № 17. – С. 124–132.
26. Колесьянкина И. И. Быт населения Карелии в 1920-е гг. (по материалам газеты «Красная Карелия») // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации. – Петрозаводск: Периодика, 2000. – С. 129–141.
27. Концепция государственной семейной политики до 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/16. – (дата обращения: 01.09.2020).
28. Кораблев Н. А., Дубровская Е. Ю. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическую жизнь населения Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. – 2015. – № 8. – С. 28–37.
29. Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 92–98.
30. Кудряшев А. В. Общество «Друг детей» и преодоление детской беспризорности в 1920–30-е гг. // Профессиональное образование и общество. – 2015. – № 1 (13). – С. 32–38.

31. Кузнецова Л. «Забота о детях составляет всегда задачу особого внимания…» // Эхо веков. – 2008. – № 1. – С. 90–93.
32. Литвин Ю. В. Зарождение системы социальной защиты внебрачных детей в Олонецкой губернии // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань. – Т. 2. Рязань, 2014. – С. 369–372.
33. Лопатина Н. Л. Социокультурные последствия репрессивной политики в советской деревне // Евразийский Союз Ученых. – 2018. – № 4 (49). –С. 47–50.
34. Макаров В. Т., Христофоров В. С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. – 2006. – № 5. – С. 230–243 [Электронный ресурс]. – URL: http://vivovoco.astronet.ru/vv/journal/newhist/ara.htm#5. – (дата обращения: 20.01.2020).
35. Макарова Ю. В. Антирелигиозное воспитание пионеров в 1920-х гг. в СССР // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 3. – С. 353–358.
36. Маслова О. Б. К вопросу о деятельности Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК в условиях голода и возросшей беспризорности в 1921–1922 гг. (На примере Ставрополья и Терека) // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 12–2. – С. 59–64.
37. Мигачев А. В. Теория и практика воспитания «нового человека» в СССР в 1930-е гг. (на материалах Ставрополья) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2017. – № 1. – С.99–103.
38. Микиртичан Г. Л. Роль Н. А. Семашко в строительстве советской системы охраны материнства и детства // История медицины. – 2014. – № 2. – С. 38–53.
39. Миньковский Г. М. Основные этапы развития советской системы мер борьбы с деятельностью несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 6. – М.: Юрид. лит-ра, 1967. – С. 37–74.

40. Погромский В. А. Деятельность Американской администрации помощи в Царицынской губернии и прилегающих территориях в период голода 1921–1923 гг. // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2016. – № 1 (5). – С. 37–43.
41. Пушкарева Н. Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. (май, 2002) / отв. ред. В. В. Канищев. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 65–83.
42. Пушкарева Н. Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем / отв. ред. И. М. Семашко. – М.: ИЭА РАН. – С. 4–28.
43. Рожков А. Ю. Беспризорники // Родина. – 1997. – № 9. – С. 70–76.
44. Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. – 2000. – № 1. – С. 134–139.
45. Ромашова М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. – Вып. 2 (22). – 2013. – С. 108–115.
46. Рябинина Н. В. Зарубежная помощь детям Советской России в начале 1920-х годов // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 3 (41). – С. 19–23.
47. Рябинина Н. В. Детский дом в теоретических построениях системы воспитания «нового человека» // Век нынешний, век минувший…: Исторический альманах. – Вып. 2 / под ред. А. М. Селиванова, В. П. Федюка, Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2000. – С. 70–80.
48. Савицкая О. Н., Сатарова А. П. Голод 1921–1923 гг. в Хоперском и Усть-Медведицком округах Царицынской губернии и Американская Администрация помощи (АРА) // Манускрипт. – 2017. – № 8 (92). – С. 171–174.
49. Сальникова А. А. Детство как миф: некоторые аспекты изучения российско-советского детства в зарубежной историографии // CLIO MODERNA.

Зарубежная история и историография: сб. науч. ст. – Вып. 3. – Казань, 2002. – С. 107–119.

50. Самсонова С. А. К вопросу о понятии «детская беспризорность» // Вестник ТГУ. – 2009. – Вып. 12 (80). – С. 358–363.

51. Семенова И. Ю. Охрана детства в первые годы советской власти (на материалах законодательных актов) // Вестник Чувашского университета. Исторические науки. – 2019. – № 2. – С. 153–160.

52. Семина Н. В. Борьба Деткомиссии ВЦИК с детской беспризорностью в Пензенском регионе в 1920-е гг. // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков: матер. XIX историко-краеведческой конф. / отв. ред. В. В. Назаров. – Балашов, 2010. – С. 147–152.

53. Семина Н. В. Правовые основы борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в 1930-е гг. в России // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 969–973.

54. Славко А. А. Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933–1952 годы // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 7. – С. 140–146.

55. Славко А. А. Концепция борьбы с детской беспризорностью в отечественной историографии 1920-х гг. // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2010. – № 1. – С. 54–57.

56. Смирнова Т. М. Государство или общественная инициатива? Опыт решения «детских проблем» в 1920–1930-е гг. для современной России // Социальная история: Ежегодник 2009. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 296–329.

57. Смирнова Т. М. Эвакуация голодающих детей Советской России за границу, 1921 год // The Soviet and Post-Soviet Review, 33. – 2006. – Vol. 2–3. Charles Schlacks, Publisher Idyllwild, California, USA, 2007. – P. 251–288.

58. Соловиева Т. А. Повседневная жизнь воспитанников детских домов советского провинциального города в 1920–1930-е годы // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2013. – Т. 13, вып. 2. – С. 42–45.

59. Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: сб. ст. – Петрозаводск, 1999. – С. 161–201.
60. Феонычев В. В. Участие общественных организаций в борьбе с беспризорностью в Советской России 20–30-х гг. XX века // Научный вестник. Технологический институт, филиал УГСХА. – 2014. – № 13. – С. 457–467.
61. Фефелов В. Учреждения для трудновоспитуемых детей и несовершеннолетних правонарушителей в Республике Карелия // Краеведческие чтения: материалы XII науч. конф. (14–15 февраля 2018 г.). – Петрозаводск. 2018. – С. 82–88.
62. Ходяков А. А. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи Новгородской губернии 1921–1927 гг. // Новгородский исторический сборник. – 1993. – Вып. 4 (14). – С. 177–191.
63. Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов в 1920-х – первой половине 1930-х гг. (по материалам Карелии) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и Филология. – 2020. – Т. 30, Вып. 1. – С. 153–164.
64. Чебаковская А. В. Работа с несовершеннолетними правонарушителями в Карелии в послереволюционный период // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 8 (185). – С. 93–101.
65. Чебаковская А. В. Система государственного управления сферой охраны детства в 1920–1935 гг. // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 2. – С. 80–96.
66. Чечель Г. И., Долгополов К. А. История развития российского законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2007. – № 49. – С. 199–202.
67. Шахова Е. С. Историко-правовой анализ борьбы с детской беспризорностью первых лет советской власти // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 3. – С. 7–17.

68. Щербинин П. П. «Физически-дефективные дети» и их призрение в первой трети XX века: региональный аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2019. – Т. 24, № 178. – С. 140–148.
69. Ball Alan M. The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade // Slavic Review. – 1992. – Vol. 51. – No. 2. – P. 247–270.
70. Bernstein L. Fostering the Next Generation of Socialists: Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // Journal of Family History. – 2001. – Vol. XXVI, no. 1. – P. 66–89.
71. Bernstein L. The Evolution of Soviet Adoption Law // Journal of Family History. – 1997. – Vol. XXII, no. 1. – P. 204–226.
72. Byford A. Imperial Normativities and Sciences of the Child: The Politics of Development in the USSR, 1920s-1930s // History of Education Journal of the History of Education Society. – 2017. – Vol. 46, issue 5. – P. 595–617.
73. Stolee Margaret K. Homeless children in the USSR, 1917–1957 // Soviet Studies. – 1988. – No. 40. – P. 64–83.

Учебные пособия

1. Гончаров Н. К. Основы педагогики. – М.: ГУПИ Министерства просвещения РСФСР, 1947. – 408 с.
2. Коржихина Т. П. Общественные организации СССР в 1917–1936 гг.: учеб. пособие. – М.: МГИАИ, 1981. – 96 с.
3. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – 1991 г. – М.: РГГУ, 1995. – 418 с.
4. Королева В. М. Социально-правовая охрана несовершеннолетних (20–30-е годы): учеб. пособие. – Ростов н/Д: РВШ МВД РФ, 1996. – 55 с.
5. Рябинина Н. В. Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы (по материалам губерний Верхнего Поволжья): учеб. пособие. – Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. ун-та, 1999. – 58 с.
6. Рябинина Н. В. Социальная политика Советской России (октябрь 1917 – 1920-е годы). Детские дома: теория и реальность. – Ярославль: ЯрГУ, 2014. – 75 с.

7. Система воспитательной работы в детском доме / Ю. В. Гербеев, А. А. Виноградова: пособие для воспитателей. – М.: б. и., 1976. – 172 с.

Справочные и энциклопедические издания

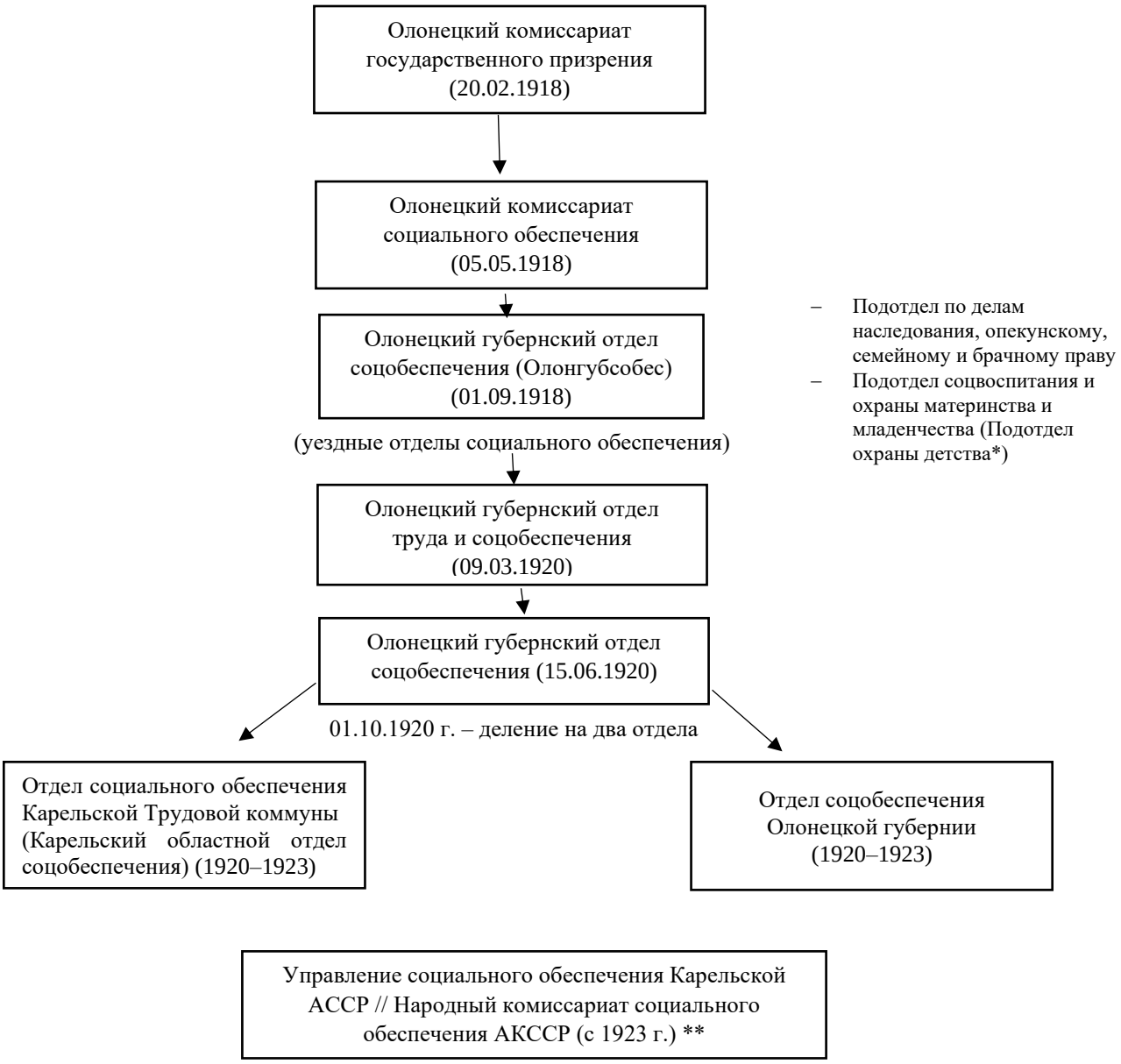
1. Борисов С. Б. Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. – Т. 1. – Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 2008. – 518 с.
2. Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967) (по материалам государственных архивов)): справочник / сост. Н. П. Беликова и др. – М., 1971. – 623 с.
3. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991: историко-биографический справочник / авт.-сост. В. И. Ивкин. – М., 1999. – 639 с.
4. Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. – М.: Изд-во РОС, 2018. – 638 с.
5. Педагогическая энциклопедия: в 4 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1964–1968.

IV. Интернет-ресурсы (специализированные сайты)

1. Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. –URL: http://www.libussr.ru/. – (дата обращения: 20.11.2020).
2. Исторические документы [Электронный ресурс]. – URL: http://istmat.info/. – (дата обращения: 20.11.2020).
3. Международный семинар «Культура детства: нормы, ценности, практики» при РГГУ [Электронный ресурс]. – URL: http://childcult.rsuh.ru/. – (дата обращения: 20.09.2020).
4. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/offenses_chart. – (дата обращения: 20.09.2020).
5. Усыновите.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.usynovite.ru/statistics/2018/. – (дата обращения: 01.10.2020).
6. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. – URL: http://docs.cntd.ru/. – (дата обращения: 20.11.2020).

Приложение

Схема № 1. Изменения внутренней структуры Наркомсобеса АКССР в 1918–1935 гг.[1354]

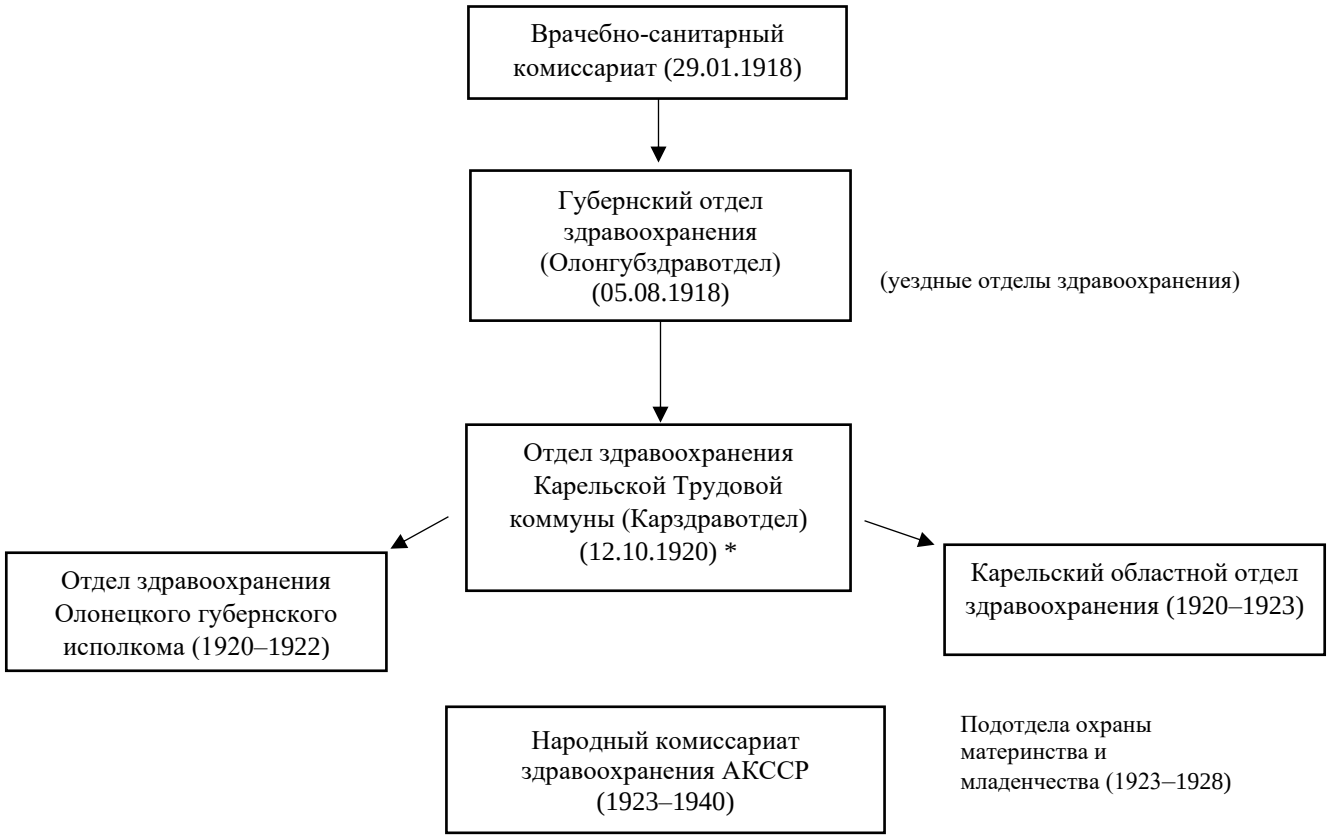


* В ведение подотдела в 1918 г. находилось 9 приютов. 10 января 1920 г. подотдел охраны детства передан в ведение губернского отдела народного образования, подотдел охраны материнства и младенчества – в ведение губернского отдела здравоохранения.

** В 1932 г. в ведомство Наркомсобеса перешли учреждения для «физически-дефективных» детей (калеки) и олигофренов (дети с умственной отсталостью). В 1935 г. в ведение Наркомсобеса находились детские дома для детей-инвалидов (для «физически-дефективных» детей, «глубоко умственно отсталых» детей трудоспособных и «глубоко умственно отсталых» детей нетрудоспособных).

[1354] Схема внутренней структуры Наркомсобеса АКССР составлена на основе материалов НА РК: Ф. Р-446, Ф. Р-673.

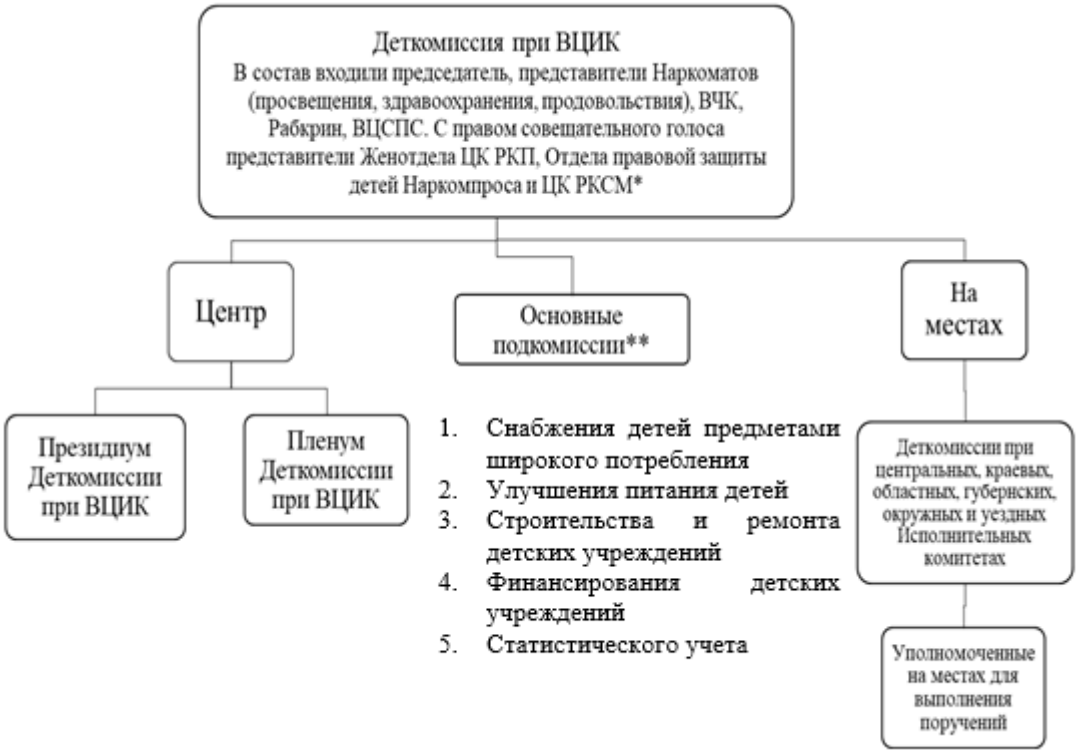
Схема № 2. Изменения внутренней структуры Наркомздрава АКССР в 1918–1935 гг.[1355]



*С 1920 г. подотдел охраны материнства и младенчества был передан из ведение губернского отдела социального обеспечения в ведение губернского отдела здравоохранения.

[1355] Схема внутренней структуры Наркомздрава АКССР составлена на основе материалов НА РК: Ф. Р-176, Ф. Р-580.

Схема № 3. Комиссия по улучшению жизни детей при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете (Деткомиссия при ВЦИК). 1921–1938 гг.



* В соответствии с Декретом ВЦИК от 10.02.1921 г. «О Комиссии при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете по улучшению жизни детей». По Декрету ВЦИК, СНК РСФСР от 02.02.1925 г. состав Деткомиссии изменился. В комиссию входили представили от Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомсобеса, НКВД, Наркомфина, ОГПУ при СНК РСФСР, ВЦСПС, ЦКРЛКСМ, ЦБ юных пионеров, Отдела по работе среди женщин, ЦКРКП, Центрального Комитета Крестьянской Общественной Взаимопомощи, Российского общества «Красного креста».

** Прочие подкомиссии работали на временной основе, их состав периодически менялся.

Схема № 4. Типизация и ведомственная подчиненность детских учреждений на основании постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»[1356]

В ведении Наркомпросов союзных республик	В ведении Наркомздравов союзных республик	В ведении Наркомсобесов союзных республик	В ведении НКВД СССР
• детские дома нормального типа для детей, лишенных средств к существованию • детские дома, содержащиеся на средства родителей • детские дома для трудно-воспитуемых	• специальные детские дома для нуждающихся в длительном лечении • дома малютки	• специальные детские дома для инвалидов-детей: • "физически-дефективных детей" • "глубоко умственно отсталых детей": - трудоспособных - нетрудоспособных	• изоляторы • приемники-распределители • трудовые колонии*: - обычного типа для мальчиков и девочек в отдельности - с особым режимом - изоляторы для подследственных в тюрьмах

* Типизация трудовых колоний НКВД СССР была введена 23 июля 1935 г.

[1356] Схема составлена на основе сведений из постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»: Дети ГУЛАГа. 1918–1956. С. 184–187.

Таблица № 1. Естественное движение населения за 1914–1917 гг.[1357]

	Всего населения	Число родившихся	Число умерших	В том числе детей моложе года
1914				
По уездам	204 572	10 048	6521	–
По городам	26 749	1047	717	–
Всего				
1915				
По уездам	202 607	8324	6197	–
По городам	–	989	396	–
Всего				
1916				
По уездам	201 969	6664	6783	2067
По городам	–	837	1111	268
Всего		7501	7894	2335
1917				
По уездам	–	2862	3409	994
По городам	22 279	822	824	267
Всего		3684	4233	1261

Таблица № 2. Количество детских домов в Карелии в 1917–1935 гг.[1358]

Годы	Детские дома для нормальных детей				Детские дома для трудновоспитуемых				Всего детских домов
	Учреждений	Работников	Детей	В т. ч. национальных[1359]	Учреждений	Работников	Детей	В т. ч. национальных	
1916–1917	6	19	250		1	3	17		7
1923–1924	15	53	609		1	2	23		16
1924–1925	16	77	780		1	5	20		17
1925–1926	16	71	754		1	6	37		17
1926–1927	23	88	1083		1	5	39		24
1927–1928	25	116	1110		1	4	40		26
1928–1929	24	106	1227		1	4	39		25
1929–1930	24	114	1397	236	1	3	44		25

[1357] Таблица составлена на основе сведений из источника: Статистический ежегодник Карелии. 1922. Вып. II, ч. I. С. 18.

[1358] Таблица составлена на основе данных, представленных в следующих источниках: Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1932–1933. С. 150; Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1933–1934. С. 215.

[1359] Имеются ввиду дети нерусских национальностей.

Продолжение таблицы

1930–1931	22	107	1365	312	2	11	86	31	24
1931–1932	16	71	802	236	2	6	88	32	18
1932–1933	15	63	855		3	21	119		18
1933–1934	17	66	799	351	3	11	118	65	20
1934–1935	17	68	906	333	3	14	161	24	20

Таблица № 3. Количество воспитанников детских домов Карелии в 1917–1935 гг.[1360]

Годы	Количество воспитанников детских домов Карелии (человек)
1916–1917	267
1923–1924	632
1924–1925	800
1925–1926	791
1926–1927	1122
1927–1928	1150
1928–1929	1266
1929–1930	1441
1930–1931	1451
1931–1932	890
1932–1933	974
1933–1934	917
1934–1935	1067

Таблица № 4. Подотделы Олонецкого губернского отдела социального обеспечения в 1918 г. [1361]

Олонецкий губернский отдел соцобеспечения	
	Подотделы:
1.	Общий
2.	Контрольно-финансовый
3.	Хозяйственный
4.	Соцвоспитания и охраны материнства и младенчества
5.	Пенсионный и обеспечения престарелых
6.	Помощи жертвам войны и революции
7.	Медицинский
8.	По делам наследования, опекунскому, семейному и брачному праву
9.	Бюро по обследованию материального имущественного положения нуждающихся в социальной помощи

[1360] Таблица составлена на основе данных, представленных в следующих источниках: Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1932–1933. С. 150; Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1933–1934. С. 215.

[1361] Схема подотделов составлена на основе материалов НА РК. Ф. Р-446.

Таблица № 5. Расчет обмундирования по домам социального обеспечения, июнь 1919 г.[1362]

Наименование	Надо	Имеется
Носильное белье		
Рубашка	225	125
Кальсоны	225	170
Лифчик	225	48
Носовой платок	225	78
Носки	225	75
Постельное белье		
Пододеяльник	225	–
Наволочка	225	116
Одеяло	175	7
Полотенце личное	225	125
Обувь		
Сапоги	150	79
Галоши	75	8
Валенки	75	1
Туфли	75	–
Одежда		
Костюм	225	219
Пальто	150	39
Ватники	75	–
Шапка теплая	75	60
Фуражка	75	40
Перчатки	75	39
Шарф	75	–

Таблица № 6. Структура Карельского отдела народного образования в 1920 г.[1363]

Карельский отдел народного образования	
	Подотделы:
1.	Подотдел организационный
2.	Подотдел школьный (секции: школьно-трудовая, школьных общежитий)
3.	Подотдел дошкольный
4.	Подотдел охраны детства (секции: детских домов и правовой защиты детей)
5.	Подотдел внешкольный (секция школьно-курсовая)
6.	Подотдел политико-просветительный
7.	Подотдел искусств (секции: театральная, музыкальная, фото-кино, изобразительных искусств, охраны памятников старины)
8.	Подотдел профтехобразования
9.	Подотдел статистический
10.	Подотдел соцвоспитания
11.	Подотдел счетно-финансовый
12.	Подотдел снабжения
13.	Общий подотдел (секретариат, регистратура и экспедиция, техническая часть)
14.	Финская секция

[1362] ГА РФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1581. Л. 8.
[1363] НА РК. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 2. Л. 20, 23; Оп. 1. Д. 19. Л. 4–8.

Таблица № 7. Смета расходов на содержание домов ребенка для бесприютных детей Петрозаводского уезда на 1920 г.[1364]

Наименование расходов	Сумма в рублях
На содержание 1 дома ребенка на 40 человек в течение 1 месяца	
Отопление и освещение	1000
Вознаграждение двум воспитателям	8000 (по 4000 руб. каждому)
Вознаграждение врачу	4000
Вознаграждение завед. хозяйством	4000
Вознаграждение двум прислугам	4000 (по 2000 руб. на каждую)
Пособия для детей	1600
Праздники	2000
Ремонт помещения	1000
Хозяйственные расходы	2500
Аптека	1000
Канцелярские расходы	500
Содержание живого инвентаря	3750
Проезды и доставка продуктов	1500
Питание детей	20000
Непредвиденные расходы	1600
Итого	56350

Всего на 3 дома ребенка в течение 12 месяцев 2 028 600 руб.

Таблица № 8. Программа курсов подготовки руководителей детских домов, детских садов, площадок в г. Петрозаводске, 1920 г.[1365]

Наименование дисциплины	Объем (час)
Политическая беседа. Идея коммунизм	4
Гигиена. Тело, одежда, пища, жилище	8
Педагогика. Каменский, Песталоцци, Фребель, Монтессори	16
Психология. Основа психологии. Психология детства	16
Социальное воспитание	4
Формы самоуправления в детских учреждениях Западной Европы, России и Америки	4
Идея единой трудовой школы	8
Детский досуг. Клуб занятий	4
Огородничество. Элементарные сведения	6
Ведение денежной отчетности	6
Организация детских домов	4
Введение в природоведение	13
Детские площадки	8
Принципы дошкольного воспитания	6
Подвижные игры	4
Гимнастика	2

[1364] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 672. Л. 3.
[1365] Там же. Д. 52. Л. 35.

Таблица № 9. Нормы продовольственного пайка на воспитанника детского дома в сутки в Карелии, 1920 г.[1366]

Наименование продуктов	Количество (в граммах)	
Мука	83 (3-8 лет)	111 (8-16 лет)
Чечевица	27	
Картофельная мука	3,7	
Разные корешки	33	
Мясо	27	
Картофель	111	
Масло	7	
Сахар	7	
Соль	3,5	
Яйца	2 шт. в месяц	
Чай	0,2	

Таблица № 10. Суточная норма питания для детских учреждений (Отдел охраны здоровья Наркомпроса РСФСР, 1920 г.)[1367]

	От 3-х до 8 лет				От 8-ми до 15 лет			
Наименование продуктов	Количество в граммах (в золотниках, фунтах)	Белки	Жиры	Углеводы	Количество в граммах (в золотниках, фунтах)	Белки	Жиры	Углеводы
Хлеб	306,7 г (72 з.)	12	1,5	114	453 г (1 ф)	16	2	152
Крупа	76,6 г (18 з.)	7	1	50,5	102, 2 (24 з)	9,6	1,1	67,3
Бобы, горох	0	-	-	-	25,5 г (6 з)	4	2,5	12,9
Мука	40,8 г (9,6 з)	3,2	0,2	13,5	40,8 г (9,6 з)	3,2	0,2	13,5
Мука картофельная	13,6 г (3,2 з)	1,1	0,1	6,2	13,6 г (3,2 з)	1,1	0,1	6,2
Мясо	102,2 г (24 з)	16,1	3,2	-	136, 32	21,5	4,3	-
Корнеплоды	204,4 г (48 з)	1,2	0,2	13,7	204,4 г (48 з)	1,2	0,2	13,7
Картофель	204,4 г (48 з)	2,5	0,2	38	453 г (1 ф)	4,5	0,4	75
Масло	25,5 г (6 з)	0,2	21	-	25,5 г (6 з)	0,2	21	-
Сахар	25,5 г (6 з)	-	-	24	25,5 г (6 з)	-	-	24

[1366] В целях обеспечения сопоставимости данных, нормы питания были пересчитаны автором на суточный паек одного воспитанника. Стоит отметить, что в материалах по учету норм продовольственного обеспечения детских учреждений не имелось единообразия. Данные представлялись в различных весовых измерениях, и отсутствовал четкий список постоянных продуктов.

[1367] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 479. Л. 8.

Продолжение таблицы

Яйца	1 шт.	7,5	5,4	-	1 шт.	7,5	5,4	-
Молоко	453 мл (1 ф)	13,5	15,1	16	226 мл (0,5 ф)	6,7	7,5	8
Всего		54,3	47,9	280,9		75,4	44,7	373,6
Калорийность по составляющим частям пищи		263,6	445, 5	1151,7		109,1	415,7	1552,3
Всего калорий	1860,98				2277,1			

Таблица № 11. Схематическая программа физической культуры в Единой Трудовой Школе I и II ступени, выработанная Высшим Советом Физической культуры. 1923 г.[1368]

Возраст	Содержание
8 лет	В основу физических упражнений кладутся подвижные игры. Вольные, порядковые движения проводятся во время игр. Порядковые упражнения не носят той строгости, каковая необходима при гимнастических порядковых упражнениях. Преподаватель свободен в выборе то вольных, то порядковых упражнений. Далее идут бег, прыжки, мяч, катание на коньках, лыжи, экскурсии и трудовые процессы.
9 лет	Кроме вышеуказанных, прибавляются снаряды: бревно, лестница наклонная и горизонтальная.
10 лет	Подвижные и гимнастические игры, порядковые и вольные движения, без взакупки, прыжки, бросания, трудовые процессы и вышеуказанные снаряды.
11 лет	Порядковые и вольные упражнения. Подвижные игры (предпочтительно партиями) и спортивные игры. Бег, прыжки, на снарядах, бросанья. Упражнения на вышеуказанных снарядах в висе в прыжках. К снарядам можно прибавить параллельные брусья, кольца, вертикальная лестница. Лазанья по вертикальной лестнице. Трудовые процессы.
12 лет	Порядковые упражнения со строевым характером, знакомство с командой, шеренгой, равнением и т. п. Вольные движения, игры с элементом состязания, борьбы сопротивления. Трудовые процессы. Экскурсия. Особенное внимание обращается на ходьбу как средство преодоления пространства. Упражнения в беге, метании (шар, дротик). Прыжки, элементы скаутизма. Разности. Ползание с горки на горку.
13 лет	Продолжаются порядковые и строевые упражнения. Вольные упражнения. Дети, пробыв 6 лет в школе, достаточно ознакомились с вольными упражнениями, но, может быть, положения тела при школьных занятиях потребуют выправки известного рода мышц. Так при сидении одни мышцы работают, а другие нет. Это может неблагоприятно отразиться на всех мышцах тела, поэтому рекомендуется в 12 лет вольные движения в двух направлениях: 1. Шведская гимнастика, с целью выправить ненормальное положение и призвать к работе известную группу мышц, чтобы компенсировать их за те неправильности, которые получаются при таком характере работы; 2. Сокольская гимнастика и пластика; затем упражнения на снарядах, палки, обруч, скакалки, булавы, железная палка (нетяжелая). Трудовые процессы, экскурсии. При посредстве скаутизма ходьба и тактическое учение.

[1368] Физическая культура в школе // Народное здоровье. Петрозаводск, 1923. № 1–2. С. 4–5.

Продолжение таблицы

14 лет	Тоже, что и в 13 лет, прибавляется лагерный сбор и скаутизм со всеми атрибутами лагерной жизни, т.е. дневальные, часовые, ночные и т.д.
15 лет	Порядковые движения. Вольные упражнения те же, упражнения со снарядами ведут более интенсивно. Трудовые процессы те же, скаутизм с широко поставленной лагерной жизнью. Партийные состязательные игры: футбол.
16 лет	Строй, вольные движения, упражнения на снарядах. Скаутизм с лагерным сбором. Спорт. Упражнения с облегченным ружьем с осторожностью.

Таблица № 12. Сеть учреждений Наркомпроса АКССР в 1923–1924 гг.[1369]

Наименование детского учреждения	Общее количество	Финские	Русские	Детей	Финнов	Русских
Петрозаводские детдома	5	1	4	355	65	290
Олонец	1	–	1	59	–	59
Пудож	1	–	1	65	–	65
Повенец	1	–	1	75	–	75
Кемь	1	–	1	55	–	55
Паданы	1	1	–	46	46	–
Ухта	1	1	–	30	30	–
	11	3	8	685	141	544
Петрозаводские дошкольные детдома	2	1	1	64	33	31
Ялгуба	1	–	1	26		26
Винница	1		1	25		25
Пудож	1		1	25		
Повенец	1		1	12		
Кемь	1		1	27		
	7	1	6	179	33	146
ВСЕГО				864		

Таблица № 13. Детская смертность в Карелии по возрастным группам по городам и сельским местностям в 1923–1925 гг.[1370]

Год	Моложе 1 года (по городам/по сельским местностям)	1–4 (по городам/по сельским местностям)	5–9 (по городам/по сельским местностям)	10–14 (по городам/по сельским местностям)	15–19 (по городам/по сельским местностям)	Итого
1923	344 / 1637	125 / 768	32 / 159	25 / 72	27 / 78	3267
1924	461 / 2322	322 / 1458	63 / 245	39 / 127	36 / 115	5188
1925	503 / 2940	173 / 988	28 / 146	23 / 97	43 / 93	5034

[1369] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 96. Л. 23.

[1370] Таблица составлена на основе данных следующего источника: Статистический обзор АКССР, 1925 и 1926 гг. С. 4–5.

Таблица № 14. Сведения о количестве несовершеннолетних, осужденных за различные преступления, в Карелии с 1924 по 1928 гг. (человек)[1371]

Виды преступлений несовершеннолетних	1924	1925	1926	1927	1928
«Государственные преступления»	1	1	–	–	–
«Преступления против порядка управления»	30	13	19	29	39
Из них:					
Сопротивление и неисполнение законных требований власти и оскорбление представителей власти			1		
Приготовление, сбыт и хранение спиртных напитков			1		
Нарушение правил охраны народного здравия, публичного порядка и общественной безопасности			3	1	
Хулиганство			14	15	
Уклонение от воинской повинности				1	
Нарушение правил охраны лесов, об охоте, рыбной ловле				1	
Самоуправство				1	
Ложный донос и лжесвидетельство				1	
Другие преступления против порядка управления				5	
«Преступления против личности»	3	15	10	6	16
Из них:					
Убийство			1	1	
Телесные повреждения, насилие над личностью			4	3	
Половые преступления			3	1	
Оскорбление и клевета			1	1	
Другие преступления против личности			1		
«Имущественные преступления»	25	25	24	11	19
Из них:					
Кража и скупка краденого			23	9	
Присвоение, растрата, мошенничество и подлог			1	2	
«Служебные преступления»	–	1	–	–	–
ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ	59	55	53	46	74

Таблица № 15. Суточный продовольственный паек воспитанника детского дома в Карелии, 1925 г.[1372]

Набор продуктов	Количество в 1923/1924 гг. (в граммах)	Количество в 1924/1925 гг. (в граммах)
Мука ржаная	453	546
Мука белая	151	151
Крупа	120	120
Мясо	120	120
Масло	24	30,2
Сахар	22	30,2
Овощи	302	302
Чай	0,9	0,9
Кофе	1,8	1,8

[1371] Таблица составлена на основе данных, представленных в следующих источниках: Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1928. Вып. III. С. 58–60; Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1929. Вып. IV. С. 50–51

[1372] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 98. Л. 26.

Продолжение таблицы

Соль	22,6	22,6
Компот (сухофрукты)	15,1	15,1
Картофельная мука	7,5	7,5

Таблица № 16. Меню для воспитанников детского дома, 1926 г.[1373]

	Первый день	Второй день	Третий день	Четвертый день	Пятый день	Шестой день	Седьмой день
Завтрак	Чай, сахар, хлеб, масло	Чай, сахар, хлеб, масло	Чай, сахар, хлеб, масло	Чай, сахар, хлеб, масло	Чай, сахар, хлеб, масло	Чай, сахар, хлеб, масло	Чай, сахар, хлеб, масло
Обед	Суп картофельный с грибами, поджаренным луком и маслом; котлеты мясные с перловой кашей	Суп мясной с лапшей, поджаренной с луком; картофельные котлеты с грибным соусом	Суп мясной с ячневой крупой, картофелем и луком; рыба (судак) разварная с томатом и соусом, и разварным картофелем	Борщ с мясом и томатом; пироги с рисом, яйцами и луком	Суп вегетарианский с ячневой крупой, картофелем, грибами, маслом, сметаной; жареная печенка со сметаной и картофельным пюре	Суп гороховый с мясом, солянка из капусты, рыбы с томатом	Ленивые щи с мясом и картофелем; жареная рыба (судак) с картофелем
Ужин	Макароны с творогом и маслом	Рисовая каша с маслом	Каша пшенная с компотом	Гречневая каша с молоком	Запеченные макароны с маслом	Картофельная запеканка с яйцами	Гречневая каша с молоком
Второй ужин	Хлеб, молоко	Хлеб, молоко	Хлеб, молоко	Чай, сахар, хлеб, масло	Хлеб, молоко	Хлеб, молоко	Чай, сахар, хлеб, масло

[1373] Здание школы, питание, одежда, режим труда и отдыха. С. 32–38.

Таблица № 17. Количество детей в детских домах Карелии и детей, не охваченных детдомами, ноябрь 1926 г.[1374]

Уезды	Дети школьного возраста	Дети дошкольного возраста	Всего
г. Петрозаводск			
Первичных	40	–	40
Трудновоспитуемых	40	–	40
Нормальных	365	65	430
Петрозаводский	30	35	65
Ухтинский	50	25	75
Кемский	65	27	92
Пудожский	60	20	80
Олонецкий	75	18	93
Повенецкий	125	18	143
Паданский	60	25	85
Всего	910	233	1143

Дети, неохваченные детдомами:

Уезды	«Сироты и брошенные родителями»	«Впавшие в крайнюю бедность»
Петрозаводск	86	227
Петрозаводский	131	296
Кемский	10	28
Пудожский	73	432
Олонецкий	72	313
Повенецкий	100	257
Паданский	50	178
Всего	574 (522)[1375]	2039 (1731)

Таблица № 18. Мастерские детских домов Карелии в 1926 г. по отчету Деткомиссии при КарЦИК[1376]

Уезды	Мастерские
Петрозаводск: Дворец детей	Переплетная, сапожная, швейно-вязальная
Детский дом им. Коминтерна	Столярная
Финский детский дом	Столярная, сапожная
Приемно-распределительный пункт	Столярная, сапожная
Кемский детский дом	Столярная, сапожная, переплетная, швейная
Космозерский детский дом	Столярная
Олонецкий детский дом	Переплетная, швейная
Паданский детский дом	Столярная
Повенецкий детский дом	Столярная
Пудожский детский дом	Столярная, сапожная
Салменицкий детский дом	Столярная

[1374] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.
[1375] В скобках приведены подсчеты автора.
[1376] НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 9. Л. 24об.

Таблица № 19. Меню для детей в возрасте от 2 до 5 лет, 1928 г.[1377]

	Воскресенье	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
Завтрак	Молоко с сахаром, черный хлеб с маслом и сыром голландским	Кофе, хлеб с маслом, яйцо	Чай с молоком, хлеб с маслом, холодная телятина	Какао, хлеб с маслом, творог с холодной сметаной	Молоко с сахаром, яичница с хлебом, с маслом	Кофе, хлеб с рубленой печенкой	Чай с молоком, хлеб с маслом, варенец, нежирная ветчина
Обед	Перловый суп Котлеты говяжьи с морковное пюре Компот из сухих фруктов	Борщ со сметаной Рисовый пудинг Клюквенный кисель	Лапша молочная Мозги жареные с жаренным картофелем Молочный кисель	Щи ленивые Рыбные котлеты с отварным картофелем Компот из урюка	Суп картофельный Голубцы с мясом и гречневой кашей Фруктовый мусс	Суп пюре из томатов со сметаной Макароны с маслом Кисель из вишни	Бульон с манной Печенка в сметане с картофельным пюре Печеное яблоко
Полдник	Чай с молоком Пирог с яблоком	Кофе, хлеб с маслом Фрукты	Молоко с сахаром Крендели Фрукты	Чай с молоком Сдобный хлеб Фрукты	Кофе с молоком, печенье (Альберт) Фрукты	Молоко Кулебяка Фрукты	Какао Ватрушки с творогом Фрукты
Ужин	Котлеты картофельные с грибной подливкой Яблоко	Творожники со сладким соусом Компот	Крупеник или омлет Клюквенный кисель	Пудинг рисовый Яблочный мусс	Запеканка из овощей Компот из урюка	Яичница Молочный кисель	Шарлотка Кисель из вишни

Таблица № 20. Сметы детских домов Карелии в 1928–1929 гг.[1378]

Наименование расходов	Петрозаводск	Дворец детей	Пудожский	Повенецкий №1	Повенецкий №2	Палеостровский	Кемский	Ухтинский	Паданский
Зарплата	6300	11283	8641-41	6422	10866	9404	7203	–	5961
Адм.-хоз.	4675	9857	2487-20	1672	1518	2044	2312	–	1065
Операционные	11872	19549	7767	11576	6750	9753	10853	–	8850

[1377] Д-р С. Примерное меню для детей в возрасте от 2-5 лет // Женский журнал. 1928. № 7. С. 24.
[1378] НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 431. Л. 169.

Продолжение таблицы

Приобр. инвентаря	5585	6404	2216-90	3517	3114	3580	4090	–	2599
Капит. ремонт	1500	4749	250	–	–	2306	484	–	500
Итого	29 332	46842	21 362	23 187	2268	27 087	24 942	22 435	18 961
Стоимость одного воспитанника	391-09	425-83	388-42	289-70	491-06	451-40	356-31	448-70	470-51

Таблица № 21. Порядок распределения детей раскулаченных семей по детским домам Карелии в зависимости от района направления. Июль 1931 г.[1379]

Из какого района направляются	Наименование детдома и район его расположения
1. Кандалакшского	Кемский детдом, г. Кемь
2. Кестеньгского	
3. Ухтинского	Ухтинский детдом, с. Ухта
4. Тунгудского	
5. Ругозерского	Ребольский детдом, с. Реболы
6. Ребольского	
7. Сегозерского	Паданский детдом, с. Паданы
8. Петровского	
9. Олонецкого	Олонецкий детдом, с. Олонец
10. Заонежского	Космозерский детдом, с. Шуньга, и Палеостровский детдом, с. Великая Губа
11. Кондопожского	
12. Пряжинского	г. Петрозаводск
13. Шелтозерского	
14. Лоухского	Кемский детдом, г. Кемь
15. Кемского	
16. Сорокского	Повенецкий детдом № 1
17. Медвежьегорского	
18. Пудожского	Пудожский детдом, с. Пудож
19. Прионежского	г. Петрозаводск

Таблица № 22. Снабжение детских домов промышленными товарами, 1931 г.[1380]

Название предметов	Количество	Срок носки (лет)
Пальто теплое	1	2
Шапка теплая или платок	1	2
Летняя шапка или платок	1	1
Ботинок	2	1
Костюмов теплых/летних	2/2	1/1
Нательное белье	3	1
Чулок теплых (2 летн.)	4	1
Перчатки теплые	1	1
Наволочек	2	1

[1379] Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг. С. 160.

[1380] Фрагмент из Постановления Коллегии Наркомснаба Союза ССР №156 от 3 февраля 1931 г. // Бюллетень Деткомиссии при ВЦИК. 1931. № 2. С. 28.

Продолжение таблицы

Простынь	2	1
Полотенец	2	1
Подушка	1	5
Наволочка	1	2
Соломенники (матрацы)	1	2
Платков носовых	3	1
Фартук или халат	1	1
Галоши	1	1
Валенки	1	2

Таблица № 23. Список детских учреждений интернатного типа по Карельской АССР на 1 июня 1935 г.[1381]

Ведомственная принадлежность	Наименование детских учреждений
Детские дома Наркомпроса АКССР	Дворец детей (карело-финский детский дом)
	Кемский школьный детский дом
	Ковдский школьный детский дом
	Космозерский школьный детский дом
	Ладвинская школа глухонемых
	Олонецкий дошкольный детский дом
	Олонецкий школьный детский дом
	Палеостровская колония
	Петрозаводский школьный детский дом
	Повенецкая трудовая коммуна
	Повенецкий школьный детский дом
	Повенецкий школьный детский дом
	Пудожский дошкольный детский дом
	Пудожский школьный детский дом
	Селецкий школьный детский дом
	Ухтинский дошкольный детский дом
	Ухтинский школьный детский дом
	Шуерецкий дошкольный детский дом
	Шуерецкий школьный детский дом
Детский дом Наркомздрава АКССР	Святозерский
Детский комбинат Наркомсобеса АКССР	Ладвинский

Таблица № 24. Количество воспитанников в детских учреждениях интернатного типа в Карелии по состоянию на 1935 г.[1382]

Детские учреждения	Мальчиков	Девочек	Всего детей
Дворец детей, г. Петрозаводск	65	61	126
Калевальский дошкольный детский дом	14	11	25
Кандалакшский школьный детский дом	35	19	54
Кемский школьный детский дом	22	38	60

[1381] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 801. Л. 6.

[1382] Таблица составлена на основе сведений, полученных в результате анализа годовых отчетов детских домов за 1935 г.: НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 682. Л. 1–21.

Продолжение таблицы

Космозерский школьный детский дом	40	27	67
Олонецкий дошкольный детский дом	28	16	44
Олонецкий школьный детский дом	32	32	64
Палеостровская детская колония	47	–	47
Повенецкий дошкольный детский дом	30	23	53
Повенецкая трудовая коммуна	27	12	39
Повенецкий школьный детский дом	28	43	71
Приемно-распределительный пункт	31	–	31
Пудожский дошкольный детский дом	16	16	32
Селецкий детский дом	20	16	36
Шуерецкий дошкольный детский дом	21	16	37
Шуерецкий школьный детский дом	19	21	40